ПОДВИГ В МИРУ

Святые отцы о молитве и трезвении

Записки архиепископа
Антония (Голынского-Михайловского)

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

ПОДВИГ В МИРУ

Святые отцы
и подвижники благочестия
о молитве и трезвении

✣

Келейные записки
архиепископа Антония
(Голынского-Михайловского)

✣

Автор-составитель Николай Новиков

МОСКВА
ОТЧИЙ ДОМ
2006

Новиков Николай Михайлович

Подвиг в миру: Святые отцы и подвижники благочестия о молитве и трезвении. Келейные записки архиепископа Антония (Голынского-Михайловского). – М.: Отчий дом, 2006. – 416 с. – (Серия «Путь умного делания»).

Рецензент: игумен Петр (Пиголь), кандидат богословия

Редактор: Новикова Галина Васильевна

ISBN 5-87301-160-5

© Новиков Н. М. –
текст, макет и оформление, 2006

Содержание

От автора 8

Часть I

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Составлено на основе келейных записок
архиепископа Антония (Голынского-Михайловского)

Предуведомление 14

Молитва Иисусова

Предисловие 20
Главное оружие 22
Суть делания 27
Матерь добродетелей 35

Словесная молитва

Обретение навыка 40
Внешняя жизнь 44
Спасительный прибыток 49

Умная молитва

Деятельная степень 53
Воспитание благодатью 58
Со старцем и без него 65

Сердечная молитва

Деятельная степень 69
В пределах сил человеческих 75
В тайнике сердца 84

Высшие степени молитвы

Молитва самодвижная 88
Молитва чистая 91
Молитва зрительная 92

Часть II

Мир и умная молитва

Без наставника ... 96
Добрый послушник ... 106
Невидимые стены ... 111
Мирянину труднее ... 119
Принцип жизни *Схимон. Иосиф Ватопедский* ... 128
Орел умной молитвы *Архим. Харалампий Дионисиатский* ... 134
Открытия века ... 138
Волны потопа ... 150
Две умные молитвы ... 155
Благая осторожность ... 164

Зри Христа в сердце

После смерти ... 170
Заповедано всем ... 178
Миссия исихазма ... 182
Семейство Паламы *Свт. Филофей (Коккин)* ... 188
Вседоступность ... 193
Нисхождение в сердце *Свт. Феофан Затворник* ... 201
Мудрость и осторожность ... 206

На всяком месте

Обитель в сердце ... 214
Между миром и монастырем ... 220
Оптина в Москве *Прав. Алексий Московский* ... 229
Се ныне день спасения ... 233
Четки не спасут ... 239
Времени уже не будет *Схиархим. Софроний Эссекский* ... 247

Внутреннее уединение

Воздеяние ума ... 253
Затвор без затвора *Свт. Феофан Затворник* ... 263
Где граница мира? ... 267
Жажда безмолвия *Схимон. Паисий Святогорец* ... 275
Устойчивость духа *Митр. Антоний (Блум)* ... 278

Мирская пустыня

Весь мир – храм 285
Обретение тишины 291
Помни, что ты Божий 295
Главное русло 298
Монастырь в миру 307
Эллинская традиция 311

Русский крест

И будут гнать вас *Сщисп. Лука Крымский* 328
В мире, но не от мира 333
Странствующие во граде 341
Это еще не страдание 347
Духовники духовников 357
Сугубый подвиг 368
Россия стоит молитвой 377

Подвиг в миру *Схимонахиня Антония (Сухих)*

В подполье 390
В немощах пренемогать 395
Если снова гонения 399

Список сокращений 404
Именной указатель 405
Библиография 409

В первой части этого выпуска серии «Путь умного делания» мы повторяем публикацию трактата «О молитве Иисусовой», составленного на основе записок архиепископа Антония (Голынского-Михайловского)[1]. Вторая часть книги посвящена проблеме, волнующей каждого ревнующего о своем спасении мирянина[2]. Мы обращаемся к теме, которая обсуждалась веками, которая вызывала споры и приводила к противоположным мнениям самых высоких духовных авторитетов. Не менее актуален этот вопрос сегодня, и по-прежнему он составляет предмет дискуссий: в какой мере доступен аскетический подвиг, и в частности умное делание, людям, живущим среди мира, достижимо ли христианское совершенство для тех, кто не имеет возможности избрать иноческий путь?

Свт. Игнатий Кавказский, держась отеческих традиций, толкует евангельский ответ Христа богатому юноше[3] как указание на два пути[4]. Первый понимается как достижение *спасения* души,

---

[1] Ранее полный текст трактата «О молитве Иисусовой» публиковался нами (© Новиков Н.М.) дважды. См.: Путь умного делания. О молитве Иисусовой и Божественной благодати. Красногорск, 2000; *Новиков Н.М.* Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. М., 2004. Т. 1.

[2] При подготовке настоящего издания использованы как новые материалы, так и вошедшие в нашу книгу «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий».

[3] См.: Мф. 19, 16–21.

[4] См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о спасении и о христианском совершенстве // Аскетические опыты. Т. 2.

В постраничных ссылках литературные источники указаны в сокращенном виде, полные сведения об изданиях приводятся в Библиографии (см. с. 409). В квадратных скобках даются пояснительные слова от автора. Многоточия внутри цитат указывают на сокращения, допущенные автором.

что составляет удел человека, исполнившего христианские заповеди. Второй – более высокий, доступный лишь иноку – это достижение *совершенства*, которое есть реализация всех заложенных в человеческой природе потенций, когда сотворенный по *образу* достигает *подобия*, когда обожение, как полнота единения и жизни во Христе, обретенная прежде смерти тела, предопределяет уровень бытия в вечности. Такое представление о различных состояниях душ праведников в вечной жизни получает подтверждение и в наш век, – например, из уст афонского старца-пустынника. Старец поведал, как в минуту благодатного созерцания Господь открыл ему высшую участь подвижников-иноков, которые «в Царствии Небесном будут Его друзьями», в отличие от праведных мирян, которых Он «только помилует»[5].[6]

Многие доводы убеждают в том, что путь к высшему совершенству лежит через иноческий образ жизни. Это всегда признавалось бесспорным, но можно ли утверждать, что подобный образ подвижнической жизни неосуществим вне монастыря, что он невозможен вне пострига?

---

[5] *Софроний, иеромон.* Старец Силуан. Paris, 1952. С. 87.

[6] Еще одно подтверждение можно видеть в древней афонской традиции вскрытия захоронений, когда «по свойству и цвету костей судят о загробном состоянии усопших. Кости праведных и *святых* мужей бывают желтого цвета и издают благоухание, иногда источают капли мира; кости белого цвета свидетельствуют о помиловании и *спасении* души усопшего, о том, что принято Богом его покаяние и удостоен он прощения грехов». *Ковалевский А.* Иеросхим. Иероним. С. 33.

Перед нами свидетельство прп. Серафима Саровского. Старец открывает истину, ниспосланную ему в откровении свыше. Это очень важная для нас мысль о доступности высокодуховной жизни в мирских условиях, о равной возможности достижения совершенства как для монаха, так и для мирянина. Хотя существует мнение о том, что якобы невозможно, «в миру живучи, получить такую же благодать, как в отшельничестве», – говорит старец Серафим, – но «мне Господь открыл», что и мирские люди могут быть «причастниками тех же даров Духа Святого, как и отшельники, если равномерные с ними труды, подвиги, злострадания, претерпенные до конца Христа ради, и все находящее на них они доброхотно решатся взять на себя». Но и более того: Божий Промысл предопределил, – предрекает прп. Серафим своим отдаленным потомкам, – «что будущее человечество сим лишь путем пойдет, если захочет спастися, и что на все это есть Его собственная воля»[7].

* * *

Сквозная тема нашей книги – общедоступность умной молитвы – является одним из основных положений учения исихазма. Но понятие доступности должно быть верно истолковано. Конечно, это не призыв приступать к умному деланию как придется, без соответствующей подготовки. Благодать не венчает *незаконный*

[7] Записки Н.А. Мотовилова. М., 2005. С. 133.

подвиг[8]. Подступ к углубленным занятиям молитвой лежит прежде всего через полноценную включенность в богослужебную жизнь Церкви, постоянное участие в таинствах и нелицемерное послушание[9].

Напоминаем также, что книги серии «Путь умного делания» не являются практическим пособием по обучению молитве. Цель серии ознакомительная, популяризаторская. Наша задача – привлечь внимание благочестивых христиан к духовной литературе, вдохновить на изучение святоотеческого наследия, расположить душу читателя к внутреннему деланию и помочь углублению молитвенной жизни в той мере, в какой позволяют внешние условия и внутреннее устроение.

Собранные в книге изречения древних святых отцов сопровождаются наставлениями подвижников более позднего времени и комментариями наших современников, которые не всегда совпадают. Это позволит читателю рассмотреть

---

[8] *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5).

[9] О необходимой начальной подготовке см. нашу книгу «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий», разделы «Послушание» и «Новоначалие» (т. 2, 3). Напомним, что в данном случае *новоначалие* подразумевает отнюдь не первые шаги воцерковляющегося человека – новокрещенного или новообращенного, – как то часто понимается в современном просторечии. *Новоначальный* в аскетической литературе – это человек, соответствующим образом подготовленный, имеющий достаточный опыт в аскезе и словесной молитве, чтобы приступить к *начальным* занятиям умным деланием.

проблему с различных точек зрения, даст пищу для самостоятельного размышления и анализа.

Проект серии «Путь умного делания» и первые состоявшиеся в этой серии публикации были одобрены архимандритом Кириллом (Павловым)[10], а также митрополитом Питиримом (Нечаевым) и протоиереем Георгием Бреевым, преподавшими существенно важные советы. Автор благодарен приснопамятному отцу Иоанну (Крестьянкину) и всем, кто оказал молитвенную поддержку в этой работе, – особую признательность хочется выразить архимандриту Даниилу (Воронину), схиигумену Илию и схимонахине Антонии (Сухих).

Николай Новиков

[10] Работа над серией была начата в 1997 г. по благословению архим. Кирилла.

Часть I

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Составлено на основе келейных записок
архиепископа Антония (Голынского-Михайловского)[11]

Предуведомление

В своих келейных записках, которые велись в конце 1950-х годов, архиепископ Антоний[12] в общих чертах знакомит со святоотеческим Преданием об умном делании, рассматривает, опираясь на личный опыт, основные положения учения об Иисусовой молитве, о действии Божественной благодати.

---

[11] © Новиков Н.М. – составление текста, редакция, публикация. Авторские права на публикацию принадлежат составителю и защищены законом. Воспроизведение данного текста или его части в какой бы то ни было форме или перевод его на иной язык без предварительного письменного разрешения составителя является незаконным.

[12] **Антоний** (Голынский-Михайловский; 1889–1976), архиепископ. Родился на Орловщине в крестьянской семье. По имеющимся архивным сведениям, был рукоположен в иерейский сан патриархом Тихоном летом 1922 г. в Москве. Как священнослужитель, 7 раз подвергался арестам органами НКВД–МГБ. Отбывал 5-летний срок в Ухтпечлаге (30-е). Во время заключения, в условиях конспирации состоялось нелегальное рукоположение о. Антония во епископа (1939), хиротонию совершали архиеп. Вассиан (Пятницкий; 1879–1940), архиеп. Ювеналий (Машковский; 1883–194?) и еп. Агафангел (Садковский). Впоследствии до конца жизни вл. Антоний сохранял нелегальный ста-

Подлинник рукописи владыки Антония не сохранился, и текст дошел до нас в списках, в неполном, значительно искаженном виде. Это были разрозненные фрагменты записей, изобилующие пропусками, произвольными вставками и ошибками некомпетентных переписчиков. О публикации материала в таком виде не могло быть и речи. Потребовалась кропотливая редакторская работа, ставшая, по сути, реконструкцией утраченного текста. По возможности были восполнены утраты, организована тематическая структура, при этом ставилась задача передать особенности авторского стиля. Редактируемый текст выверялся путем сопоставления со святоотеческими писаниями, на основе

тус. При последнем аресте (1950) владыка был осужден на 25 лет, освобожден досрочно по амнистии (1956) в возрасте 67 лет. Оставшиеся 20 лет своей подвижнической жизни он посвятил окормлению многочисленных духовных чад, богослужения совершал в домашних условиях, проживая (с 1958) в доме своей келейницы мон. Антонии (Сухих) в пос. Буча под Киевом. Последнее 10-летие вл. Антоний вел полузатворнический образ жизни, скончался в возрасте 87 лет (13.04.1976).

Имеющиеся на сегодняшний день документы дают возможность установить достоверную биографию вл. Антония и позволяют утверждать, что, оставаясь нелегалом, он никогда не принадлежал ни к одной из катакомбных церквей. Между тем в последнее время представители некоторых катакомбных группировок пытаются задним числом включить владыку в ряды своих членов. Предупреждаем доверчивых пользователей сети Internet, что варианты «Жития» вл. Антония, которые можно встретить на сайтах катакомбников, не имеют отношения к действительности, а их публикаторы, объявляющие себя «учениками» и «чадами» владыки, вовсе не знакомы с реальной биографией своего «учителя».

Приводим краткую характеристику, которую вл. Антонию дал архим. Кирилл (Павлов), лично знавший его и не раз с ним встречавшийся. Благословляя работу над 1-м выпуском серии «Путь умного делания», о. Кирилл в частном письме к автору-составителю (1997) так отозвался о вл. Антонии: «Он на меня произвел хорошее впечатление, Владыко благодатный». Архив автора.

которых были внесены необходимые дополнения и исправления. В результате воссозданный текст обрел нынешнюю форму трактата «О молитве Иисусовой»[13].

Следует подчеркнуть, что архиепископ Антоний не предполагал публикацию своих записей, которые велись по причине крайнего дефицита духовной литературы в то время. Автор обращался не к массовому читателю, а к духовным чадам – кругу людей, которых владыка знал лично, за которых нес определенную ответственность перед Богом. Нынешний читатель должен учесть это обстоятельство и, сообразуясь с реальностью, проявить рассудительность. Очевидно, что некоторые особенности наставлений владыки Антония связаны с тем исключительным положением, в котором находились верующие на рубеже 50–60-х годов, когда после сорокалетних гонений на Церковь начиналась новая волна преследований. Записи предназначались для мирян и монахов, подвизавшихся в миру без наставников и

---

[13] Считаем нужным уведомить читателей о фактах нелегального переиздания нашей работы с грубым нарушением закона об авторских правах. Продукция недобросовестных издателей содержит серьезные ошибки и искажения. Никакое дело, построенное на лжи, с нарушением заповеди *не кради*, не может быть духовно благотворным. Ошибки, способные причинить духовный вред, содержат «пиратские» версии нашего издания, размещенные в сети Internet («Путь умного делания. Архиеп. Антоний. О молитве Иисусовой и Божественной благодати»). Указываем также на три незаконных печатных переиздания, содержащих искажения и недостоверные сведения, вводящих читателей в заблуждение:

1) *Архиеп. Антоний (Голынский-Михайловский).* О молитве Иисусовой и Божественной благодати. Путь умного делания. г. Азов: Красносадовский Царский храм, Изд-во Мирт, 2004. Ответственный корректор: Владимир Панковец.

2) *Архиеп. Антоний (Михайловский).* О молитве Иисусовой. Ростов-на-Дону: изд-во Феникс, 2005. Ответственный за выпуск: Баранчикова Е.

3) *Архиеп. Антоний (Голынский-Михайловский).* О молитве Иисусовой. Путь умного делания. Издание УПЦ. (Двухтомник в мягкой обложке. Анонимное издание без выходных данных.)

старцев, вне монастырских стен, вне устава и традиции, при отсутствии духовной литературы, в условиях враждебно настроенной окружающей среды, при вынужденных заботах о своем материальном и социальном положении. Этим могут быть обусловлены некоторые рекомендации, которые не вполне приемлемы в иное время, в других условиях.

Нужно предостеречь читателя от соблазна видеть в публикуемой работе универсальное и надежное «средство» к овладению молитвой. Трактаты, напоминающие по форме учебные пособия, предлагающие как бы некую методу, могут создавать иллюзию «гарантии» достижения благодатных состояний. Но специальных методов или технических приемов для получения благодати нет, не может быть и «инструкций». С нашей стороны необходим личный подвиг, ведущий к обретению молитвы, но провести по этому пути может только Сам Господь. Молитвой нельзя «овладеть», как неким ремеслом, полагаясь на обучение, технику или метод, потому что молитва, по учению Вселенской Церкви и по слову апостола, есть *действие Святаго Духа* в человеке. Потому многое на этом пути определяется индивидуально, а само продвижение по нему есть синергийное[14] творчество.

Системный подход нужен для постижения теории: «В обучении молитве существует свой порядок, своя система... Отвержение системы при изучении науки служит ис-

---

[14] Синергия, синергизм (συνεργέω, συνεργός) – содействие, помощь, сотрудничество, совместная деятельность. В греческом переводе Нового Завета этот термин употребляется для обозначения тесного, неразрывного взаимодействия Божественных и человеческих сил. В святоотеческих писаниях обозначает совместную деятельность Святого Духа и самого человека в деле совершения его спасения, взаимное проявление Божественной благодати и человеческих усилий, человеческой свободы. Подробнее см.: *Зарин С. М.* Аскетизм. С. 75, 86–96, 114.

точником превратных понятий»[15]. Но учебные пособия могут дать лишь опорную схему, разметку маршрута. Аналитический подход, условно расчленяющий единый процесс, необходим для теоретического изучения предстоящего пути, чтобы в дальнейшем не заблудиться. Но для тех, кто уже, став на путь, приступил к деланию, потребно иное[16]:

«Когда станете работать над собою, увидите, что все внешние руководства и указания суть только пособия. Что же именно бывает нужно душе или как лучше поступить в том или другом случае, это всякая душа должна решить *сама*, при помощи Божией благодати, невидимо руководящей ее». Молитвенная практика не встраивается в жесткие схемы, «потому что духовное дело, подчиняясь системе, необходимо должно терпеть усечение, лишать свободы, свойственной духу, находящемуся под действием и управлением Духа Божия, а не человеческого узаконения»[17].

Будем надеяться, что трактат «О молитве Иисусовой» никому не послужит к соблазну и что вновь подтвердится та оценка, которая уже давалась этой работе: «Эта книга предостерегает против излишней техничности, против превращения молитвы в некое делание, оторванное от жизни»[18].

Николай Новиков

---

[15] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 268.

[16] «Чтение, как и богомыслие, необходимо, но это все-таки не молитва. Например, вы хотите пуститься в путь. Вы берете карту и изучаете ее. Это необходимо для успешного путешествия. Но если вы будете только сидеть и изучать карту, вы не продвинетесь в своем пути. Молитва — это путь, а книги — это путеводный компас». *Рафаил (Карелин), архим.* Вся жизнь в нашем мире... С. 43.

[17] *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1996. С. 216; БТ. 1997, № 33. С. 7.

[18] *Владимиров Артемий, прот.* Беседы о книге «Путь умного делания». Радио «Радонеж», 2001.

Напутствие читателю

Дорогие братья и сестры! Вам предстоит знакомство с работой, открывающей далекие горизонты труднейшего пути внутреннего восхождения к Богу. Этот скромный по объему, но предельно насыщенный напряженной духовной мыслью труд поможет многим взыскующим спасения приобщиться к благодатному деланию, поможет устоять в духовной битве.

Одно из главных достоинств этой работы состоит в том, что автор ее – наш современник. Владыка Антоний раскрывает свой личный, обретенный в тяжелые времена гонений, духовный опыт, – удивительным образом перед нами оживает древнейшая аскетическая традиция, уже две тысячи лет возводящая людей от земли к Небу.

За свою жизнь мне довелось немало прочитать на эту тему, и я должен отметить, что в записках владыки Антония мы находим некоторые весьма важные детали молитвенной практики, которые не встретишь в иных источниках. Путь внутреннего делания открыт как для монаха, так и для мирянина, открыт для любого сердца, искренне взыскующего Бога. Особенно важным становится изучение молитвенного пути в наше время, когда окружающая жизнь все агрессивнее навязывает антидуховные ценности и человек все крепче прирастает к земле, все менее устремлен к горнему.

Нет сомнений, что этот труд, с такой любовью написанный истинным молитвенником, проникнутый столь горячим сочувствием к иноческому подвигу, а после утраты рукописи со тщанием и пониманием воссозданный и обретший новую жизнь, послужит целебной духовной пищей для всех алчущих Истины.

Протоиерей Георгий Бреев

Молитва Иисусова

Предисловие

Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты[19]. Две выраженные здесь мысли – «Господи, помилуй мя» и «Буди, Господи, воля Твоя святая» – составляют сущность молитвы Иисусовой. Прежде всего, нужно знать, что молитва Иисусова есть действенная суть покаяния, указанная Христом Господом. Она научает делателя отсекать желания своей воли, любить Бога более твари, искренне смиряться, истинно познавать себя, никак на себя не надеяться, приписывать все доброе не себе, а Богу и за все воздавать Ему славу.

Молитва Иисусова приближает к Богу, а примирение с Богом порождает истинную любовь к ближнему. Молитва соединяет душу с женихом ее – Господом и становится беседой между Господом и душой. Великое дело Иисусовой молитвы начинается со словесного труда в деятельный период и простирается до периода созерцательного, возводя человека к истинно духовной целомудренной жизни, а достойнейшие, *те, которые не осквернились с женами*[20], достигшие устроения истинного духовного девства, сподобляются наивысшей добродетели – молитвы **зрительной**.

---

[19] Мф. 26, 39.
[20] Откр. 14, 4.

Молитва, по мере действия в ней слова, ума, сердца и Духа Божия, имеет соответствующие наименования. Она бывает **словесной, умной деятельной, умно-сердечной деятельной**. Эти три вида молитвы доступны человеку в период его ветхой деятельности, то есть до всецелой преданности его в волю Божию. Последующие два вида молитвы обретаются подвижником лишь по очищении сердца от страстей и греха и именуются **умно-сердечной самодвижной**, движимой Духом Святым, и **умно-сердечной чистой,** или непарительной. Последняя есть истинно созерцательная молитва, доводящая все добродетели, будучи всем им матерью, до совершенства духовного целомудрия. Самые достойные через эту молитву приводятся к соединению души с Небесным Женихом в единый дух. Человек тогда обретает высший дар – молитву **зрительную**. Тогда, соединившись с Господом, он зрит, уразумевая, великие тайны Божии и премудрость Его, прославляет всем своим духовным существом Святую Троицу, стяжав в сердце Бога.

На пути к Богу молитва бывает неотложным духовным оружием ума, так как брань ведется с духами тьмы, действующими через страсти, с самими страстями, с плотью и миром, которые, принадлежа земле, к земле и влекут. Молитва – меч духовный – все эти полчища зла посекает, приводя в полное бездействие, обнажает бессилие злобы перед могуществом Божиим, дает уразуметь немощь человеческую в борьбе со злом и изменяет само естество человеческое. Молитва неуязвимо ведет очищающийся ум, немощный сам по себе, но подкрепляемый Богом, и душу сквозь все смертоносные искушения, славя Бога – Всемогущего Творца.

Главное оружие

От сердца бо исходят помышления злая[21] – так прорекли уста сладчайшего Господа Иисуса, Подвигоположника, Начальника и Учредителя делания истинного покаяния. После падения, после того, как человек возлюбил свою злую несовершенную волю более всесовершенной воли Божией, злоба вошла в его сердце. Своеволие отдалило душу от Господа, и человек остался лишь со своими ничтожными силами. Ему надлежало противостоять злу, что без помощи Божией невозможно, а ум и душа человеческие, возлюбив своеволие, утратили свою светлость, а с ней способность различения добра и зла, утратили рассуждение, обнажающее козни диавола. Неведение – чадо помраченного ума, возлюбившего свою волю, – объяло ум и душу. Неведение породило сомнение, а отсюда произошло смущение, которое есть и мать, и дщерь всех страстных волн, вздымающихся в сердце человека. Так корабль ума и души непрестанно погружается в море смущения, потопляемый своеволием.

Все это произошло с человеком по причине помрачения ума. Сердце наполнилось неестественными привычками – страстями, а последние, укоренившись в сердце, срослись с естеством человеческим и против желаний ума и сердца вовлекают человека в неподобающую ему страстную жизнь. Сатана, будучи виновником и начальником тьмы, не замедлил явиться, властно действуя через помраченный ум на страстное сердце. Так божественная обитель сердечная оказалась нечистой от страстной скверны. Человек пребывает в падении, ум и душа отклонились от естества, перешли в состояние нижеестественное.

---

[21] Мф. 15, 19.

Выйти из этого тяжкого положения одними своими силами невозможно. Страсти получили силу естества, при этом сатана много сильнее и хитрее неопытного ума и перехватывает всякое человеческое намерение к добру, отчего человек иной раз, совершая, как ему кажется, добро, пожинает плод в виде усилившихся страстей. Бывает, что человек отчаивается в своем спасении и оставляет свои труды, а иногда, что уже хуже всего, накладывает на себя руки. Но следует знать, что в таком отчаянном положении человек оказывается только тогда, когда он ведет борьбу не именем Божиим, а пытается бороться собственной силой. Тот же, кто на Бога возложил свое упование, тот силой Божией побеждает, а бывая побежден, вновь встает и борется до окончательной победы.

Тьмой неведения человечество было объято до времени пришествия Христова. Люди томились, непрестанно смущаясь и тяжко скорбя, всем своим существом взывая к Богу, и Господь привел в исполнение то, что было предопределено при изгнании прародителей из рая, – явить семя от жены, которое поразит змея в главу[22]. Христос был зачат во чреве Девы, родился, взял на Себя тяжесть греха всего человечества и сразился с грехом. Подвигоположник и человечество научил, как можно отличать добро от зла и как вести борьбу с диаволом. Всепобеждающий, Он Сам предварительно победил всю силу вражью, чтобы человеку стало ясно, как бороться и побеждать демонов и свои злые бесоподобные страсти.

Со времен прародительского грехопадения князь тьмы с демонами своими вошел в самое сердце человеческое, сотворенное Создателем от начала чистым от страстей. Полонив человека грехом, сатана держит его полностью в своей

---

[22] Ср.: Быт. 3, 15.

власти, благодать же Божественная на порабощенное сердце воздействует только совне. Так бывает со всякой душой до момента возрождения ее во святом крещении. Силою таинства диавол извергается вон, и в тот же час в сердце вселяется благодать. Отныне враг может действовать лишь извне, искушая и соблазняя, но уже не как властелин, не как повелитель. По крещении человек более не раб греха. Помощью обретенной им свободы он теперь способен противляться врагу, и исход борьбы зависит от произволения человеческого. Будет ли враг побежден силою Божией, призываемой в молитве, или падет человек соизволением греху – все ныне решается свободным согласием возрожденной души.

Сатана, изгнанный из сердца, насколько попускается ему искушать души верных, настолько и приступает, нападает через чувства телесные, возбуждает ко греху через ядовитые стрелы помыслов, посылаемые им в сердце. При этом враг скрывается со тщанием и, услаждаясь страданием человека, обычно действует так, чтобы смущать его и не быть узнанным, не обнаружить своего присутствия. Диавол, будучи лукавым и коварным убийцей искони, нашептывает всякую злобу в помысле и сразу же скрывается, а обманутый человек принимает это за свои собственные мысли и усваивает отраву в своем сердце. На что и указывает Господь, говоря: *От сердца бо исходят помышления злая*[23], помышления, которые оскверняют ум и душу, лишают их по естеству присущего им мирного устроения. Противодействие злу необходимо начинать при первом его появлении, пока оно в зародыше. Пока еще зло не укоренилось, оно отсекается легко, лишь бы его обнаружить. А совершается такое отсечение сладчайшим именем Господа Иисуса.

---

[23] Мф. 15, 19.

Исходящее из сердца зло порождается виновником зла – диаволом. Диавол же, льстец и хитрец, средоточие всякой мерзости, обольщая человека помыслами, обещает каждому то, к чему тот имеет наиболее страстное влечение. Будучи коварным хитрецом, диавол подходит к человеку тонко и всегда превосходит тонкостью ум человеческий. Скрывая свое присутствие, он выдает порождаемые им помыслы за мысли, принадлежащие самому человеку. Обманутый человек становится всецелым пленником диавола, оказываясь, таким образом, обреченным на вечную погибель, если только Господь не защитит человека Своей благодатью.

Хитрость диавола превосходит своей изощренностью ум человеческий, и потому невозможно и бесполезно человеку своими силами бороться с диаволом, действующим через страсти. Невозможно, доколе не получит человек от Бога власть и силу наступать на силу вражью. Но для этого нужно пройти всесторонний искус, стяжать опыт борьбы и победы над диаволом через искушения, попускаемые благодатью Божией. А это тогда лишь возможно, когда человек будет во всем шествовать за Подвигоположником Христом, борясь и побеждая зло силой благодати Божией, которая всегда действует через молитву. Благодать охраняет молящегося, ведет его, с необходимой постепенностью подает полезное и уберегает от вреда.

Все человечество, как сказано выше, до пришествия Христа на землю объято было мраком неведения, и люди умирали во тьме, не зная истины, угнетаемые диаволом, порождающим зло в сердцах их. Христос, Своей смертью поправ смерть, разрушил темницу ада, даровал всем желающим возможность с Его помощью спастись и, как Всемогущий, вывел из ада всех содержавшихся там верных. После этого все святые отцы, сознавая немощь человеческую, ви-

дя всемогущую силу Божию, побеждающую зло с ее виновником и водителем, желая следовать Христу во исполнение воли Отца Небесного, зная, по указанию Господню, откуда зло приемлет свое начало, сами своей силой к делу спасения не приступали. Все они спасение свое совершали силой Божией благодати, восставая против зла в самый момент зарождения его, уничтожая его силой имени сладчайшего Иисуса Христа.

Господь, постоянно призываемый в молитве, побеждает зло, умиротворяет дух человека, восстанавливает внутреннюю тишину и располагает ум к дальнейшему пребыванию в молитве. Далее и пойдет речь о том, как безупречно действовать именем Господа Иисуса Христа против всякого зла, тем именем, которым все святые отцы побеждали в битве с диаволом.

Молитв в Святой Церкви много, и все они сильны на отгнание супостата. Но сила молитвы зависит от силы ума, от опыта в распознании хитростей врага, в различении добра и зла, зависит она и от способности не развлекаться в молитве. Ум слабый, подобный нашему, собрать внимание свое в молитвословии почти не способен, так как, привыкнув к жизни чувственной, он и во время молитвы мечтает о свойственных ему вещах чувственных, отчего человек лишь телом иконе предстоит, а ум и сердце его витают невесть где. Внимание, не привыкшее удерживаться в молитве, расхищается, ум не способен владеть собою, язык не может свободно произносить слова молитвы, по причине разнообразия и множества этих слов. Дело не идет, а если и движется, то слишком медленно.

Зная все это, святые отцы, наставники и делатели истинного покаяния избрали себе главным оружием немногословную молитву Иисусову, полученную от Духа Святого, отдавая ей преимущество перед всеми иными. Все суще-

ствующие в Православной Церкви молитвы действенны и спасительны, но молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», содержащая в себе имя Господа Христа и мольбу кающегося грешника, всегда привлекала к себе умы спасающихся. Некоторые из святых отцов непрестанно творили иные короткие молитвы, но большинство занималось по преимуществу молитвой Иисусовой. Всякий, желающий работать Господу в делании молитвы Иисусовой, может, по причине ее краткости, трудясь, усвоить свободное молитвословие без принуждения языка, которое постепенно привлечет к себе и ум, и чувства.

Суть делания

Суть делания этой молитвы заключается в том, чтобы отгонять всякую мысль, являющуюся из сердца, и, вместе с тем, не допускать проникновения в сердце приходящих извне греховных помыслов и желаний, чтобы приучить память всегда предстоять Богу Вездесущему, а ум – постоянно читать молитву и внимать лишь ей одной вместо всех иных, даже естественных для него, мыслей. Это и приводит со временем к тому, чего *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*[24], через это делание сердце человеческое устрояется в обитель Пресвятой Троицы.

Делание молитвы Иисусовой, называемое святыми отцами трезвением, должно быть неотъемлемой сутью монашеской жизни. Оно необходимо также и для всех мирян, ибо без памятования Бога спастись никому не возможно.

---

[24] 1 Кор. 2, 9.

Такое простое, казалось бы, дело, как чтение короткой молитвы, в действительности является не столь уж простым. Молитва имеет разные виды, или степени, которые именуются **словесной**, **умной деятельной**, **умно-сердечной деятельной**, **умно-сердечной самодвижной**, **умно-сердечной чистой**, **зрительной**. На каждой степени нужны разъяснения опытного лица. Осведомленность здесь весьма важна, ибо через умное делание Господь устраивает наше спасение, подавая человеку через молитву в нужное время от благодати Своей все необходимое. Велика нужда в опытном, знающем наставнике, в учителе-старце, прошедшем не только начальные степени молитвы, но и молитву **зрительную**, который мог бы свободно и неуязвимо провести ученика через все искушения. Искусный опытно знает, какие искушения и в какое время могут посещать спасающегося, он всякое искушение предупредит наставлением, укажет, что и как делать во избежание ошибки, пояснит, как распознать диавольскую хитрость при нападении демонов «слева» и при подходе под видом добра с «правой» стороны.

Но увы! Одни не имеют времени и желания достойно упражняться умом, словом и сердцем в этом великом делании, другие, имея желание, не знают, как и приступить к нему. Иные же приступают, но действуют чувственно, упражняясь умом плотским, живя своевольно, по собственному разумению, а думают о себе при этом, что проводят жизнь духовную. Таковые не ведают, что истинно духовная жизнь начинается по великой милости Божией лишь тогда, когда человек всецело предаст себя в волю Божию. А это становится возможным только после очищения ума от помрачения и очищения души от страстей. До этих пор человек живет не духовно, а мудрованием человеческим – знанием ума плотского, даже если он знает всю теорию христианского богословия и велик в глазах людей. Такие

нередко запутываются в сетях прельщения плотского ума и, что хуже всего, истинных носителей духовного разума считают неправомыслящими. Такие, молясь по Молитвослову, считают делателей умной молитвы невеждами и впавшими в прелесть, но, по сути, сами прельщены и невежды. Шествие их не ко спасению, а от него.

Древние святые отцы, великие творцы умного делания, писали о молитве Иисусовой много. Но они начинают с описания высоких степеней созерцательной молитвы, пишут о молитве **умно-сердечной самодвижной,** опуская предыдущие начальные уровни. Только редкие из них касаются молитвы **умно-сердечной деятельной** и сопровождающих ее мечтательных искушений. При этом все отцы пишут кратко и прикровенно, и вот по какой причине.

Когда святые отцы писали об Иисусовой молитве, тогда опытно знающих делателей было много и не было нужды подробно описывать начальные стадии, так как было кому наставить. Кроме того, прочесть писания мог и неподготовленный человек, а пользу извлечь мог лишь готовый. Потому отцы писали кратко и прикровенно. Готовый и в кратком описании поймет нужное, а неготовый не повредит разума своего. Не все понимают, что молитва духовная начинает действовать в человеке только после того, как он приступает ко всецелому исполнению воли Божией. До этих пор молитва бывает лишь деятельной. Горько ошибается тот, кто принимает ее за духовную. Если неоконченное еще делание плотского ума принимается за духовное, то это есть прельщение и горе.

В настоящее время опытных делателей почти не осталось. Всякий возжелавший творить молитву уже в самом начале подвергается сомнениям в правильности и успешности своих действий. Потрудившись немного и не усмотрев желанных плодов, он оставляет это священное дело, а

иногда даже хулит его. Так удаляется человек от обладания небесным разумом, явленным на земле Христом: «возсия мирови свет разума». А утрата эта обрекает на погружение в тот умственный мрак, в котором человечество пребывало до пришествия Христа. Когда утрачена способность разумно славить Бога, тогда славословят одним языком, а слова без участия разума не возжигают сердце, но угашают его.

Так я, при всей моей немощи, плача и сокрушаясь от бессилия своего, все же сильно желал, чтобы продолжалось разумное прославление Бога, чтобы не уменьшалось, а росло число уготовляющих свои сердца в жилище Богу. Всем жаждущим истинно славить Бога я дерзнул предложить сии слова не в качестве наставления, ибо вы сами разумнее меня, но в виде братского совета, делясь тем, что имею по бедности моей. Не полагаясь на свои силы, а лишь надеясь на Всемогущую силу Господа моего, отринув собственное мудрование и все, что не имеет подтверждений в Священном Писании или в богодухновенных писаниях святых отцов, изведавших опытом жизнь покаяния, излагаю все то, в чем и сам некогда имел великую потребность, нуждаясь буквально в каждом слове, здесь ныне писанном.

Конечно, излагается не все, а лишь самое главное, то, с чем приходится встречаться каждому делателю покаяния, излагается самая суть, потребная всем. А все, что бывает помимо описанного здесь, является второстепенным и гибелью душе не грозит. Приими, Господи, труд сей к славе имени Твоего Святаго и, вразумив на дело сие, помози совершити его достойно во спасение душ, жаждущих правды Твоея.

Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение[25]. Знай, что если пойдешь вслед за Гос-

[25] Сир. 2, 1.

подом, последуешь Его Божественному учению, то на этом пути встретят тебя искушения. Плоть, мир и диавол – твои враги, но не менее их ты и сам себе бываешь врагом. Отныне, отказываясь следовать влечениям своей воли, ты расстаешься с мирной жизнью и непрестанная борьба становится твоим уделом. Приступая к деланию молитвы Иисусовой, уготовься не к мирному жительству, но к перенесению всевозможных скорбей, причиняемых плотью, миром, диаволом и собственным самолюбием.

Скорби приходят извне и изнутри, но натиск их сдерживается благодатью Божией, не позволяющей огорчать спасающегося страдальца более, нежели он способен перенести. Скорби попускаются благодатью по мере крепости ума и души спасающегося, а не по воле ехидствующих бесов. Под таким руководством благодати человек приобретает терпение, обучается преданности воле Божией, дабы не унывать в последующей брани. Он обретает опыт, учась усердно прибегать к молитве, и получает через искус знание и мудрость.

Если хочешь ты, брат или сестра, стяжать непрестанное памятование о Боге и в молитве беседовать с Ним непрестанно, как с другом, лицом к лицу, тогда молись, чтобы Господь послал тебе наставника не прельщенного, опытно знающего великое дело молитвы покаянной, испытанного в бранях. Опытные наставники очень редки, но благодатью Господней еще сохраняются, еще существуют и до нашего времени. Поищи опытного усердно, попроси у Бога со слезами, дабы Он указал тебе такового, знающего путь покаяния незаблудный. Но помни, брат или сестра, что искать чудотворца никак не следует. Не на внешнее смотри, но ищи истинно знающего духовную жизнь и духовную брань, имеющего разум духовный, прозревшего тайны Царства Небесного. Такого, который мог бы тебя ввести в Царство

Божие, внутри тебя сущее, который сам прошел все искушения и познал всякую лесть сатанинскую со всеми уловками диавола. Такой муж духовный знает про тяжесть сердечную, бывающую от страстей, волнуемых диаволом, знает и может помочь во всякой скорби, может избавить от всякой тяжести, рождаемой смущением. Имей только твердую веру такому человеку, по подобию веры в Бога, ибо таковой водительствуется Самим Богом.

Если такого наставника укажет тебе Господь, то прилепись к нему всем сердцем твоим и не дерзни когда-либо изменить ему или преслушаться слова его. Имей его за Самого Христа и знай, что святые отцы об этом сказали так: «Если увидишь своего наставника спящим или лежащим, едящим или пьющим, беседующим или иное что творящим, по малодушию твоему не должен ты соблазняться, ибо он за дело свое угоден Богу и подобное ему не вредит». Строго знай, что он судья дел твоих, а не ты – его, ты имеешь нужду в нем, а не он в тебе. Он несет немощи твои и терпит твое своеволие, а ты бываешь ему в тягость, каковую он несет по любви к тебе. В нем, пришедшем к истинно духовному разуму, действует Сам Бог, обитающий в его сердце, а воля его всегда бывает угодна Богу, так как живет он волею Божией. Он, подобно святым апостолам, вершит дело спасения людей. То, что не нравится, принимай от него, исполняй и храни, как незаменимую ценность. Обличения, колкости и все, стесняющее волю твою, принимай от него с охотой, так как этим он врачует язвы души твоей и умерщвляет волю твою, воскрешает ум и душу твою от смерти греховной.

Такой наставник ум свой и душу свою уже воскресил силой Божией от смерти греховной, сердце свое очистил от страстей и уготовил к безысходному пребыванию в нем Триединого Бога: *и Мы придем к нему и обитель у него*

сотворим[26]. Такой наставник есть мудрец из мудрецов, великий философ, даже если внешним наукам и не был обучен. Он есть истинный Богослов, непрестанно богословствующий, ибо он живет Богом, по-Божьи. Так говорят святые отцы, так указывают, благословляя пребывать под руководством опытного наставника – не имея о себе никакой печали, а лишь беспрекословно исполняя все указанное им.

Ты же, наставник, отец, руководитель в мудрости духовной, проверь прежде всего себя самого, убедись, имеешь ли ты разум истинно духовный, разум, освященный Духом Святым, разум, утвержденный от Бога, дабы тебе возможно было, с полным миром душевным в Боге пребывая, с пользой поучать духовных чад, тобою пасомых, ведя их незаблудно тернистым путем покаяния к истинной мудрости духа.

Если же ты, наставник, не обладаешь разумом истинным, но имеешь только истинное ведение, бывающее по всецелой преданности в волю Божию, то и тогда можешь ты руководствовать чад своих на пути покаяния. Но в делах мудрости истинно духовной руководи лишь самим собою, от руководства же другими в этом деле воздержись, так как не пришел ты еще в истинный разум.

Не имеющий ни истинного разума, ни истинного ведения руководить другими не может. Это было бы крайне опасно, ибо таковой еще только шествует в покаянии. А тот, кто на пути покаяния, тот еще не достиг спасения. Кто сам в пути, тот еще ошибается и нередко истину обращает в ложь, а ложь именует истиной. Не достигший истинного ведения не может учить других, даже если внешне он образован, как богослов. Он сам находится под влияни-

---

[26] Ин. 14, 23.

ем страстей, полностью им владеющих, как же может он кого-либо избавить от страстей? Не разумеющий истины вместо пользы творит ученику великое препятствие. Таковые часто сами считают себя достойными руководителями, но на деле ведут пасомых в погибель, и что еще хуже, считают подлинных учителей истины Божией за прельщенных, отлучая чад от опытных наставников, будучи сами полностью поражены прелестью страстей и греха.

Брат или сестра! Если ты много и много умолял Бога даровать тебе наставника, но не получил сего, если искал и искал настойчиво всюду, но не обрел такового, ибо столь редки они в наши дни, – не отчаивайся, *от человек сие не возможно есть, от Бога же вся возможна*[27]. Положившись на Бога, с твердым намерением никак не отступать от избранного пути делания молитвы, твердо веруя, что Господь близ призывающих Его, действуй согласно указанному здесь.

Господь, вразумив тебя побуждением к молитвенному труду, тем самым свидетельствует твое призвание к этому делу. Оно Богу угодно. Он Сам поможет положить начало. Ведь это Он помогает всякий раз, когда произносится молитва, да и каждое отдельное слово молитвы прорекается с Его помощью. Во все время делания молитвы Ему угодно быть с тобой, и Он будет смотреть на тебя. Всегда и всюду Своей благодатью, действующей в молитве, Он поддержит тебя, научит и вразумит, то бичуя, то милуя тебя. Наказывая, Он проявляет Свою Отеческую любовь к тебе. Он будет бить, но одновременно принимать тебя, как сына, дабы стал ты искусным у Него. Он будет смотреть на то, как любишь ты Его, свидетельствуя о своей любви молитвенным памятованием о Нем.

---

[27] Мф. 19, 26.

По мере твоего самопринуждения к молитве – принуждения к внимательному пребыванию ума в ней, принуждения к участливому отношению сердца – Господь будет помогать тебе Своей благодатью усваивать молитву, будет помогать уклоняться от греха. Делание это сопряжено с трудностями в усвоении сыновней покорности Богу, но ты от этого не унывай, главное – не доходи до отчаяния и бездействия, не оставляй молитву. Господь поможет тебе, и скорбь минует.

Если молитвенное дело начнет казаться тебе бесполезным, решительно отвергай подобные мысли, потому что не может быть молитвы, не приносящей пользы и плодов. Кажущаяся бесплодность есть результат незнания, человек не понимает, в чем состоит плод молитвы, а плод между тем уже вызревает под действием благодати. Через молитвенный труд взращиваются все добродетели в душе, и это происходит неприметно. Дело человека состоит в том, чтобы молитву никогда не оставлять, по мере сил молитве внимать и нудить себя к этому труду. А во всем остальном нужно возложить упование на Бога, ожидая милости от Него, и покоряться воле Его. Тогда Господь, действуя в молитве Своей благодатью, все нужное воздаст молящемуся по мере его старания.

Матерь добродетелей

В молитвенном деле большое значение имеет частота молитвы и постоянство памяти о Господе возлюбленном. Постепенно станет укрепляться внимание ума, что и составляет плод молитвы. С усилением внимания человек

начнет усматривать в себе все большее количество зла, исходящего из сердца, чему всемерно потворствует враг, возбуждая страсти. Зло проявляется в помыслах и желаниях, а ум, жаждущий спасения, не должен уделять никакого внимания помыслам, но пресекать их, внимая молитве, чем обессиливаются страсти. Это и есть брань.

Человек кающийся плодов молитвы не замечает. Так устраивается благодатью Божией втайне от человека для пользы его, ибо человек слишком падок на самомнение. Молящемуся кажется, что он стоит на месте, или кажется, что он становится еще хуже. Он снова молится и опять видит свои кажущиеся неуспехи. Помыслы вновь и вновь отгоняются молитвой, в результате ум обнаруживает их все больше, и человек в такой брани начинает смиряться, научается предавать себя в волю Божию, а это и есть именно то, что требуется.

Все, что спасительно для человека, устраивается благодатью в ответ на доброе произволение человека к спасению, на его самопринуждение к молитве, а по мере принуждения достигаются и успехи, как в молитве, так и вообще на пути спасения. Великое дело молитвы есть исполнение слов Христа: *Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия*[28], ибо молитвенное делание приводит к полному перерождению всего человека силой благодати. Человек лишь должен ни в коем случае не оставлять молитву.

Диавол, тайно воздействующий на сердце, неимоверно боится внимательной молитвы, так как знает, что через нее открываются человеческому уму все его хитрости. Когда человек все более держится молитвы и имя Христово не отпускает от себя, то он убеждается, что жить без этого невоз-

---

[28] Ин. 3, 3.

можно, – иначе вражеские помыслы мгновенно овладевают умом и страсти порабощают его.

Гордиться человеку нечем, ибо всякое достижение успеха совершается не им, а благодатью. Да и успехи эти не есть достижение духовных совершенств, а лишь очищение ума от помрачения, очищение души от страстей, обучение брани. Не понимая того, человек всегда стремится к превозношению себя, не считаясь с тем, что ум его объят тьмой неведения. Так что ты, брат или сестра, прими все это во внимание, приступая к сему священному деланию, способному освятить и просветить человека. Приступая к началу, определи посвятить молитвенному деланию всю свою жизнь, хотя и будет казаться, что это трудно. Труден путь подвижничества, но сладок рай и прекрасен Жених души – Христос Господь, а путь делания молитвы есть путь к Нему.

Запомни, брат или сестра, что как бы ни были велики искушения, сколь ужасными ни казались бы они, ни в коем случае не отчаивайся и не унывай, а вместо того всегда внимай читаемой молитве. Молитва именуется жезлом, опираясь на который человек твердо стоит, а если и уклонится в помыслы или желания, увлечется виденным во сне или чем-то из обыденного окружения, то, вспомнив о молитве, возьмется за нее и обретет умиротворение, примирится с благодатью и вновь продолжит шествие вперед.

Святые отцы называют молитву, и в том числе Иисусову, «матерью добродетелей», и это потому, что насколько преуспевает человек в молитве, настолько же совершается преуспеяние и в прочих добродетелях. Молитва, подобно матери, питающей детей, питает все добродетели, почему делание молитвенное и есть, по существу, сама спасительная жизнь, доводящая ум и душу до высшей премудрости Божией.

Когда молитва пронизана будет действием Духа Святого, тогда и все добродетели будут движимы Духом Святым, сего ради да потрудимся. Человек, будучи занят молитвой, пребывает в памяти Божией, а память о Боге свидетельствует о любви к Богу. Совершая молитву, человек всегда кается в грехах своих, сознавая себя грешником. Творя молитву, человек борется со злом, но не своей ничтожной силой, а именем Божиим, признавая тем свою немощь и прославляя Божие могущество. Молитва открывает человеку око духовного ума, показывает ему согрешения его, таящиеся в сердце, и немощи его, дабы человек пришел во смирение.

Познает человек немощь и бессилие свое в борьбе со злом и начинает все усерднее держаться умом молитвы, все полнее предавать себя в волю Божию. Вновь и вновь молитвенно призывая Бога на защиту от соперника своего – диавола, человек вспоминает о смерти, так как борьба с грехом неразлучна с памятью смертной. «Грех – есть смерть», и мысль о грехе приводит к мысли о смерти, полагающей тело в землю. Убеждаясь в том, что молитвой побеждается грех, человек через молитву научается мужеству.

Научает молитва и великодушию в перенесении скорбей, убеждая в том, что искушения и скорби становятся причиной последующего знания и спасения. Так и все прочие добродетели, и даже сама любовь, вызревают с помощью молитвы. Святые отцы, великие творцы умного делания, созерцатели истинных тайн Божиих, нарекли молитву жезлом и с убеждением пояснили: кто обопрется на жезл-молитву, тот не упадет, а если и упадет, не разобьется, но встанет и дальше пойдет[29].

---

[29] Ср.: «Кто непрестанно опирается на жезл молитвы, тот не преткнется; а если бы это и случилось, то не падет совершенно» (Лествица. 28:60). – *н.н.*

Таково свидетельство святых, и, пока сатана всячески ищет, как привести душу в смущение, пусть человек умом пребывает в молитве и остается спокоен, так как, внимая молитве, он побеждает врага, достигает успеха и мирно шествует дальше, движимый молитвой, что и моей скудости при всей моей всевозможной немощи и неразумии испытать на себе пришлось множество раз.

Словесная молитва

Обретение навыка

Начинается делание молитвы Иисусовой, как и любое иное моление, с того, чтобы творить молитву словом. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» – так взывает человек к Богу по нескольку раз при чтении правила утреннего и вечернего или просто всегда и везде, во всяком положении и на всяком месте, поступая так, как укажет отец духовный. Если же нет отца, то надлежит стараться везде и всегда пребывать с молитвой.

К правилу, читаемому по Молитвеннику утром и вечером, можно добавлять сотен по пять молитв Иисусовых. Читай по возможности со вниманием, делая так: перед правилом клади тридцать три поклона земных, когда же станешь читать молитву Иисусову, то после каждой сотни клади по три поклона земных, а после каждого десятка – один поясной. По окончании же всего правила – снова тридцать три поклона земных. Когда силы слабые, можно земных поклонов не класть. Или заменять их поясными, или просто перекреститься и, внимая словам, без смущения продолжать молитву. Перед праздниками и в праздники также можно земные поклоны заменять поясными.

Если возникнет потребность прибавить к пятистам молитвам еще сотню, две, три, четыре, пять, – можно прибавить, а из того, что читается по книге, – уменьшить. Мо-

жешь творить по тысяче и утром, и вечером. Если появится еще большая нужда в молитве, тогда и еще прибавляй, а из читаемого по книге убавляй. Если явится усиленное желание и внутренняя потребность творить молитву Иисусову вместо утреннего и вечернего правила, то не перебивай это желание. От правила, читаемого по Молитвеннику, можешь оставить молитвы утренние и вечерние, а все остальное опустить, дабы совершенствовался навык в молитве Иисусовой.

Так постепенно начнет собираться ум и увлекаться в молитвенное чувство. Между правилами всячески заботься не оставлять Иисусову молитву. Для этого приспосабливайся, изыскивая всякую возможность избегать многословия, и свои внешние дела и жизнь устраивай соответственно.

Дело это, казалось бы, нетрудное. Что может быть легче, как повторять одни и те же слова коротенькой молитвы? Но на практике оно оказывается не так просто. Душа, отвыкшая помнить о Боге, проводившая ранее, вместо богопредстояния, жизнь чувственную, продолжает увлекаться разнообразием впечатлений, хранимых памятью, воспринятых через зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Ум следует за памятью подобно рабу, так как все то во внутреннем человеке, что должно быть под управлением ума, включая и пять внешних чувств, возобладало над умом. Внешние чувства служат проводниками того, что запечатлевается в памяти, а впечатления эти пленяют и содержат в своей власти и ум, и сердце, в то время как ум и сердце – драгоценное средоточие сути человеческого существа – предназначены Богом быть жилищем Его.

Когда человек погружается умом и сердцем во впечатления, начинает руководиться чувствами, тогда душа его начинает жить жизнью нижеестественной – страстной. Когда чувства господствуют над умом, тогда ум, порабощенный

похотениями, утрачивает свободу, полученную в великий дар от Бога, и приводит в полное расстройство всего внутреннего человека. Чувства, не привыкшие бодрствовать и соучаствовать в молитве, увлекаются всем, что только может быть воспринято изнутри и извне. Человек при таком внутреннем беспорядке не способен к трезвению, к духовному посту, он при всем желании не сможет обуздать ни ум, ни чувства. Все в нем пришло в расстройство от бестрезвенной, невнимательной жизни. По этой причине человек, приступая к молитвенному деланию, с самого начала должен быть готов вести борьбу со всем строем своей прежней жизни, чтобы с помощью благодати полностью переродиться, избавиться от всего неестественного в себе.

Читает человек молитву и отвлекается, снова читает и отвлекается, и опять вспоминает о ней и опять читает. Вновь и вновь утрачивает человек молитву, увлекаясь то ранее запечатленными в памяти, то новыми восприятиями, приходящими извне. Хранимые сердцем воспоминания восстают и приходят на ум в виде помыслов, а тут уже не замедлит подоспеть и диавол, подмешивая к ним что-либо свое. Но если только человек решился на внимательное к себе отношение, то, лишь начав, он уже начнет обнаруживать, что творится в его внутреннем мире. По мере возрастания внимания, по мере молитвенной деятельности ума все более удается удерживать чувства от развлеченности, все яснее усматривается исходящая из сердца через помыслы злоба. И это является уже некоторым плодом молитвы.

Сколько бы ни отвлекалось внимание помыслами, как бы ни слаба была молитва, приходить от этого в бездействие не следует. Оставлять молитву человек не должен, напротив – все более и более должно ревновать о ней, дабы очистить сердце от гноя греховного. Сколько бы ум ни забывал молитву, вспоминай и снова делай и делай. По мере

самопринуждения Господь забвение твое будет уменьшать, а внимание твое станет хотя бы и очень медленно, но усиливаться. Чем больше времени ум человеческий предается молитве, тем вернее он приближается Господом к деланию ангельскому, ко вкушению пищи молитвенной.

Всегда будь занят молитвой – днем, ночью, вечером, утром, находясь дома и вне его, в пути и за делом, стоя, на ходу, лежа и сидя, во время правила и помимо всех правил. Всегда совершай молитву. И вот почему. Как страсть, так и добродетель вкореняются в человеке от навыка. Одно и то же доброе дело, будучи повторяемо, усваивается от повтора, становится привычкой и делается без принуждения, как нечто естественное. Так и повторяемый грех образует страсть. А страсть, пришедшая в силу, увлекает грешить по привычке и, уподобившись свойству естественному, принуждает человека ко греху даже против его желания.

Молитва Иисусова, как и прочие добродетели, нуждается в навыке. Человеку нужно стараться через самопринуждение всегда, и в радости и в скорбях, пребывать в молитве. По мере принуждения устраивается, с помощью благодати Божией, навык, человек укрепляется на предстоящий молитвенный подвиг. Навык делания молитвы приобретается постоянством произношения молитвенных слов. Молитва **словесная** нуждается в количестве – множестве. Возможно большее число раз следует прочитывать молитву в течение суток. В дальнейшем, хотя и не сразу, количество будет возрастать, в зависимости от внимания и усердия молящегося ума.

Во время делания **словесной** молитвы диавол, плоть и мир действуют извне и изнутри, отвлекая ум от молитвы. Борись против умно-зримого зла с помощью самой молитвы – внимай ей и тем отгоняй прочь всякое зло. Молитвой полагается начало борьбы со злом и грехом, молитвой об-

ретаются силы для брани. Своей собственной силой бороться с диаволом и с грехом невозможно.

Внешняя жизнь

Внешняя жизнь человека при прохождении молитвы Иисусовой **словесной** должна строиться так. В каких бы обстоятельствах ни пребывал делатель молитвы, какую бы должность ни занимал, какое бы ни имел послушание, во всяком своем положении он должен стремиться к уединению и как можно меньше говорить, храня уста. Молчащими устами молитва творится больше и удобнее. Следует всегда помнить, что Сам Бог смотрит на подвизающегося. Обиды и оскорбления нужно переносить терпеливо и все безусловно прощать. Будучи оскорбленным, не злопамятствовать. Время от времени из глубины сердечной вздохнуть со словами мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному!», и к Матери Божией: «Мати Божия, не остави мене грешнаго!», и к ангелу хранителю подобным же образом — и продолжать непрестанно делать и делать молитву Иисусову.

В свободное от трудов и послушаний время или когда ум утомится от напряжения молитвенного, нужно читать душеполезные книги. Хорошо читать жития святых и подвижников благочестия, спасавшихся в последние времена, Святое Евангелие, Деяния и Послания святых апостолов. Великих же книг, в которых говорится о жизни истинно созерцательной, касаться в это время не безобидно, лучше их до времени не читать. Чтение их в неискусившемся уме может порождать непосильные скорби, от которых ум слабеет и не может не только написанное исполнить, но

и того, что по силам, становится не способен совершить, сильно смущается и даже унывает, удаляя себя от присутствия благодати Божией. Книг, не побуждающих к исправлению нравственности, то есть нерелигиозного содержания, совсем не следует читать в это время. Имей всецело заботу о своем нравоисправлении, надеясь на помощь действующей в молитве благодати.

Сон должен быть шесть–семь часов, если обладаешь силами и здоровьем, а при болезненности или слабости можно спать до восьми часов в сутки. Так поступай до времени, когда сама молитва узаконит продолжительность сна, и сколько она позволит, столько и отдохнешь. Столь продолжительный (6–8 часов) отдых нужен потому, что молитва Иисусова требует от молящегося напряженной деятельности ума, а это возможно, лишь когда ум подкрепляется отдыхом. Иначе ум бессилен молиться внимательно.

Питаться следует всегда с воздержанием. Это означает: выходи из-за стола, чувствуя, что немного недоел, что не совсем сыт. Так же приучай себя к воздержанию и в питье. Хмельного вовсе не употребляй, дабы не разгорячать похоть и блудную страсть. Содержащего много жиров вкушай мало, чтобы не огорчать себя блудным похотением и отягчением желудка, располагающим ум к сонливости и бездеятельности. Пищу вкушай больше постную, удобоваримую, благодаря Бога за Его милость и твердо веруя, что питательность, содержащаяся в постной пище, вполне достаточна для поддержания жизни твоего организма и для делания молитвы. Приготовление пищи имей простое, избегая изысканности.

Деловые отношения и вообще весь образ жизни нужно до предела упростить, так чтобы не было поводов для лишних забот о внешнем, чтобы избегать отвлечения и рассеивания ума. Помни, что человек на земле живет подобно

гостю или страннику. Переночевал – и поспешай в вечность, где нужно будет дать ответ за прожитую на земле жизнь. Ничем земным, хотя бы и очень важным, не увлекайся – земля не место для жизни, а лишь место для подготовки к жизни вечной. Твердо усвой и то, что человеку на земле определено скорбеть, а не радоваться: *В мире скорбни будете*[30].

Приучай себя довольствоваться только необходимым. Все лишнее требует и лишней заботы, отнимает часть времени, данного тебе на снискание пользы душевной и на то, чтобы славить Бога. Держись всегда и везде только того, что содействует спасению, – сего ради Творец и поселил нас на земле сей в печалях. Всячески уклоняйся от посещения тех мест, в которых не избежать развлечения, и не вспоминай о них. По необходимости оказавшись в подобном месте, поскорей удаляйся оттуда, помня, что вся забота твоя состоит в приближении к Господу через молитву, а оставивший эту заботу начинает отступление. Никогда не давай свободы своим желаниям, это губит душу и помрачает ум. Насколько стеснишь свои желания, насколько будешь уединяться и безмолвствовать Бога ради, настолько и Господь будет с тобою, а небрежение о молитве удаляет от Господа.

Люби Бога. Любовь к Богу свидетельствуй отсечением своей воли и исполнением воли Божией. Господу угодно, чтобы ум наш был занят непрестанной молитвой, так попекись об этом всемерно. Уклоняйся общественных увеселений, торжественных обедов и всего подобного им. Дорожи всяким мгновением времени, данным тебе для спасения, для просвещения ума, зная, что по смерти такого спасительного времени получить невозможно. Без общественных обедов обойтись можно, а вреда от них избежать труд-

---

[30] Ин. 16, 33.

но. Вообще, всего, что уводит от уединения, постарайся избежать, взамен того все желание свое употребляй на молитвенную беседу с Господом. Яви тем благое намерение свое.

Успехов в своем молитвенном труде не усматривай, ибо, когда проходишь молитву **словесную**, ты, при всем желании жить ради Бога, пока живешь еще страстями. Человек живет сердцем, а в сердце обитают страсти – греховные привычки. Они лишь обессиливаются при молитве словесной, но не покидают сердца. Отстраняйся от любых видений, откровений или каких-либо дарований, в каком бы виде они ни представлялись, какими бы священными и благодатными тебе ни казались, – ни к чему ума своего не прилагай, но внимай лишь читаемой тобою молитве.

Считай себя недостойным каких-либо даров, как оно, собственно, и есть на самом деле. Ты не даров искать начал молитвой, а самой молитвы и преданности в волю Божию. А это бывает подаваемо Богом не гордецам, желающим даров, видений и откровений, а зрящим себя недостойными не то что даров, но и самой этой полной скорбей жизни. Таковые видят свою греховность, а мера сознания своей греховности есть мера очищения сердца от греха, что в делании умной покаянной молитвы является самым ценным. «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего» – святой Ефрем Сирин так молился, а не дарований искал. И еще: «Зрящий свои грехи выше видевшего ангела» – у первого открывается око духовное, а последний видел лишь чувственно.

Читать молитву Иисусову, как сказано, нужно везде и всегда. Когда находишься один, удобно читать шепотом, а на людях читай про себя. Чтение про себя полезно и наедине, то, что сокровеннее, то лучше для тебя. Научение внутреннему молитвословию поможет тебе и среди общества

людей быть занятым молитвой, внимая словам ее, втайне совершая свое спасение.

Когда же бываешь в храме Божием, можно в продолжение всех служб занимать ум молитвой Иисусовой. Во время литургии, особенно на Великом входе, когда все молящиеся усерднее испрашивают каждый по своим потребностям, и ты делай так же: проси, как умеешь, у Бога прощения своих грехов. Если же молитва Иисусова уже привилась и читается без особого труда, то и в эти священные минуты читай ее. Она содержит покаянное воззвание к Богу с ходатайством о прощении грехов, а в этом и состоит суть всех наших молений и подвигов. Если на службе церковной, особенно на литургии, сумеешь пребывать в большом внимании, когда ум не расхищен помыслами, то молись, как возжелается. Но всесильной молитвой Иисусовой пренебрегать никогда не советую, так как ею стяжаются все добродетели.

Всякую мирскую увеселительность от себя изгони, комнату-келью свою устрой чуждой увеселений. Когда возникнет нужда в размышлении или в разговоре с людьми, то рассуждай о смерти, об аде, об участи нераскаянных грешников. Когда сильная одолеет печаль, то, помимо рассуждений об аде, которого избежать возможно через терпеливое перенесение печалей на земле, можно вспоминать о рае, о блаженстве близости к Богу, которое получают за исполнение святой воли Божией, при терпеливом перенесении того, что встречается в жизни, при умном делании молитвы Иисусовой. *Многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие*[31]. Скорби, внутренние и внешние, терпеливо переносимые на земле, заменят нам в вечности страдания ада и явятся, в подражание Господу, образом Креста

[31] Деян. 14, 22.

Христова, вселяющего нас в вечную жизнь, то есть в Бога, на безысходное в Нем обитание.

Спасаться – значит скорбеть. Без скорбей нет спасения, как нет для последователя Христова на земле счастья: *В мире скорбни будете*[32]. Последователи Христа всю жизнь на земле проводят в скорбях, скорбь – их постоянный спутник и тиран, но и учитель мудрости истинной, небесной, Божией. Путь Креста Христова каменист и тернист, но он же одаряет человека истинным ведением, разумением сути вещей и явлений, сотворяет из него подлинного Богослова, хотя бы человек был весьма прост и во внешних науках нисколько не искусен.

Все дела нужно делать честно, без лицемерия и человекоугодия, дабы совесть ни в чем не укоряла и была чиста. Учись любить людей, во всех видеть своего ближнего, больного и расслабленного, прощай ему все обиды и оскорбления, им учиненные. Недоброжелателей своих почитай благодетелями. Так, всячески смиряя и укоряя себя, можно обрести любовь ко всем и не иметь врагов среди людей. В таком устроении следует проходить делание **словесной** молитвы Иисусовой, доколе не станет оно привычным.

Спасительный прибыток

Временем это делание не определяется и не у всех бывает одинаково. Юные, при старании, преуспевают быстрее, а пожилые медленнее, так как память пожилых людей в большей мере объята чувственностью, нежели у юных. Совсем же не успевают лишь те, кто не хочет трудиться над

---

[32] Ин. 16, 33.

своим спасением. Помыслов при молитве словесной бывает бесчисленное множество, рождаются они в сердце почти все при участии диавола. Ум, внимающий молитве, разбивает страстные помыслы о камень сладчайшего имени Господа Иисуса Христа. Бывают помыслы безотвязные, томящие человека против его желания день, два и более. Таковые необходимо исповедать своему старцу или старице или же, если нет старца, повергнуться пред Богом, прося Его сотворить отмщение сопернику твоему – диаволу. Сказанное тебе старцем исполняй в точности, и помысел, обнаруженный и объявленный при свидетеле-старце или пред Богом, удалится. Лишь бы старец был в истине, был бы выше искушений ученика своего, не обуревался бы помыслом в той же форме и образе.

В том случае, когда некому поведать помысел, определи себе не соглашаться с помыслом во всю жизнь твою и, не унывая, борись. Господь, видя твое стремление к добру и твою борьбу, Сам поможет тебе, запретив помыслу, или, не отнимая брани, подаст терпение. Попускает Бог это для того, чтобы ты мог за свою борьбу и терпение обрести спасительный прибыток и нанести в свое время диаволу глубокую рану во главу. Исповедоваться и причащаться нужно по возможности чаще, но не слишком, так как надо достойно приготовляться. Если нет возможности причаститься даже раз в год, тогда, возложив все упование на Господа, пребудь в молитве, и Господь, видя твое доброе произволение, примет желание как самое причастие.

С деланием молитвы приобретается памятование о Боге, зрение своей греховности и беспомощности, исчезает видение своей праведности и уверенность в своих силах. Человек перестает считать себя достойным чего-либо особенного, так как через внимание к помыслам и желаниям обнаруживает себя полностью погрязшим в грехе. Грешник

посещения Божия достоин не бывает, и ты себя достойным не сочти. Ввиду сказанного, делая молитву, ничего необычного в себе или вокруг себя – свет какой-либо, теплоту, лики святых или нечто подобное – во внимание не принимай, так как все, кроме молитвы и внимания к ней, бывает от диавола.

Благодать делателю молитвы дается в самой молитве, очищая ум от помрачения, а душу – от страстей. В этом главная ценность для кающегося, а не в чем-то ином. Благодать бывает присуща уму человеческому лишь тогда, когда ум мирно, без смущения творит молитву и именем Божиим побеждает помыслы. За чем-либо иным гоняться бедственно для ума – пожнешь бесплодность и печаль и прелести не избежишь.

Бывают иногда помыслы, называемые естественными, они исходят от ума, не желающего грешить. Распространяться о них не следует, так как они безвредны и бесполезны. Дело ума лишь один помысел принимать – молитву. Все остальные помыслы – это проходящие мимо странники, ненужные уму, а кто станет с ними разглагольствовать, не избежит вреда. Бесчисленное множество помыслов приходит на ум, но страшиться этого совершенно не следует, все они исчезнут бесследно, если только ум не внимает им, занимаясь молитвой. Ничто не в состоянии победить ум, когда с ним имя Божие.

Для совершения **словесной** молитвы никакой особой мудрости и знаний от человека не требуется, нужно лишь старание, и успех последует несомненно. Особых трудно-распознаваемых искушений в это время не бывает, диавол в основном борет помыслами, но от внешнего мира надо для безопасности удаляться. В **словесной** молитве упражняться может всякий, лишь никаких образов зрительных и мысленных не принимай, а молитву читай и внимай ей. Про-

должительность периода **словесной** молитвы зависит от усердия и прилежания подвизающегося и от степени огрубления сердечного, нажитого до занятия молитвенным трудом.

Результатом упражнения в молитве **словесной** является полученный с помощью благодати Божией навык. Свидетельством обретенного навыка послужит то, что после временного отвлечения от молитвы язык сам собою начнет выговаривать молитвенные слова, затем к словам привлечется внимание, и ум осмысленно продолжит словесное чтение молитвы.

Умная молитва

Деятельная степень

Умная деятельная молитва Иисусова называется **умной** потому, что читается мысленно, а **деятельной** именуется потому, что, до времени всецелой преданности в волю Божию, совершается человеком намеренно, а не самодвижно Духом Святым.

Навыкнув, как говорилось выше, в молитве **словесной**, ум начинает, по выражению святых отцов, теплее, усерднее прислушиваться к словам, читаемым языком, а прислушиваясь, постепенно начинает с удовольствием сам погружаться в молитву. Наконец, полюбив это делание, ум, вместо того чтобы увлекаться вращением в исходящих из сердца помыслах, начинает сам творить молитву. С этих пор, рожденная не на устах, а в тайных недрах ума, молитва не произносится, но умственно мыслится. Есть люди, у которых и прежде занятий молитвенных развиты от природы способности ума, такие могут, минуя **словесную**, сразу приступать к молитве, творимой мысленно.

С большей ясностью теперь различаются враждебные помыслы. Порожденная умом молитва естественно присуща уму, и все приходящие помыслы, как чуждые, легко опознать и отсечь. Для ума намного удобнее держать внимание на молитвенной мысли, которая рождена в его недрах. Сила ума возрастает, укрепляется готовность ума

отражать мысленные нападения диавола. Внимательно молясь своей, рождаемой им самим, мыслью, ум делается более утонченным, чем прежде, когда он лишь прислушивался к словам, произносимым языком.

С этого времени человек в устроении своего ума начинает следовать путем ангельским. По существу, **умная** молитва духом питается и духом творится, такова же пища и постоянное делание ангелов святых. Теперь такого человека без смущения можно облекать в ангельский образ — в мантию, без смущения можно становиться его восприемником, во свидетельство обетов, даваемых им Богу при постриге власов. Сей уже есть подражатель ангелов.

Постриг, совершаемый над человеком, не имеющим **умной** молитвы, сомнителен. Не потому ли монашество наших времен пришло в упадок и столь редким стало явление умного делания. Настоятели и настоятельницы сами, за некоторым исключением, не имеют этого ангельского делания, хотя внешне и облечены в одежды ангельского образа, нося их себе в осуждение. И представляемые ими к постригу ничем соответствующим ангельскому образу не отличаются. Так и наполнились наши обители монашеством, которое увлекалось научными знаниями и отличалось от мирского общества одеждой, а не внутренним устройством человека, творящего ангельское дело непрестанной молитвы. А что еще хуже, умное делание многими из них считалось ошибкой и прелестью, так как достоинство монашеское они полагали лишь во внешнем обиходе монастырской жизни. Но Богу нужно наше сердце. Если очищать внутреннее, то и внешнее будет чисто. Богу нужен наш дух, наш ум и душа, а не тело, облекаемое одеждой.

Человек, обретший навык в делании **умной** молитвы, тем самым свидетельствует о явленной ему милости Божией, о том, что Господь принимает его покаяние. Это есть

извещение Божие о том, что, трудясь и далее над очищением своего сердца, человек получит благодать полного прощения, и тогда все страсти будут сокрушены и изгнаны. Молитва **умная** – милость Божия – благодатью согревает ум человека, и он становится пленником сего делания. Обретший **умную** молитву да не отчаивается в своем спасении, но с укрепленной верой и с большей ревностью пусть приступает к дальнейшей борьбе с диаволом, продолжающим через помыслы свои нападения.

Отныне помыслы, исходящие из сердца, уже не столь грубы, как прежде, – они проявляются в более тонких формах. Тонкие формы искушений распознавать труднее, но обретший по благодати **умную** молитву получает и благодатную помощь против хитростей диавола. Теперь ум, не замечавший ранее тонких искушений, действующих в сердце, начинает их обнаруживать и посекает мечом умноделаемой молитвы. Всякий раз, когда вражеский помысел усмотрен и отражен, это заставляет диавола изобретать все новые ловушки, но и ум, упорно внимающий лишь молитве и отвергающий все прочее, получает в благодатный дар еще большую тонкость в различении диавольских нападений.

Это касается и внимания. Если с каждым отсечением враждебного помысла внимание продолжает удерживаться в молитве, то оно становится все сильней. Таков порядок борьбы. Ум искушается все более тонким помыслом, но, устоявший в молитвенном внимании, он являет свое презрение к диаволу и любовь к Богу, а каждая такая победа усиливает внимание и тонкость ума. Внимательный ум способен бороться не только с помыслами, но и с иными попускаемыми благодатью сатанинскими искушениями.

Диавол нередко подходит с помыслами, которые кажутся добрыми, чтобы удобнее отвлечь от молитвы, которая

ненавидима им превыше всего. Он дает способность рассуждать о вопросах богословия, открывает какие-то тайны, предлагает подобие высоких дарований или некую иную ложь. Ум, возмечтавший о дарованиях вместо вымаливания прощения, ум, пустившийся в богословие, забыв о недостоинстве своем, ум, увлекшийся в общение с духами вместо покаянного предстояния Богу, ум, принимающий откровения от духов или склонный к чему-либо в этом роде, – таковой ум оставил Бога и уклонился в помощники к сатане. Велико прельщение такого ума, и что хуже всего – он ни от кого не примет советов, оставаясь в своем помрачении.

Для человека нет ничего более высшего, как беседовать **умной** молитвой с вездесущим Богом, предстоять Ему умственно, умоляя о прощении своих грехов. Молитва именуется матерью добродетелей, так как только через нее обретаются все истинные добродетели и приемлются благодатные дарования. Внимай и внимай молитве своей, а все великое и таинственное Бог Сам совершит, когда оно будет потребно, когда сердце твое очистится полностью от страстей и когда воля Божия будет совершаться всецело. В молитве и через молитву действует Сам Господь, а все, что помимо молитвы, каким бы оно ни казалось спасительным или добрым, не способно к победе над диаволом, как не имеющее в себе истинной силы.

Умная молитва, по подобию **словесной**, имеет вначале потребность в количестве. Множить количество необходимо для того, чтобы ум окреп в мысленном творчестве, чтобы, неизменно предаваясь в волю Божию, мысленное действо обратилось в умственный навык. Признаком обретенного навыка в **умной** молитве является то, что, пробуждаясь от сна, человек прежде всего ощущает молитвенное движение ума, и то, что после всякого дела, отвлекающего ум, мо-

литва сама начинает звучать в мыслях, а внимание само всегда склоняется к молитве. Молитва не оставляет человека во время еды и прочих дел. Признаком является и то, что человек, слушая что-либо, продолжает при этом внимать молитве и к помыслам не прислушивается, но ум его сам тянется к молитве.

В этот период, когда искушения от диавола становятся более тонкими и сложными, весьма трудно не запутаться в них. Если имеется опытный наставник – старец, духовный отец, учитель, – тогда нет и проблемы, он укажет, когда как поступить, предупредит искушение. Если же опытных людей нет, то и тогда боязни предаваться не следует – пребывай с молитвой и лишь молитве внимай, а все прочее отгоняй. Бог всякому делателю молитвы попускает искушение по мере его умных сил, ничего диавол сделать не сможет свыше попущенного. Только бы брань с сатаною велась мечом молитвы, а искушения будут на пользу, послужат к уразумению хитростей диавольских и укреплению ума человеческого.

Ум не должен внимать никаким сверхъестественным явлениям: ни свету, хотя бы он исходил от иконы, ни голосу, хотя бы пели ангелы, – так как ум предстоит и обращается в молитве к Самому Владыке ангелов, незримо вездесущему. А что же может быть выше этого? Нельзя ни в коем случае принимать во внимание появившихся пред тобой ангелов или святых, так как до полного очищения от страстей, до всецелого исполнения воли Божией истинных явлений не бывает, а бывают лишь демонские наваждения. Если, зная это, ум не увлечется призраками, то все они пройдут мимо, благодать не попустит искуса выше силы молящегося.

Благодать всегда действует в молитве и через молитву своевременно подает все нужное уму. Утончаясь, ум обретает видение своей греховности, которой переполнено че-

ловеческое сердце, и тогда ум плачет и взывает к Богу о помиловании. Диавол боится человека, находящегося в умном делании и зрящего свою греховность, он бежит от него со своими прелестями, так как знает, что потерпит поражение, а подвизающийся получит опытность в распознавании искушений и возмужание в борьбе с ними. Вновь и вновь побеждаемый благодатью, диавол продолжает приступать к подвижнику с искусом. Вынужденный предлагать все новые хитрости, он тем самым, против воли своей, обогащает ум молящегося познанием искусства брани. В искушениях, благодатно попущенных, человек убеждается в бессилии диавольском и постигает на деле, сколь сильно имя Всемогущего Господа.

Всего случающегося во время делания умного описать невозможно, и не со всеми бывает одно и то же. Многое зависит от ревности подвизающегося, а частью от сложности его внешней деятельности и от стечения обстоятельств. Главное же, чтобы ум очищался от помрачения, а душа освобождалась от страстей, чтобы видеть свою греховность и оплакивать ее. Кроме имени Господа, надлежит ничем не пленяться, не соглашаться ни с чем, а лишь знать всегда и во всем одну молитву со вниманием к ней.

Воспитание благодатью

В какой мере человек преуспевает в молитве, в той же мере растет преуспеяние во всех прочих добродетелях, он укрепляется в преданности воле Божией, в исполнении ее. Сознанием собственной греховности отвергается представление о своем достоинстве. Постоянная память о Господе дарует уму зреть в себе десницу Божию, поражающую вра-

гов. Держись памяти о Господе, молясь Ему со вниманием, и Он Сам отмстит за тебя, поразит за тебя супостатов, воевать с которыми ты бессилен. От человека зависит лишь доброе произволение, несогласие на зло, решимость со злом бороться, но все победы достигаются Иисусом Христом. Ты можешь без Бога предпринять против диавола, против зла что угодно, но все будет сразу расхищено одной из страстей. Успех же совершается благодатью Божией и незримо для человека.

Благодать приемлет доброе произволение человека и обучает его надеяться не на себя, а на Бога спасающего, научает вести брань именем Божиим, открывает человеку его бессилие, ничтожество и смиряет его. Благодать учит предавать себя в волю Божию, все находить и все полагать в едином Боге. Таким образом, деятельность человека успешно устраивается благодатью, и человек, видя о себе такое попечение, обретает естественное доверие и начинает в полноте вручать себя Богу, действуя не только по началу молитвы Гефсиманской: *Аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия*, прося помилования, но и по окончанию ее: *Обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*[33], предаваясь в волю Отца Небесного, возгораясь все большей любовью к Нему. Так совершается подготовка к еще большим подвигам, к дальнейшей борьбе с диаволом.

Человек убеждается, что всякую борьбу с врагом совершает за него Бог, а от него самого требуется лишь принуждение к молитве и внимание к ней. Он все более убеждается в необходимости усердного внимания к молитве, так как бесы неимоверно хитры и нападают с совершенно неожиданных сторон. Даже то, что доселе понималось как добро, вдруг оказывается хитросплетенной диавольской сетью.

---

[33] Мф. 26, 39.

И человек еще усерднее прибегает к Господу, скрываясь в молитве, ища у Бога защиты.

Как совокупность страстей образует собой цепь, так же и добродетели составляют единую неразрывную цепочку. Один добрый поступок влечет за собой и всю цепь, одно доброе дело питает и усиливает все добродетели. То же происходит и со страстями: победа над одной из них заставляет отступать все страсти, по причине их сочлененности. В соответствии с этим законом страсти истощаются по мере очищения ума, добродетели же оживают и укрепляются, и так происходит во весь период делания **умной** молитвы. Человек же, молитвенным делом не занятый, ни о чем подобном не знает.

Благодать Божия, совершая спасение человека, утаивает от него свои благодеяния, чтобы подвижник не остановился на пути. Благодать угашает страсти, показывает уму коварство демонов, восстанавливает добродетели в душе, оставаясь при этом сокрытой и от молящегося, и от диавола. Действуя тайно, благодать своевременно наказывает подвижника скорбями, попускает уклоняться в малые погрешности, а затем строго требует исправления и вразумляет, научая таким образом надеяться на Бога спасающего, но не на себя самого. И так во все время прохождения **умной** молитвы, от чего ум делается все более искусным, готовясь принять в свое время силу и самовластие, даруемые от Бога для победы над диаволом, плотью, миром и всяким злом, для того, чтобы впредь человек, по подобию Господа, будучи сам искушен, смог помогать и другим, имеющим ум еще неискусный, смущающийся.

При делании **умной** молитвы всякое лишнее знакомство следует прекратить и касаться лишь тех людей, с которыми связан крайней необходимостью. Следует жить как можно уединеннее, уста связать более строгим, чем при молитве

словесной, молчанием. Всякое правило, читаемое по Молитвеннику, лучше заменять **умной** Иисусовой молитвой. Когда бываешь среди людей и правило читается по книге кем-то другим, можно занимать ум привычным делом **умной** молитвы. Воздержание необходимо иметь во всем и всегда, это неотложно при молитве, а приучаться к воздержанию лучше постепенно. Питаться нужно умеренно и, выходя из-за стола, всегда чувствовать, что съел бы еще. Иначе отяжелевший желудок будет располагать к сонливости, бдительное око ума омрачится, и ум начнет склонять человека к отдыху.

Уму свойственно быть свободным от всего, что приводит его в бездействие и сонливость, что мешает внимать молитве, им же творимой. Нужно еще строже прежнего уклоняться от общества, не по презрению к человеку, а по любви к Богу, ради удобнейшего совершения молитвы. Печали о земных заботах нужно избегать еще строже, довольствуясь тем, что Бог дает, и не скорбеть о том, чего не дано. О земном следует заботиться вообще как можно меньше, об этом пекутся те, кто не знает цели и назначения земной жизни. Все, что недоброго бывает тебе от брата, прощай, не воздавая злом за зло. Молись о нем, – и ты виноват пред Богом. Сознавая греховность, действующую в сердце, до отчаяния не доходи, а лишь о содеянном плачь и кайся, воздыхай и сожалей, сокрушая страсти молитвой покаяния. Дела других не суди, так как и сам грешен без числа, да еще всего находящегося в своем сердце зла не видел, а там целое гнездо из страстей свито, о чем и сказано: *От сердца бо исходят помышления злая*[34].

Плакать есть нужда, чтобы душа омывалась слезами, горько скорбя и сокрушаясь о сердце греховном, утверж-

---

[34] Мф. 15, 19.

денном на корне самости горделивой. Когда нет слез, из глаз истекающих, восполняй это скорбью сердечной, подавляя тем деятельность страстей, не соизволяя им, не исполняя их требований. Поклоны следует класть по силам и по действию страсти блудной. Когда есть силы и здоровье или страсть действует сильно, тогда поклонов нужно класть побольше, не лениться, а при слабых силах, осудив себя, довольствоваться малым числом поклонов. Поблажек телу в его требованиях нельзя давать, нельзя доверять ему даже тогда, когда оно будет являть свои немощи. Внимать ему надо очень осторожно, иначе от него не отделаться. Лучше же этого врага своего совсем не слушать. Дай ему разумно необходимое, и пусть будет довольно. Святые отцы говорят, что назначение тела в этой жизни – быть в роли глухонемого слуги, исполняя все, что ему указано. Святые к телам своим были строги, внимали им очень мало, зная, что сия храмина придана душе лишь для принесения покаяния, а не для чего иного.

Судить о себе надо честно и цену давать правдивую. Поскольку видишь сердце свое переполненным страстями, постольку считай себя грешным более всех людей – вот суд о себе правый. Следует считать себя худороднейшим и никудышным, признавать себя низшим всех по уму. Надо видеть, что все исполняют предназначенное им от Бога, лишь ты один не исполняешь воли Божией, видеть, что грешишь даже тогда, когда Сам Господь помогает тебе не грешить, еще и услаждаешься грехом.

Жить в келье лучше одному, держать ее следует в простоте, в устроении среднем, когда нет ни лишних забот, ни излишнего нерадения о порядке. То же следует отнести и к одежде, и к прочему, необходимому в быту. В случае если Господь пошлет тебе жизнь беднее среднего, прими от руки Его и бедность с благодарностью, веруя, что Он зна-

ет, в чем наибольшая польза для тебя. Если же крайняя бедность постигнет тебя, и ею не тяготись, зная, что наше богатство – Господь, и все наше в Господе, и мы всё готовы отдать, дабы обрести Господа, близ сущего, чем и исполняется назначение земной жизни. Провести земную жизнь впустую – очень бедственно, потому заботься прежде всего о совершении покаяния, примиряющего с Господом.

Подстилку на ложе ночном имей жесткую, но теплую, иначе можешь застудиться и сам себя опечалишь, явив препятствие себе в делании молитвы. Лиц другого пола, образы которых вызывает диавол из твоей памяти, представляй лежащими в гробу, разлагающимися со зловонием во множестве червей. Вспомни о неизвестности и своего часа смертного, быть может, идут последние минуты твоей жизни на земле, после чего ожидает тебя за грехи мучение, не имеющее конца. Так мысли скверные и желания страстные быстро исчезнут.

В случае когда будет беспокоить один и тот же навязчивый помысел, не отступая дня два или три, а рядом нет опытного человека, которому можно об этом поведать, и ты изнемогаешь в борьбе, – встань в келье своей перед иконой, подними вверх руки и скажи вслух Господу, здесь присутствующему, о нападающем на тебя помысле. Твердо веруй, что Бог приемлет твое исповедание, и диавольские козни оставят тебя, будучи объявлены перед Господом. Диавол есть тьма и тайна беззакония и действовать может лишь тайно и во тьме, до времени его объявления. Когда же он обнаружен и свет проникает туда, где он пребывал во мраке и лукавстве, – он без оглядки бежит, палимый светом. Так же откровение обессиливает диавола и во время исповеди помыслов старцу. Обнаруженный, да еще при свидетелях, он вынужден удаляться.

Если борьба не отступает от тебя даже после исповедания помыслов пред Богом, тогда принимайся усерднее со вниманием за молитву и знай, что Господь хочет через такую брань научить тебя еще большему терпению, подготавливает тебя, как отец дитя, к бóльшим искушениям, чтобы в этой борьбе и терпении созидалось дело твоего спасения. Господь, попуская продолжение брани, укрепляет, усиливает в борьбе твои добродетели, в то время как страсти сердечные в этой борьбе обессиливаются. Во всех случаях устраивает Бог полезнейшее для тебя, ты же не отчаивайся и сильно не унывай, а, внимая молитве, борись с неотвязчивым помыслом, зная, что он не твой, а диавольский. Это может служить тебе некоторым подобием того, как бесы будут непрестанно мучить грешников в аду, воздействуя на их страсти, возбуждая одну за другой, при полной невозможности избавиться от назойливости диавольской. Так что не следует тяготиться попускаемой бранью, а надо благодарить Бога, наказующего нас на земле ради избавления от мучений в вечности.

Прибегать к Господу, как указано выше, умоляя избавить от борьбы с помыслом, следует как можно реже – лишь в крайних случаях изнеможения и отчаяния, ибо борьба есть удел воина и надо сражаться, а не уклоняться от борьбы. Лучше всего, внимая молитве, не унывать, а бороться и бороться. Борьбой достигается победа, борьбой обретаем мы добродетель, приближаемся к Богу и сплетаем венец славы на главу разума. Бояться различных неприглядных помыслов не надо, так как в борьбе с ними человек благодатью готовится успешно проходить поприще еще больших искушений и постигать силу и славу Божию, от Господа получая помощь и терпение в борьбе.

Со старцем и без него

Если имеешь духовного отца, старца-руководителя, от него ничего не таи, все тайны своего сердца поведай ему. Если он невысокого звания или вообще не имеет сана, то этим не смущайся, лишь бы он имел истинно духовный разум, который есть плод всей борьбы и венец за победу над страстями. Духовника избери по указанию своего старца и спроси старца, что и как ты должен исповедовать духовнику. Что старец скажет тебе, то и делай, не нарушая ни одного слова его. Он знает лучше тебя, что тебе полезно, ты лишь ничего не таи от него. Лучше всего, когда сам старец имеет посвящение в сан.

Если не имеешь старца, руководящего тобою в прохождении молитвенного пути, то умолчи пред людьми о делании твоем. Повергнись же пред Господом, поведай Ему в молитве все тайны и всю печаль свою с твердой верой, что Он слышит и смотрит на тебя, что по скорбной молитве твоей устроит то, что полезно тебе. Ты же молись и молись, внимая молитве, но не ропщи на посылаемые тебе, к пользе твоей, искушения. Все святые именуются подвижниками, ибо все они, в подвиге пребывая, боролись, терпели и побеждали искушения с помощью благодати, а искушений у них было несравненно больше, чем у тебя.

При отсутствии старца избери себе духовника, если есть возможность, из монашества. Если духовник ничего не знает о молитве Иисусовой, то лучше с ним не советоваться о ней, лишь исповедуй грехи свои, тяготящие совесть, и благодать через него разрешит грехи с успокоением совести. Иначе, не ведая делания молитвы Иисусовой, он своим наставлением может лишь повредить тебе. А опытно знающих делание молитвы Иисусовой встретить в наши дни трудно.

Когда будешь у незнакомого священника исповедовать борения блудной страсти, учти, что иные духовники, не зная жизни аскетической и борьбы со страстями, часто неразумно советуют оставить борьбу и идти в мир проводить жизнь брачную. Они руководствуются при этом словами апостола: *Лучше вступить в брак, нежели разжигаться*[35], не понимая, что апостол говорит это тем одиноко живущим людям, которые борьбу вести не хотят, а страстью распаляются. Если ты избрал жизнь борьбы со страстями, то совет такой отвергни и духовника неразумного вторично не посещай. Он сам болен душевно сильнее других. Он потворствует страстям, не зная, что нужно с ними бороться всю жизнь, бороться как с помыслами, так и с желаниями, распаляющими похотную часть души. Духовники такие известны, потому приходится об этом писать в предупреждение беды.

Монахиням приходится исповедоваться у своего батюшки, и если вдруг окажется, что он советует идти в мир жить семейно, нужно немедленно открыть это игуменье, от которой ничего не должно быть сокрыто. Скрывать неразумный совет духовника, хотя и данный на исповеди, никак нельзя, ибо монахиня соединена своей душой с душой игуменьи и ответ за гибель души монахини придется давать игуменье, если только монахиня была в полном у нее послушании. Игуменья должна такого монастырского батюшку-духовника из монастыря уволить, доложив архиерею, так как он разоряет души сестер, препятствуя подвигу борьбы со страстями.

Возможен также путь покаянной жизни, называемый святыми отцами «средним» и весьма одобренный ими. Это нечто среднее между уединением и монастырским обще-

---

[35] 1 Кор. 7, 9.

житием, когда собираются двое или трое единомышленников, имеющих согласные взгляды и желания относительно прохождения покаянной жизни и делания молитвы. Таких благоразумных, простых и единомысленных людей в наше время встретить трудно. Они должны отречься своеволия, отсекая друг перед другом свои желания. Недоумения, искушения и сомнения должны разрешаться на общем совете в согласии с указаниями святых отцов. Руководителями их должны быть только Бог и святые отцы. Но самый безопасный путь покаяния и молитвы есть путь жительства со старцем, лишь будь послушен и исполняй сказанное, а старец предупредит всякую опасность, указывая, как поступить. Только бы старец был истинно разумеющим духовную жизнь, был бы известен правостью веры.

Не менее всего остального в **умной** Иисусовой молитве важно то, в каком месте установится внимание ума при совершении молитвы. Некоторые святые отцы, молитвенники, делатели священного трезвения указывают, и опыт подвизающихся о том свидетельствует, что удобно бывает новоначальным творить молитву там, где она совершается естественно, там, где у человека находится орган слова, то есть в гортани, где глотается пища. Здесь, у основания шеи, но отнюдь не в ином каком месте, потщись поначалу стоять вниманием, старательно заключая ум в слова молитвы, пока ум еще не согрет сердечным откликом, пока молитва не окрашена сочувствием сердечным.

Не направляй внимание ни в голову, ни в чрево, ни в желудок, ни в похотную область, что особенно бедственно, но всячески удерживай ум твой вниманием где указано, стой здесь и не уклоняйся никуда. Не напрягайся переходить вниманием в сердце, это естественным порядком происходит позже, при делании молитвы **умно-сердечной**, когда сердце молится вместе с умом. О сердце сказано будет в

свое время, теперь же, до поры, блюди ум свой в словах молитвы и держись верхней части груди, у основания шеи.

Действие страстей во время прохождения **умной** молитвы значительно усиливается. Сатана будоражит страсти, которые он держит в своих руках как оружие в борьбе с человеком, а ум обостренным вниманием яснее прежнего ощущает волнение возбуждаемых страстей. Человек, видя нападения душегубов бесов, понимает со скорбью, что если молитва оставит его, то душа будет живой взята в преисподнюю, а потому он еще усерднее держится за молитву, укрывается в ней умом от супостатов и помощью Божией избегает восстаний страстных, убегает козней, возводимых диаволом.

Все важнейшее при делании молитвы **умной** здесь описано. Не унывай, а делай. Вниманием стой, как указано, пред Богом и только об этом заботься. Сердце еще не очищено от страстей, и ум не свободен от помрачения, нет у тебя возможности приближения к небожителям, потому ни ангелы, ни святые Божии не могут явиться тебе. Как бы что ни казалось чисто и свято, отстрани от себя прочь и согласия ни на что не давай, тогда помощью благодати любой прелести избежишь. Что бы ни встретилось тебе – не принимай, а, как говорилось, пребудь в молитве и молитве внимай, молитвой отгоняй всякую злобу. Молитвой дорожи. Плодом молитвы **умной** бывает очищение ума и зрение грехов в сердце своем, покаянное сокрушение сердечное и восстановление добродетелей.

Монашество или мирская жизнь – это в деле молитвы значения не имеет. Быть ли монахом, послушником или простым мирянином, не важно, лишь бы окружение и обстановка не мешали делу молитвы, не препятствовали созиданию внутреннего монашества.

Сердечная молитва

Деятельная степень

Восходит человек в следующую степень и обретает молитву **умно-сердечную деятельную**. Именуется она **умно-сердечной** потому, что в ней вместе с умом молится и сердце, то есть весь внутренний человек. **Деятельной** она названа потому, что воля человека еще продолжает действовать в нем, проявляясь в побуждениях и делах. Человек еще не вступил во всецелое исполнение воли Божией, а исполняет ее лишь частично, в остальном же, осуществляя свою деятельность, исполняет волю свою. Целомудрие еще не достигнуто.

Как, привыкая к молитве **словесной**, ум прислушивается к словам и, постепенно погружаясь в молитву, обретает в ней навык, так и при молитве **умной**, когда она укореняется в уме, в ответ на мысленный труд начинает постепенно согреваться сердце. Иначе говоря, когда ум постоянно занят молитвой и человек всю свою жизнь направил к этому деланию, тогда внутренние чувства начинают настраиваться на молитву и погружаются в нее, они соучаствуют уму в молитвенном действе и, пленяясь именем Божиим, не отвлекают более ум от моления. А сердце при том начинает сочувственно отзываться, сопереживать уму.

Сатана со своими бесами приступает к душе, возбуждая страсти, обитающие в сердце ветхого, своевольного еще

доселе человека, и пытается овладеть им, утверждаясь на горделивой самости человеческой. В самом основании самомнительного сердца воздвигнута великая храмина из страстей. Но это несокрушимое до сей поры укрепление начинает теперь рассыпаться под действием **умной** молитвы. Видя разрушение сего храма греха, сатана равнодушным не остается. Он каждый момент измышляет новые и новые способы борьбы, а благодать, назидания ради, попускает человеку быть искушенным. Страсти теряют свою силу, и сатана в отчаянии старается устрашать делателя молитвы через воображение, являясь ему в чудовищных видах, желая навсегда отторгнуть человека от молитвы, или хотя бы на время, или хоть на минуту.

Когда сердце человека начинает участвовать в молитве, сатана, понимая кратковременность своего доступа к душе, злобствует и скрежещет зубами, ибо он прекрасно знает о возможности человека молиться сердцем и этого больше всего боится. Если сердце объединяется с умом в делании молитвы, то борьба с человеком через страсти становится для сатаны слишком тяжкой, так как ум теперь действует сильно и властно при соучастии сердца, поражая благодатью все диавольские прилоги. Ум теперь вниманием достигает до оснований греха, до корней зла, и через то наносится смертельная рана диаволу в главу. Действием благодати корни зла исторгаются из пажити сердечной. А если в сердце не останется зла, диавол с демонами окажется безоружным. Пока страсти гнездятся в сердце, диавол водительствует умом и попирает душу с ее добродетелями. Сердце человека предназначено быть обителью Бога, но до тех пор пока, осквернённое, оно порабощено страстями, Господь пребывает в нем сокровенно, не воцаряясь во всей полноте.

Когда начинается очищение сердца, диавол, утрачивая свое влияние на человека, особенно ухищряется во всевоз-

можных искушениях. Раненный смертельно, он еще пытается бороться и мечет огненные стрелы страстных помышлений, стараясь уязвить и воспалить пожар сердечный. Злобствуя и восставая на все более лютую брань, диавол шлет все новые прилоги, но тем самым он невольно все более обнажает себе же на погибель тайные корни страстей. Опытный уже и внимательный ум, укрепляемый благодатью, отныне входит в тончайшие хитрости диавола. Однако корни зла, умственным оком обнаруженные, сами собой не исчезают, здесь нужен дальнейший подвиг труда покаянного, при благодатном укреплении духа приобщением Святых Христовых Тайн.

Это время, когда благодать иной раз дарует уму видеть не только корни страстей, но и тех, кто действует через них, – самого диавола с бесами. Это время может стать самым скорбным на всем пути покаяния. Тягость страданий в этот период бывает сопоставима с малым адским мучением, здесь справедливы слова: *До неба возводяй, и до ада низвергаяй*. Разъяренный сатана, теряющий доступ к душе, может действовать и в чувственных образах, заходя то с левой, то с правой стороны. Деятель **умно-сердечной** молитвы может подвергаться нашествию разнообразных звероподобных существ и невообразимых чудовищ, нападающих поодиночке и во множестве с единственной целью – поразить страхом и отвлечь от молитвы. Молящийся пусть сражается с искушением, всеми силами держась за свое **умно-сердечное** делание, дабы устоять в сем подвиге, в чем да поможет ему благодать. Так обретается великий опыт брани.

Потерпев неудачу при нападениях с левой стороны, приходя в образах устрашающих, диавол начинает искушать со стороны правой – является в образах благообразия и святости. Эти искушения распознать труднее. Здесь некоторые подвижники, самовольно оставив внимательную мо-

литву, получали глубокие тяжелые раны либо претерпевали полное крушение. Однако успешно миновали искус те, кто не принимал во внимание никакие зримые образы, но мысленно беседовал со Христом с твердой верой в Его присутствие, невидимое и невообразимое. Устоял тот, кто помнил, что он не может чувственным зрением видеть Бога, Матерь Божию, ангелов и святых, кто помнил, что небесные явления даются в подвижничестве исключительно тем, кто чист сердцем. Грешнику святое не является.

Сатана способен призрачно принимать образ Христа по подобию того, как изображен Спаситель на иконах, может показать оживающую икону и сходящего с нее Вседержителя, готового благословлять, или икону, движущуюся к тебе и растущую в размерах. Можно увидеть свет от иконы или каких-нибудь святых небожителей, услышать голоса, или пение, якобы ангельское, или иное подобное, реальность или мнимость чего человеку, преданному чувственности, распознать бывает трудно. Сатана это делает для того, чтобы молящийся, увлеченный мечтаниями, совершил поклонение ему, диаволу, представшему в одном из образов, что некоторые и исполнили и от чего повредились умом, впав в слабоумие. Но тот, кто знает, сколь высока цена прощения грехов, кто знает свое недостоинство, тот лишь молитве внимает. Только тот, кто никогда не доверяет своим чувствам, проходит сквозь искушения без единой беды. Знай, брат или сестра, что, поступая так во все время покаяния твоего, обретешь благодатью победу, волю Божию познаешь, исполнишь ее всецело и спасешься.

Человек, молящийся **умно-сердечно**, получает от Господа милости, которые проявляются в том, что действие молитвы совершенствуется, ум освобождается от помрачения, сердце, сокрушаясь, все более очищается от страстей и грехов. Тем не менее молитва такая продолжает оставаться

деятельной, то есть человек хотя и творит брань с диаволом, демонами его и со страстями, предавая себя в волю Божию, но эта преданность Богу остается пока частичной. Это чувство не овладело еще сердцем во всей полноте, не стало еще свойством сердечным, и все это потому, что вкоренен еще грех в душе, утвержден в основании сердца корень корней – самость горделивая.

Так страдает и борется человек, днем и ночью не оставляя брани. Бесконечные искушения приводят ум в естественный гнев против страстей. Негодующий против зла ум исполнен сильнейшего желания более не грешить, а потому он с особенным тщанием ищет повсюду страстные проявления и молитвой немедленно умерщвляет их. Благодать же помогает неотходно, оставаясь сама незаметной, невидимой для ума. Наконец, благодаря непрестанной внимательности, ум обнаруживает и самый корень корней, причину всех зол – гордость.

Как только выявлен, с помощью Божией, корень зла, вся брань обращается против гордыни, которая силою благодати в конце концов бывает извергнута из души. Вместе с исторжением сей коренной страсти сердце окончательно избавляется от всех страстей. В великой битве уничтожено обиталище зла с его основанием – самомнительной гордостью. Диавол обезоружен, не на чем более уловить человека, нечем прикрыть свое коварство и ложь. Диаволу более невозможно скрываться под покровом страстей, он теперь видим отовсюду и освещен, а света стерпеть он не может, ибо диавол есть тьма.

В злобе готовится диавол к единоборству, готовится сотворить последнюю брань. И предстает сатана молящемуся во всем своем ужасающем виде сущим во аде, с Иудой предателем на коленах его. Зрелище ада великое и страшное. Но сатана, пришедший в пламени ада на последнюю битву,

видит свое бессилие. Молящийся и на сей раз не отвлекает ума от молитвы, разит врага сладчайшим именем Господа Иисуса Христа. Сатана приходит в испуг, дрожание, колебание, удаляется и исчезает, совсем покидая поле брани, оказавшись ничтожным пред именем Божиим в устах подвижника. Так свершается очищение ума от помрачения, очищение сердца и души от страстей, от греха и от зависимости диавольской. Начинается в жизни человеческой всецелое действие воли Божией.

Последнее испытание попускалось Господом, дабы сатана был постыжен до конца, а подвижник стал бы искусным во всех искушениях, бывающих с молящимся. Теперь благодать вполне возобладала над очищенным сердцем. Теперь сюда же полностью погружается ум, и Сам Бог, пребывавший доселе в сердце сокровенно, наконец открыто, во всей полноте воцаряется в обители сей, изначально Ему предназначенной, почиет на престоле Своем.

После того как ум Самим Господом введен в глубь сердечную, человек бывает подготовлен к восхождению в степень молитвы **самодвижной**. В наставниках он более не нуждается, ибо Господь пребывает с ним. Теперь желания и действия человеческие совпадают со святой волей Божией. По восшествии ума в сердце человеку даровано ведение истин: он обрел подлинное самопознание, ему стало доступно разумение сути Священного Писания, и возникает естественная потребность поделиться с ближними, из любви к ним, тем, что ему открыто. Однако теперь он обязан с особым усердием блюсти молчание среди людей и всеми силами хранить тишину, пребывающую в его сердце. Если имеется просвещенный старец или некто опытный в умном делании, то с ними всегда бывает не лишним побеседовать, соблюдая достойное к ним почтение. Полезно послушать людей, слово которых исполнено опытной мудрости духов-

ной, которые в познаниях своих есть богословы истинные – свет миру.

Молитва на этом этапе подвига переходит в свою следующую стадию и из **деятельной** становится **самодвижной**. Здесь пролегает рубеж между двумя основными периодами жизни подвижника. Заканчивается деятельный период очищения и наступает период просвещения ума – период созерцательный. Так путь покаянного труда, путь делания ума плотского приводит к стяжанию Духа Святого. Здесь только начало подлинно духовной жизни.

Отныне молитва проникает всю глубину сердечную, и человек с этих пор молится сердцем, движимым Духом Святым, умом предстоя в сердце Богу. Диавол, обезоруженный и посрамленный, обыкновенно более не нападает впрямую на человека, но начинает действовать через других людей, разжигая в них зависть и ненависть. Теперь люди начинают гнать истинного последователя Христова, творя ему всякие пакости.

Таков общий порядок борьбы. Но возвратимся назад, к молитве **деятельной**.

В пределах сил человеческих

Итак, человек, усмотрев в сердце господствующий корень зла – гордость, восстает на нее всеми своими силами. Заметим, что такой подвижник не может быть человеком своевольным, так как сердце очищается Богом за исполнение воли Его и за непрестанную о Нем – Боге – память молитвенную. И тот, у кого сердце чисто, тот научился исполнять волю Божию, всецело познал ее. А воля Бога в том и состоит, чтобы человек принял от Него в дар великую, ни с

чем не сравнимую добродетель – живущее в сердце молитвенное чувство, движимое Духом Святым.

Среди добродетелей, поистине духовных, обретаемых по очищении сердца, особо возвышенной является смирение, именуемое смиренномудрием. По существу, смирение есть подлинное самопознание, рожденное в перенесении скорбей, среди неудач и бессилия, когда в борьбе со злом человек познает истинное ничтожество своего «я». То, что до этих пор называлось смирением, было лишь прообразом его, неким подобием, которое к самопознанию отношения не имело и было сравнительно бесполезным.

Распознать молитву **умно-сердечную деятельную**, отличить ее от **умной** возможно по характеру вышеописанных искушений, сопутствующих деланию. Но особым признаком **умно-сердечной** молитвы будет неотвлекающееся внимание и чувственное сопереживание молитвенным словам. Молитва нуждается теперь не столько во множественности произнесения, сколько в качестве внимания, дабы удобнее обнаруживать полчища демонов и хитрости их.

В период прохождения молитвы **умно-сердечной деятельной** молящийся начинает испытывать сердечное соучастие уму. Сердце сопереживает молитвенным словам, отзывается на них сочувствием. Естественным образом возникает этот чувственный отклик в глубине груди, в области сердечной. Внимание само теперь привлекается в это место, и удержать его там много легче. Отныне ум, внимая молитве, пусть утвердится на верхней оконечности сердца, в преддверии сердечном. Это познано опытом, и об этом же говорят все отцы. Что касается благодатного соединения ума с сердцем, то, как уже пояснялось, сама благодать вводит молящийся ум в глубины сердечные. И бывает это в надлежащее время, не прежде того, как сердце очистится от страстей.

Учти же ты, делатель сей священной молитвы Иисусовой, вот что: со всем тщанием стой вниманием только там, у вершины сердечной, а если позволишь уму вращаться в иных местах твоего существа, то сотворишь себе скорбь великую, пользы же не получишь. Действуя же сказанным образом, обеспечишь кратчайший путь для благодатного вхождения ума в глубину сердца, чтобы всей душой в полноте приносить славословия в непрестанном молении, поклоняясь Господу *духом и истиною*[36]. Всячески избегни стоять вниманием в голове, во внутренности чрева, в почках, что весьма бедственно. Устанавливай ум всегда, как указано.

У святых отцов ничего более не упоминается о месте установки внимания. Они в основном писали прикровенно и кратко, так как во времена их жительства тружеников на ниве сего священного дела было множество и нужды в толкованиях не ощущалось. Сказано отцами, что путь вхождения в глубины духа указывает Сам Господь и что бывает это не ранее очищения сердца. Сам Он соединяет сердце с умом и Сам же с молитвой обитает в сердце, так как имя Господа неразлучно с Самим Господом. Да не дерзнет человек прежде очищения изобретать самовольно пути ко вхождению в недра сердечные – посрамится. Нет иного пути, кроме сказанного.

Делателю молитвы, пока он не пришел в меру чистоты сердечной, нельзя уделять внимания физическим ощущениям: теплоте в теле или в груди, жжению или некоему взыгранию внутри тела или под кожей. Все это нужно отвергать, не придавая никакого значения. Такая теплота имеет происхождение телесное, тварное. По преимуществу все эти явления естественно-нервные, – следовательно, без-

---

[36] Ин. 4, 24.

винные, но если принять таковые за благодатные, то последует прельщение.

Может ощущаться сладость в гортани, или некое благоухание, или нечто подобное, то есть действие одного из пяти внешних чувств. Ничему чувственному внимания не уделяй, гони прочь. Знай лишь молитву, заботься лишь о внимании. В молитве все нужное содержится, и она приводит к тому, что *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*[37]. Когда сердце очистится Богом, тогда Господь будет жить там и действовать, а в Господе и благодать, и дары, и всё и вся изобилуют вполне. Господь, дав Себя человеку, дарует ему и все то, что принадлежит Ему.

Бог дарует человеку возрождение добродетелей, укрепляя их в сердце, – вот что дивно и должно восхищать молящегося, а не что-то иное, чем можно пленяться. До обретения чистоты если и бывает воздействие благодати, то только такой, которая пробуждает от греховной спячки, а затем уже начинает действовать благодать наказательная и отступательно-обучительная, то есть благодать, которая руководит умом человека в деле спасения, учит его, совершенствуя во внимательном делании молитвы, в смиренной преданности воле Божией, в искусах борьбы за стяжание добродетелей, в познании своего ничтожества и греховности. И не иначе.

Все, считающие себя достойными даров благодатных, ожидающие наград, видений и чудотворений, оказались в сетях врага, а все, шествующие в искреннем сознании своих грехов, своей слабости, своего ничтожества и недостоинства, полагаясь только на Бога, по любви щадящего их, недостойных, но кающихся, благополучно достигали при-

---

[37] 1 Кор. 2, 9.

стани. Они, научась творить волю Божию, живут по ней и желания Божии исполняют, как свои собственные, ибо те и другие полностью совпадают.

Итак, все случающееся с тобой во время молитвы, доброе или худое, искушение или кажущееся благодатным, ты принимать во внимание не должен. Все надежды свои возложи на Господа – Он Сам в молитве действует Своей благодатью. Прилежи исключительно молитве, ибо в ней сокрыты все возможные дарования и чудотворения. Прилежно внимая молитве, ты шествуешь с Господом, а прильнув к чему-то другому, хотя бы казалось оно благодатным, ты оставляешь Господа. А все твое в Господе, и всякая минута, проведенная вне памяти о Боге, есть для тебя потеря.

Уста в период прохождения молитвы **умно-сердечной деятельной** нужно держать молчащими, еще строже, чем при молитве умной. В пище нужно иметь такое воздержание, чтобы лишь сохранялась жизнь. Сна имей шесть–семь часов, если молитва не потребует меньше, а при изнеможении и восемь часов. Никого не оскорбляй, всех прощай, смерть и адские муки вспоминай, когда только можешь. Жить в это время надо в нужде, все необходимое делать самому, ни на кого не рассчитывать. Благодари Господа за все и имей во всем полное воздержание. Против уныния сражайся молитвой и рукоделием.

Удобнее всего проходить эти три степени молитвы – **словесную**, **умную** и **умно-сердечную деятельную**, – находясь в нижнем чине, будучи послушником. Хотя и можно овладевшего **умной** молитвой постригать в мантию, а имеющего **умно-сердечную** – в схиму, но, как сказано, мирнее в послушническом сословии.

Исповедоваться и причащаться лучше часто, но не скорби, если случится слишком редко, лишь молитву внимательную не оставляй, и произволение твое сочтется Гос-

подом за само причастие[38]. Матерь Божия не причащалась ни одного раза, тогда еще не было установлено таинство евхаристии, но, совершая умное делание, Она, как видишь, достигла полноты чистоты и соделалась Матерью Сына Божия. Ценность причастия зависит не от частоты или редкости, а от благоговения перед Святыней и от сознания своего недостоинства. Уходившие в пустыни не видели лица человеческого и, за редким исключением, не причащались, но именно они, *ихже не бе достоин весь мир*[39], были велики в очах Божиих, а не часто причащающиеся. Помни любовь Божию к тебе и храни причастие с достоинством. Не уподобься Иуде предателю, в которого с причастием вошел сатана, и он причастился в погибель себе нескончаемую.

Причащаться можно только у православного священника. Слишком часто причащаться не советую, так как при этом человек утрачивает благоговение перед Святейшими Телом и Кровью Христовыми.

Нападения блудной страсти пусть не пугают тебя. Они случаются и при немощном теле, так как страсть эта паразитирует на нашем естестве, посему она и не ослабевает с возрастом и борение ею не удивительно вплоть до смерти. Если случится с тобой ночное осквернение, то рассуди,

---

[38] Нужно учесть, что автор этих строк прошел путь многолетних преследований и гонений. Опытный лагерник, он, как и многие верующие его поколения, имевшие опыт тюрем, лагерей и ссылок, был хорошо знаком с тяжелой для всякого христианина проблемой — невозможностью причаститься Святых Тайн. После 1958 г., как раз в то время, когда велись эти записи, началась новая антирелигиозная кампания, в соответствии с политической программой Н.С. Хрущева. В атмосфере надвигавшихся гонений многие ожидали повторения эпохи репрессий. «Не скорби, если случится слишком редко» приступать к Святой Чаше, — утешает вл. Антоний своих чад в предчувствии предстоящей скорби. – *н.н.*

[39] Евр. 11, 38.

имел ли ты перед сном соизволение к тому, усладился ли осквернением или скорбишь о нем. Если найдешь себя виновным в сладострастии, то срочно исправляйся. А если нет согласия со страстью и ненавидишь скверну, то не печалься – Господь вменит тебе это нанесенное диаволом или естеством оскорбление вместо подвига. Осквернившись во сне, встав, прочти «Правило от осквернения» (оно помещается в некоторых Правильниках и Молитвословах), положи, зависимо от сил, несколько поклонов, осудив себя, погрязшего в страстях, увлеченного страстью даже и во сне.

Когда такая печаль случается с тобой, пусть даже часто, но помимо твоего соизволения, то есть ты, засыпая, был с молитвой, а не в страстном упражнялся умом, тогда, прочитав «Правило от осквернения», не печалься – это случилось от зависти диавола, возбудившего страсть. В течение дня не вспоминай об этом, чтобы не осквернять ум, а внимай молитве как обычно.

Вообще, против всех страстей сражайся, скрываясь умом во внимательную молитву, и борись и борись. Книги читай относящиеся к твоему деланию, самое лучшее: Добротолюбие, Иоанна Лествичника, «Невидимую брань», Исаака Сирина, Паисия Величковского или других святых отцов трезвенников, а особенно пятый том Добротолюбия. Но не пренебрегай и указаниями в этом маленьком труде. В нем суть опыта, обретенного на пути, указанном святыми отцами, – он может послужить тебе, при неимении книг, вполне достаточным руководством в делании молитвы Иисусовой, умной и духовной. Другие книги и литературу художественную на время отложи и не читай, чтобы умом ты мог вращаться только в молитве и в относящемся к ней. Жизнь твою установи так, чтобы ты в молитве упражнялся согласно указанному выше.

Все сказанное доселе относится к молитве, находящейся в пределах человеческих возможностей. Прохождение молитвы **словесной**, **умной** и **умно-сердечной деятельной** осуществляется человеком ветхого состояния. Это период умного делания, когда молитва вершится усилием человеческим. Лишь на следующем этапе достигается всецелое исполнение воли Божией и молитва становится движимой Духом Святым.

Повторим, что во время умного делания, во весь деятельный период, от человека требуется постоянное принуждение к стяжанию навыка, постоянное внимание к молитве. Удобнее время проводить в уединении, уста сохранять в молчании, при необходимости говорить только о полезном – о смерти, аде, мучениях и страданиях нераскаянных грешников. В минуты больших печалей можно вспоминать о рае, о блаженстве праведников, ради чего ты и терпишь скорби на земле сей, исполненной печалей. Укоризны и всякое поношение переноси терпеливо Царствия ради Божия и ради вечно нескончаемой жизни. Все терпи безропотно: голод, холод, наготу, ожидания, искушения, болезни, утеснения, всякую печаль и всякую тяготу. В пище всегда имей воздержание, иначе отягчение будет томить. Бывай постоянно алчущим и жаждущим правды ради. Для этого всегда выходи из-за стола, когда не досыта наелся и напился, а ощущаешь потребность еще поесть и попить. Тогда голод и жажда между застольями будут непрестанными.

Ко всякому делу нужно приступать добросовестно и держаться всегда середины, то есть и вперед не забегать, и не отставать. В свободное время или когда ум устает от молитвенного напряжения, читать нужно книги душеполезные. Всячески избегай посещения тех мест, где не получаешь пользы ко спасению. Живущему при духовном отце

или в монастыре необходимо непременно отсекать свою волю и исполнять святое послушание, которое «выше поста и молитвы». Подвиги, к которым не призвал тебя Господь, – не начинай. Все нужное на всех степенях молитвы описано здесь. Держись усердно молитвы и всего здесь сказанного.

Начав творить молитву Иисусову, человек отдается водительству Божиему, и Господь Сам ведет таковых. Шествие иным, самочинным путем совершенно бесплодно, покаяние без Господа невозможно. В неудачах не надо отчаиваться, а в волю Божию предаваться, и тем в неуспехах пожнешь плод успеваемости. В пищу воображению нужно давать вид самого себя, полагаемого во гроб, с телом, кишащим червями, на заботу о котором столько убито времени. Ближним прощай все их оскорбления и осуждения. Осуждай лишь себя, но не других. Чужие дела может судить лишь тот, кто предварительно осудил справедливо себя.

В молитве не мудрствуй, а читай просто и со вниманием, имей веру дитяти, что Бог близ и слышит слова молитвы твоей. При неудачах не малодушествуй. Не допускай мыслей, что достигнешь того-то и тогда-то. Дела эти находятся в руках Божиих. Дары Он дает тогда, когда мы того заслужили исполнением воли Божией и когда мы способны принять их, а иначе новое вино из наших ветхих мехов будет пролито. Бог одаряет не ранее соответствующего молитвенного устроения, а от нас требуется постоянное самоосуждение. Твое дело – всегда себя понуждать, всячески предавать себя в волю Божию, о нас промышляющую, и, находясь в терпеливом ожидании, ни за что не оставлять молитву.

Пять внешних чувств – зрение, слух, вкус, осязание, обоняние – не распускай, всячески их стесняй, чтобы эти проводники зла в сердце, уводящие ум от молитвы, соблаз-

няющие на внешнее, не господствовали властно над тобой, увлекая тем, что воспринято. Помыслы, приходящие из сердца, нужно отгонять, разбивать их в молитве о камень имени Божия, будучи всегда во внимании, трезвясь и бодрствуя, блюдя чувства свои. Устраивайся так, чтобы ничто в твоей келье не могло развлекать тебя, чтобы все споспешествовало собиранию ума. Если падаешь, то есть забываешь молитву, помыслом развлекаешься, вставай, вспомнив о молитве, читай и внимай. И всякий раз, когда вспомнишь, начинай снова и слушай, чтобы молитва звучала в уме и в сердце.

В тайнике сердца

Все нужное для руководства на этих степенях молитвы здесь описано достаточно подробно и просто. Такие описания найти нелегко, что и бывало для меня величайшей скорбью при моей немощи в молитвенном делании. Древние святые отцы писали об умной молитве, но они, чуть приоткрыв нужное, тут же скрывали, давая лишь наводящую мысль, побуждая намеком к вопросам, – и начинающие обращались с вопросами к опытным, которых было в достатке, а опытные разъясняли, помогали разобраться в недоумениях. Человек, занятый умным деланием, встречаясь со множеством различных сомнений и искушений, сам почти не способен уразуметь сказанное в писаниях кратко и прикровенно. Святые отцы имели умы совершенные, и то, что у нас вызывает недоумение, для них было вполне понятным, поэтому лишних подробностей они не писали. Прояснить же нуждающимся детали было кому – делатели имелись.

Здесь писано в соответствии с учением отцов, во всех подробностях, без всяких сокрытий, ради пользы молящихся. Опытные сильно оскудели, почти не осталось знающих умное делание, которое есть спасение человека через зрение своей греховности и немощи, через сокрушение и очищение сердца. Потому ныне весьма потребно разрешать недоумения ищущего ума, дабы души искателей, скорбя и унывая, не впали бы в отчаяние.

Период деятельной молитвы, время самопринуждения определить годами или десятками лет невозможно. Срок зависит от усердия человека, от образа жизни, проведенной до молитвы, от степени огрубелости сердца, закоснелости его в самолюбии и страстях и от таких причин, как быстрота или медлительность порывания связей с миром, от усердия, с которым оставляется положение, имущество, деньги. Но при всех условиях закон для всех один – творить и творить молитву, держась указанного здесь, и ни в коем случае не оставлять ее.

Деланием молитвенным никогда не хвались и о нем никому, кроме старца, не говори, оно делается в тайнике сердца и делается не для того, чтобы заслужить похвалу. Оно нужно, чтобы избавиться благодатью от страстей, от греха и от диавола. Ты, грешник, имеешь в молитве нужду не для самовозношения, не для разглагольствования о ней, не для похвал, а для восприятия с благодатной помощью чистоты сердечной.

Правила большого себе не назначай, а имей правилом «непрестанное правило», то есть молитву непрестанную. Обычное же правило соблюдай так: читай молитвы вечерние – вечером, утренние – утром, читай акафисты, каноны, кафизмы и еще, что можешь. Нужно читать по главе из Евангелия и Посланий апостольских, после всего прилагай по пятьсот молитв Иисусовых, и вечером и утром. А когда

имеются неотложные дела, то испроси прощения у Бога, осуди себя, воздохни из глубины и, не смущаясь, делай дело с молитвой Иисусовой, заменяя тем обычное правило. Правило, читаемое по книге, можно сокращать, а число Иисусовых молитв нужно увеличивать по мере навыка, так как молитва Иисусова постепенно пленяет ум и он неохотно оставляет ее. Время между вечерним и утренним правилом проводи с молитвой Иисусовой.

Не давай добровольно никаких обещаний, так как неисполнение бывает причиной смущения, а исполнив обещанное, не избежишь мысли самопохваляющей или даже горделивой. Хорошо так: не обещать, но все желательное исполнять с помощью Божией. И правил с расположением «обязательно исполню» не набирай. В жизни всякого человека случается разное, и исполнение правил не всегда возможно, а из-за нарушения обязательств утрачивается польза и от ранее исполненного правила. В этом вопросе удобнее держаться такого порядка: установи себе правило продолжительностью в час—полтора, два—три или более, в зависимости от возможностей, и исполняй без всяких особых обещаний, не отступая, за исключением самых неотложных дел.

В недоумениях не унывай чрезмерно, молись, и Господь укажет решение или через голос совести, или через писания Богом вдохновленных святых отцов, или через Священное Писание. Все делай так, чтобы не поступать против воли Божией, явленной в Законе Божием, который дан нам в руководители.

Что касается писаний святых отцов-трезвенников о художественной молитве Иисусовой, то их указания на введение ума в сердце путем дыхания, на преклонение головы и сидение на пядельном стульце, на способствующее вниманию напряжение мышц давались для того, чтобы помочь в

отыскании сердечного места. Ты же поступай так, как неоднократно, просто и кратко указано тебе в этом писании. Делай так, и не ошибешься. А чувства сердечные сами укажут место уму.

О вхождении в глубину сердечную не беспокойся, лишь делай молитву, борясь со страстями, а Господь Сам вводит в очищенное сердце и ум, и молитву, ибо сердце – обитель Божия и путь в нее знает только один Бог. Пока сердце кипит страстями, ум туда погружать нельзя и молитве там быть бесполезно. Но истребится ветхий человек, и пребудут в сердце и ум, и молитва, и Сам Господь, ибо в молитве присутствует имя Божие, а где имя Его святое, там и Сам Господь благодатью Своею. Так следует разуметь о сердце и о пути в сердце.

Будь, делатель молитвы, в простоте, а не в ухищрениях дерзости. Господь слышит твою молитву, веруй сему и молись. С помыслами не соглашайся, греховного всего избегай, себя считай грешнейшим всех и всячески недостойным Бога. Плачь, скорби и молитве внимай.

Высшие степени молитвы

Молитва самодвижная

После всего пережитого на пути покаяния, после дней скорби великой человек приходит во всецелую преданность воле Божией и становится сыном Богу по благодати. Теперь ум вместе с молитвой вводится Богом в сердце на делание молитвы **умно-сердечной самодвижной**. Отныне человек приступает к истинному познанию и всецелому исполнению воли Божией, вступает в жизнь истинно духовную, а ум его обретает подлинное целомудрие, достигая, хотя еще едва приблизившись, одной из обителей ума, о коих сказано Господом: *В дому Отца Моего обители многи суть*[40].

Ум, войдя в сердце, праздно не стоит, а вместе с сердцем начинает творить молитву не словом уже и не мыслью, а самим сердечным чувством, не прекращающимся, не останавливающимся даже и во время сна, и во всякое время, так как чувство это вполне непрестанно. И молится человек непрерывно всем существом своего умно-сердечного естества ко Господу, поверяя Ему и повергая пред Ним всего себя с благодарностью сердечной. Все добродетели вошли в сердце с молитвой, а в их числе и чувство сердечного благодарения. Теперь начинается жизнь истинно духовно-

[40] Ин. 14, 2.

добродетельная, когда добродетели творятся не напоказ, а от всего сердца и в самом сердце.

Ум, однажды войдя в сердце, уже никогда не выходит вовне, разве что сам добровольно пожелает обратиться ко внешнему. Находясь же внутри, ум если и касается внешнего по необходимости где и когда нужно, то лишь поверхностно, без участия всего сердца. Водворясь в пределы сердечные, ум срастворяется с чувством духовным, и человек теперь, всей душой приближаясь к Богу, непрерывно беседует с Ним, – таково молитвенное делание человека, проводящего жизнь истинно духовную, целомудренную.

Действием молитвы оживляются добродетели, они возрастают, усиливаются, совершенствуются, *приходят от силы в силу*[41]. За одной возрастают и все. Рост в полную меру одной добродетели влечет за собой возрастание в ту же меру и прочих, ибо добродетели все одного естества и составляют одну единую душу. Добродетелей всех без одной и одной без всех не бывает, они пребывают в сердце и именуются истинными, а Истина одна и нераздельна.

Первой из истинных добродетелей, по вхождении ума в сердце, проявляется добродетель смирения. Истинное смирение есть не что иное, как подлинное познание самого себя, приводящее к смиренномудрию. При этом человек полноценно познает ничтожество своего горделивого «я», созданного из ничего Промыслом Божиим, и теперь это ничто показуется человеку через самосознание. Он постигает, что собственное существо его есть прах, а дух жизни, который вдохнул в него Творец, – душа его – есть дыхание Божие. Все драгоценное в нем – от Господа. Сам же он – прах земной.

---

[41] Пс. 83, 8.

Когда Господь, уже Сам во всем руководя человеком, дарует ему познать самого себя как самое ничтожное из всего сущего, тогда, нераздельно с самопознанием, дается человеку и познание Бога, у святых отцов именуемое «ведением истины». Ведение истины – Бога, по сути, является разумным видением Бога истинно духовными очами. Бог дает познать Себя, вкусить Себя, что и составляет искомую суть человеческой жизни. Это дар великий, награда, ни с чем не сравнимая. Это то, что можно созерцать и вкушать лишь истинно духовным вниманием. Вот почему это не может быть даровано ранее, в деятельный период, когда человек пребывает еще в состоянии ветхом.

Где дары, там и Сам податель даров – Бог. Кому Бог даровал истинную добродетель, тому дарует и Самого Себя, так как истинная добродетель есть добродетель Божия. Потому человек, всецело предавшись в волю Божию, получив от Бога искомое – ведение истины, жить начинает по-Божьи, жизнью истинно духовной, что и называется «жизнью по Богу», и это уже навсегда. Доселе же человек жил мудрованием плотским, хотя мог именоваться и слыть в обществе человеком духовным, но то была одна видимость.

По самому существу своему различается человек душевный от человека духовного, как учит тому апостол Павел[42]. Строго говоря, духовная жизнь в человеке начинается лишь после стяжания Духа Святого, Который и дает жизнь вечную духу человеческому.

---

[42] См.: 1 Кор. 2, 14–15.

Молитва чистая

Выше упомянуто, что после всецелой преданности в волю Божию первая степень уже истинно духовной молитвы именуется **умно-сердечной самодвижной.** О ней говорилось хотя и немного, но вполне достаточно. Затем следует более совершенная степень молитвы – молитва **чистая,** или непарительная. Такая **умно-сердечная** молитва совершается умом и сердцем, уже полностью очищенными от помрачения и страстей. Сердце бесстрастное молится чисто, помыслы из такого сердца уже не исходят, поэтому с чистотой неразлучна и непарительность, когда ум избавлен от помыслов и греховных желаний.

Такая молитва является поистине созерцательной, и человек теперь живет истинно духовной, целомудренной, созерцательной жизнью. Проводя такую жизнь, человек молится в истине Духом Святым. Добродетели истинного целомудрия взращиваются Господом во всё более высокие степени, Господь благодетельствует человеку настолько, насколько ум его способен воспринять, а душа восчувствовать посылаемую благодать. Бог отдает Себя человеку, и вопиет человек ко Господу, истаивая от Господней благоволительной к нему любви: «Утишь волны благодати Твоея, Отче Святый, ибо я таю, как воск».

При созерцательной жизни, в молитве **чистой** человеку становится доступным предвидение дальнейших степеней совершенства, которые возможно обрести на высших уровнях духовной жизни после вхождения в молитву **зрительную**. Ум при созерцательной жизни восходит от совершенства к совершенству, все добродетели возрастают до полноты своей, просвещаясь от доброт Божиих, питаясь духовной пищей Духа Божия с трапезы Отца Небесного, человек вселяется умом в обители Неба, проходя различ-

ные степени истинного ведения, посещая одну за одной всё более светлые обители Небесного Отца.

В созерцательности человек бывает крестоносцем, по подобию Христа Крестоносца, во всем творя волю Отца своего Небесного. Крестоносцем без скорби быть невозможно, так и Христос, Сын Божий по естеству, всю жизнь земную пребывал в скорбях. Скорби в созерцательной жизни объемлют всего духовного человека, но скорби эти не те, что у человека деятельного. Скорби эти – духовные. Всякое продвижение к высшему сопряжено с трудностями, и созерцатель подвергается скорбям, несмотря на то что он уже свободен от страстей. А скорби бывают столь великими, что перенести их возможно только тому, кем движет любовь сыновняя к Небесному Отцу. Все выше возводит Отец Небесный этого нового человека, по любви Своей Он открывает ему таинственные знания о человеке и о Самом Себе непостижимом.

При жизни созерцательной сон от человека бежит, тело забывает о пище, ум преисполнен полнотой откровений. Все это доступно, конечно, лишь крепким духовными силами. Любовь к Богу и ближнему приходит в меру неудержимую, ум горит, пламенея любовью.

Молитва зрительная

Все здесь написанное об истинно духовном уме, начиная со всецелой преданности в волю Божию и кончая молитвой **зрительной**, может быть правильно понято лишь тогда, когда человек сам придет в истинно духовное состояние целомудрия ума и души. Иначе любые попытки через чтение понять суть явлений духовных приведут к познанию

ложному, так как уму, плотски мудрствующему, невозможно постичь то, что явлено от Духа Божия, ибо истинно духовное является тайной.

Посему немногое можно сказать о молитве **зрительной**, ибо вступаем в ту область, где «да молчит всяка плоть человеча». А тот, кто Богом возводится в обители сии, сам становится тайнозрителем.

Созерцание предшествует истинному зрению разума. **Чистая** созерцательная молитва предваряет собой высшую степень всех добродетелей – молитву **зрительную**. Эта добродетель иначе именуется девством духа. В молитве **зрительной** ум непосредственно зрит Бога, постигает все дела Домостроительства Божиего, начиная с Божественного Совета о сотворении человека и кончая Вторым Пришествием Христовым и Страшным Судом, простирается на разумение великих Божественных тайн.

Достойнейшие из созерцательных умов вселяются Отцом в наивысшие небесные обители, в обители духовного девства, ибо нужно, чтобы хоть в некоторых действовали во всей полноте все возможности человеческого существа. В таковых духовное целомудрие переходит в духовное девство, созерцательная жизнь и **чистая** молитва переходят в молитву **зрительную**. Это устраивает Сам Господь Вседержитель, питая небесными таинствами такого небесного человека, живущего духовно, но телом еще скитающегося по земле. Бог вводит такого в **зрительную** молитву, в зрение сокровеннейших тайн Божиих, и это есть предельное просвещение ума и души в девстве духа, стяжание всех возможных совершенств, предельная близость к Богу, восшествие в апокалипсический град *новаго Иерусалима, сходящаго с небес от Бога моего*[43].

---

[43] Откр. 3, 12.

В это истинное девство духа Господь возводит редких. Отсюда человек славит Бога сердцем своим, в нем звучит слово, воспеваемое Церковью велегласно: «Светлеется Троическим единством, священнотайне». Душа, очищенная насколько это вообще возможно, согласно слову святого Макария Великого, «Сам Дух бывает» и премного любима Господом. И радуется Господь радостью Духа о такой душе – невесте Своей. Святые отцы уподобляют такие души солнцу, так как они живут, имея разум Божий, они свет прияли от Света присносущного.

Истинно духовная жизнь начинается с восприятия человеком всыновления Богу по благодати, а поскольку человек становится сыном, постольку становится, подобно Христу, духовным наследником Отца Небесного, и Тот дарует ему, сыну по благодати, Ум Христов, дабы усыновившийся жил во славу Бога.

Часть II

МИР И УМНАЯ МОЛИТВА

Без наставника

Едва ли не каждый читатель, открывающий книгу об умном делании, озадачен одним и тем же вопросом: что же делать мне – не имеющему наставника? Ответ давно дан одним из столпов исихазма – прп. Никифором Монахом[44]. Хотя, как прежде, так и ныне, не все согласны с его учением. Часто можно прочесть и услышать, что обучаться молитве *по книгам* нельзя. Но мнение это опровергается святыми отцами. Обратим внимание на известный трактат прп. Никифора в Добротолюбии[45], который считается (наряду со «Словом о трех образах внимания и молитвы» прп. Симеона[46]) основным источником описания художественных приемов молитвы[47]. Здесь мы встречаемся с

---

[44] **Никифор Монах, Уединенник, Исихаст, Исповедник** († ок. 1340), преподобный. Афонский подвижник XIV в., наставник и руководитель свт. Григория (Паламы) на поприще созерцания, о чем последний сам свидетельствует в своих писаниях. Автор трактата, посвященного практике умно-сердечной молитвы.

[45] См.: *Никифор Монах, прп.* Слово о трезвении и хранении сердца многополезное // Добротолюбіе (слав.). Т. 1. С. 320; Добротолюбие. Т. 5. С. 239.

[46] **Симеон Новый Богослов** (949–1021), преподобный (в тексте: прп. Симеон).

[47] Художественные приемы молитвы или *художество* (слав.) – аскетический метод сведения ума в сердце. Вспомогательная техника управления вниманием, способствующая достижению и поддержанию умно-сердечной молитвы. В греческой литературе этому понятию

утверждением, что отсутствие наставника не является препятствием к занятию умным деланием. Именно при невозможности найти опытного учителя прп. Никифор советует начинать обучение *по его книге*, при этом он предлагает прибегнуть к методу художества как к средству, заменяющему непосредственное старческое руководство.

Такая позиция святого отца не согласуется с распространенным в наше время представлением об умном делании, когда преобладает скепсис или даже полный запрет на какие-либо попытки углубленного занятия молитвой. Последнее может быть оправдано, если учесть, каково в массе реальное духовное состояние современных христиан. Но то, что оправдано в широком смысле, не обязательно должно распространяться на частные случаи. Беда в том, что отрицательное отношение, которое можно встретить у современных пастырей к умной молитве, — это не безобидное явление, но, по существу, одна из форм варлаамитской ереси, выражающейся в недопонимании необходимости для христианина умного делания. Варлаамизм не признавал нетварности Фаворского света и тем самым отрицал возможность живого богообщения в молитве и возможность обожения человеческой природы. Как следствие, варлаамиты, которым уподобляются некоторые современные пастыри, отвергали насущную потребность в обретении непрестанной умной молитвы. Между тем учение исихазма[48] призна-

---

соответствует термин «психосоматический метод», что означает — психофизический или буквально — душевнотелесный.

[48] Исихазм (от греч. ἡσυχία — покой, безмолвие) — выделяется четыре основных значения понятия исихазм: 1) Отшельничество, молчальничество. Первоначально термин исихазм означал созерцательный, отшельнический тип мон-ва, отличавшийся от общежительного и возникший уже в первые века христианства (III–IV) в Египте, Палестине и Малой Азии. 2) Школа духовной практики умного делания, связанная с Иисусовой молитвой (письменные упоминания с IV в.). Подвиг

ет практику умной молитвы *необходимым* средством на пути достижения богопознания и восхождения к обожению.

Обратимся к интересующему нас месту в вышеупомянутом трактате[49]. Всякий, приступающий к умному деланию, говорит прп. Никифор, нуждается в руководстве: «Нужно искать наставника незаблудного, – читаем в переводе свт. Феофана[50]. – Если нет на виду такого наставника, надо

монаха-исихаста определялся внутренним деланием, стремлением к личному обожению как началу преображения других людей и всего мира. *Исихия* как технический термин стал означать состояние внутреннего покоя, умственного молчания, которое достигается победой над страстями и позволяет перейти к созерцанию. Исихазмом называется и сам *метод* творения Иисусовой молитвы, описанный в трактатах (с X) и утвердившийся в среде византийского мон-ва (с XIII). 3) Богословская система свт. Григория Паламы. Его учение о нетварных энергиях, разработанное в процессе полемики с противниками исихазма, подтвержденное решениями Церковных Соборов. Учение утверждает возможность реального мистического, а не рационального богопознания и различает Божественную *Сущность* от *энергий*, в которых «сама Божественная жизнь предается тварям как личное Божественное Откровение». 4) Духовно-культурное движение, оформившееся в Византии (с XIV) и распространившееся на всю Восточную Европу и Московскую Русь. Цель и назначение жизни исихазм связывает с возможностью достижения человеком состояния обожения, стяжания просвещения Св. Духом. Исихазм – это жизненный принцип, пронизывающий индивидуальное бытие христианина на всех его уровнях и влияющий на все стороны общественных отношений. Отсюда возникает потребность подчинить все сферы бытия духовному деланию – из всего извлекать духовный опыт, творить все во славу Божию. Исихазм оказал огромное влияние на государственное строительство, политику, общественные нравы, культуру и искусство православных стран, способствовал возникновению целого ряда духовно-культурных центров византийского и славянского мира, взаимообогащающему сотрудничеству всех православных народов того времени, сплочению славян и объединению русских княжеств.

[49] «Потреба искати наставника непрелестна... Аще ли же наставника несть, потреба искати болезненно. Аще не обретается, Бога призвав в сокрушении духа и слезах, и с нестяжанием, Сему помолився, твори, еже глаголю ти...» Добротолюбіе (слав.). Т. 1. С. 330.

[50] **Феофан Затворник, Вышенский** (Говоров; 1815–1894), святитель (в тексте: свт. Феофан). Память 10/23.01.

поискать его, не жалея трудов»[51]. Затем преподобный пишет: «Аще не обретается», то есть «если же и при таком искании не найдется» таковой наставник, то тогда — «твори, еже глаголю ти», или — «делай, что скажу тебе». И далее дается описание приемов художественного метода умной молитвы: «Ты убо сед, и собрав твой ум, введи его в ноздренный путь...» и прочее.

Отсюда очевидно, что художественный метод, по мысли прп. Никифора, как раз и надлежит применять при самообучении по книгам, в случае «аще» учитель «не обретается». Текст же своего трактата преподобный рекомендует использовать в качестве письменного руководства. Таким образом, прп. Никифор, патриарх исихазма и наставник свт. Григория Паламы, благословляет при самостоятельном обучении умному деланию обращаться к аскетическим писаниям как к учебным пособиям.

Эту мысль можно встретить у афонских старцев. Так, Никодим Карульский[52] в своем Дневнике пишет, что был

---

[51] Добротолюбие. ТСЛ, 1992. Т. 5. С. 249.

[52] **Никодим Карульский** (†1984), схимонах. Послушник и сподвижник известного старца-отшельника Феодосия (Харитонова). Родом из крестьян Рязанской губ. Лишь две зимы проучился в деревенской школе, дальше — самообразование. В Первую мировую войну воевал на Южном фронте в Македонии, в чине старшего унтер-офицера, был трижды ранен. Еще до войны читал «Рассказы странника» и Добротолюбие и ощущал сильное влечение к Иисусовой молитве. Узнав о революции, не захотел возвращаться на Родину, порабощенную безбожниками, и пешком отправился на Афон. Подвизался на метохе Кромица, затем жил с пустынниками в скиту Фиваида. По совету игумена Пантелеимонова мон-ря о. Никодим обращался с вопросами об умном делании к прп. Силуану Афонскому, который направил его (1926) в послушание к отшельнику на Карули — старцу иеросхим. Феодосию, в прошлом профессору КазДА. Ученый старец отличался такой строгостью, что никто не мог ужиться с ним и не выдерживал более 1—3 месяцев. С о. Никодимом они подвизались вдвоем 11 лет на крутом обрыве скалы в строгом уединении. После кончины о. Феодосия (1937) о. Никодим продолжал свой подвиг в одиночестве, был духовно близок с братией русского Ильинского скита. Вл. Леонтий Чилийский посвятил

смущен предостережениями Добротолюбия об опасности уклонения в прелесть при самостоятельных, без опытного руководителя, занятиях художественной умной молитвой. Советуясь со своим старцем Феодосием[53], он получил успо-

---

схимон. Никодима во иподиакона, чтобы тот мог причащаться запасными Дарами, не покидая своей пустыннической кельи. С 77 лет до конца своей жизни старец Великим постом сорок дней не принимал никакой пищи. О. Никодим обладал богатым молитвенным опытом, был большим знатоком святоотеческих трудов и вел обширную переписку с людьми со всех континентов. Братство прп. Германа (США) состояло в постоянном духовном общении со старцем и окормлялось им. В 1979 г. по благословению старца в дебрях Северной Калифорнии основана девичья монашеская община в честь блаж. Ксении Петербургской, под духовным водительством иеромонаха Серафима (Роуза). Заочно благословляя сестер, старец говорил: «Постригайте их в монашество пустынножительское, и пусть они себе живут и тайно творят дело Божие на благо православия... С женщин много не спрашивается, они, как и мы, схимники, не участвуют в священнических административных делах. Пусть... молятся молитвой Иисусовой, преуспевая в художественном делании». Скончался старец Никодим (15/28.02.1984) в возрасте около 100 лет. Сохранились собственноручные записи о. Никодима, озаглавленные им «Дневник опытов и мыслей от молитвы трудовой-художественной» (1937–1944).

[53] **Феодосий Карульский** (Харитонов; 1869–1937), иеросхимонах. Афонский отшельник, известен как строгий подвижник и старец, духовник русских пустынников на Карули. Ученик одного из оптинских старцев. В прошлом архимандрит, воспитанник КазДА и ее профессор, ректор Вологодской семинарии. Отказавшись от всех должностей и званий, удалился в уединение на Афон и поселился на Карули, где отшельничал до самой кончины. Своей литературной деятельностью известен как в России, так и в Европе. Он нашел и впервые опубликовал рукопись трактата «Крины сельные», авторство которого приписывалось прп. Паисию Молдавскому, перевел с греческого несколько сочинений прп. Никодима Святогорца, вел полемическую переписку с известными учеными-богословами – митр. Антонием (Храповицким), проф. Н.Н. Глубоковским и другими. Во время афонской смуты о. Феодосий, по поручению Синода, провел богословский анализ движения «о почитании имени Божия», защищая православное учение о молитве; много писал он против введения григорианского календаря. Скончался на 69 году жизни (2.10.1937) на руках своего ученика и сотаинника схимон. Никодима Карульского, с которым 11 лет сподвижничал в строгом уединении. Известностью пользуются келейные записи о. Феодосия, опубликованные после его кончины под названием «Молитвенный дневник».

коительное разъяснение: «Это было сказано, – отвечал старец, – применительно к тем временам, когда кругом были наставники такого делания, а в наше время более подходящее правило Никифора Монаха, ибо по нужде и закона пременение бывает... По нужде, когда нет наставника-руководителя, можно употреблять предложенный Никифором Монахом способ умно-сердечной молитвы при помощи Божией»[54].

Художественный «метод молитвы является, в сущности, практическим средством для *начинающих*, позволяющим избежать рассеяния ума и мечтания». Это следует из учения свт. Григория Паламы, который «часто подчеркивает начальный и инструментальный характер этого способа, родственного, по его мнению, иным разновидностям телесной аскезы[55]». Святитель пишет: «Вполне уместно обучать, в особенности новоначальных... посредством дыхания посылать собственный ум внутрь. Ведь никто же из благомыслящих не станет воспрещать еще не достигшему созерцания вновь собирать в самого себя свой собственный ум некоторыми приемами... Советуют им внимать частоте выдохов и

---

[54] *Никодим Карульский, схимон.* Дневник опытов и мыслей от молитвы трудовой-художественной // www.hesychasm.ru.

[55] Аскеза (ἄσκησις) – подвиг. Метод, необходимый для исцеления и спасения человеческой души, для достижения духовного совершенства. Термином «аскетика» обозначается первый – *деятельный* период (πρᾶξις) пути духовного восхождения, цель которого – очищение сердца от страстей и достижение начального бесстрастия (ἀπάθεια), что становится возможным, когда все три очищенные силы души, образуя единое целое, устремлены к Богу. Достигается это через исполнение новозаветных заповедей путем синергии (взаимодействия Божественной воли и человеческой). Человек своими усилиями в подвиге приготовляет душу к восприятию благодати Святого Духа, само же преображение души осуществляется действием благодати. *Деятельный* период служит подготовкой для второго – *созерцательного* периода (θεωρία), в котором достигается просвещение ума и который ведет к третьему периоду – *обожению* (θέωσις).

вдохов и немного задерживать их, чтобы таким образом удержать ум»[56].

Из более поздних учителей обратимся к прп. Паисию Молдавскому[57]. Мы видим, что он очень остро осознавал, насколько необходим опытный проводник на узком пути умного делания. Не раз со всей серьезностью он возвращается к этому вопросу: «Художеством же святые отцы называют эту святую молитву, думаю, потому, что как художеству человек не может научиться сам собою без искусного художника, так и этому мысленному деланию молитвы без искусного наставника навыкнуть невозможно. Но дело это, по святому Никифору, и многим, или даже и всем, приходит от учения; редкие же без учения, болезненностью делания и теплотою веры, прияли его от Бога... Умом в сердце приносить Богу таинственную жертву молитвы, так как это духовное художество, без научения, как выше указано, невозможно»[58].

Но если дело это без научения невозможно, то само научение, за недоступностью учителя-старца, возможно посредством учителя-книги. Прп. Паисий вторит Никифору Монаху и разъясняет, что, при отсутствии живых носителей традиции, истинным наставником в умном делании могут и должны быть святоотеческие писания.

Надо учесть, что отцы при этом нисколько не умаляют значения послушания, которое необходимо оказывать своему духовнику. Об этом отдельный разговор пойдет ниже.

---

[56] Цит. по: *Мейендорф Иоанн, прот.* Жизнь и труды свт. Григория Паламы... СПб., 1997. С. 204.

[57] **Паисий Молдавский, Нямецкий** (Величковский; 1722–1794), преподобный. Память 15/28.11.

[58] Об умной, или внутренней, молитве: Сочинение блж. старца схимон. и архим. Паисия Величковского. М., 1902. С. 36.

В своей работе «Главы о умней молитве»[59] старец Паисий обращается к тем, кто в лице своего духовника не может обрести опытного и искусного наставника умной молитвы[60]. Такие наставники тогда (как и теперь, как и во многие другие времена) были редкостью, но это, говорит старец, не повод для отчаяния, и указывает, что нужно делать. Оставаясь в послушании у своего духовника[61], не самочинно – то есть взяв у него благословение, – нужно, уповая на Божию помощь, приступить к изучению отеческих писаний о молитве. Учение святых отцов, уясненное из книг, заменит, по уверению старца, истинного наставника тому, кто воспримет это учение с верой и последует ему с любовью. Отцы, просвещенные Божественной благодатью, до тонкостей изложили в книгах учение об умной молитве, у них и нужно учиться этому деланию. По их же молитвам благодать Божия будет нам помогать и, без всякого сомнения, вразумит, как научиться этому божественному делу.

---

[59] Таково название этого трактата в рукописном подлиннике Паисия. В издании Пантелеимонова мон-ря (1902) эта работа имеет заглавие «Об умной, или внутренней, молитве».

[60] Приводим текст по рукописи прп. Паисия: «Аще же и в послушание по Бозе себе предав, не обрел бы отца своего самым делом и искусом в сей божественной умной молитве, искусна наставника быти: в нынешнее бо время (увы, многаго плача и рыдания достойныя вещи) до конца сему деланию искуснии наставницы оскудевают, – то не должен есть о сем отчаяватися, но во истинном по заповедем Божиим послушании со смирением и страхом Божиим, а не в самочинном и своеволном без послушания житии, емуже прелесть последовати обыче пребывая, всю на Бога надежду возложив, вкупе со отцем своим, вместо истиннаго наставника, верою и любовию повинутися учению преподобных отец наших, о сем божественном делании, просвещением Божия благодати тонкочастне научающих, и оттуду о сей молитве научатися, и всяко благодать Божия поспешит и наставит молитвами святых отец, божественному сему без всякого сумнения научитися делу». Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... М., 2004. С. 228.

[61] В древнерусской традиции понятие *духовный отец* соответствует понятию *духовник*.

Нужно отметить, что в свою очередь свт. Игнатий[62], указывая на цитируемый здесь трактат прп. Паисия, отзывался о нем как о душеполезной книге, которая «показывает непрелестный образ упражнения Иисусовой молитвой... Таковое упражнение молитвой Иисусовой, – подчеркивает святитель, – приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди мира»[63].

В письмах прп. Паисия можно встретить конкретный пример, когда он рекомендует самостоятельно обучаться умно-сердечной молитве по книгам. В послании к монахине Марии (Протасьевой)[64] старец пишет: «Прилежно, с великим вниманием и размышлением, читай в отеческих книгах о молитве, совершаемой умом в сердце. Такая молитва есть самый истинный и наиболее богоугодный монашеский подвиг. Если ты, изучая святых отцов, уразумеешь с помощью Божией верное понятие об этой молитве, то

---

[62] **Игнатий Кавказский** (Брянчанинов; 1807–1867), святитель (в тексте: свт. Игнатий). Память 30.04/13.05.

[63] Собр. писем свт. Игнатия. М.–СПб., 1995. С. 249.

[64] **Мария** (Протасьева; 1760–1813), схимонахиня, в схиме Марфа. Мария Петровна Протасьева родилась в Ростове, происходила из богатой семьи, из старинного дворянского рода. С ранней молодости имела влечение к иночеству, 15-ти лет ушла из дома странствовать. Поступила в Костромской мон. Духовное чадо (с 1784) прп. Феодора Санаксарского (Ушакова), ездила на Соловки к сосланному туда старцу Феодору. По благословению старца мон. Мария стала настоятельницей Алексеевской Арзамасской общины, которой руководил о. Феодор. При ее управлении произошел духовный расцвет общины. Приняла келейный постриг в схиму. Имела дар духовной беседы. Сохранились письма, адресованные ей прп. Феодором. По смерти своего старца письменно обратилась за духовным руководством к прп. Паисию Молдавскому. Состояла в переписке с ним и с архим. Софронием Нямецким. Заказывала для своей общины списки книг в Нямецком мон-ре, сама же неоднократно отсылала в Нямец холст, свитки, деньги, священные сосуды, облачения и проч. Собиралась в поездку к старцу Паисию, но отменила ее, получив извещение от Бога о своей скорой кончине.

тогда, призывая на помощь Бога, понуждай себя на ее делание, и ты получишь от нее великую пользу для своей души»[65].

Прп. Паисий проповедует обязательное для христианина изучение святоотеческих писаний. «Позиция противников умной молитвы рассматривается им как грех, как внутренняя болезнь – "недуг душевный"...[66] Отрицание исихазма, подчеркивает старец, порождено пребыванием вне той реальности, в которой совершается обожение. Борцы против умной молитвы – это те, кто находится вне Церкви», их недоверие отцам – «это незнание и отсутствие опыта полноты христианской жизни, в которую вводят поучения святых отцов и Иисусова молитва». Отеческие писания «необходимы для духовной жизни, как воздух для тела, они нужны "к пользе душевной и исправлению и ко истинному здравому непрелестному и смиренномудренному разуму", они являются критерием распознания ортодоксии, орудием ее хранения и защиты... Творения отцов и умная молитва хранят христианина от ереси и способствуют проявлению в нем чуда преображения»[67].

---

[65] «Прилежно и с великим вниманием и испытанием прочитывай в книгах отеческих о молитве, единем умом в сердце совершаемей, яже есть самый истинный, паче всего приятнейший Богу подвиг монашеский, и аще Божиим споспешеством уразумееши о ней истинный разум от учения святых отец, то и понудися на делание ея, Бога призывающи в помощь, и велию от нея пользу души твоей обрящеши». Житіе и писанія Молдавскаго старца Паусія. С. 267.

[66] Ср.: *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 405, 406.

[67] Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... М., 2004. С. 322, 323.

Добрый послушник

Когда в отеческих писаниях звучит скорбь об утрате истинных наставников, духоносных и благодатных старцев, то нужно понимать, что речь идет прежде всего о руководителях, способных обучать умному деланию. Именно это имеют в виду как свт. Игнатий, так и другие отцы – и до и после него: «В нынешняя лютая времена... здравому учению и истинным наставником не малое оскудение», – восклицал прп. Паисий Молдавский[68]. «Сейчас больше нет старцев, подобных Паисию Молдавскому», – восклицают современные подвижники[69]. Но сетование отцов: «нет старцев!» – вовсе не означает повсеместного отсутствия пастырей-духовников. Надо понимать различие между этими двумя видами церковного служения, и главное – понимать значение послушания, совершенно необходимого в обоих случаях.

Существует особый вид духовного руководства – обучение молитве, умному деланию. Старческое достоинство в этом случае определяется отнюдь не священным саном. Наставник или наставница, руководящие в этой области, могут быть и мирянами, но чем необходимо обладать им, так это духовной зрелостью, опытом прохождения основных стадий молитвы и незаурядной интуицией. Шаблонные приемы в этом случае не помогут, тут нужно «каждый отдельный случай понять и разобрать верно... Каждый человек – глубочайшая тайна и совершенно неповторимая судьба, у каждого свой особенный путь, к каждому необходим свой ключ. Без тончайшего духовного чутья, без большого опыта внутренней жизни никак невозможно кого-

---

[68] Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго. 2001. С. 248, 249.
[69] *Серафим (Роуз), иеромон.* // Источник. 2001. № 10 // www.sophrony.narod.ru

либо вести по пути спасения»[70]. Но и этого мало, учитель еще должен быть наделен благодатью наставничества[71]. Не всякий опытный созерцатель может повести послушника по пути обучения молитве, так как личный опыт всегда субъективен[72]. Истинный наставник должен обладать особым даром распознавать индивидуальные возможности каждого ученика, видеть, как и куда его направить. О периодической утрате именно таких старцев и воздыхают духовные писатели разных поколений.

Иной вид служения – традиционное духовничество. Любой христианин призван оказывать послушание тому священнику-духовнику, у которого он окормляется[73]. Это

---

[70] *Лазарь (Абашидзе), архим.* Мучение любви. Саратов, 2005. С. 162.

[71] Один из признаков, указывающих на благодатного наставника, это непрестанная молитва, в которой пребывает обладатель такого дара. «Основным качеством богоносной души является не столько бесстрастие поступков, сколько непрестанная молитва. Духовный человек не перестает молиться, и именно поэтому он таинственным образом... приобретает внутреннее расположение помогать другим». *Иосиф Мон.* Старец Иосиф Исихаст. С. 108. Проблема только в том, чтобы суметь распознать этот признак, а это как раз и бывает не под силу новоначальному. Ведь чтобы отличить настоящего молитвенника от того, кто таковым только кажется, чтобы суметь «разглядеть» в другом действие благодатной молитвы, чтобы, например, не спутать состояние благодатное с состоянием одержимости, – для этого самому нужно обладать определенным опытом.

[72] Это общая закономерность, она дает о себе знать и в других, не столь сложных и тонких областях, как духовная жизнь. Если человек достиг мастерства в своем деле, это еще не означает, что он способен научить других. Известен, например, случай, когда правительство Италии обратилось с просьбой к великому оперному певцу Энрико Карузо позаниматься с молодым человеком, одаренным необычайно красивым тенором. Приступив к занятиям, Карузо, который не был педагогом, через некоторое время с ужасом обнаружил, что его ученик безвозвратно потерял свой голос. См.: *Пустынникова Г.Н.* Восстановление речевого и певческого голоса... С. 158.

[73] Окормление – происходит от слова *кормчий* (производное от *корма* корабля) – рулевой, управляющий движением судна, путеводитель, руководитель.

общий принцип церковного устроения, по древнему определению – «послушание Богу посредством человека». Послушник исполняет по благословению духовника конкретные дела, советуется по вопросам внутренней жизни и тому подобное.

Служение учителя молитвы существенно отличается от духовнического. Разница в том, что учитель должен быть наделен особым благодатным даром, тогда как послушание духовнику не ставится в прямую зависимость от духовного уровня пастыря. Духовник может не обладать никакими высшими дарованиями, но пасомый все равно обретет пользу для души от послушания как такового. В этом таинственная сила подвига послушания.

Человеку, расположенному к углубленным занятиям молитвой, но не имеющему наставника и потому доверившемуся отеческим писаниям и руководству Божией благодати, необходимо, как заповедует прп. Паисий, хранить послушание своему духовнику – даже если этот пастырь не может научить «поиску сердечного места» и «не имеет опыта видения нетварного света». Не со всяким священником, предупреждают отцы, можно обсуждать свой молитвенный опыт. Но это никак не препятствует полноценной исповеди и не мешает оказывать этому священнику церковное послушание как духовнику.

Суть верного отношения к делу выражена в кратком слове наставника умной молитвы старца Ефрема Святогорца, который сегодня по всему свету обучает внутреннему деланию и иноков, и мирян: «От монаха-послушника требуется непоколебимое послушание старцу, который являет видимый образ Спаса Христа. От всех же христиан требуется приведение своей жизни в соответствие с указаниями духовников и послушание канонам единой святой Православной Церкви, чтобы никто не блуждал по пути своих по-

хотений и желаний, от чего нас предостерегает Священное Писание»[74].

Насколько приступающему к молитве необходимо послушание старцу-наставнику или, при его отсутствии, своему духовнику, – можно убедиться, открыв любую святоотеческую книгу. Приведем только одно высказывание прп. Паисия, которое, видимо, не нуждается в переводе: «Богоноснии отцы о молитве сей [сиречь умом в сердце совершаемей] учаще, начало ея и основание непоколебимое, послушание истинное глаголют быти, от негоже истинное раждается смирение: смирение же хранит подвизающагося в ней, от всех прелестей самочинником последующих... Истиннии послушницы... всегда в страсе и трепете суть... и Богом всегда храними... за истинное свое смирение, еже благодатию Божиею истинным послушанием своим стяжаша»[75].

Тому, кто не имеет, но искренне желает найти истинного наставника молитвы, прежде всего необходимо блюсти нелицемерное послушание своему духовнику. Только добросовестный, усердный послушник, стяжавший благодать смирения, обретает надежду на такую встречу. Ослушник, даже приведенный к духоносному старцу, не сможет получить благодатной пользы, – в беседе от него ускользнет самая суть наставлений, или же он поймет их превратно. А в ином случае, как то не раз случалось, по недостоинству вопрошавшего, Господь вообще заграждает уста старцу.

То же самое касается тех, кто ищет духовного руководства в книгах. Добрый послушник, обращаясь к писаниям отцов, бывает просвещаем свыше, он способен проникнуть вглубь и постичь потаенную мысль. Когда при чтении оста-

---

[74] *Ефрем Святогорец, архим.* Отеческие советы. Саратов, 2006. С. 433.
[75] Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... М., 2004. С. 289.

ется неясность, послушливый смиренно обращается к старшим за разрешением недоумений. Господь и тут не оставит послушное чадо, Он всегда найдет способ, как просветить человека или через собрата, или иными путями. Именно на это указывают дерзновенные слова старца Никодима Карульского: «Молитва учителя не требует, она сама учитель: ты только прислушайся к ней и точно исполняй требования ее, и она поведет тебя своим мановением и покажет, что надо делать»[76]. Подобным же образом на вопрос об умной молитве отвечал старец Паисий Святогорец: «Старайся творить молитву, и она сама тебя научит»[77].

С другой стороны, человеку самонадеянному, живущему вне послушания, грозит умственная слепота. Книжная премудрость оказывается сокрытой от него, он спотыкается на букве и не в силах проникнуть за «оболочку» слова, так как духовный смысл постигается в неискаженном виде только при помощи благодати. Человек, вышедший из-под благодатного послушания, теряет разум, и тогда могут случаться большие беды[78].

---

[76] *Никодим Карульский, схимон.* Дневник опытов и мыслей от молитвы трудовой-художественной // www.hesychasm.ru

[77] *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 249.

[78] Тогда, вместо того чтобы смиренно поучаться, ослушники берутся, например, сочинять свои «учения» или новые «догматы». Начинает казаться, что молиться Богу нельзя без членства в партии, называемой «имяславие» или как-нибудь иначе. Вместо того чтобы молиться Богу, начинают спорить об имени Бога. Вместо брани с врагом учиняют брань с матерью-Церковью. Люди, утратившие смирение, теряют «дух мирен», ту благодать, к стяжанию которой призывал прп. Серафим. Тогда помраченный ум совсем забывает о том, что со времен Иисуса Христа все христиане зовут своего Бога по имени, а Он отзывается им, что для этого не нужны никакие новые партии или секты, не нужны никакие новые догматы, а нужно лишь исполнение старых заповедей о смирении и послушании.

Невидимые стены

В 1780-е годы, когда прп. Паисий напряженно трудился над своими переводами в Нямце, на Святой Горе прп. Никодим[79] заканчивал работу над предисловиями к Добротолюбию и творениям прп. Симеона. Автор предисловий подчеркивает, что главное назначение этих изданий – вы-

---

[79] **Никодим Святогорец** (Калливурцис; 1749–1809), преподобный. Греческий подвижник и духовный писатель, почитается как великий духовный просветитель и учитель. В миру Николай Калливурцис, родился на о. Наксос в семье Антония и Анастасии (в схиме Агафия). Окончил Евангельскую школу в Смирне (1770), обладал феноменальной памятью: «Ему достаточно было один раз прочесть книгу, чтобы запомнить ее на всю жизнь». Служил секретарем митр. Анфима (Вардиса) у себя на родине. Решительно уклонился от посвящения в иерейский сан. Принадлежал к движению колливадов – ревнителей чистоты Св. Предания. Познакомившись с митр. Макарием (Нотарасом), мужем высокой духовной жизни, учености и рассудительности, будущим святителем Коринфским, Николай получил от него благословение на мон-во (1774), тогда же завязалась их дружба. В дальнейшем все свои главные издательские труды Николай будет осуществлять с советом и при содействии владыки. Под влиянием митр. Макария, афонского старца иеромон. Арсения Пелопоннесского и старца-исихаста Сильвестра Кесарийца, ставшего на время его наставником, 26-летний Николай принял решение удалиться на Афон. Он поступил в мон. Дионисиат (1775), где подвизался 2 года и принял постриг с именем Никодим. После этого жил в безмолвии с тремя старцами на Капсале, затем в пустынной каливе в полном уединении. Последующие 3 года (с 1781) Никодим провел в послушании у старца Арсения Пелопоннесского, год жил на пустынном о. Скиропула близ Эвбеи. Постриг в схиму Никодим принял от старца Дамаскина (1783) и поселился в келье близ Пантократора. Позже жил в каливе св. Василия у старца Сильвестра, год провел в мон-ре Пантократор, в конце концов уединился в собственной каливе на Капсале. Никодиму было тогда около 45 лет, он был полностью погружен в молитву и в свои писания. Подвижник умного делания, он проводил свое житие в строгом безмолвии и полной нищете, усердствовал в бдении и воздержании. «Пищей его был иногда сваренный в воде рис, иногда – вода с медом, а по большей части он питался маслинами и размоченными бобами». Ходил «одетым в ветхую одежду», не носил другой обуви, кроме грубых лаптей из шкуры дикого кабана. Обладая многими дарами благодати, он был и мудрым старцем-наставником, и неутомимым борцом с ересями и инославными

полнить роль наставника, «передать учение об умном делании и созерцательной жизни». Причем передать не одним только инокам, но и «пребывающим в мире верным». Он доказывает, что евангельское учение о совершенстве обращено и к мирянам, он убеждает их заниматься духовным деланием, которое хотя и свойственно монахам, но вменено в обязанность и мирским людям. «И пусть не говорит никто из мирян, – пишет он, – что писания прп. Симеона написаны для иноков, а не для мирских: нет, брат... это слово лукавое, это слово неразумное, которым ленивый и нерадивый ищет повода ко греху». Многие страницы Добротолюбия подтверждают возможность «хранения ума» и упражнения в умной молитве среди многомятежного мира.

Рассуждая о необходимости для мирян посвящать себя умному деланию, прп. Никодим произносит грозное слово: «Причина, по которой столь мало спасающихся в нынешнее время, не иная, как та, что мы вознерадели об этом возводящем к обожению деле; а без обожения ума, как сказал некто, ни достигнуть святости, ни даже спастись человеку невозможно: что и слышать ужасно! ибо спасение и обожение – одно и то же, по учению богомудрых отцов[80]»[81].

учениями. Будучи высокообразован, он владел пятью языками, был глубоким знатоком св. канонов и преданий. Им написано и переведено множество духовных книг, составлены службы святым, церковные песнопения и гимны. Митр. Макарий, собрав рукописный материал для знаменитого Добротолюбия, вручил его Никодиму для редактирования (1777), и тот стал редактором-составителем этого труда (1782). Никодим автор и соавтор таких известных книг, как «Евергетин» (Благодетель), 1783; «О постоянном причащении», 1783; «Невидимая брань», 1796; «Пидалион» (Кормчая), 1800, и др. Общее количество изданных и неизданных трудов прп. Никодима достигает 112 томов. Подвижник отошел в вечность 14/27.07.1809. Канонизирован в Греции (1955) и в России (1956). Память 1/14.07 (на Афоне 14/27.07).

[80] В данном случае понятие *спасения* отождествляется с понятием христианского *совершенства* (обожения), что не редкость в текстах писателей-аскетов, для которых спастись часто «означает вкусить удо-

Уже совсем в другое время и в весьма удаленном месте о том же предмете размышлял священник Валентин Свенцицкий[82]. Отбывая в 1924 году ссылку в Пенджикенте Самаркандской области, отец Валентин составил свой труд о молитве Иисусовой «Тайное поучение. О нашем спасении». Идея «монастыря в миру», которую пастырь будет в дальнейшем активно развивать, отражена уже в этой книге.

стоверение обожения еще в этом веке». Здесь спасение подразумевает не только исцеление поврежденного падением естества, т.е. возвращение из нижеестественного состояния в естественное, но и «выход за пределы тварного естества через благодатное единение со Христом». Отсюда характерный для монашеской литературы акцент на «невозможности спастись» без крайнего самопонуждения в подвиге, без «соединения с Господом еще здесь на земле». Однако такое «не-спасение» не является синонимом вечной погибели, это «лишь указание на величие и редкость достижения полноты жизни во Христе». Между тем в русской традиции принято различать понятия спасения и совершенства на основании евангельской притчи о богатом юноше (Мф. 19, 16–21). См.: Комментарии // Цветник... С. 51, 376.

[81] *Феоклит Дионисиатский, мон.* Прп. Никодим Святогорец. М., 2005. С. 126, 228.

[82] **Свенцицкий Валентин** (1882–1931), протоиерей. Родился в Казани, в дворянской семье, переехавшей (1897) в Москву. Учился на филологическом, юридическом и историко-философском факультетах Московского ун-та. В числе его друзей П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Эрн, А. Ельчанинов, А. Белый, кн. Е. Трубецкой. Свенцицкий организовал нелегальное общество «Христианское братство борьбы» (1905), активно выступал как литератор и лектор в Москве и Петербурге. После издания книг «Второе распятие Христа» и «Антихрист» автор подвергся судебному преследованию (1908), в состоянии глубокого духовного кризиса он под чужим именем скрылся во Франции (1909). В Россию он возвратился (1910-е) уже другим человеком, оставив все «мудрствования», с намерением всецело предаться служению Церкви. Свенцицкий едет на Кавказ, встречается с монахами-отшельниками и пишет книгу «Граждане неба» (1915). Он становится духовным чадом прп. Анатолия (Потапова) и желает принять постриг, но старец благословил его вести монашескую жизнь в миру, заняться умным деланием и принять священный сан. О. Валентин был рукоположен (1917), служил в Москве. Он принял участие в Гражданской войне как священник Белой армии, издал брошюры (1919) с призывом к сопротивлению злу большевизма силой. С 1920 г. он продолжил службу в Москве, обвинял в проповедях органы ЧК в организации обновленчества. Арестован, сослан в Среднюю Азию. В Пенджикентской

«Молитвой Иисусовой, – пишет отец Валентин, – обычно подвизаются там, где благоприятные к тому условия жизни: послушание, постоянная молитва, уединение. В монастырях. Но условия эти не всегда достижимы, особенно теперь. А потому духовному художеству умной молитвы надо учиться в миру... С молитвенным деланием необходимо должно сопрягаться послушание, и решение отречься от своей воли должно предшествовать умной молитве. Если человек живет в миру, а не в монастыре, он должен все же иметь старца или духовника, которому надлежит оказывать безусловное послушание, дабы отречься от своей воли... Послушание духовнику – необходимое подготовление к научению умной молитве... Но как быть, если нет руководителя? Ужели отказаться от умной молитвы? Как быть тому, кто, по словам старца Паисия [Величковского], не нашел "искусна наставника"? Старец велит "повиноваться учению преподобных отец наших"...

В мирской жизни труднее борьба со страстями, потому что вся мирская жизнь зиждется на страстях и все, окружающее человека, питает страсти. Поэтому пустынное уединение всегда избиралось подвижниками для молитвы... Но

ссылке он написал очерк об Иисусовой молитве, адресованный его духовным чадам. Вернувшись (1925) и служа в Москве, выдвинул идею «монастыря в миру» – особого духовного пути в условиях гонений. Декларация митр. Сергия (1927) вызвала у о. Валентина резкий протест, что послужило поводом для нового ареста (1928) и ссылки в Сибирь. В ссылке была написана книга «Диалоги», здесь же выстрадано решение восстановить каноническое общение с митр. Сергием, направлено покаянное послание. Скончался о. Валентин под Тайшетом (7/20.10.1931), получив полное прощение митр. Сергия. Гроб с телом почившего священника прибыл в Москву лишь месяц спустя. Во время отпевания (7.11.1931) в храме Троицы в Листах на Сретенке при огромном стечении народа гроб был открыт, – «отец Валентин лежал как живой, со спокойным, просветленным лицом, без обычных признаков тления». Часто посещаемая верующими могила прот. Валентина находится на Введенском (Немецком) кладбище.

уединение и безмолвие можно создать и в миру, лишь бы хотеть этого. Свт. Григорий Богослов говорит: "Заключился я сам в себе, тишину и безмолвие признал единственной безопасностью для души". Не из пустыни писал он это, а оставаясь в миру, но отойдя в сторону от тех бурь и волнений, которые его окружали... Общение с людьми чуждого духа допустимо лишь по крайней необходимости. С теми, с кем невозможна общая молитва, – без нужды не должно быть общения...

Не все могут оставить мир, уйдя в монастырь. Но все могут и в миру подвизаться молитвой Иисусовой. И в миру можно жить как в пустыне. Как говорил свт. Иоанн Златоуст: "Мы должны душу свою ввести в самую необитаемую пустыню. И в этой пустыне молитва Иисусова создаст для молящегося как бы тайный духовный монастырь". Иисусова молитва – это камень, из которого созидаются стены сего монастыря. Один камень за другим кладет человек, произнося слова этой молитвы, и день за днем, год за годом – вокруг души возрастают невидимые стены, отделяющие его от мирской жизни... Такой человек – тайный монах тайного монастыря, еще не принявший пострига, живущий для всех окружающих в миру, но для себя ушедший в монастырь ради умной молитвы»[83].

* * *

Конечно, есть и среди современного духовенства убежденные приверженцы исихастской традиции. Например, отец Григорий Пономарев в своем «Духовном дневнике» пишет о необходимости занятия в миру Иисусовой молитвой и привлечении к этому делу пасомых; он подчеркивает

---

[83] *Свенцицкий Валентин, свящ.* Тайное поучение. О нашем спасении: О молитве Иисусовой. Пенджикент: рукопись. 1924. С. 62–69, 109, 110.

«ошибочность мнения, даже и авторитетных духовных лиц», которые полагают, «что это делание – удел немногих и что за него и думать нечего приниматься»[84].[85] Немало ныне и других пастырей, благорасположенных к умной молитве, понимающих значение этого подвига в мирской жизни. Речь о них впереди.

В то же время, архиепископ Аверкий[86] отмечает опасную тенденцию: «В недрах нашей Церкви все более "возрастают люди, которые говорят превратно"[87]», эти «развратители истины» стараются внушить ошибочную мысль о предназначении подвижнической жизни лишь для монахов, но не для мирян. «Они прельщают многих своими вкрадчивыми словами, пытаясь убеждать всех, будто прежний аскетичес-

---

[84] Старец призывал: «Каждодневно понуждать себя молитвой – *внутренней, сердечной.* Какая благодать от такой молитвы!.. Береги самое дорогое – молитву. Потеряешь молитву – все потеряешь... В нашу обязанность, – пишет старец, – входит непрестанно молиться... Непрестанно, не торопясь, с покаянным чувством надо читать молитву Иисусову... Эта краткая молитва удобна и спасительна. Когда мы читаем Иисусову молитву, то освящается воздух и тело и злые духи боятся приблизиться к нам». Внутренняя молитва «не ограничивается ни временем, ни местом, ни другим чем внешним и может никогда не прекращаться, почему и называется *действием* молитвы, т.е. чем-то пребывающим неизменно».

[85] См.: *Пономарева О.* Во имя Твое. С. 361, 367, 368, 594, 595, 599.

[86] **Аверкий** (Таушев; 1906–1976), архиепископ. Родился в Казани в семье правительственного чиновника, после революции покинул Россию (1920). Окончил богословский факультет Софийского ун-та (1930). Пострижен в монашество и рукоположен в священный сан (1931). Вел просветительскую работу в Подкарпатской Руси (1932–1940), служил приходским священником в Белграде (1940–1944) и в Мюнхене (1944–1951), преподавал (с 1951) в Св.-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США). Хиротонисан во епископа Сиракузского и Троицкого (1953). Ректор семинарии, настоятель Джорданвилльского Св.-Троицкого мон-ря (1960–1976). Даровитый проповедник и духовный писатель, скончался 31.03/13.04.1976, похоронен на кладбище Св.-Троицкой обители.

[87] *Из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою* (Деян. 20, 30).

кий строй нашей Церкви “устарел”, “отстал от жизни”, далеко, мол, ушедшей вперед... Эта зараза поражает самое существо православия в его учении о подвиге как необходимом средстве спасения... Особенно странно и трагично, что люди, называющие и считающие себя христианами, наивно думают, будто можно оставаться христианами, ведя жизнь рассеянную, в постоянной суете, развлечениях, удовольствиях и даже в гонке за наживой».

Пренебрежение умной молитвой, по мнению владыки, есть признак беды: «Это грозное знамение полного упадка духовной жизни, крайнего оскудения внутреннего делания: духовная жизнь подменяется и заменяется жизнью *душевной*[88] и даже жизнью *плотской* – животной». С упадком умного делания владыка связывает и прошлые наши и будущие катастрофы: «Только на почве таких настроений», как забвение умного делания, «и мог иметь успех коммунизм-большевизм, поработивший нашу несчастную Родину, за последние два века своей истории отказавшуюся от столь прежде любимого православным русским человеком внутреннего делания... Отказ человека от самого главного, самого необходимого для его спасения – от внимания к себе и внутреннего делания – не мог пройти ему даром. А то ли еще ожидает человечество впереди...»[89]

* * *

Для нас особенно интересно и авторитетно мнение тех, кто ради молитвы удалился от мира, – иноков, посвятивших свою жизнь подвигу умного делания, а тем более – мнение подвижников современной пустыни.

---

[88] См.: 1 Кор. 2, 14.

[89] *Аверкий [Таушев], архиеп.* Великий пост и сущность христианства. Киев, 2004. С. 143–145, 160–162.

Вот рассуждение опытного пустынника, ныне подвизающегося в горах Кавказа. Когда евангельский слепец, говорит отец Константин[90], кричал: *Сыне Давидов, помилуй мя*, то *многие заставляли его молчать*. Но он кричал еще больше[91]. Это образ того, как противостоять действию врага. «Лукавые советники предлагают прекратить молитву под самыми разнообразными предлогами: "Да ты все равно не умеешь молиться... Это бесполезное дело, оставь... Все равно ты не получишь настоящей молитвы... Сегодня нет наставников в делании молитвы, оставь ею заниматься, а то в прелесть впадешь!" – и прочие разнообразные предлоги внушаются нам бесами, не допускающими нас призывать Целителя и Спасителя нашего. И если мы перестаем молиться, то делаем большую ошибку...

Нет такой души в мире, о спасении которой не заботился бы Господь. И потому Бог слышит современных людей и внимает их, пусть даже немощным, молитвенным обращениям. Иногда мы спускаемся с гор в селение, останавливаемся у мирских людей, общаемся со здешними жителями. И порой мы просто удивляемся, насколько в таких осуетившихся, казалось бы, до предела людях теплится живая, искренняя вера». Простая мирянка рассказывает: «Я пошла помолилась, и Господь дал мне по молитве...» Откуда у этой женщины такая сила молитвы? Эта сила – от веры. В ее прошении полная уверенность и доверчивость: «Я стояла столько времени, молилась, и Бог меня не услышит? Этого

---

[90] **Константин**, монах. Иноческий путь начал более 30 лет назад в одной из пустынь Кавказа. Его первым руководителем стал глинский старец схиархим. Серафим (Романцов), в дальнейшем его духовным попечителем был схиархим. Виталий (Сидоренко). В течение ряда лет пустынник вел беседы с монашествующими и мирянами, записи этих бесед частично были опубликованы в альманахе «Задонский паломник» и отдельными брошюрами (2000, 2004, 2005).

[91] См.: Мк. 10, 46–52.

не может быть!» И она в самом деле получает то, о чем просила.

«Господь заботится о каждом человеке, а о современных людях, может быть, даже больше, нежели о наших благочестивых предках, которые жили два или три века назад. Потому что те люди не имели таких соблазнов, не имели такой развращенности нравов, не имели такого осуечения, такого пагубного окружения... Бедные современные дети!.. Они имеют в своих душах засеянного греха несравненно больше, нежели их сверстники, скажем, в XIX веке. Но, несмотря на этот скорбный факт, отчаиваться не стоит. Как говорит старец Паисий Святогорец, хотя современные молодые люди и узнали все зло, все множество таких грехов, которых не знали прежние люди, тем не менее они могут спастись, если проявят особо усердное покаяние...

В молитве Симеона Метафраста[92] есть такие слова: “Идеже умножися грех, преизобилует благодать Твоя”[93]. Это значит, что, несмотря на наше бедственное состояние, на то, что мы пропитываемся злом все больше и больше, Господь все-таки заботится о нас, умножая Свою благодать и преизобильно изливая ее на каждую заблудшую душу»[94].

Мирянину труднее

Как известно, не найти более высокой требовательности к подвигу, чем среди пустынников на Святой Афонской Горе, потому с особым вниманием прислушиваемся мы к размышлениям святогорцев. И вот высказывание подвиж-

---

[92] Молитва 4-я ко причащению. В некоторых современных Молитвословах она опущена.

[93] Ср.: Рим. 5, 20.

[94] *Константин, мон.* Беседа о молитве. 2005. С. 7, 8, 47, 48.

ника нашего времени – старца Анфима[95]: «Я уверяю вас, что и в наши дни много святых людей подвизается в многоэтажных домах, в шуме и загазованности больших городов, среди треволнений и житейских забот. Есть еще благодатные люди, которые понуждают свою природу, свое естество и живут более добродетельной жизнью, чем многие подвижники в пустыне. Для них справедливо изречение: "Освящает человека не место, а образ жизни"»[96].

По словам старца Паисия Святогорца, «есть миряне, живущие очень духовно. Они живут, как подвижники: соблюдают посты, совершают службы, молятся по четкам, кладут поклоны – несмотря на то, что у них есть дети и внуки. По воскресеньям такие люди идут в церковь, причащаются и снова возвращаются в свою "келью", подобно пустынникам, которые в воскресный день приходят в со-

---

[95] **Анфим Святогорец** (Зафиропулос; 1913–1996), архимандрит. Юноша родом из греческой деревни прибыл на Афон в 17-летнем возрасте и поступил в скит св. Анны, где принял монашеский постриг и духовно возрастал под руководством старцев братства Феофилеев. Он был рукоположен в диаконский (1933) и в иерейский сан (1936), позже стал архимандритом и духовником братии скита. О. Анфим, окончивший только начальную школу в Афинах, восполнил недостаток образования интенсивным самообучением. Изучив богатейшую библиотеку мон-ря Ксиропотам, он «прекрасно разбирался не только в богословии, но и в самых разных областях науки – в философии, медицине, астрономии, математике, истории. Даже ученые специалисты изумлялись глубине его познаний, безупречной логике». На Св. Горе все доверяли его знаниям и дару рассуждения. «Его слова, – говорил старец Паисий Святогорец, – мудры, чисты и полны Божией благодати». Отмечали в нем еще одно качество: «всем сердцем он возлюбил умное делание». Старцы высокой духовной жизни Ефрем Катунакский, Георгий Григориатский, Емилиан Симонопетрский, Алексий Ксенофонтский почитали о. Анфима как исключительного духовника, весь Афон называл его Духовником с большой буквы. Обладая благодатной прозорливостью, старец считал этот дар совершенно естественным, повторяя слова Антония Великого: «Ничто не помрачает ум, кроме греха; для чистого нет ничего сокрытого». День своего отшествия ко Господу (28.06.1996) старец предсказал за год до кончины.

[96] *Харалампий Бусьяс*. Старец Анфим из скита св. Анны. Минск, 2005. С. 104.

борный храм скита и потом опять безмолвствуют в своих каливах. Слава Богу, в мире много таких душ... Я знаю одного главу семьи, который постоянно творит Иисусову молитву – где бы он ни находился. Этот человек всегда имеет в своей молитве слезы. Его молитва сделалась самодвижной, и его слезы сладки, это слезы божественного радования».

Вспоминает старец рабочего Яниса, который трудился на Афоне на самых тяжелых послушаниях, работая за двоих: «Я научил его творить за работой Иисусову молитву, и постепенно он к ней привык. Однажды он пришел ко мне и сказал, что, творя молитву, он чувствует большую радость. “Забрезжил рассвет”, – ответил я ему». Однако вскоре Янис был убит пьяными хулиганами. И вот, по прошествии нескольких дней он явился во сне одному монаху, не знавшему, где искать инструмент, который Янис куда-то положил, и показал, где найти его. Вот так простой трудяга-мирянин сумел достичь столь высокого состояния духа, что «смог помогать другим и из жизни иной».

Знал старец Паисий еще одного рабочего, – этот портовый грузчик обладал такой молитвой, что смог воскресить из мертвых нераскаянного грешника. Его тесть был при жизни большим сквернословом и никак не желал исправляться. Тяжело заболев и попав в больницу, он так и умер. Узнав об этом, грузчик отправился в морг и с болью в сердце взмолился: «Боже мой, прошу Тебя, воскреси его, чтобы он покаялся, а потом забери обратно». Мертвый открыл глаза и зашевелился, работники морга в ужасе разбежались. Оживший тесть совершенно поправился и прожил пять лет в покаянии. Когда этот грузчик приехал к старцу Паисию, то на лице его старец «увидел сияние и понял, что он жил очень духовно». Человек этот был весьма прост и имел такое смирение, что даже не помышлял о

том, что он воскресил мертвого, но лишь благодарил за это Бога[97].

Старец Паисий был знаком с благоговейным мирянином, адвокатом по профессии, который, занимаясь Иисусовой молитвой, достиг в миру высших молитвенных состояний, редких даже и для отшельников. Пребывая в созерцании, этот городской подвижник погружался в сияние Фаворского света. Рассказывал старец и об одной продавщице из большого города Янина, тайной подвижнице, торговавшей в киоске и бравшей на воспитание родственников-сирот. «Ум этой рабы Божией часто бывал восхищаем в созерцание». Люди, приходившие за покупками, не понимали ее состояния, думали, что она повредилась умом и пребывает в прострации. Пока избранница Божия пребывала в созерцательной молитве, покупатели сами брали из киоска все, что нужно, и оставляли деньги.

Из обращавшихся к старцу Паисию людей, ехавших к нему со всех пяти континентов, большинство были мирянами. Желая «помочь своим братьям, живущим и подвизающимся в миру, старец начал писать книгу, основанную на примерах из жизни разных добродетельных мирян». К сожалению, кончина старца прервала этот труд. Сегодня, говорил старец о мирских подвижниках, надо «показывать людям на настоящие звезды – то есть на добродетельных христиан. И, к счастью, таких христиан много. Я знаю много положительных примеров. Эти христиане достигли чистоты... они понимают смысл Евангелия и могут принять Божественное просвещение»[98].

Мы имеем возможность услышать мнение ныне здравствующих старцев Афона, один из них – отец Ефрем Свя-

---

[97] *Паисий Святогорец, старец.* Слова. М., 2004. Т. 4. С. 169, 170, 193, 194.

[98] *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 136, 196, 672–674.

тогорец[99] – самый известный из учеников Иосифа Исихаста. О подвизающихся мирянах старец говорит: «В миру множество людей, главным образом женщин, которые трудятся в молитве, несмотря на то, что у них мирские попечения, дети, работа и множество других обязанностей. Однако они выкраивают время для молитвы и поминания имени Божия...[100] Я знаю тысячи душ в миру, я бы сказал, во всем мире, которые понуждают себя на молитву, и это приносит чудесные плоды. Молитва укрепляет их в духовном подвиге, она просвещает их изнутри... И они не могут более жить без молитвы... Мы видим, как освятились миряне, занимаясь молитвой... человек, где бы он ни был и какую бы жизнь ни проводил, занимаясь этой чудотворной молитвой, сподобляется благодати Божией... Пребывая в миру, подвизай-

---

[99] **Ефрем Святогорец, Филофейский** (Мораитис; р. 1928), архимандрит. Широко известный старец, проигумен афонского мон-ря Филофей, настоятель мон-ря прп. Антония Великого (Аризона, США), проповедник и просветитель Северной Америки. Самый молодой из 5 ближайших учеников Иосифа Исихаста. В миру Иоаннис из г. Волос, сын Димитрия и Виктории Мораитис. Юноша не получил образования, окончил всего 2 класса гимназии, в 19-летнем возрасте прибыл на Афон (1947) и сразу поступил в послушание к старцу Иосифу. Принял священный сан и постриг в схиму, 12 лет провел «у ног старца». После кончины наставника о. Ефрем стал духовным руководителем Благовещенской кельи Нового Скита, потом кельи св. Артемия в Провате, затем, в течение 17 лет, оставался игуменом мон-ря Филофей (1974–1990). О. Ефрем активно способствовал возрождению духовной жизни на Афоне во второй половине XX в. после глубокого ее кризиса. Наладив внутреннюю жизнь обители, старец воспитал несколько групп учеников, восстановивших такие мон-ри, как Каракал, Костамонит, Ксиропотам, скит св. Андрея Первозванного. По особому указанию Божию старец Ефрем, вверив Филофей одному из воспитанников, покинул Афон (1990) и отправился в США и Канаду, где основал 18 мужских и женских мон-рей. Ныне (с 1995) этот пустынник с 60-летним монашеским опытом безмолвствует в Аризонской пустыне, в основанной им обители св. Антония, недалеко от г. Финикс, при этом старец периодически навещает свое отечество, ради окормления святогорцев.

[100] *Ефрем Святогорец, архим.* Жемчужины подвижнической мудрости. ТСЛ, 2001. С. 55, 56.

ся, читай, молись, сколько можешь, твори молитву, ибо сила ее величайшая... И в миру, и в тишине гор можно достигать многого благодаря молитве... Каждый из нас может стяжать внутреннюю молитву – средство общения с Господом. Она дается даром, необходимо только старание, чтобы погрузиться в пучину молчания и глубину сердечную, а также забота о сколь возможно частом призывании имени сладчайшего Иисуса Христа»[101].

Нынешний насельник Святой Горы, широко известный старец отец Емилиан[102] рассказывал, что знает иноков в миру, «которые в ужасных условиях живут», но, измученные ежедневным столкновением с миром, они подвизаются «в большей строгости», чем афонские монахи. Ведь «трезвение, – говорит старец, – охраняет любого человека... Трезвение не есть привилегия одних подвижников, созерцателей, но и всех тех, кто имеет сознание, пользующееся миром сим, как не пользующееся[103]»[104]. В проповедях старца звучат такие слова: «В наши дни, слава Богу, многие говорят об умной молитве и издают невероятное число книг на эту тему. Даже дети сейчас знают, что это такое. Все от ма-

---

[101] *Ефрем Святогорец, архим.* Отеческие советы. Саратов, 2006. С. 135, 417, 418, 444, 453.

[102] **Емилиан Симонопетрский, Метеорский** (Вафидис; р. 1935), архимандрит. Греческий старец, почетный игумен мон-ря Симонопетра на Афоне и духовный наставник женской Благовещенской обители в Ормилии (самый большой женский мон. в Греции). Ранее был настоятелем Преображенского мон-ря Большие Метеоры в Греции и окормлял женскую обитель св. Феодора. Перешел вместе со своей братией (1973) в запустевший к тому времени святогорский мон. Симонопетра, что послужило восстановлению древней обители. О. Емилиан «одна из выдающихся духовных личностей нашего времени. Во многом с его именем связано возрождение монашеской жизни в Греции и на Афоне в 60–90 годы XX века. Он соединяет в себе черты древнего аскета-исихаста и ревностного церковного деятеля». Старец Ефрем Катунакский называл о. Емилиана «вторым Иосифом Исихастом».

[103] См.: 1 Кор. 7, 31.

[104] *Емилиан, архим.* Слова и наставления. М., 2006. Т. 1–2. С. 63, 250.

ла до велика спасаются ей... Умное делание охватывает весь мир и доходит до каждого человека»[105].

Желающим в наше нелегкое время вести правильную духовную жизнь, говорит старец Ефрем[106], в первую очередь нужны «духовник, умная молитва и жизнь в таинствах Церкви... Необходимо иметь умную молитву и часто приобщаться Святых Христовых Тайн... Конечно, необходимы и пост, и послушание, и борьба со страстями... Необходимо иметь на пути ко спасению и духовного руководителя».

Некоторые, не имея наставника, опасаются заниматься Иисусовой молитвой, боясь, что умное делание может увести в прелесть. Однако «если человек не имеет молитвы, – говорит по этому поводу старец Маркелл[107], – то, лишая себя ее, испытывает большие трудности. Молитва необходима христианину. Когда человек пребывает в молитве, ему намного легче идти по жизненному пути. Да, мы сегодня испытываем большую нужду в старцах, которые могли бы правильно руководить нашей духовной жизнью. Многие паломники из России говорят, что им очень тяжело в духовной жизни, им даже трудно понять некоторые вещи, о которых пишет старец Иосиф Исихаст. Причина такого состояния людей заключается в том, что они не имеют своих старцев и потому страдают. Ведь, живя без молитвы и духовного руководителя, они уже находятся в заблуждении... Но если человек хорошо постарается, чтобы найти старца

---

[105] *Емилиан, архим.* Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М., 2002. С. 346.

[106] **Ефрем**, игумен. Греческий старец, настоятель Св.-Андреевского скита на Афоне. Мирскую жизнь оставил в 1976 г., более 20 лет подвизался в мон-ре Филофей, несколько лет был игуменом общежительной обители.

[107] **Маркелл**, иеромонах. Старец мон-ря Каракал. В прошлом школьный учитель, оставил мир из любви к Пресвятой Богородице. 25 лет на Афоне, 7 лет жил в мон-ре Филофей, последние 18 лет – в Каракале.

(а они есть), то тогда он смело под его духовным руководством может заниматься молитвой Иисусовой. И тогда может быть спокойным и не бояться сетей прелести, так как, находясь у старца в послушании, он будет защищен». Иногда говорят, что сейчас нет старцев, но «это неверно – старцы есть. Я соглашусь с тем, что их не так уж много, но они есть. Нужно только найти».

Действительность, однако, такова, что большинство христиан вынуждены оставаться вне старческого окормления. Тогда, продолжает отец Маркелл, «если не могут найти старца, пусть найдут просто духовного человека, который был бы способен помогать им, и они смогли бы открыть ему свои помыслы. Если ты кого-то осудил или имеешь телесную брань или рассеивание ума – все это можно открывать духовнику, ведь не обязательно это должен быть старец. Если мы открываем все духовнику, мы не только очищаемся, но и стяжаем смирение. Если тебе твой духовник скажет, что он не очень много знает о молитве Иисусовой, и при этом скажет тебе творить молитву... то ты, не смущаясь, исполняй сказанное, помня, что его духовное руководство над тобою покрывается и управляется благодатию Божией, и поэтому ты не будешь подвержен заблуждению». В то же время, если не открывать помыслы духовнику, «то лукавый враг будет постоянно искушать».

Как же приступать к занятиям Иисусовой молитвой новоначальному? «Мирянину труднее, чем монаху, – говорит старец Дионисий[108]. – В первую очередь нужно стяжать

---

[108] **Дионисий** (р. 1910), схимонах. Старец румынского скита Калитсу на Афоне, по происхождению румын. Подвизаться начал с юности в румынских скитах, в 16-летнем возрасте прибыл на Св. Гору. Уже 8 лет, как старец полностью лишился зрения, по этому поводу он говорит: «Бог для того лишил меня зрения, чтобы через него не рассеивался мой ум. Тем самым Господь сохранил меня от многих искушений, которые приходят через зрение. В жизни мне пришлось увидеть много всего, но

смирение, – это фундамент гранитный, без которого нельзя преуспеть в молитве ни монаху, ни мирянину. Чтобы стяжать умную молитву, нужно воевать много-много лет. И если ты невнимателен, то непременно проиграешь, потому что враг особенно борется с теми, у кого умная молитва... Чтобы не рассеиваться в мыслях, когда молишься, – ум да пребудет у Престола Божия. Забудь, что ты на земле. Пока твой ум на земле, ты не можешь иметь молитву ума... Повторяя непрестанно Иисусову молитву в уме, ты добьешься того, что она начнет работать денно и нощно».

Трудно найти подлинного духовника, старца, поэтому многие уповают на книжные знания, на святоотеческий опыт, собранный в писаниях. «Святые отцы пророчествовали, что истинные учителя оскудеют в последние времена. Надо стараться исправлять самого себя, а не ждать этого от других. Конечно, жить без духовного наставника не очень хорошо... Следует быть предельно внимательным, потому что здесь есть особая опасность: можно пребывать в молитве много лет и возгордиться этим. Тогда, несмотря на многие годы духовной борьбы и стяжание молитвы, можно вмиг лишиться благодатного состояния. И все это – за единое минутное самовозношение... Когда возвышается ум, человек теряет все». Самое важное в Иисусовой молитве – «отречение от своей воли... Никогда не говори: “Я хорош”, – как только сказал это, так сразу потерял молитву... Считай себя хуже всех людей... более грешным, чем все люди. Только при этом условии можно стяжать благодать Святого Духа. Вот и весь секрет!.. Тогда и Господь будет вас хранить. Не имея смиренномудрия, сколько бы мы ни старались восходить к Богу по духовной лествице, все равно

перед исходом в мир иной мне дана возможность лучше видеть свое греховное состояние».

все потеряем... Сатану можно победить только смиренномыслием»[109].

Принцип жизни

Схимонах Иосиф Ватопедский

Ватопедский старец[110] уделяет обсуждаемой нами теме особое внимание. Будучи воспитан в строжайшей традиции святогорских пустынников, прошедший суровую школу отшельнической жизни, схимник Иосиф, сам являясь приверженцем строгого уединения, имеет совершенно опреде-

---

[109] Битва во Христе: беседы на Св. Горе Афон. Пермь, 2005. С. 6, 20, 23, 24, 29–33.

[110] **Иосиф Ватопедский, Монах** (р. 1921), схимонах. Старец мон-ря Ватопед, духовный писатель и проповедник. Один из 5 ближайших учеников старца Иосифа Исихаста. Родился на о. Кипр в многодетной семье простых крестьян, окончил только два класса начальной школы и не получил никакого систематического образования. В 16 лет поступил в мон. Ставровуни (Кипр), где принял монашеский постриг. Через 8 лет по благословению старцев обители отправился на Афон (1945). Здесь, после 2-летних поисков, он обрел духовного отца – выдающегося аскета старца Иосифа Исихаста, у которого 12 лет находился в полном послушании. После кончины старца (†1959) его братия некоторое время жила под руководством старца Арсения Пещерника (†1983). Со временем ученики Иосифа Исихаста собрали каждый свою собственную общину. О. Иосиф удалился на безмолвие в пустыню, а затем стал основателем и духовником братства в Новом Скиту и духовником мон-ря Кутлумуш. Его постриженником и одним из первых учеников стал архим. Ефрем, нынешний игумен Ватопеда. По решению Св. Кинота Св. Горы и с согласия Константинопольской Патриархии о. Иосифу было поручено (1989) внешнее и внутреннее восстановление Ватопедского мон-ря (крупнейшего среди афонских обителей, второго по чину после Великой Лавры). С тех пор старец Иосиф является духовным наставником Ватопедской братии. Все эти годы он, по установленной им традиции, ведет постоянные беседы с братией и паломниками-мирянами. Несмотря на то что старец не получил никакого богословского образования, в его беседах открывается подлинное богословие, исхо-

ленное мнение по поводу умного делания в мирских условиях. Его взгляд для кого-то может оказаться неожиданным. Познакомиться с такой позицией для нас интересно и полезно[111].

«У многих людей, – пишет старец Иосиф, – возникает вопрос: могут ли христиане, находящиеся в миру, занимать-

---

дящее из практического опыта и благодатного просвещения. Его книги – это значительный вклад в современное богословие, потому что все написанное лично пережито автором. Тщательное изучение древних и современных отеческих писаний, а также непосредственное ученичество у выдающихся подвижников взрастили богословие старца Иосифа. Его духовное наследие еще недостаточно изучено, а в России вообще малоизвестно, между тем богословское и аскетическое учение старца заслуживает серьезного исследования. Особый интерес представляют сочинения о. Иосифа, автора более 15 книг. Среди них: «О кончине мира и об антихристе», «Старец Иосиф Исихаст и святоотеческое Предание», «Афонские беседы», «Поучения с Афона», «Афонские призывы», «Воспоминания о святых подвижниках», «Афонское свидетельство». Уступая настойчивым просьбам братии, о. Иосиф издал свою главную работу «Старец Иосиф Исихаст. Жизнь и Учение», написав к ней подробное толкование, которое является самостоятельным сочинением. Этот труд считается «классическим произведением монашеской литературы XX века». Книга «Блаженный Послушник» была посвящена духовному брату и сподвижнику автора – старцу Ефрему Катунакскому, многолетнему ученику Иосифа Исихаста. «Ватопедские оглашения» – это слово о современных принципах афонского мон-ва и «своеобразный внутренний типикон всей духовной традиции Афона». «Слова утешения» старца Иосифа несут в себе духовную силу человека, «сподобившегося просвещения животворящей благодатью Божией, которая очистила его сердце и озарила ум светом богопознания». «Житие прп. Неофита Затворника» и «Житие прп. Иоакима Ватопедского (Папулакиса)» кроме сведений о жизни святых имеют многочисленные отступления, в которых приводятся аскетические размышления старца. Главная тема книги «От смерти – к Жизни» – это обожение во Христе в противопоставлении гуманизму современной европейской культуры. Книгу «Аскеза – матерь освящения» можно считать кратким систематическим введением в аскетику, здесь на основе личного опыта излагается святоотеческое учение о духовной жизни. – *Архим. Давид, наместник Богородице-Сергиевой пуст.*

[111] В своей книге «Аскеза – матерь освящения» отец Иосиф посвящает интересующему нас вопросу отдельную главу: «Занятие умной молитвой в миру».

ся умной молитвой? Я отвечаю на него утвердительно: да!»[112] «В величайшей прелести оказывается тот, кто думает, что делание молитвы есть долг лишь исключительно преуспевших монахов, а не обязанность всякого верующего вообще»[113].

Для тех, кому не хватает познаний, говорит старец, нужно объяснить суть дела, чтобы их не смущало бытующее противоречие мнений и несходство истолкований умного делания. Молитва, которая «называется умной... ни в коем случае не запрещена мирянам, как утверждают некоторые... Любой человек, где бы он ни был, может мысленно призывать имя Христово»[114]. «Всякий верующий должен прилагать максимум усилий, чтобы благой Владыка наградил наше намерение и даровал молитву... Пусть всякий, независимо от возраста и пола, будет уверен, что получит от этого труда большую пользу... Других средств, кроме молитвы, способствующих нашему спасению, не существует... поэтому молитва навсегда останется принципом жизни и высшим идеалом для мыслящих существ... Молитва должна сопутствовать каждому человеку во всякое время, на всяком месте и при любых обстоятельствах, в какие бы ни ввергало его волнующееся море жизни»[115].

Молитвенный подвиг ведет к высшему созерцанию – состоянию, «превосходящему нашу природу». Правда, что «достижение совершенства – редкое явление, доступное немногим выдающимся подвижникам», но стремиться к нему – «долг каждого христианина». «Нет разницы между верующими, живущими в миру, и монахами. Единственное

---

[112] *Иосиф Ватопедскйи, старец.* Аскеза – матерь освящения. М., 2005. С. 83.

[113] *Иосиф Ватопедский, старец.* Слова утешения. 2005. С. 135.

[114] *Иосиф Ватопедский, старец.* Афонские беседы. СПб., 2004. С. 138, 139.

[115] *Всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом... И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите* (Флп. 4, 6; Мф. 21, 22).

различие – это вопрос брака и имущества». Конечно, «для монаха подвиг более легок», так как он отдален от причин греха. Это дает некую начальную свободу, но того же может достичь и мирянин через соблюдение во всем разумной меры. «И пусть нас не пугают масштабы сегодняшнего отступления от веры в мире», ибо мы сильны не сами по себе, а *Богом*[116].[117]

Мы говорим «только о так называемой *умной молитве* – предмете наиболее актуальном для благочестивых верующих», ибо слишком часто этой молитве «дают неверные и даже фантастические истолкования», между тем это «самое совершенное средство для соединения с Богом... Молитва является единственно обязательной, необходимой работой для всей мыслящей (человеческой и ангельской) природы. Поэтому апостол и предписал молиться непрестанно[118]». Вслед за святыми отцами постараемся «убедить наших братьев, живущих в миру, заняться умной молитвой».

Тому, кто «обратит ум внутрь, в самый центр нашей разумной личности, и недвижно пребудет там с мыслью, содержащей сладчайшее имя Господа нашего Иисуса, предстоит ощутить божественное утешение ценой наименьших усилий». Однако это священное делание требует подобающих условий: достаточного уединения, устранения от лишних забот, от любопытства к различным событиям и их толкованию и вообще всестороннего воздержания. Необходимо развить привычку к безмолвию. Важен и распорядок, чтобы всегда приступать к молитве примерно в одно и то же время. Все это «вполне достижимо для благоговейных лю-

---

[116] *Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом* (2 Кор. 10, 4).

[117] *Иосиф Ватопедский, старец.* Слова утешения. 2005. С. 128, 135–137, 232, 233, 243.

[118] *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17).

дей... Прекрасный пример для начинающих содержится в первой части книги “Откровенные рассказы странника”».

По учению отцов, всякий христианин обязан «дать кровь» – приложить усилия в одолении духовного пути, тогда, даже если он не достигнет цели, Бог все же причислит его по милости Своей к тем, кто достиг, и потому «все мы, христиане, должны подвизаться в молитве, особенно – в умной молитве». Когда человек хранит молитву в сердце, он преодолевает искушения, которые всегда подстерегают его[119], молящийся не помрачается умом, не совершает безрассудных поступков, не ошибается в суждениях. «Можно привести множество примеров современных людей, в частности молодых, которые через благую привычку к молитве спаслись от страшных несчастий, от впадения в великие грехи или даже избежали смерти». Желающие умно молиться «пусть, не медля, испытают это прекрасное делание, и тогда не найдется у них слов, чтобы возблагодарить Бога за Его милость, которую Он оказывает всем хотя бы немного потрудившимся в этом делании».

Неопытные люди часто рассуждают об опасности прельщений. Старец Иосиф говорит об этом: «Угрозы прелести не существует, если молитва произносится в простоте и смирении». Чтобы избежать опасностей, нужно изучать отеческие писания. Учение отцов изложено ими «вполне ясно и просто, так что любой православный человек, то есть крещеный и обладающий верой, может осуществить все это и достичь духовного веселья и радости, пребывая под Божественным покровом и заступлением».

«У современных старцев, – пишет отец Иосиф, – с которыми я общался, в миру было много учеников, мужчин и женщин, состоящих в браке и безбрачных, которые от со-

---

[119] *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41).

стояния новоначальных, при содействии благодати Христовой, взошли на более высокую ступень... Я уверен, что нет более простого, легкого и почти для всех достижимого духовного искусства, чем краткая Иисусова молитва, приносящая столь разнообразную пользу и преуспеяние в современной житейской неразберихе среди великого смущения, отказа от духовной жизни и неверия... Она позволяет ценой малого труда и незначительных усилий исполнить вселенскую заповедь – *непрестанно молитесь*[120]».

Особенно возрастает в наш век значение руководства по книгам: «Необходимо изучение сочинений святых отцов и известных духовных писателей... По нашим грехам Бог сегодня попустил недостаток в опытных святых мужах[121]. Изучение духовных писаний становится *обязанностью*, восполняющей наше неведение и неопытность среди моря извращенных и сатанинских провокационных идей, которые совращают не только тех, кто находится вне Церкви, но и верных христиан[122]».

Современность вынуждает к *самостоятельности* в изучении по книгам теории и в прохождении молитвенной практики. В связи с этим старец объясняет: «Моя цель – побудить и воодушевить каждого верующего к деланию молитвы, чтобы впоследствии он учился на *собственном* опыте... Все обязаны заниматься молитвой Иисусовой – умной молитвой, с твердой верой, что получат от нее великую пользу, на каком бы уровне духовной жизни они ни нахо-

---

[120] I Фес. 5, 17.

[121] Во исполнение предреченного через пророка Амоса: *Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних* (Ам. 8, 11).

[122] Прямое отношение к нам имеют евангельские слова о том, что *лжепророки* нашего времени постараются *прельстить, если возможно, и избранных* (Мф. 24, 24).

дились... Если же кто-то желает достичь еще большей высоты, куда влечет его всесвятая благодать, пусть опять-таки пройдет через этот подготовительный этап. Когда же он достигнет надлежащего уровня, уведомит его о том сама благодать Божия»[123].

Орел умной молитвы

Архимандрит Харалампий Дионисиатский

Очень узок был круг непосредственных учеников Иосифа Исихаста, но на этих избранниках сбылось пророчество старца Иосифа: «На них будет опираться вся Святая Гора». Так говорил старец о своих воспитанниках, предрекая нынешнее возрождение исихастской традиции[124]. Одним из таких столпов стал недавно покинувший этот мир отец Харалампий[125], старец, которого называли «орлом умной молитвы».

---

[123] *Иосиф Ватопедскйи, старец.* Аскеза – матерь освящения. М., 2005. С. 69, 70, 83–88.

[124] Подобное предсказывал и схимон. Кирилл из Нового Скита. Предвидя, какую роль сыграют члены братства Иосифа Исихаста в будущем духовном расцвете Афона, старец Кирилл говорил: «Из этих калив выйдет много игуменов». Действительно, из непосредственных учеников старца Иосифа выросло 5 игуменов, а если считать и их последователей, то – 7, один из них стал епископом. *Иосиф, мон.* Старец Арсений Пещерник. С. 42.

[125] **Харалампий Дионисиатский** (Галанопулос; 1910–2001), архимандрит. Настоятель афонского мон-ря Дионисиат, наделенный благодатными дарами старец. Один из 5 ближайших учеников Иосифа Исихаста. Племянник и крестник старца Арсения Пещерника. Родился в России в благочестивой многодетной семье понтийских греков Леонида и Деспины (в мон-ве Марфа), хорошо знал русский язык. Старец Арсений (присный сподвижник Иосифа Исихаста) приходился родным братом Леониду, а их сестра Евпраксия полвека была келейницей старца Иеронима Эгинского. Из-за большевистских гонений семья пе-

Однажды к старцу Харалампию обратился за советом мирской паломник, самостоятельно обучавшийся умной молитве в миру по Добротолюбию: «Я был вынужден сменить двух духовников... Я говорил им, что жажду обучиться умной непрестанной молитве, но они отвечали: “Это не для нас, дитя мое. Такой молитвы достигали одни лишь святые. Те же, кто пытался им подражать, впадали в прелесть”...

реселилась (1922) в греческий пос. Аркадика в пригороде Драмы. Отец семейства отличался милосердием и другими добродетелями. Так, во время немецкой оккупации (1941), когда Харалампий оказался в плену и ожидал расстрела, Леонид 7 суток провел в коленопреклоненной молитве, без сна, хлеба и воды, – на 7-й день сын был освобожден. К серьезной внутренней жизни Харалампий обратился, когда ему было уже далеко за двадцать. Обретя духовным наставником мирянина по имени Илия, он начал строгую аскетическую жизнь: днем тяжелая работа (пахал на лошадях с утра до вечера), каждую ночь – многочасовое бдение до рассвета с 1000 поклонов. Воздержание от брака, полный отказ от мяса, а по понедельникам, средам и пятницам – хлеб с водой 1 раз в сутки, после заката. Кончина отца (1944) вынудила Харалампия стать кормильцем семьи. Так он вел строгую подвижническую жизнь в миру до 40 лет, пока не отправился на Афон (1950). Харалампий был принят в братство старца Иосифа Исихаста (†1959), где уже подвизался его дядя Арсений. Здесь, на Св. Горе, он еще полвека возрастал в подвигах. Был пострижен в схиму и рукоположен во иеромонаха (1951), позже сам постригал в мон-во свою мать (1961), выезжая для этого в Фессалоники. По настоянию игум. Гавриила (Казасиса) о. Харалампий назначается духовником мон-ря Дионисиат, а затем и Ксенофонта (1965). Как духовник он вскоре становится хорошо известен даже за пределами Св. Горы, – к нему шли иноки со всего Афона, паломничали клирики и миряне, «умной молитве он обучал всех, как монахов, так и мирских». Этот необычный духовник, пока человек ехал к нему, уже знал, что с ним произошло, многие получали исцеление неизлечимых недугов, «каждому исповеднику он отдавал частицу самого себя». Ежедневное служение литургии о. Харалампий совершал около 50 лет (со дня хиротонии) и прекратил только после инфаркта в 90-летнем возрасте. «Часто, объятый сильнейшим огнем непрестанной молитвы, он не смыкал глаз по двое и трое суток», мог класть по 5000 земных поклонов. Старец Харалампий окончил только начальную школу, но говорил, что «когда сердце согрето Иисусовой молитвой, то книги на древнегреческом понимаешь лучше любого профессора». Старец основал свое исихастское братство и жил с учениками в скитах, пока не поселился в мон-ре Дионисиат (1979), который затем возглавлял более 20 лет. – *Мон. Иосиф Дионисиатский.*

Наконец я нашел духовника, который сказал мне: “Я много читал об умной молитве, сам пытался молиться, и что-то получалось. Но у меня нет дара наставлять в этом делании других. Конечно, я не буду запрещать тебе молиться, это было бы самой большой прелестью, но если хочешь преуспеть...” – и он посоветовал мне ехать сюда».

Старец ответил: «Я тоже совершенно разочарован некоторыми духовиками. Да вознаградит Бог твоего последнего наставника. Он хоть и не знает, как научить молитве, но не отвращает от нее тех, кто к ней стремится. Он очень верно сказал – в прелести не тот, кто творит молитву Иисусову, а тот, кто не творит ее, но еще хуже, когда запрещают заниматься ею другим».

Трудно, считает старец, ожидать преуспеяния, если «упражняться в молитве только по книгам», – нужен совет человека, имеющего опыт. Конечно, случаются и ошибки, но прельщается именно тот, «кто считает, что он не нуждается в наставнике... Своевольник и молитва – то же самое, что день и ночь. Своя воля означает эгоизм... Эгоист и умная молитва – вещи противоположные».

Обучая многочисленных мирян, старец объясняет: «Исходя из писаний святых отцов и из своего собственного опыта духовника... я могу сказать, что умная молитва приемлема для всех христиан... Нам известны исключительные примеры мирян, которые в благословенном делании умной молитвы значительно обогнали нас, монахов. Однако такие случаи являются исключением... Бог нелицеприятен. Он всюду ниспосылает Свою благодать, но достичь высоких степеней молитвы в миру очень трудно... Если бы в миру было легче заниматься молитвой, то мы не уходили бы в монастыри и в горы». Тем не менее «все должны вести невидимую духовную войну, естественно, каждый в меру своих сил», – все, поясняет старец, за единственным исклю-

чением, которое составляют «еретики и тем более инославные».

Свидетельствует монах Иосиф[126]: «Немало духовных чад старца Харалампия и на Святой Горе, и за ее пределами преуспело в умном делании. Живущим в беспечности и считающим, что сегодня, да еще в миру, подобное невозможно, скажу, что я знаю людей, которые, согласно наставлениям старца, ежедневно молятся по три-четыре часа, помимо утренних и вечерних молитв. Знаю некоторых братьев, которые... обрели навык весь день проводить в непрестанной молитве... Есть целые семьи, которые по крайней мере два раза в день молятся вместе, неизменно прочитывая повечерие с акафистом Божией Матери». Есть семьи, где, молясь вместе с детьми, добавляют еще и молебный канон Пресвятой Богородице, а отец просыпается утром за два-три часа до работы и молится по четкам.

Есть семья в Фессалониках, чей дом похож на монастырь. Жена выходит только за покупками или по неотложным делам, днем садится на час-два и занимается Иисусовой молитвой, затем берется за домашние дела, продолжая безостановочную молитву. Муж, приходя с работы, занят молитвой, чтением Писания и святых отцов. Трое их детей научились творить молитву даже в школе, а дома до обеда совершают дневное молитвенное правило вместе с мамой. Дети охотно следуют такому распорядку. Хотя их одноклассники не соблюдают постов, это их нисколько не соблазняет. Иногда эти люди встают на молитву и ночью. В воскресенье причащаются всей семьей.

---

[126] **Иосиф Дионисиатский**, монах. Родом с Кипра, более 40 лет подвизается на Афоне. Ученик архим. Харалампия Дионисиатского (с 1964), член его братства. В настоящее время насельник обители Дионисиат, считается одним из лучших современных агиографов, автор книг «Старец Арсений Пещерник» (2002), «Наставник молитвы Иисусовой» (2005).

В миру сложнее, в миру тяжелее, именно поэтому, как говорил старец Харалампий, там более, чем где-либо, необходимы молитва и частое причащение[127].

Открытия века

Мы видим, как рассуждают современные пустынники, призывающие к умной молитве тех, кто подвизается не в пещерной тишине и лесной глуши, но в эпицентре нововавилонского столпотворения. Однако то, о чем говорят ныне афониты, было на деле явлено в России еще на заре XX века, вступление в который освящено подвигом праведного Иоанна Кронштадтского. Подлинным «исихастом в миру» называют отца Иоанна. И как знаменательно то, что именно в наши дни открывается его доселе сокрытое духовное наследие[128], – впервые нам стали доступны записи святого отца, которые «ранее никогда и нигде не печатались, пребывая на хранении в государственных архивах»[129].

«Мы знаем, что во время жизни отца Иоанна слово “исихазм” было оболгано и понималось неверно, потому

---

[127] *Иосиф Дионисиатис, мон.* Наставник молитвы Иисусовой. М., 2005. С. 104–107, 184–187, 191–197, 202, 205–207, 220–222.

[128] В 2001 г. московским православным издательством «Отчий дом» впервые начато многотомное издание личных дневников отца Иоанна, не предназначавшихся при его жизни для печати. Выпущено уже несколько томов, в число которых вошел и последний – предсмертный дневник святого. Начало этой публикации стало выдающимся духовным событием. Сложная и ответственная работа по расшифровке и подготовке к печати рукописей святого ведется творческим коллективом, в состав которого входят: Орнатская Т.И., инокиня Сергия (Иванова; в мон-ве Серафима), Зайцева Л.Е., Смирнова Э.С., Шкатов М.Е., игум. Петр (Пиголь).

[129] *Патриарх Алексий II // Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Дневник. М.: Отчий дом, 2001. Т. 1. Кн. 1. С. 3.

что исихастское учение было забыто, хотя служба 2-й недели Великого поста, посвященная святителю Григорию Паламе, исправно отправлялась. Мы доподлинно знаем, что отец Иоанн пребывал *в постоянной молитве* и таким образом, по сути дела, следовал духовной практике исихастов – лучших учителей в науке о богопознании и стяжании Духа Святого. Отсюда и его точное наблюдение о сердечной беседе с Богом, которое так, например, приоткрывается в дневниковой записи: "Сам будь весь в сердце, беседуя с Богом сердца, любя Его и ревнуя о славе Его"»[130].

Опыт отца Иоанна необычайно ценен для нас. Он учился молитве самостоятельно, без старческого руководства, вне монастырского отлаженного распорядка, среди толпы и столичной молвы. Свой путь поиска и внутренней работы отец Иоанн запечатлел в дневниках, и потому они особо дороги нам ныне, век спустя. Как-то, обращаясь к самому себе, отец Иоанн записывал: «В монастырях новички в духовной жизни избирают себе руководителями опытных в ней старцев, так и ты, новичок в ней, за неимением близ тебя живых, опытных в духовных подвигах старцев, избери переселившихся на небо и прославленных Церковью святых мужей, например в особенности свт. Николая. Ты грешник. Пусть посредником между тобою и Богом будут всегда святые»[131]. Вот школа праведника – он молитвенно обучался у небесных наставников. Теперь, когда отец Иоанн сам среди них, потщимся и мы стать его учениками, взывая: «Образе верным... и дерзновенный о людех молитвенниче»[132], будь посредником

---

[130] *Петр (Пиголь), игум.* Тайна Божия обучения // Православное образование. М., 2005. Апрель-май. С. 23.

[131] *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Дневник. М.: Отчий дом, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 313.

[132] Тропарь прав. Иоанну, глас 3: «Православныя веры поборниче, земли Российския печальниче, пастырем правило и образе верным,

между нами и Учителем всех учителей. К молитве приложим ученическое усердие: станем глубже вникать в житие «предивного чудотворца» и особенно пристально изучать его дневниковые записи.

«Дневники святого праведного Иоанна Кронштадтского, которые издаются сейчас без сокращений, – не просто благочестивые и душеполезные книги, которые можно поставить на книжную полку наряду с другими. Это явление исключительное и не случайное. Промыслом Божиим определено оно для нас, чтобы мы притекали к этим книгам, как к источнику живой воды»[133]. Это «издание и актуально, и исключительно своевременно... Изучая эти драгоценные и по милости Божией открытые для нашего христианского осмысления записи, понимаешь», что эта «живая исповедь души великого всероссийского пастыря и проповедника изначально предназначалась и для нас»[134].

* * *

Случается, что «иные утаенные до времени по непостижимому для нас Божественному Промыслу от всеобщего взора рукописи, сокрывавшиеся под спудом... являются всей полноте Церкви как некий изумительный и многоценный дар»[135]. Давно замечено, что такие неожиданные от-

---

покаяния и жизни во Христе проповедниче, Божественных Таин благоговейный служителю и дерзновенный о людех молитвенниче, отче праведный Иоанне, целителю и предивный чудотворче, граду Кронштадту похвало и Церкве нашея украшение, моли Всеблагаго Бога умирити мир и спасти души наша».

[133] *Петр (Пиголь), игум.* Тайна Божия обучения // Православное образование. М., 2005. Апрель-май. С. 25.

[134] *Патриарх Алексий II // Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Дневник. М.: Отчий дом, 2001. Т. 1. Кн. 1. С. 3.

[135] От издательства // Трезвенное созерцание. М., 2002. С. 7.

крытия, так же как и написание новых исихастских трактатов, как и оживление интереса к аскетическому подвигу, обычно совпадают с периодами духовного упадка в обществе и, в то же время, предшествуют очередному возрождению духовной жизни. Во времена обнищания духа возникает естественная потребность в распространении сокрытых или забытых знаний, благодаря этому поддерживается преемственность, сохраняется и передается священная традиция. В такие моменты начинаются новые исследования, пишутся книги, у издателей просыпается интерес к невостребованному письменному наследию.

О таком явлении писал прп. Паисий Молдавский: «Движимые тайным божественным вдохновением, многие отцы изложили в книгах святое учение, исполненное премудрости Святого Духа, об этой божественной умной молитве... Это устроилось по особенному Божию Промыслу, чтобы божественное делание не пришло во всеконечное забвение».

Об этом же говорил свт. Игнатий: «Заметно, что время написания большего числа книг об умном делании совпадает с временем особенного оскудения в монашестве умного делания... Когда некоторые из отцов увидели, что истинные и не прелестные наставники этого делания начали очень умаляться, то, будучи подвигнуты Божиим Духом, чтобы не оскудело истинное учение», изложили его письменно. Так, например, «прп. Григорий Синаит, живший в XIV веке, когда прибыл в Афонскую Гору, то нашел там, между тысячами монахов, только трех, которые имели некоторое понятие об умном делании. К XIV и XV векам относится большинство писаний об Иисусовой молитве»[136].

---

[136] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 2. С. 255, 256.

В наше время явно наблюдаются подобные процессы[137].

Об одном из значительных открытий – Дневниках Иоанна Кронштадтского – сказано выше. Но есть и другие. В начале 2006 года вышел из печати впервые переведенный на современный русский язык «Цветник священноинока Дорофея»[138]. Это событие дважды знаменательно.

---

[137] Но эти процессы сопряжены и с известной опасностью. Особенно сейчас – во времена небывалого лукавства. Дерзкие и вместе с тем утонченные фальсификации и подмены ведутся на всех уровнях с целью разлагающе воздействовать на церковное сознание. Часто ложь внедряется неприметно, исподволь. Часто это попытка дезориентировать через размывание границ и смешение различных понятий. Навязывается интерес к спорным или еретическим учениям прошлого, что ведет к смуте и провоцирует расколы. И т.д. Сегодня нужна сугубая бдительность и рассудительность. Нельзя не опасаться различных подмен в области исторической и богословской мысли, в устном и письменном слове проповедников и издателей. Печальным примером может служить издание и кампания пропаганды еретического, так называемого «2-го тома» псевдо-Исаака Сирина. Другая подделка – переиздание книги «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса»; авторство приписано Иоанну Кронштадтскому, который никогда эту книгу не писал (подлинный автор – иеромон. Оптиной пуст. Пантелеимон, книга издавалась в Одессе, в 1903 г.). Этот перечень можно продолжить... Вспомним предостережение архим. Иоанна (Крестьянкина): «Время наступает наисмутнейшее, враг раскачивает и старается низложить Церковь. В клир вошло много совсем нецерковных людей, и даже неверующих, и они делают свое дело... Начинается страшнейшая подмена духовной жизни... Эта игра, рождая ложные понятия о духовности, начинает захлестывать мир лжедуховностью».

[138] **Дорофей** (XVI–XVII), иеромонах. Подвижник и аскетический писатель, истинный апологет монашеского образа жизни. Еще находясь в миру, будущий инок мечтал об уединении и непрестанной молитве. Наконец он смог поступить в общежительный мон., затем удалился в пустыню, где в течение 3 лет подвергался сильнейшим искушениям от бесов. Наблюдая нестроения в обителях и упадок святоотеческого благочестия, о. Дорофей решился написать для назидания братии «малейшую книжицу», которая была бы «уму вместима и объятна». Писал он, по собственному признанию, «со многими слезами». Автор собрал в книге все, что необходимо знать монаху, начиная с евангельских заповедей и апостольских преданий и заканчивая бытовыми советами. Рукопись составлена в конце XVI – начале XVII в. Цветник – это

Во-первых, важен сам факт публикации текста, который несколько веков служил руководством для русских подвижников и который оставался практически недоступен нашим современникам. Во-вторых, теперь окончательно доказано, что известный сборник поучений «Крины сельные», автором которого считался прп. Паисий Молдавский, не является его сочинением, но представляет собой подборку выдержек из Цветника, писанного почти на двести лет ранее[139].

Составление дословных извлечений из Цветника, предпринятое в Нямце, можно воспринимать как благословение старца Паисия, почившее на этом тексте, – авторитет преподобного служит ручательством духовной ценности рукописи иеромонаха Дорофея. Мнение Паисия разделяли и другие русские святые, Цветник был хорошо известен старцам Оптиной пустыни, высоко ценил эту книгу свт. Игнатий, рекомендуя ее к изучению и поставляя в один ряд с творениями прп. Исаака Сирина[140].

«Цветник, – пишет свт. Игнатий, – был особенно уважаем отечественными иноками, упражнявшимися в возвышеннейшем монашеском подвиге. По этой книге обучался Иисусовой молитве знаменитый соловецкий подвижник

традиционный жанр, сборник святоотеческих изречений (по преимуществу отцов древних, без их наименования), сопровождаемых рассуждениями составителя. Церковное послушание такого писательства обычно возлагалось на грамотных и «разумеющих смысл» монахов, нередко – на игумена или старца обители. Цветник священноинока Дорофея. С. 3, 12.

[139] «Крины сельные, или Цветы прекрасные» (Одесса: Св.-Ильинский скит на Афоне, 1910) – сборник поучений, состоящий из 45 слов. Поучения этого сборника находятся в полном соответствии с текстом Цветника, – например, сл. 21 соответствует гл. 26 Цветника, сл. 22 – гл. 28, сл. 23 – гл. 29, сл. 24 – гл. 32.

[140] Свт. Игнатий не раз ссылается в своих писаниях на труд иеромон. Дорофея. См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. Т. 1. С. 444–449. Т. 2. С. 266. Т. 5. С. 114.

Иисус Голгофский[141], по ней обучался Иисусовой молитве прп. Иоасаф Каменский, Вологодский чудотворец... С самых первых слов автор ставит читателя на стези правые, святые, безопасные, предписанные и благословленные Церковью... вводит его в духовное общение со святыми иноками всех веков христианства, устраняет от всего чуждого, от всего поддельного... Цветник – одна из возвышеннейших аскетических книг; этим достоинством она приближается к знаменитой книге Исаака Сирского. Два [духовных] писателя Русской Церкви писали об умном делании – Нил Сорский и священноинок Дорофей. Книга первого – весьма полезное руководство для начинающих подвиг безмолвия, а второго – для преуспевших и прибли-

---

[141] **Иов Анзерский, Голгофский** (в схиме Иисус; 1635–1720), преподобный. Основатель Голгофо-Распятского скита. В миру Иван Иванович, московский священник, вел строго монашеский образ жизни, ежедневно служил литургию, проводил ночи в молитве. За благочестие о. Иоанн был назначен Петром I к служению в придворной церкви и определен царским духовником. Продолжая усердствовать в подвиге, он отличался благотворительностью, временами жил в полузатворе. На 7-м десятке лет почтенный старец был оклеветан перед государем, сослан им в Соловецкий мон. (1701) и пострижен в мон-во с именем Иов. Он предался послушанию, новым подвигам сугубого поста (вкушал только хлеб с водой) и деланию молитвы Иисусовой. Петр I, распознав клевету, пожелал вернуть о. Иова ко двору, но тот отказался и переселился в Анзерский скит. Был назначен строителем скита (1706), ввел строгий устав, братия при нем умножилась до 30 иноков. Обладая даром прозорливости, старец Иов успешно руководил скитянами, поощрял уход на безмолвие в пустынных кельях, сам часто предавался уединению. Пострижен в схиму (1710) с именем Иисус, в честь праотца Иисуса Навина. Однажды, во время ночного молитвенного бдения, старцу явилась Божия Матерь с прп. Елеазаром Анзерским, повелев ему основать Распятский скит на горе, которую надлежало назвать «второй Голгофой». Высокое повеление было исполнено (1714) с устроением на Голгофской горе трех храмов. Старец, которому шел 80 год, утвердил для нового скита строжайший устав и собрал вокруг себя многочисленную братию. О. Иисус сподобился чудотворений, чудесных откровений и еще одного явления Божией Матери. День кончины был открыт ему задолго до смерти. Память святого 6/19.03 и 29.05/11.06.

жающихся к совершенству. Учение об умной молитве изложено в Цветнике с необыкновенной ясностью, простотой, окончательностью. Повсюду видны обильное духовное преуспеяние и здравый смысл русского человека, упрощающий мудреное, излагающий возвышеннейшее духовное учение с необыкновенной естественностью, чрезвычайно внятно и изящно! В особенности таковы его поучения: о чистоте сердечной, умной и душевной, о бесстрастии, о помрачении, о трезвении ума, о святой чистой молитве... Весьма хорош способ обучения Иисусовой молитве, предлагаемый священноиноком Дорофеем»[142].

Еще одно недавнее событие – чудесное обретение Ксенофонтской рукописи[143]. Ее автор, подвижник святой жизни, сподобился Божественного посещения, – Господь повелел ему сокрыть рукопись и предрек, что в надлежащее время Сам откроет ее людям: «Теперь спрячь ее. А когда Я пожелаю, вышлю ее с этой Горы». Ныне исполнилось обетованное, свидетелями чего стали христиане нашего поколения: «Господь благоволил явить нам и это свое сокровище. По премудрому Домостроительству Божию открылась в наши дни эта книга, написанная нетварной энергией Святого Духа» и рукою афонского инока. «И теперь, в эпо-

---

[142] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 445, 446, 449; Т. 2. С. 266.

[143] Не так давно в библиотеке афонского мон-ря Ксенофонт была обнаружена рукопись исихастского трактата, датируемая 1851 г. Автор текста – греческий иеромонах, умудренный благодатным опытом молитвенник, достигший высоких степеней созерцания, – раскрывает сокровенные стороны духовной жизни. Имя свое этот просвещенный благодатью старец решил сохранить в тайне. Специалисты предполагают, что авторство принадлежит известному исихасту иеромон. Харитону (†1877), который подвизался со своим братством в пещере прп. Афанасия. Это на редкость ценное в духовном отношении творение было опубликовано в Греции в 1996 г. (ΝΗΠΤΙΚΗ ΘΕΩΡΙΑ. ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ). В 2002 г. перевод рукописи, под наименованием «Трезвенное созерцание», издан в России.

ху, сильно зараженную грехом, Иисус, любящий души людей, явил ее как некое сильнейшее лекарство»[144].

Другое открытие нашего времени – первые публикации рукописи прп. Василиска Сибирского «О благодатных действиях умно-сердечной молитвы»[145]. Этот текст был записан прп. Зосимой (Верховским) со слов своего сотаинника отца Василиска и содержит уникальные свидетельства о состояниях, переживаемых подвижником-исихастом. Рукопись не издавалась из опасений соблазна для людей неопытных и невежд. Поводом для первой публикации, состоявшейся в 2000 году, послужило мнение хранителя рукописи старца Никодима Карульского: «Неразумно из-за такой боязни лишать истинных охотников духовного делания. Пусть все знают о молитве Иисусовой, хотя и единицы займутся всерьез этим святым подвигом и, достигши непрестанной молитвы, будут вымаливать свихнувшихся, – а то ведь все погружаются в тину нерешительности... Надо смело говорить об Иисусовой молитве с художественным приемом». Свое намерение опубликовать эту работу издатели мотивируют таким образом: «Печатаем с целью пролить больше света на милость Божию, содержащуюся в сокровищнице русского исихазма»[146].

В ряд примечательных событий последнего времени нужно поставить появление книги старца Иосифа Исихаста «Духодвижная труба». Поясняя мотивы, побудившие его взяться за перо, старец говорит о насущной потребности в руководствах, удобопонятных для современного человека.

---

[144] Трезвенное созерцание. М., 2002. С. 343; Там же, *Феоклит, мон.* Предисловие. С. 12, 13.

[145] Эта известная с XIX в. в исихастских кругах рукопись ныне частично опубликована в журнале «Русскій паломникъ» (2000. № 21–22). Полностью, однако в отредактированном виде, текст опубликован в книге «Ключ разумения» (2003).

[146] Русскій паломникъ. Platina, 2000. № 21–22.

Путь умного делания, пишет старец, становится «в наши дни труднопроходимым и тернистым из-за недостатка путников, хотя в древние времена все богоносные отцы шли этой дорогой. Поэтому и я, малейший, с душой, горящей божественной ревностью, ради пользы моих братий предпринял этот малый труд, повинуясь Божию повелению... Не удовлетворившись творениями боговдохновенных отцов, вознамерился записать собственные косноязычные речи, ибо, если окажется это полезным хотя бы одному брату, будет мне от Господа награда за труд»[147].

Наконец, «самое удивительное открытие за последние годы» – это «Докладная записка» Н. А. Мотовилова[148]. Значительность этого события еще предстоит осознать. Этот ценнейший документ содержит новые сведения о прп. Серафиме, открывает еще одну страницу в изучении жития не только Саровского старца, но и свт. Антония Воронежского, в изучении истории Дивеевской обители. Духовное значение этой публикации чрезвычайно высоко. Рукопись Мотовилова способна побудить к более глубокому осмыслению событий не только прошлого, но и современной жизни.

Рукопись «до настоящего времени была неизвестна... Фрагменты содержащихся в ней сведений дошли до нас в известном очерке С. А. Нилуса о Мотовилове, но целиком Записку Нилус не знал или не использовал». Мотовилов за-

---

[147] *Иосиф [Ватопедский], Монах.* Старец Иосиф Исихаст. ТСЛ, 2000. С. 231.

[148] Находка обнаружена в юбилейном, Серафимовском году (2003) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в фонде СПбДА. Это 169 страниц рукописного текста, датируемого 1861 г. Рукопись издана отдельной книгой в издательстве «Отчий дом». Научную работу по подготовке текста к публикации возглавлял исследователь свящ. Георгий Павлович. Издание снабжено комментариями и ценными приложениями, сопровождается богатым и редким иллюстративным материалом. См.: Записки Н.А. Мотовилова. М., 2005.

трагивает «многие богословские вопросы, основанные на церковной традиции... Обнародование Записки очень своевременно и важно... Мотовилов является первым, главным и наиболее надежным источником наших сведений о прп. Серафиме». Рукопись позволяет «по-новому, а для кого-то и впервые открыть для себя уникальную личность Мотовилова»[149], который, как это и случается с истинными праведниками, не раз бывал оклеветан[150].

---

[149] *Георгий Павлович, свящ.* Новообретенные рукописи Н.А. Мотовилова // Церковное Предание и святоотеческое наследие. М., 2004. С. 104, 109–112.

[150] **Мотовилов Николай Александрович** (1809–1879), коллежский советник, потомственный дворянин, помещик, совестный судья Симбирской губ. «В последнее время в ряде публикаций мы видим огорчительную тенденцию поношения Мотовилова. Часто ссылаются на слова из донесения жандармского полковника о том, что Мотовилов находится в тихом помешательстве, и на этом основании отвергают основательность его свидетельств. Однако тогда становится непонятным, почему прп. Серафим, несомненно руководствуясь Духом Святым, избрал себе в собеседники и свидетели именно Мотовилова. "Записка" дает серьезные основания для более выверенного суждения о личности Мотовилова... Мотовилов был широко образованным человеком, выпускником словесного (филологического) отделения Казанского ун-та, по характеристике В.Н. Ильина, "человеком интеллигентным и незаурядным... умным и большой духовности". Находясь на гражданской службе, он в течение всей жизни занимался литературными трудами... планировал подготовить большое собрание сочинений». Мотовилов – человек искренней веры, он отличался «подлинным смиренномудрием и глубоким покаянным чувством. Уникальность мотовиловской судьбы видна в первую очередь из слов прп. Серафима», который говорил, что «вряд ли отыщется похожая судьба, чтобы человек с подобным происхождением и положением в обществе полностью мог проходить жизнь духовную, не оставляя своего звания и будучи обремененным многочисленным семейством. Даже его личная жизнь строилась на исключительном послушании воле Божией». Ради послушания Церкви Мотовилов готов был отказаться от личного благополучия. Как истовый патриот, он смело отстаивал интересы самодержавия и России. Человек чести, он не малодушничает, «не боится невыгодного о себе мнения, и не случайно блаженная Пелагия Ивановна называла его юродивым». Действительно, со своей прямотой и откровенностью он иногда напоминал блаженного, подавая повод к насмешкам любому недоброжелателю. *Георгий Павлович, свящ.* // Записки Н.А. Мотовилова; Церковное Предание и святоотеческое наследие.

Особенно важно для нас то откровение, что было ниспослано свыше старцу Серафиму о равных возможностях для монаха и мирянина в достижении высшего духовного совершенства. Бытует распространенное представление о невозможности, «в миру живучи, получить такую же благодать, как в отшельничестве». Раньше, признается старец Серафим, и у меня была та же мысль, «что этого невозможно достигнуть, живучи в миру, желая жениться, желая заниматься службой государственной». Как и многие, старец полагал, «что люди, возлюбившие Господа всею душою», должны ради совершенства духовного оставлять «жен, детей, чины, богатство, славу, почести, все радости земные» и бежать «в пустыни и там, в девственной жизни, в самоизвольной нищете и во всех злостраданиях будучи», стяжать благодать Святого Духа. Но вот теперь, говорит прп. Серафим, «мне Господь открыл», что и миряне *могут быть* «причастниками тех же даров Духа Святого, как и отшельники, если равномерные с ними труды, подвиги, злострадания, претерпенные до конца Христа ради, и все находящее на них они доброхотно решатся взять на себя».

Однако, уточняет старец, это осуществимо лишь при особом образе жизни мирянина, когда «все духовное с светским и все светское с духовным так тесно связано, что ни того от другого, ни этого от того отделить нельзя». Наглядный пример такового подвижничества в мирских условиях преподал Н. А. Мотовилов. Именно Мотовилову, по словам старца, Господь «назначил показать на земле этот образ спасения» в назидание всем нам. И еще одно провозвестие, обращенное к нам – потомкам. Старец Серафим говорит об открытом ему предопределении Божиего Промысла. Это весть о том, что в грядущие времена христианам предлежит по преимуществу путь подвига в миру, «что будущее человечество сим лишь путем пойдет,

если захочет спастися, и что на все это есть Его собственная воля»[151].

Учитывая приводимые в предыдущих главах высказывания современных пустынников, можно заключить, что в наше время начинает сбываться то, что двести лет назад предрек оповещенный Богом старец. Возможно, наступает то время высокого подвига в миру, когда все желающие спасения должны пойти «сим путем» и, «в миру живучи, получить такую же благодать», которую некогда обретали наши предки в суровом отшельничестве.

Волны потопа

Между тем надо видеть реальность. Если и идут «сим путем» некоторые миряне, если даже обретается «в миру множество людей... которые трудятся в молитве»[152], надо понимать, что это «множество» представляет собой лишь единицы в сравнении с подавляющим большинством верующих, далеких от высоких устремлений, от напряженной внутренней духовной жизни. В этом отражается извечное острое противоречие между состоянием духа тех, кто обособился в *малое стадо*[153], и тех, кто образует большое.

В среде современных христиан можно наблюдать удивительную поверхностность, легкомысленную доверчивость, поспешность и несерьезность суждений, склонность к самообману. Нам часто присуща духовная расслабленность, неспособность к серьезным внутренним усилиям, длитель-

---

[151] Записки Н.А. Мотовилова. М., 2005. С. 131, 133, 134.

[152] *Ефрем Святогорец, архим.* Жемчужины подвижнической мудрости. ТСЛ, 2001. С. 55.

[153] Лк. 12, 32.

ному и глубокому молитвенному сосредоточению. Это заставляет вспомнить еще одну мысль прп. Серафима – о недостатке в людях *решимости*, от чего им становится недоступна та мера подвига, что была достижима в древности.

Решимость связана с верой. Решимость – это проявление веры через конкретные поступки. Так, решимость Авраама, оставляющего родную землю ради неизвестности[154] и готового на сверхвозможное жертвоприношение, или решимость Марии Египетской, с двумя хлебами уходящей на десятилетия в пустыню, – есть свидетельство истинной веры в обетования Бога, в Его заступление, в Его Промысл. Непоколебимая уверенность в том, что Господь не оставит без помощи, позволяет человеку решиться последовать заповедям, начать такую жизнь, когда *довлеет дневи злоба его*[155], когда возможно «весь живот свой предать Богу». Причины же ослабления решимости связаны с предреченным в Писании охлаждением веры и любви[156] – явлением, столь очевидным в наше время[157].

Необычайно сложна наша эпоха, и христиане слабы как никогда. Это о нас писал свт. Игнатий: «Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию, они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь; в этом настроении и

---

[154] *Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет* (Евр. 11, 8).

[155] *Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6, 34).

[156] Вера и любовь находятся в прямой зависимости: *Возрастает вера ваша, и умножается любовь* (2 Фес. 1, 3).

[157] *В последние времена отступят некоторые от веры... По причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (1 Тим. 4, 1; Мф. 24, 12).

направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и извращенным требованиям и пожеланиям души и тела. Разумеется, такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд. Такому направлению отступление от христианства свойственно».

Это наш век прозревал святитель, предчувствуя грядущее отступление христиан от истинно подвижнического пути: «Идут, идут страшнее волн всемирного потопа, истребившего весь род человеческий, идут волны лжи и тьмы, окружают со всех сторон, готовы поглотить вселенную, истребляют веру во Христа, разрушают на земле Его царство, подавляют Его учение, повреждают нравы, притупляют, уничтожают совесть, устанавливают владычество всезлобного миродержца»[158].

Как говорят праведники нашего века, «современное человечество находится в плачевном состоянии, проводя жизнь худшую, чем животные, дикие звери и скоты»[159], «современное общество развратилось и в мыслях и в действиях», и потому жизнь людей «серьезно искажена»[160]. Христиане вынуждены подвизаться в крайне неблагоприятных условиях, что не может не отражаться на внутреннем устроении человека. Поэтому не все из того, что было по силам аскетам прошлого, подъемлемо сегодня. В частности, это касается художественных приемов молитвы, о которых упоминалось выше и которые в XIV веке прп. Никифор Монах предписывал применять новоначальным. Нынешние старцы советуют благоразумную осторожность. Вот замечание отца Иосифа Ватопедского: «Искусственный

---

[158] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 409, 457.

[159] *Харалампий Бусьяс.* Старец Анфим из скита св. Анны. Минск, 2005. С. 121.

[160] *Иосиф Ватопедский, старец.* Слова утешения. 2005. С. 137, 232.

способ погружения и держания ума в сердце через вдохи и выдохи не рекомендуется всем без различия, и особенно новоначальным. Его следует избегать до тех пор, пока добрый навык в молитве не возобладает в нас и пока благодать не покажет своего присутствия. А с этого времени сопутствующая благодать сама научит молиться достойных этого состояния»[161].

* * *

Здравомыслие требует учитывать наши реальные возможности и прислушиваться к предостережениям опытных пастырей. В своих беседах с прихожанами отец Георгий Бреев[162] впрямую касается нашей темы. По его словам, умное делание, Иисусова молитва – вещь очень серьезная. Для нас это занятие вообще слишком высокое, мы можем только в самой малой мере ему приобщаться. И, конечно, по благословению духовника. Случается, что кто-то безо всякой предварительной работы берется за умное делание. Это может обернуться большой трагедией. Человек в подобном положении весьма уязвим, им могут овладеть такие состояния, что он приходит в исступление ума... Люди, которые преждевременно берутся за умную молитву, совершают насилие над собой, насилуют свою природу и, как следствие, надрывают свою психику. Они рвут те связи, на которых закономерно построены взаимоотношения ума и прочих душевных сил. Душа не может перенести этого насилия, теряет способность самообладания, теряет разум.

---

[161] *Иосиф Ватопедский, старец.* Слова утешения. 2005. С. 137.

[162] **Бреев Георгий**, митрофорный протоиерей, один из старейших московских пастырей, духовник клириков г. Москвы, настоятель храмов иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Царицыне и Рождества Богородицы в Крылатском.

Молитва – дело само по себе святое и спасительное – может наносить вред при неправильном употреблении. Если не знать, например, своей меры, если не учитывать индивидуальные особенности и возможности человека.

А уж если есть желание совершенства, надо готовить себя соответственно. Нужно полностью себя этому делу посвятить. Потребуется изучать законы духовного развития. А главные принципы здесь связаны с недопустимостью насилия над собой. Здоровый духовный рост предполагает органичный процесс восхождения от силы в силу. Если мы, по примеру некоторых ученых, не захотим «ждать милости от природы», а попытаемся «взять их» силой, то ничего не получится. Потому что природа – это ты сам. И насилием ее можно только погубить. С нашей природой приходится считаться, нельзя брать на себя задачи непосильные, требовать от души того, что ей пока не свойственно. Чрезмерные претензии всегда движимы невежеством или гордыней, и они губительны.

Самая большая ошибка в том, что люди склонны не учитывать своих реальных возможностей. Пример со святых надо брать с умом. Это очень принципиальный момент. Все отцы святые написали свои труды, которые мы видим в Добротолюбии, когда они стали известными духовными мужами, они описывали плоды своего ведения. Если мы теперь, взяв этот плод, приняв результат их труда за основу, начнем строить на ней свое молитвенное делание, то мы как бы начнем действовать с конца, а не с начала. Это страшная ошибка. И такой подход, конечно, приведет к полному краху. Вот почему прп. Иоанн Лествичник еще в IV веке сказал, что изучать жизнь святых отцов нам очень полезно, знакомство с их подвигами благотворно действует на нашу душу, но пытаться подражать их *зрелой* жизни было бы верхом безумия.

Недавно вышла чудная книга одного афонского старца о молитве Иисусовой – «Трезвенное созерцание». При внимательном чтении видно, что человек написал эту книгу в возрасте шестидесяти-семидесяти лет. Но он в ней нигде не пишет о том, как проводил свою жизнь, не говорит ничего о своей подготовке духовной. Он только рассказывает о плодах своего подвига, о том, что даровано было, когда он уже созрел, после того, как он уже собственных учеников воспитал. Здесь изложен *результат* опыта целой жизни, плод ведения молитвенника-созерцателя. Когда читатель берет такую книгу и примеряет ее к себе, хочет, чтобы плоды чужого труда стали его повседневной пищей, то – простите! – он отравится этой пищей. Ведь его организм не устроен соответственно, он еще ни в коей мере не подготовлен для принятия столь твердого питательного вещества.

С другой стороны, когда человек идет верным, законным путем, то все совершается органично и нет никакого насилия. При правильном делании процесс этот естественен, так же как и дыхание. Молитвенное слово само проникает в сердце, и постепенно делание переходит в сердечную молитву. Незаметно сердце начнет откликаться на молитвенное слово радостью, трепетом, теплым восхищением. Это процесс органичный – и сердце и душа начнут молиться без всякого насилия над их природой[163].

Две умные молитвы

Всегда существовали различные точки зрения относительно дозволенности занятий умно-сердечной молитвой для всех желающих. С одной стороны, известны авторитет-

[163] *Бреев Георгий, прот.* Пастырские беседы. О молитве: фонограмма. М., 2003.

ные мнения о доступности и даже необходимости этого делания для всех христиан, с другой – встречается очень осторожное отношение, вплоть до решительных ограничений. Чтобы достичь ясности в этом вопросе и избежать кажущихся противоречий, нужно разобраться в терминологии. Проблема возникает из-за того, что в аскетической литературе отсутствует единообразие в применении устойчивых выражений[164]. Так, словосочетание «умная молитва» может у разных авторов, или у одного в разное время, прилагаться к различным понятиям. То же относится к выражению «сердечная молитва». Оба термина могут иной раз относиться к молитве деятельного, а иной раз к молитве созерцательного периода. «Святые отцы в писаниях своих часто заключают под одно наименование умной молитвы и сердечную, и душевную, а иногда различают их»[165].

Смешение таких понятий, как деятельный период и созерцательный период, – недопустимо[166]. Святые отцы, несмотря на неустоявшуюся терминологию, довольно четко разграничивают молитву деятельную и созерцательную:

---

[164] Традиции аскетической литературы закладывались отцами-подвижниками, а не учеными-теоретиками. Авторы, опытно знавшие предмет описания, жизнью проходившие умное делание, были озабочены точностью передачи смысла, а не систематизацией терминов. Поэтому они свободно могли называть «сердечное делание» *умным*, а «умное делание» – хранением *сердца* и т.д. Задачей было – донести суть, а не букву. См.: Комментарии // Цветник. С. 179, 180. Отсюда, например, такое количество синонимов умно-сердечной молитвы – трезвение, тайное поучение, Иисусова молитва, умное делание, блюдение ума, хранение сердца, внутрь-пребывание, бодрствование, сердечное внимание, безмолвие сердечное, противоречие помыслам и т.п. Для читателя аскетической литературы необходим также некоторый опыт самонаблюдения и молитвы, чтобы верно, учитывая контекст, улавливать смысловые оттенки, зачастую делая поправку на небезупречность перевода.

[165] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 2. С. 218.

[166] Учение о трех периодах духовной жизни (деятельном, созерцательном, обожении) изложено в нашей книге «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий», т. 3.

«Между *сочувствием* сердца уму и *соединением* ума с сердцем... – величайшее различие». То есть существует принципиальное «различие между молитвою, совершаемою умом при сочувствии сердца и... молитвою благодатной, совершаемой умом в сердце... Иное – молиться со вниманием, при участии сердца; иное – нисходить умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественных»[167].

В первом случае, при *сочувствии* сердца, или иначе – при *сведении* ума в сердце, совершается молитва деятельная, это плод собственных усилий человека (конечно, не без помощи благодати). Во втором случае речь идет о *соединение* сердца и ума, о вхождении в созерцательную молитву, что человеческой силой недостижимо и совершается исключительно силой благодати, по благоволению Бога. «Пусть будет известно, что, по писанию святых и богоносных отцов наших, есть две умные молитвы, одна – новоначальных, принадлежащая деянию [т.е. деятельному периоду], а другая – совершенных, принадлежащая видению [т.е. созерцанию]»[168].

Нужно уточнить, что все запреты обычно подразумевают преждевременное стремление к *глубокой сердечной* или, иначе говоря, созерцательной молитве, когда пытаются собственными усилиями восхитить молитву благодатную, когда неразумно покушаются силой взять то, что может быть обретено лишь в качестве благодатного дара, и не прежде, чем сердце очищено будет от страстей. Что же касается деятельной умно-сердечной молитвы, которая совершается при внимании ума и *сочувствии* сердца, то такое делание в основном поощряется как доступное для всех

---

[167] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 221, 272. Т. 2. С. 263.

[168] Об умной, или внутренней, молитве: Сочинение блж. старца схимон. и архим. Паисия Величковского. М., 1902. С. 17.

христиан. Доступное, конечно, при соответствующей делу подготовке[169].

Собственно говоря, письменные руководства, как и художественные приемы молитвы, бывают нужны именно на начальных стадиях деятельной молитвы, созерцатели в них уже не нуждаются, так как созерцание ниспосылается и «управляется» Божественной благодатью. Казалось бы, доступность исихастских трактатов должна принести очевидную пользу для начинающих. Но здесь же кроется опасность неверного их истолкования и применения читателями самонадеянными, не по разуму ревнивыми, одержимыми тщеславием. Это всегда побуждало к беспокойству. Так, прп. Паисий Молдавский, возродитель исихастской традиции, выдающийся практик и проповедник умного делания, испытывал немало тревог в связи с изданием своих переводов. Он не был уверен в целесообразности издания Добротолюбия, сомневался, нужно ли печатать этот труд массовым тиражом. Своими соображениями он делился со старцем Феодосием[170], которому писал подробно и откровенно.

---

[169] Подробности о подготовительном периоде см. в нашей книге «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий», т. 3.

[170] **Феодосий Софрониевский** (Маслов; 1720–1802), архимандрит. Ученик прп. Паисия Молдавского, с которым старец состоял в переписке. Родился в купеческой семье в г. Глухове Черниговской губ. В молодости поступил в Свенский мон., затем перешел в молдавский Поляномерульский скит под руководство старца Василия Поляномерульского, от которого принял постриг в мон-во (1750). Возведен в сан игумена (1755), назначен управлять скитом Цыбуканы. После кончины старца Василия (1767) о. Феодосий становится учеником прп. Паисия. Он был настоятелем молдавских обителей Должешт, Берзунец, Снагов и (с 1772) мон-ря Тисман. Во время Русско-турецкой войны о. Феодосий активно помогал русским войскам, за что подвергся преследованиям со стороны турок. Был вынужден обратиться к русскому правительству с просьбой о переселении тисманской братии в Россию. О. Феодосий был назначен (по ходатайству князя Г.А. Потемкина) настоятелем Молчанской Софрониевой пуст. (1779), где ввел афонский общежительный устав и воспитывал своих учеников, строго держась свято-

Если смотреть на текст этих писем поверхностно, то виден лишь запрет для мирян интересоваться умным деланием. Но нужно взглянуть внимательнее[171].

Старец рад, что, в связи с публикацией переводов, писания отцов не будут окончательно забыты и станут достоянием ревнителей подвига. Но он говорит и о своих опасениях. Ведь эти книги, дважды повторяет старец, поступив в свободную продажу, станут доступны не только монахам,

---

отеческих традиций. Оптинские старцы называли его «верным преемником Паисиева старчества». О. Феодосий основал Григорьевский Бизюков мон. в Херсонской губ., среди его учеников игум. Филарет Глинский (Данилевский). Сохранились оригиналы писем прп. Паисия к о. Феодосию.

[171] Приводим текст по рукописи прп. Паисия: «О издании печатию книг отеческих, якоже еллиногреческим тако и славенским языком, и радостию и страхом одержимь есмь. Радостию, яко всеконечному забвению не будут уже предани, и яко ревнителие удобнее возмогут стяжавати оныя; страхом же, боюся и трепещу, да не како обще не точию иноком, но и всем православным христианом якоже и прочия книги аки продаваемая вещь предложены бывше, от них самочинне без наставления искусных деланию умныя молитвы научившымся, возпоследует прелесть; виною же прелести, да не возпоследствует хула от суетоумов, на святое сие и пренепорочное от премногих и великих святых отец свидетельствованное дело... Ныне же выпечатанием отеческих книг, не точию монахом, но и всему христианскому народу, во уведение приидет. И сего ради якоже рекох, боюся и трепещу, за предреченную вину, сиречь за самочинное без наставника молитвы сея начинание, не возпоследует некая самочинником таковым прелесть... И како возможно будет мирским людем по самочинию, емуже прелесть последует, на толико страшное и ужасное дело, сиречь на таковую молитву без всякаго наставления нудитися, и убежати многообразных и многоразличных прелестей вражиих, на молитву сию и подвижников ея прехитростне наводимых? Толико бо страшна есть вещь сия, сиречь молитва умная... Молитва сия художество художеств от святых нарицается; и кто может ея без художника, сиречь без искуснаго наставника научитися?.. Молитву же сию глаголю, не просте умную, сиречь не просте умом и усты совершаемую, сию бо всякому желающему христианину спастися, подобает, но художне умом в сердце действуемую, и язвя врага невидимо Божественным именем... Делание молитвы сея, аки тайна велия и неизреченная Богу единому, и делателем ея ведомая точию, храняшеся». Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... С. 288–290.

но и любым мирянам. Последние же, начав по ним самочинное, без опытных наставников обучение, могут уклониться в прелесть, что в свою очередь может послужить к уничижению святыни, когда суетные умы воздвигнут хулу и на молитву, и на учение отцов. Далее напоминается, что умная молитва есть искусство из искусств, требующее искушенного учителя. Но о какой «умной молитве» идет речь? Старец разъясняет, что его страхи связаны с молитвой не «просто умной».

Из контекста очевидно, что здесь старец Паисий, используя свою терминологию, проводит то самое разграничение, о котором говорилось выше, – он отделяет молитву умную *деятельную* (пригодную для всякого христианина, желающего спасения) от *созерцательной* умно-сердечной (неизъяснимой и таинственной молитвы, действие которой постижимо лишь для Господа и для самого делателя). Сохранение в тайне подступов к благодатному созерцанию – именно об этом заботился старец. Он опасался за невежд, способных дерзко и самочинно посягать на недоступное для них.

Озабоченность старца понятна – дилетантское, «книжное» представление мирян о практике исихастов может вызвать смущение и повести к тому, что уже случалось во времена Варлаама и Акиндина[172]. Увлечение Иисусовой мо-

---

[172] **Варлаам Калабрийский** (XIV), ученый монах и философ, родом из Калабрии (Южная Италия), проникнутый духом итальянского Возрождения. Прибыл в Константинополь ок. 1330 г. Благодаря своей образованности завоевал высокое положение в столице, имея могущественных покровителей при дворе. Варлаам становится воинствующим противником учения исихазма. Он отвергал нетварность Фаворского света, «устно и в многочисленных сочинениях нападал на самое сокровенное для исихастов, называя практику молитвенных созерцаний нетварного света, т.е. Самого Божества, чувственным и соблазнительным бесовидением». Варлааму важно было опровергнуть учение исихазма о восприятии нетварного света «не только ради собственного престижа и

литвой людьми, не имеющими правильного руководства, действительно грозит искажением духовной жизни, но опасность не в умной молитве, а в тщеславии этих людей[173]. Весь вопрос в том – не будет ли ошибкой, ради этих некоторых, лишать многих других необходимого для них, спасительного знания? Примечательно, что сомнения все-таки разрешились в пользу общедоступности исихазма. Повлиял на исход дела другой выдающийся деятель эпохи возрождения русского монашества – митрополит Гавриил (Петров)[174], убедивший старца Паисия в душеспасительной

защиты философских убеждений, но и ради осуществления плана всей своей жизни: из невозможности доказательно познать Божии тайны он хотел вывести вторичность любых догматов и предложить это воззрение как почву для объединения Церквей». Неоднократно посещая с дипломатической миссией Рим, он изложил (1339) свой план папе Бенедикту XII, который отверг его. На Константинопольском Соборе (1341) учение Варлаама признано еретическим и анафематствовано. Варлаам уехал в Италию и принял католичество, папой Климентом V он был назначен на епископскую кафедру в Неаполитанском королевстве (1342); оттуда он написал «друзьям в Греции» несколько писем о преимуществе католичества. Борьбу с паламизмом и исихазмом продолжил бывший ученик Паламы – монах болгарского происхождения **Григорий Акиндин** (†1348), пытавшийся, подобно Варлааму, опровергнуть святоотеческое учение о Божественной Сущности и энергиях. Акиндин был дважды осужден и сослан, но оппозиция не утихла, ее возглавил виднейший ученый и писатель империи Никифор Григора (1295 – ок.1360). Антипаламиты были окончательно анафематствованы на Соборе (1351), посажены в тюрьму или взяты под домашний арест; Григора был заточен в Хорский мон. Паламитские формулировки были окончательно утверждены на этом Соборе как догмат о Божественной Сущности и энергиях, который затем был принят всей православной Восточной Церковью. По слову В.Н. Лосского: «Еще раз Божественное безумие победило мудрость человеческую».

[173] Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... М., 2004. С. 265, 319.

[174] **Гавриил С.-Петербургский** (Петров-Шапошников; 1730–1801), митрополит С.-Петербургский и Новгородский. Муж выдающегося ума, высокого образования и аскетического устроения. Одна из центральных фигур эпохи возрождения мон-ва, его влияние сказалось во всех областях церковной жизни. Расцвет старчества и умного делания в России XVIII в. в значительной степени связан с его именем. Начало этого движения совпало с изданием славянского Добротолюбия, осу-

необходимости широкого распространения учения об умном делании и сумевший осуществить грандиозный по тем временам проект – издание славянского Добротолюбия[175].

Обычно строгостью взглядов на умное делание отличаются отцы-пустынники, часто можно встретить в их высказываниях мысль о недоступности для мирян «умной молитвы». Но и тут надо учитывать особенность их словоупотребления, – обыкновенно под этим выражением разумеется

ществленным митр. Гавриилом (1793). По его инициативе прп. Паисий выполнил перевод с греческого Добротолюбия, владыкой же была организована и под его руководством проведена сложнейшая редакторская работа над рукописью прп. Паисия. Владыка восстанавливал мон-ри, созидая по всей стране духовные центры, откуда могло распространяться учение о внутреннем делании, он содействовал обновлению многих расстроенных обителей и устроению в них общежития по афонскому уставу. По совету с архим. Феофаном Новоезерским, бывшим в течение 10 лет его келейником, владыка разыскивал лучших иноков и назначал их настоятелями. На возрождение мон-ва владыка положил все свои силы. Его тщанием возобновлены мон-ри: Валаамский, Тихвинский, Клопский, Симонов, Пешношский, Моденский, Кирилло-Новоезерский, Нило-Столобенский, Коневский и др. Трудами владыки открыты многие духовные уч-ща, благоустроена Александро-Невская Лавра. Он был членом Российской Академии со дня ее основания, пользовался благорасположением Императорской семьи. Будучи сам строгим аскетом, владыка любил и чтил мон-во и духовное подвижничество как высшую форму христианской жизни. Он был знаком со многими духоносными личностями своего времени, находился в переписке и тесном духовном общении с прп. Паисием Молдавским, с другими выдающимися подвижниками. Владыка имел дар проницательности, владел дипломатическим искусством, благодаря которому и было достигнуто расположение Государыни и получено разрешение на печатание Добротолюбия. При этом добродушный, одинаково простой в беседе как с императрицей, так и с рядовым монахом, он пользовался всеобщей симпатией; лишь церковные иерархи относились к нему со скептицизмом, считая, что простотой обращения он роняет достоинство епископского сана. Свое содержание митр. Гавриил почти полностью раздавал нуждающимся, келейник следил, чтобы не было роздано все. Несмотря на чрезмерную занятость делами Синода и управлением епархии, владыка ежедневно участвовал в богослужениях. Скончался подвижник на покое в Новгороде на 71 году жизни (26.01.1801).

[175] Приложение // Добротолюбіе (на слав. яз.). М., 2001.Т 1. С. 532.

высокое созерцание, а не деятельная умно-сердечная молитва. Такая строгость, конечно, оправдана – созерцательная жизнь в самом деле нуждается в особых условиях. «Что касается созерцания... так это там [в миру] трудно, ибо требуется совершенное безмолвие»[176].

Характерный пример – отношение к этому делу афонского отшельника Каллиника[177], известного далеко за пределами Святой Горы и «повсеместно признанного столпом исихазма». Старец Каллиник «в обучении умной молитве руководствовался евангельскими словами: *Не дадите святая псом*[178]. Он никогда не раскрывал тайны умной молитвы монахам, не воспитанным в духе полного послушания и отрешения от собственной воли, не достигшим преуспеяния в борьбе со страстями. Старец считал необходимым условием для научения умной молитве полный покой и забвение земных забот... Малейшее нарушение тишины и мельчайшие заботы ставят препятствия на пути созерцателя исихаста. В возвышенном состоянии *созерцательной* жизни, достичь которого удается немногим, практической

---

[176] *Иосиф Афонский, старец.* Изложение монашеского опыта. ТСЛ, 1998. С. 22.

[177] **Каллиник Исихаст, Афонский** (Фиасприс; 1853–1930), схимонах. Греческий отшельник, затворник, прозорливец, отличался высокой аскетической строгостью. Родился и вырос в Афинах, получил хорошее светское образование. В возрасте 22 лет ушел на Св. Гору, поступил в ученики (1875) к известному старцу игум. Даниилу Исихасту († 1881), жившему отшельником в пустыни Катунаки. Здесь он прошел суровую школу подвижничества. После кончины наставника стал его преемником – старцем в каливе исихастов прп. Герасима. В 1885 г. о. Каллиник ушел в полный затвор, заключившись в крохотной келье, и так провел 45 лет вплоть до кончины, ни разу не нарушив строгого уединения, лишь еженедельно причащался в храме при каливе. Старец имел очень немногих учеников, почти никто не мог понести строгости его жизни, среди его чад особенно известен схимон. Герасим (Менагиас; 1881–1957).

[178] *Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас* (Мф. 7, 6).

жизни места нет... Старец говорил, что в миру невозможно погружаться в умную молитву. Все могут молиться, говоря: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. Однако молитва словесная – одно, но совсем другое – молитва умная. Первая – это начальная школа, а вторая – университет».

Здесь под умной молитвой отец Каллиник разумеет высокое созерцание. Старец «предостерегал людей от желания обратиться к умной молитве, не пройдя через монастырское послушание, не получив благословения, полагаясь только на себя. Он говорил, что люди эти заблуждаются. Научал, что умная молитва – это высшая ступень, дар Божий достигшим успехов в трудах послушания... А тот, кто не готовым вступает на путь умной молитвы, кто вознамеривается приблизиться к умной молитве и свету Фаворскому без должной подготовки и благословения, – посрамляется»[179].

Благая осторожность

В середине XX века глинский старец Серафим (Романцов) остерегал мирян от нетерпеливости. Людям ревностным бывает свойственна поспешность, совершенно неуместная в желании достичь умно-сердечной молитвы. Побудителем может быть и тщеславие. Старец разъяснял необходимость выработать начальный навык молитвы словесной, обучиться «прежде всего внимать словам молитвы». Когда же говорили о желании «соединить Иисусову молитву с сердцем», «ввести ее в сердце», то старец пресе-

---

[179] *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 1998. С. 187, 207–209.

кал неразумные устремления: «Если взяться за преждевременное соединение ума и сердца в молитве Иисусовой, то можно вызвать обострение, то есть усиление страстей... и кончить психическим расстройством. Виновата здесь не молитва, а самомнение неопытного и непослушного молитвенника». Когда к отцу Серафиму с вопросами об Иисусовой молитве обращались люди, склонные к гордости, которым особенно грозит самообман, то он советовал им «читать молитву мытаря, с обязательным вниманием к словам, в покаянной настроенности»[180].

Интересна судьба старца Афанасия Площанского[181], бывшего питомцем прп. Паисия. Хотя это лишь частный случай, но он как раз и показывает, насколько может быть

---

[180] *Чесноков Александр, свящ.* Глинская пустынь и ее старцы. ТСЛ, 1994. С. 122.

[181] **Афанасий Площанский** (Захаров; †1825), схимонах. Дворянин, ротмистр гусарского полка. В 30-летнем возрасте поступил в Нямецкий мон., где подвизался 7 лет, исполнял послушание писца. Постриженник прп. Паисия Молдавского, один из его близких учеников. После вынужденной поездки в Россию не смог вернуться в Молдавию. Поступил в Гороховецкий мон. (1777), затем пребывал во Флорищевой пуст., где был казначеем, и в Белобережской пуст. (с 1806), при настоятельстве прп. Льва (Наголкина). Бывая в Москве, посещал новоспасского старца иеромон. Филарета (Пуляшкина). Находясь в Свенском мон-ре (1811), присутствовал при кончине схимон. Афанасия (Охлопкова). Последние 10 лет жизни провел в Площанской пуст. (с 1815), здесь его воспитанником стал будущий прп. Макарий Оптинский. У старца хранились списки многих переводов, сделанных и исправленных прп. Паисием. О. Афанасий «служил примером для всей братии, ибо был кроток, милостив и сострадателен, принимая каждого с любовью. Несмотря на все свои немощи, никогда не оставлял церковной службы и келейного правила». После перелома правой ноги передвигался с костылем. Болея ногами, «никогда не садился не только во время чтения Апостола и кафизм, но и при чтении Пролога». До самой кончины не оставлял келейного правила, завещанного ему прп. Паисием: после утрени акафисты Спасителю и Божией Матери, молитвенное воспоминание Страстей Христовых, несколько канонов, 2 главы из Апостола, глава из Евангелия, молитвенное воспоминание Божией Матери и святых, какие придут на память, поминание о здравии и упокоении отцов и братий, сродников, знаемых и благодетелей. Это правило старец совершал утром и вечером, кладя по 200 поклонов. Почил о. Афанасий

важен индивидуальный подход. Будучи незаурядным подвижником, отец Афанасий, тем не менее, имел строгое ограничение, наложенное учителем: старец Паисий, видимо в силу каких-то личных особенностей отца Афанасия, не позволил ему до конца жизни приступать к умной молитве. «Схимонах Афанасий, имея запрещение от своего великого старца Паисия касаться сего высокого делания, проходил, по его наставлению, лишь устную Иисусову молитву»[182].

Пример отца Афанасия – ясное указание на то, как важно в этом деле учитывать личные особенности, – то есть указание на необходимость получить персональное благословение на молитвенные занятия. Имеется в виду благословение не формальное, преподанное случайным священником, тем более молодым, но полученное от духовника достаточно опытного, способного распознать, не противопоказано ли в данном случае такое занятие. Здравомыслие требует не приступать к углубленным занятиям молитвой без такого благословения.

Проживая последние годы в Площанской пустыни, упомянутый отец Афанасий был наставником отца Макария (Иванова)[183]. Видимо, от него отец Макарий и унаследовал чрезвычайную осторожность по отношению к умному деланию. Будучи уже иеромонахом, в возрасте за тридцать лет, он, по смирению, все еще считал себя недостойным этого занятия.

после тяжкой болезни (17.10.1825) напутствуемый своим духовным сыном и ближайшим учеником иеромон. Макарием (Ивановым).

[182] Жизнеописание Оптинского старца иеросхим. Макария. М., 1997. С. 28.

[183] **Макарий Оптинский** (Иванов; 1788–1860), преподобный. Оптинский старец, в молодости имел своим наставником схимон. Афанасия (Захарова) – ученика прп. Паисия Молдавского, затем был послушником и сподвижником прп. Льва Оптинского. Под влиянием о. Макария возникла целая школа российских издателей и переводчиков духовной литературы, благодаря ему были изданы уникальные ру-

Архимандрит Леонид[184] так это объясняет: «Можно с достоверностью полагать, что прохождение умной молитвы, по степени тогдашнего духовного возраста» отца Макария, «было преждевременным и едва не повредило ему. Стяжав впоследствии матерь дарований – смирение и оградив им высокое делание умной молитвы, старец предостерегал

кописи и переводы прп. Паисия. Среди питомцев о. Макария будущие преподобные оптинские старцы, он руководил духовной жизнью монастырской братии, окормлял сотни и сотни мирян, посещавших Оптину. На исповедь и благословение к нему приезжали А.К. Толстой, А.С. Хомяков, Н.В. Гоголь и А.Н. Муравьев. О. Макарий вел обширнейшую переписку. По свидетельству очевидцев, «лицо его было светло от постоянной Иисусовой молитвы, творимой им, оно сияло духовной радостью». На 72 году жизни старец мирно почил через час после принятия Святых Тайн (7/20.09.1860).

[184] **Леонид** (Кавелин; 1822–1891), архимандрит. Виднейший представитель русского ученого мон-ва. Лев Александрович Кавелин происходил из дворян Калужской губ., окончил 1-й Московский кадетский корпус, служил в лейб-гвардии Волынском полку (1840–1852). Его мать приходилась двоюродной сестрой адмирала П.С. Нахимова. Печатался в литературных журналах, часто посещал Оптину пуст., окормлялся у прп. Макария и прп. Льва. Вышел в отставку в чине капитана (1852) и поступил послушником в Оптинский скит, занимался изданием святоотеческих книг, пострижен и рукоположен в иеромонаха (1857). Два года служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, посещал Афон (1859). Вернувшись в Оптину, написал ряд церковно-исторических трудов. С 1863 г. начальник Русской миссии в Иерусалиме, настоятель посольской церкви в Константинополе (1865–1869), затем, в течение 8 лет, настоятель Ново-Иерусалимского мон-ря Моск. епарх. Наместник Троице-Сергиевой Лавры (с 1877), управлял которой 14 лет, вплоть до кончины. За 50 лет своей деятельности опубликовал около 300 работ, автор многих исследований в области славяно-русских церковных древностей, библиограф и археограф. Работал в крупнейших книгохранилищах православного Востока. Член-корреспондент Императорской Археографической комиссии, почетный член русских и зарубежных научных обществ. Промыслительное значение его трудов состоит в том, что в них сохранилось множество материалов из утраченных ныне архивов – важные исторические сведения, описания десятков храмов и мон-рей, сотни документов и памятников духовной письменности. Воспитанник преподобных оптинских старцев, о. Леонид всю свою жизнь оставался преемником и хранителем древних монашеских традиций.

всех относившихся к нему от занятий сим высоким деланием прежде очищения от страстей». Такое предостережение было оправдано «многими опытами, во время долговременной духовной деятельности старца, на людях, повредивших себя самочинным (без опытного руководителя) и преждевременным упражнением в умной молитве»[185]. Сполна искушенный в личном подвиге и умудренный старческим служением, прп. Макарий незадолго до кончины написал специальную работу под наименованием «Предостережение желающим проходить умную молитву»[186].

Побуждаемый присущей его натуре благой осторожностью, прп. Макарий не соглашался с позицией свт. Феофана Затворника, который выступал убежденным сторонником общедоступности умно-сердечной молитвы. В переписке отца Макария встречается критическая реплика в адрес святителя: «Книжку [еп. Феофана] “Письма о христианской жизни” я знаю... я ее прочитал, но еще не всю. Книга очень хороша, но о молитве в некоторых местах очень смело сказано, как-то: в сердце иметь ум и что это всякий может делать, искать в себе теплоту и прочее. Неопытные примутся за это и ничего не найдут, смутятся, а мало-мало кто ощутит, увлечется и впадет в прелесть. Святые отцы говорят, что на это требуется много времени, подвига, труда и наставника не прелестного... Молитва умная есть выше всех деланий, по слову святого Григория Синаита, и кто “безстудне и дерзостне хотяй к Богу внити и исповедати Его чисте и стяжати Его в себе нудясь, удобь умерщвляемы есть сицевые от самех бесов, аще попустится”... Нынче

---

[185] *Леонид (Кавелин), архим.* Житие Оптинского старца Макария. Оптина пуст., 1995. С. 44.

[186] Эта статья была издана отдельной брошюрой (Шамордино, 1913), в настоящее время она опубликована в приложении к житию прп. Макария. См.: Жизнеописание Оптинского старца иеросхим. Макария.

много издано книг о сем делании: Добротолюбие и другие отеческие книги, вам известные; но надобно проходить оное с наставником, а не самочинно... Не думайте, чтоб я охуждал книжку оную [“Письма о христианской жизни”]. Я нахожу [ее] в других материях очень преполезною и исполненною истины», но «надобно попроще: молитвою Иисусовою нужно молиться всем и отгонять помыслы, но не искать ничего, кроме помилования; а Господь, даяй молитву молящемуся, даст и умную молитву»[187].

При всей бесспорной справедливости и благоразумности суждений прп. Макария, тем не менее, очевидно, что просветительская и популяризаторская деятельность свт. Феофана в отношении умной молитвы оказалась необыкновенно плодотворной, и этим духовно-просвещенная часть русского общества XIX–XX веков обязана лично ему, пожалуй, более, чем кому-либо иному.

[187] Собр. писем... иеросхим. Макария: Письма к мирским особам. СПб., 1993. С. 652.

ЗРИ ХРИСТА В СЕРДЦЕ

После смерти

Важную мысль высказывает прп. Варсонофий Оптинский[188]. Он считает, что некоторые подвижники обречены до конца жизни пребывать на уровне словесной молитвы только по той причине, что Господь, провидя их неустой-

---

[188] **Варсонофий Оптинский** (Плиханков; 1845–1913), преподобный. Оптинский старец, схиархимандрит. В миру офицер в чине полковника, проводил благочестивую, по существу подвижническую, жизнь в безбрачии и строгом воздержании. Служил при штабе Казанского военного округа, участвовал в пограничных боях в Туркестане. Благословение на мон-во получил от прп. Амвросия Оптинского. В возрасте 46 лет он оставил мир и вступил в братию Оптиной пуст. (26.12.1891), в тот же самый день был подписан приказ о производстве его в звание генерала. В Оптиной он оказался под руководством прп. Анатолия (Зерцалова), искусного делателя Иисусовой молитвы, и стал келейником прп. Нектария. Под руководством старцев он прошел высшую духовную школу. Мантийный постриг принял в 55 лет. Рукоположен в иеромонаха (1903), назначен духовником оптинской братии и Шамординской женской пуст. Во время Русско-японской войны был отправлен фронтовым священником на передовую, где неоднократно подвергался смертельной опасности. Скитоначальник в Оптиной пуст. (с 1907). О. Варсонофий обладал великими духовными дарованиями, являлся носителем пророческого и молитвенного дара. Господь открывал ему прошлое и будущее людей самых разных сословий и устроений, которые во множестве стекались к нему за духовным советом, утешением и исцелением. Он насквозь видел человеческую душу и мог направить на истинный путь, изгонял бесов. Пострижен в схиму (1910). Старец Варсонофий был духовным отцом присп. Никона (Беляева), которого принял (1907) под свое окормление. Под конец жизни, помимо своего желания, о. Варсонофий был назначен настоятелем Старо-

чивость, ради их же безопасности, уберегает от возношения и падения, а потому не допускает их до молитвы умной. Но при этом утешительно то обстоятельство, что искренне стремящиеся к обретению умной молитвы могут, по мысли преподобного, получить ее даже после перехода в вечность. «Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное». Но «многим неполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому Бог дает молитву молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы дает [ее] или перед смертью, или даже *после смерти*, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой... Приобретение внутренней молитвы необходимо. Одна устная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: какой же смысл творить молитву? какая польза? – Великая, только не надо ее оставлять»[189].

Похожие размышления, столь обнадеживающие для многих и ободрительные, встречаем в писаниях старца Василия[190]. Высшие степени молитвы, говорит он, бывают

Голутвинского Богоявленского мон-ря, где и скончался в возрасте 67 лет. Он находился в духовном общении с прав. Иоанном Кронштадтским, прп. Варнавой Гефсиманским, митр. Трифоном (Туркестановым) и другими выдающимися подвижниками. Перед кончиной (1/14.04.1913), во время предсмертной болезни, страдания старца были поистине мученическими. Отказавшись от помощи врача и какой бы то ни было пищи, он лишь повторял: «Оставьте меня, я уже на кресте». Память 1/14.04 и 11/24.10.

[189] *Никон (Беляев), иеромон.* Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 132, 162.

[190] **Василий Поляномерульский** (ок.1692–1767), схимонах, преподобный (канонизирован Румынской Церковью в 2003 г.). Известный подвижник, высоко почитавшийся в Молдовлахийских землях и на Афоне старец. Духовный руководитель ряда обителей, некоторое время был наставником прп. Паисия Молдавского. Русский по происхождению, монах-пустынник, о. Василий принял постриг в России, подвизался в Мошенских горах. Во времена притеснений монашества переселился в Молдавию, основал (1733) и возглавил Поляномерульский скит (или Мерлополянский, от рум. Poiana Marului – Яблочная Поляна), ставший крупным духовным центром. Старец несколько десятиле-

иной раз посмертно дарованы тем, кто достойно потрудился в деятельном подвиге. «Хотя многие из древних, а не только нынешние, умерли не сподобившись при жизни зрительной молитвы, это не должно вызывать сомнения, ибо нет места неправде у Бога и Он, во всяком случае за труды их, которыми они потрудились, идя истинным отеческим путем делательной молитвы, дает им в час смерти или по смерти действие зрительной молитвы, с которой они, как пламень огненный, проходят воздушные мытарства, по слову святого Исихия. И получают они жребий свой с теми святыми, которые, по апостолу, не приявши здесь обетования, трудились всю жизнь свою во уповании»[191].

Упоминание о подобной закономерности можно услышать и в наш век. «В страшный час смертный, – говорил

тий руководил 11-ю обителями, в том числе скитами Трейстены (Св.-Никольский), Долгоуцы (Свв. Архангелов), Кыркул (Арх. Михаила), Кондрица. Юный инок Парфений (Платон Величковский), будущий Паисий, «пребываше в ските Трейстены... под духовным советом старца Василиа бяше», у него же «в послушании бе некое время; обаче ученик его сподобися быти» (1743). Позднее о. Василий встретился с Величковским на Афоне (1750), где и постриг его в мантию с именем Паисий, «научая и открывая ему о высоких христианских таинствах». Скончался подвижник 25.04.1767. Старцем Василием написаны известные Предисловия к творениям Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Иерусалимского и Нила Сорского. Собранные вместе, эти тексты составили ценный труд, в котором кратко и емко изложены все основные принципы умного делания и дан свод важнейших отеческих изречений на эту тему. В наше время славянский оригинал Предисловий опубликован в репринтном Житии Паисия, а русский перевод – в Сборнике о молитве Иисусовой. См.: Житіе и писанія... С. 72; Сб. о молитве Иисусовой. С. 333. В недавнее время появилась гипотеза об авторской принадлежности этих текстов прп. Иннокентию Комельскому. Эта версия представляется малоубедительной, тем более что какие-либо доказательства отсутствуют. Во всяком случае, у прямых учеников прп. Паисия, а также у старцев и издателей Оптиной пуст. авторство о. Василия никаких сомнений не вызывало. См.: Прпп. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 283–286, 308–310, 316–318.

[191] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 345.

прп. Герман Зосимовский, – при переходе нашем в вечность, святейшее имя Господа нашего Иисуса Христа оказывает спасительную силу против демонов. В это тесное и ужасное время особенно благодетельна молитва Иисусова, совершаемая, доколе человек в теле, – устами и сердцем, а по разлучении от тела – умом»[192].

«Некоторым, – говорит отец Иоанн (Маслов)[193], – Господь дает сердечную молитву в юности, иным в средних летах, иным в старости, а иным во время исхода из тела»[194].

Умная Иисусова молитва, по слову архимандрита Ефрема Святогорца, служит при переходе в вечность доспехами для беззащитной души: «Когда душа, имеющая эту молитву, выйдет из тела, то как возможно, чтобы рядом с ней стали демоны? Эта душа будет как бы одета в броню молитвы, и к ней не смогут приступить демоны. Так велика польза от этой молитвы»[195].

---

[192] *Герман Зосимовский (Гомзин), схиигум.* Заветы о молитвенном делании. М., 1995. С. 45.

[193] **Иоанн** (Маслов; 1932–1991), схиархимандрит, магистр богословия. Насельник Глинской пуст. (с 1954), где принял монашеский постриг. Здесь молодой инок духовно сблизился с известными старцами схиархим. Серафимом (Амелиным), схиархим. Серафимом (Романцовым) и со своим духовным отцом схиархим. Андроником (Лукашом). После закрытия мон-ря (1961) о. Иоанн окончил МДС и МДА, известен своей научно-богословской и преподавательской деятельностью в московских духовных школах, где трудился долгие годы. Его служение отмечено высшими церковными наградами, Патриарх Алексий II назвал о. Иоанна «выдающимся подвижником XX века». Перу о. Иоанна принадлежит ряд церковно-исторических литературных трудов: «Прп. Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», «Свт. Тихон Задонский и его учение о спасении», «Глинская пустынь. История обители», «Симфония по творениям свт. Тихона Задонского», «Глинский Патерик», «Лекции по пастырскому богословию», «Лекции по литургике», «Архив Глинской пустыни». См. о нем: *Маслов Н.В.* Благодатный старец схиархим. Иоанн.

[194] Глинская мозаика. М., 1997. С. 182.

[195] *Ефрем Святогорец, архим.* Жемчужины подвижнической мудрости. ТСЛ, 2001. С. 96, 97.

Схимонах Иосиф Ватопедский: «Всякому человеку необходимо искать дорогу, ведущую в город, и стремиться выйти на нее; но если он даже не достигнет конца пути, не успев по каким-то причинам, Бог все же причислит его к тем, кто дошел»[196].

Высока ответственность предсмертного момента, когда на грани двух миров от опытности в молитве во многом зависит участь души. Духовное состояние имеет решающее значение в час смерти, утверждает отец Софроний (Сахаров): «Аскетическое делание умной молитвы является подготовкой к концу земной жизни», чтобы рождение христианина в небесную жизнь произошло как можно безболезненнее и безопаснее[197]. «Стяжать молитву именем Иисуса – значит стяжать вечность. В самые тяжкие минуты разложения нашего физического организма молитва "Иисусе Христе" становится одеянием души; когда деятельность мозга нашего прекратится и все прочие молитвы станут трудны для памяти и произношения, тогда ставший нам интимно-ведомым исходящий от имени свет боговедения пребудет неотъемлемым от духа нашего. После того, как мы видели кончину отцов наших, умерших в молитве, крепка наша надежда, что мир небесный, превосходящий всякий ум, навеки обымет нас»[198].

* * *

Как ни ободряюще звучат вышеприведенные соображения, но в писаниях отцов на эту тему мы встречаем предупреждения, далекие от того, чтобы располагать к самоуспокоению. «Если же мы – чего, конечно, не дай Господь –

---

[196] *Иосиф Ватопедскйи, старец.* Аскеза – матерь освящения. М., 2005. С. 85.
[197] *Захария (Захару), архим.* Христос как путь нашей жизни. 2002. С. 222.
[198] *Софроний [Сахаров], архим.* О молитве: сб. ст. СПб., 1994. С. 155.

проведем время жизни своея без молитвы, то во время смерти постигнут нас “великая злая”. Святой Исихий Пресвитер говорит: “Не имея молитвы, не может наша душа пройти воздушные мытарства, но будет удержана и взята бесами, потому что нет на ней покрова молитвенной благодати”. А в славянском Добротолюбии святой Филимон говорит, что если кто не имеет святого действа молитвы и ее спасительных плодов, то при смерти претерпевает неисповедимый трепет, страх и ужас, потому что бесы нападают на душу с великим неистовством и ожесточением, как на лишенную благодатного молитвенного покрова»[199].

Не менее категоричны современные старцы: «Настоящее предназначение человека заключается в том, чтобы достичь *подобия Божия* и соединиться с Богом. Если же этого не произойдет, то лучше было бы и вовсе не рождаться, поскольку даже если человек проживет и тысячу лет, то все равно это не принесет ему никакой пользы и его ждут вечные мучения»[200].

Подобные предостережения слышны на разных языках из уст святых отцов разных поколений. Они созвучны учению прп. Симеона, известное высказывание которого напоминает о чрезвычайной серьезности нашего положения: «Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не соединится с Ним».

Это звучит уже столь строго, что может у кого-то вызвать чрезмерную тревогу. Отец Софроний (Сахаров) пишет: «Много раз я слышал и от подвижников, что чтение Симеона приводит их к отчаянию... Но читай его спокойно... Так или иначе, при всей своей “жестокости”, прп. Симеон пишет всегда о том же самом, что и все другие отцы». Даже

---

[199] *Иларион, схимон.* На горах Кавказа. СПб., 1998. С. 710.

[200] *Харалампий Бусьяс.* Старец Анфим из скита св. Анны. Минск, 2005. С. 127.

свт. Николай Сербский признавался в своих смущенных чувствах. Отец Софроний вспоминает: «Один епископ [Николай (Велимирович)], любивший старца Силуана, сказал мне, что он любит старца больше, чем прп. Симеона, потому что ни в ком не нашел он столько великой любви, как в нем, Силуане. Он сказал мне: "Когда читаешь прп. Симеона, то отчаяние приближается к душе, а когда читаешь старца Силуана, то надежда растет в сердце"»[201].

Но в том-то и сила поучений прп. Симеона, что они изложены с предельной серьезностью и откровенностью, хотя и беспокоящей и не для всех привычной, не у каждого находящей понимание. Не все готовы согласиться с истиной. Действительно, грозные слова святого могут вызвать смущение, но они же и отрезвляют, нарушают обманчивый покой духовной дремоты и вдохновляют на подвижничество.

Прп. Симеон: «Кто не стяжал сознательно внутри себя Царства Небесного, тому есть ли способ внити в него по смерти?.. Здесь еще должно тебе воспринять все Царство Небесное, если ты желаешь войти в него по смерти... Да не обольстят тебя обманщики своими лживыми речами о том, что не отныне еще, а только по смерти умирающие получают жизнь... Кто не постарается достигнуть Царствия Небесного и внити в него, пока находится в настоящей жизни, тот и в то время, когда выйдет душа его из тела, окажется находящимся вне сего Царствия... Итак, здесь в сей жизни повелено нам взыскать его и обрести, толкая в двери его посредством покаяния и слез... Невозможно войти в Царствие Божие тому, кто еще в настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдет до созерцания Его и не достигнет того, чтоб Он обитал внутри его»[202].

---

[201] *Софроний (Сахаров), архим.* Письма в Россию. Эссекс–М., 2003. С. 98–99.

[202] *Симеон Новый Богослов, прп.* Творения. ТСЛ, 1993. Т. 1. С. 231, 450, 480. Т. 2. С. 472. Т. 3. С. 31, 34.

Пугающая серьезность прп. Симеона смущала не одного свт. Николая Сербского. Старцу Амвросию Оптинскому пришлось давать толкование этих мыслей святого в переписке с монахиней Леонидой[203]: «Тебя смутило слово прп. Симеона Нового Богослова, который говорит: "Кто в здешней жизни не узрит Христа в своем сердце, тот не узрит Его и в будущей жизни". Пишешь, что для тебя это изречение ужасающее. Успокойся и не беспокойся много. Если бы не были прибавлены слова "в своем сердце", тогда действительно было бы это изречение ужасающее. А "зреть Христа в сердце своем" смиренный Никита Стифат[204] объясняет так: "Егда кто горячесть души своея в залогственной вере зрит разширяему, и Божию любовь: тогда Христа носити да весть в себе, еже от земли и видимых действующа возвышение души его, и на небесех жилище уготовляюща ей"[205]. И прочее. И апостол Павел пишет: *Себе искушайте, аще есте в вере... Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте.* И паки: *Вселитися Христу верою в сердца ваша.* И паки: *Верою бо ходим, а не видением*[206]. Значит, вся сила в вере»[207].

---

[203] **Леонида** (Фризель; XIX), монахиня. Казначея Спасо-Влахернского мон-ря Моск. епарх.

[204] **Никита Стифат** (ок. 1005–1090), преподобный. С 14-летнего возраста послушник, а со временем пресвитер Студийского мон-ря. Уже в преклонном возрасте стал его настоятелем. Один из авторов Добротолюбия, известен своими трактатами по мистическому богословию и яркими антилатинскими памфлетами. Известен также как ближайший ученик прп. Симеона Нового Богослова, переписчик его рукописей и составитель его жития.

[205] Добротолюбіе (на слав. яз.). М., 2001.Т 2. С. 445.

[206] *Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть* (2 Кор. 13, 5). *Верою вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3, 17). *Ибо мы ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7).

[207] Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. М., 1995. Ч. 3. С. 109.

По существу же прп. Симеон не говорит ничего нового, ведь он только повторяет евангельские слова Христа о том, что жизнь вечная обретается через причастие и молитвенное лицезрение Бога: *Всяк видяй Сына и веруяй в Него имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день... Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный*[208].

Заповедано всем

«Пусть никто не думает, братья мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет – все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве... – читаем мы в Добротолюбии в главе "О том, что всем вообще христианам надлежит непрестанно молиться". – Имеют долг все вообще христиане от мала до велика молиться всегда умной молитвой: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! – так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии». Такова мысль свт. Григория Паламы: «Всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда, и молиться непрестанно, как заповедует апостол Павел...[209] и как говорит о себе пророк Давид, при всем том, что был царь и имел попечение о всем царстве своем: *Предзрех Господа предо мною выну*[210]. То есть всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей», что достижимо, конечно, только через умное и сердечное делание. К этому же призывает свт. Григорий Богослов. Он утверждает, что каждому христианину «чаще надлежит по-

---

[208] Ин. 6, 40, 54.
[209] См.: 1 Фес. 5, 17.
[210] Пс. 15, 8.

минать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух... Повинуясь заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех вообще: и монахов и мирян, и мудрых и простых, и мужей, и жен, и детей, – и побуждать их молиться непрестанно».

«Братия мои христиане, – взывает к нам святой патриарх Филофей (Коккин), – умоляю и я вас вместе со святым Златоустом: спасения ради душ ваших не нерадите о деле умной молитвы. Подражайте тем... которые, живя в миру, всецело были преданы умной молитве, и сколько возможно последуйте им. Сначала это может показаться вам очень трудным, но будьте уверены, как бы от лица Вседержителя Бога, что самое сие имя Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно вами призываемое, поможет вам преодолеть все затруднения... Тогда опытно познаете, что дело сие не только не невозможно и не трудно, но и возможно и легко...

Но что говорят миряне? – Мы обременены делами и заботами житейскими, как возможно нам молиться непрестанно? Отвечаю им, что Бог не заповедал нам ничего невозможного, потому и это можно исполнить всякому, ревностно ищущему спасения души своей... Не стал бы святой Павел обязывать нас непрестанно молиться[211], если бы это было крайне трудно и невозможно», обрекая нас стать «ослушниками и преступниками заповеди его» и чрез то – «достойными осуждения и наказания». Если бы «это было невозможно, то было бы невозможно для всех вообще мирян, и тогда не нашлось бы столько лиц, кои среди мира исправляли сие дело непрестанной молитвы как следует. Из таковых да будет представителем многих других такого рода лиц отец свт. Григория Паламы – дивный Константин».

---

[211] *Непрестанно молитесь... ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* (1 Фес. 5, 17–18).

Придворный сановник Константин был ревностным подвижником умного делания, мирянином, достигшим чудотворной молитвы. Видный царедворец, советник и духовный наставник императора, Константин, помимо государственных дел и воспитания царского наследника, был к тому же обременен многодетным семейством и связан домашними обязанностями, имея значительное имущество и множество слуг. При всем том сей Константин был настолько неотлучен от Бога и столь поглощен непрестанной умной молитвой, что часто не слышал обращавшихся к нему по государственным делам придворных и самого царя. Вельможи, не ведая причины того, смущались и укоряли Константина, но мудрый царь, зная истину, защищал его, говоря, что Палама имеет такие «думы», которые будут поважнее «наших дел».

Примите во внимание, поучает свт. Филофей, и сам способ молитвы, которым «возможно непрестанно молиться, именно – молиться умом. А это мы всегда можем делать, если захотим... всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоугодную Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящаем на служение Богу и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедал нам и Богочеловек Иисус во Святом Евангелии...[212] Чувства наши затворяются, когда мы не даем им прилепляться к внешним вещам, и ум наш, таким образом, остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенной умной молитвой соединяется с Богом Отцом своим. Видит Бог, ведающий все сокровенное, умную молитву

---

[212] *Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне* (Мф. 6, 6).

нашу... Ибо эта молитва есть истинная и совершенная молитва, которая исполняет душу Божественной благодатью и духовными дарами, подобно миру[213], которое чем крепче затыкаешь сосуд, тем благоуханнее делает сосуд сей. Так и молитва, чем крепче заключаешь ее внутри сердца, тем более она обилует Божественной благодатью...

Блаженны те, которые навыкают сему небесному деланию... Сия умная молитва восходит до самого Престола Божия и как кадило благоухает пред Господом, как видел Иоанн Богослов в Откровении...[214] Она есть цепь, держащая в единении Бога с человеком и человека с Богом... Она поставляет человека в положение всегдашнего собеседователя с Богом. О, дело воистину дивное и предивное! Телесно обращаешься с людьми, а умно беседуешь с Богом... Ты, брате, когда ум твой не влается[215] туда и сюда, но входит внутрь сердца твоего, и чувства твои заключены и ограждены от вещей мира сего, и ты таким образом молишься, тогда ты бываешь подобен святым ангелам, и Отец твой, видя-

---

[213] Миро (слав. – мvро; греч. – μύρον; араб. – murr) – сложный состав из благовонных веществ, употреблявшийся в ветхозаветной Церкви и издревле употребляющийся в Церкви христианской при совершении таинства миропомазания. В состав мира некогда входило 75 компонентов, затем – около 55 (XVII), позднее – 28 (XIX). Мироварение совершается, в зависимости от потребности, раз в 2–4 года в Москве в первые три дня Страстной седмицы. Приготовление ингредиентов начинается заранее в Лазареву субботу. В Великий Понедельник архиерей возжигает трикирием огонь под мироварной печью и начинает непрерывное чтение Евангелия, которое до Великой Среды продолжают, сменяясь, священники. Диаконы все это время перемешивают состав особыми веслами. В Великую Среду добавляют последние вещества и разливают состав по сосудам. В Великий Четверток патриарх во время литургии совершает по особому чину освящение мира, при этом в него из особого алавастра добавляется миро прежнего освящения. Так преемственная передача святыни совершается с апостольских времен.

[214] См.: Откр. 5, 8.

[215] Влающийся – одержимый нечистыми духами; подверженный непогоде, обуреваемый, волнуемый.

щий тайную молитву твою, приносимую Ему в сокровенности сердца, воздаст тебе явными[216] великими духовными дарами»[217].

Миссия исихазма

Во все времена можно было наблюдать известную настороженность по отношению к умному деланию. Многие держатся и поныне той мысли, что углубление за пределы молитвы словесной есть привилегия многоопытных монахов, живущих в строгом уединении от мира, под непосредственным окормлением умудренных старцев. Но вместе с тем всегда существовала иная точка зрения, которую отстаивали сторонники широкой доступности умно-сердечной молитвы, ее дозволенности и для начинающих иноков, и для мирян.

В XIV веке приверженцами различных взглядов на этот предмет оказались такие отцы, как патриарх исихазма прп. Григорий Синаит и его прямой последователь свт. Григорий Палама. Вопрос общедоступности умного делания оказался единственным пунктом, в котором расходились воззрения двух великих учителей. Григорий Синаит «строго стоял на монашеских позициях и проповедовал учение о внутреннем делании исключительно инокам». В то же время, Григорий Палама, «восприняв учение об исихии Григория Синаита, не только развил и теоретически обосновал его, но и сделал доступным для широкого круга духовно образованных людей». Палама утверждает: «К сердечному деланию призываются без исключения все».

---

[216] *И Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6).

[217] Добротолюбие. ТСЛ, 1992. Т. 5. С. 477–482.

Он учит: «Новоначальных уместно научать, чтоб внимали себе и навыкали вводить ум свой внутрь через дыхание. Ибо того, кто не стал еще созерцательным, никто из благомудрствующих не будет отклонять от некоторых приемов по введению ума в себя самого». В результате плодотворной деятельности святителя через «движение исихастов все общество было призвано становиться причастниками Божественного света и пропасть между монастырем и миром была преодолена». Анахорет-подвижник становится «не периферийной, а центральной, стержневой фигурой в культуре» той эпохи[218].

Но нужно признать, что и Григорий Синаит на практике отходил от своей теории, он брал-таки в ученичество мирян, да еще каких. Замечательный факт из его жития связан с пребыванием святого в Парории, в «уединеннейшей и ненаселенной пустыни», которую он обратил в «духовную мастерскую». В этой гористой местности Григорий укрылся от мира со своими учениками, но не обрел желанного покоя, так как братия подвергалась нападениям «одичавших и озверевших, вследствие порочной жизни в долговременном разбойничестве, грабителей и убийц». Однако Григорию удалось так повлиять на этих бандитов силой своей благодатной молитвы, что «оных грабителей и убийц он привел в кроткое состояние... Те, кои прежде были жестоки, кровожадны и для всех неприступны... припали к ногам его, последовали по стопам его в искреннем умилении и раскаянии... приходя к нему каждый день и испрашивая у него молитв и благословения». Так, большинство из этих бандитов, которых «в своих наставлениях он, Григорий, с любовью учил... отказавшись от порочной склонности к

---

[218] *Петр (Пиголь), игум.* Прп. Григорий Синаит и его духовные преемники. М., 1999. С. 19, 84.

убийству... наставлениями оного знаменитого мужа были просвещены умом, озарены Духом и истинно послужили Богу»[219].

Что же касается свт. Григория Паламы, то этот аскет, воспитанный в строгой афонской традиции, тем не менее, отнюдь «не чуждался совершенно мира», он лишь признавал за монашеством «больше удобств для достижения человеком спасения». Как и другой выдающийся деятель эпохи позднего исихазма – свт. Николай (Кавасила)[220], который

---

[219] *Каллист Константинопольский, свт.* Житие прп. Григория Синаита. ТСЛ, 2005. С. 77, 78.

[220] **Николай** (Кавасила; 1320–1371 или 1391), святитель. Вошел в историю Церкви как крупнейший представитель богословской мысли XIV в. Выдающийся эрудит, ученый широкой ориентации, автор риторических, астрономических, правовых и богословских (сотериологических и литургических) трактатов, дипломат, секретарь императора. В своем учении близок свт. Григорию Паламе и традиции исихазма. Канонизирован Элладской Православной Церковью (1982) «за исповедническую и святую жизнь, православное попечение и огромный вклад в дело Церкви и воспитания». Биографические сведения о нем скудны и противоречивы. Свт. Николай происходил из знатного рода византийских аристократов, получил блестящее образование и воспитание под руководством своего дяди, тоже святого – свт. Нила (Кавасилы), управлявшего Солунской паствой (до 1340). Классическое образование Николай получил в Константинополе (1335–1340), где изучал философию, риторику, грамматику и естественные науки. Он стал видным сановником в Константинополе при дворе Иоанна Кантакузина (с 1347), исполнял обязанности посла, причем совмещал активное участие в политической жизни империи с церковным служением. Не состоя в священном сане, но всегда имевший склонность к созерцательной жизни, Николай принадлежал к традиционной на Востоке плеяде богословов-мирян и занимал должность сакеллария Великой церкви (храма св. Софии), т.е. попечителя недвижимого церковного имущества. Сподвижник свт. Григория Паламы, он вел спор о природе Фаворского света с Никифором Григорой, последователем Варлаама и Акиндина. На «исихастском» Соборе (1351), где был подписан Святогорский Томос, Николай выступил твердым защитником православия и строгой аскетической жизни. О высоте духовного облика молодого еще богослова свидетельствует редчайшее событие, когда среди трех претендентов на Патриарший престол была выдвинута кандидатура мирянина Кавасилы. Император предпочел другого кандидата, а Николай Кавасила был посвящен в сан епископа Фессалоникийского (1354). На

был настроен в этом отношении еще более решительно. Его учение «совсем не говорит о монашестве и его преимуществах и полагает, что и всякому мирянину, какими бы делами он ни занимался, всегда возможно исполнить свой долг в отношении Бога»[221]. Любой христианин, уклоняющийся от подвига, «не может получить извинения», хотя бы он, в качестве оправдания, «указывал на возраст, или на ремесло, или на случай, или на иное что, или на болезнь, или на пустыню, или на город, или на шум, или на иное что-либо, чем обыкновенно извиняются, тогда как никто не может защититься этим». Из христиан, говорит святитель, нет ни одного, кто не был бы «обязан *весь* закон приводить в исполнение», ибо, приходя ко Христу в таинстве крещения, все «связали себя обетами... все одинаково обещали во всем следовать Ему».

Свт. Николай Кавасила учит о беспопечительности подвизающихся в миру умных делателей: «Хотя многим из ревностных, живущих в городах и общинах, случается быть занятыми попечениями и делами, но, тем не менее, не увлекаются они заботами и помысл их не уклоняется от твердого основания... Они не привязаны ни к чему настоящему, а если и делают что-либо для нужд тела, то цель каждого попечения указывает и меру его... Как для путников, когда есть у них руководитель, хорошо знающий, как вести их куда нужно, нет никакого опасения заблудиться и нет никакой заботы о гостинице, – подобным образом и они, возложив попечение обо всем на Могущего все и Ему одному

кафедре он пробыл недолго и последние десятилетия жизни провел в мон-рях, занимаясь богословскими трудами. По другой биографической версии, Николай после выдвижения на Патриарший престол не покидал столицу и, до конца дней оставаясь мирянином, вел исихастский образ жизни.

[221] *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. XXV.

предав жизнь и заботу о ней, сами сохраняют душу свободной от всякой заботы»[222].

«Итак, поздние исихасты и их сторонники среди церковных писателей с новой энергией обращаются» к внутреннему деланию и «открывают доступ к нему не только избранным подвижникам, как ранее, но и всем христианам». Утверждается, что внутреннее духовное делание «доступно не только аскетам, полностью порвавшим с миром, но и христианам, ведущим обычную жизнь в обществе в согласии с евангельским учением. К ним обращены многие слова и проповеди известных исихастов поздней Византии». По их учению, «каждый человек может сам развить в себе способность к духовному созерцанию», то есть пройти путь деятельной молитвы и подготовить себя к восприятию благодати созерцания. После этого достойные избранники могут сподобиться дара созерцательной молитвы, которая «дается только Богом»[223].

«Премногое множество» было в те времена мирян-подвижников, которые, «живя в миру, всецело были преданы умной молитве, как уверяют исторические о них записи»[224].

«Все заповеди Христовы, – читаем у прп. Симеона, – даны нам, дабы в этих заповедях жить и их ревностно исполнять *всякому*, кто желает сподобиться Царствия Небесного... И не говори: “Это невозможно для меня”, ни опять: “Это идет к одним монахам, а не к тем, которые живут в мире”. Ибо Христос заповеди Свои определил вообще для всех и ничего не законополагал особо для монахов и особо для мирян... Если говорит кто, что верует во Христа, но не может исполнять заповедей Его, потому что это требует по-

---

[222] *Николай (Кавасила), св.* О жизни во Христе. М., 2006. С. 101, 138–140.

[223] *Бычков В.* Православная эстетика в период позднего византийского исихазма // Вестник РХД. 1992, № 164. С. 36, 39.

[224] *Филофей (Коккин), свт.* // Добротолюбие. ТСЛ, 1992. Т. 5. С. 479.

двига и большого труда и сопряжено с большими препятствиями, то он лжет; ибо все заповеди, какие повелел Господь соблюдать апостолам, а следовательно, и нам, мы можем соблюдать даже среди мира, но не хотим, потому что не имеем твердой веры и горячей любви ко Христу».

Также и непрестанность моления, напоминает прп. Симеон, заповедана для каждого христианина: *Должно всегда молиться... Бодрствуйте на всякое время и молитесь... Бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время* — время *предстать пред Сына Человеческого*[225]. Потому «для всех вообще, не для монахов только, но и для мирян, возможно всегда молиться Богу и преуспевать во всех добродетелях». Это подтверждает свт. Иоанн Златоуст[226], «великий столп и учитель Церкви, говоря, что и для того, кто имеет жену и детей, рабов и множество слуг, большое богатство и почести и кто велик и славен по мирским делам, возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродетели и приять Святого Духа, соделаться другом Богу и сподобиться созерцания Его».

Таковые были и прежде Христа, и после Его воплощения, «всех их кто исчислит, когда они — паче песка морского. Много было царей, князей и лиц властных, не говоря уж о бедных... Они пользовались миром, как говорит апостол Павел, но не злоупотребляли. Почему и живя в мире они были славны и знамениты, и в другой жизни в Царствии Небесном в нескончаемые веки будут славнейшими и светлейшими. Так и мы, если бы не были нерадивыми и беспечными презрителями заповедей Божиих, но усердными, ревностными и внимательными исполнителями их, то не

---

[225] Лк. 18, 1; 21, 36; Мк. 13, 33. Ср.: Мф. 24, 42, 44.
[226] В беседе, где истолковывает 50-й псалом.

имели бы нужды оставлять имущества свои, удаляться от мира и делаться монахами»[227].

Семейство Паламы

Святитель Филофей (Коккин)

Как повествует святой патриарх Филофей[228], родители будущего свт. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, благочестивые миряне Константин[229] и Кали[230] были происхождения благородного и проживали в

---

227 *Симеон Новый Богослов, прп.* Творения. ТСЛ, 1993. Т. 1. С. 109, 263. Т. 2. С. 141–143.

228 **Филофей, патриарх Константинопольский** (Коккин; †1379), святитель. Исихаст, сподвижник другого патриарха-исихаста свт. Каллиста I, один из самых тонких богословов поздней Византии, первосвятительский престол занимал дважды (1354; 1365–1376). Друг и ученик свт. Григория Паламы, его тщаниями Палама был канонизирован, им же написаны житие и служба святому. Свт. Филофей автор многочисленных богословских, аскетических, агиографических и богослужебных текстов, в том числе служб святым, канонов, акафистов, молитв, тропарей и прокимнов. Многие его сочинения переводились в Древней Руси еще при жизни автора и были известны в разных списках, хотя далеко не все его тексты до сих пор изданы даже на греческом. Известно более 20 его богословских трактатов, им составлена «паламитская» редакция Синодика в Неделю Православия, написано 12 защитительных речей против еретика Никифора Григоры. Именно его редакция Божественной литургии утвердилась на Руси с конца XIV века в качестве «нормативной» («Устав службы» свт. Филофея), а его Учительное Евангелие пользовалось неизменным авторитетом. Все это богатейшее наследие еще ждет многотомного научного издания. Свт. Филофей (Коккин) официально утвердил паламизм на византийской почве, покровительствовал продолжателям духовных и богословских традиций Григория Паламы. Что особенно примечательно, свт. Филофей продолжил политику свт. Каллиста, направленную на духовное объединение с Русью и освобождение ее от татаро-монгольского ига. Он активно способствовал свт. Алексию Московскому в деле объединения русских княжеств вокруг Москвы, призывал князей к почитанию митрополита всея Руси. Он же содействовал победе в Кули-

великом царствующем граде Константинополе. При императоре Андронике II Палеологе Старшем почитавшийся мудрецом Константин стал одним из высших сановников правительствующего синклита. Он отличался столь высокими качествами, что император избрал советника Константина в руководители и наставники для своего внука, Андроника III Младшего, дабы тот поучал его добродетели и направлял его нрав словом и примером. Но и сам царь, человек мудрый, незаурядно одаренный и обладавший проницательностью, не стесняясь, почитал мирянина Константина своим духовным наставником и руководителем.

При всем том император имел немощь поддаваться иной раз сильному гневу на своих царедворцев. В ярости он бу-

---

ковской битве (1380), ибо по его требованию русские «князья дали страшную клятву выступить все вместе против врагов нашей веры». Кроме того, свт. Филофей отправлял посольства к прп. Сергию Радонежскому, вступал в непосредственные контакты с его учениками.

[229] **Палама Константин** († ок. 1303), сенатор. В мон-ве Константий, отец свт. Григория Паламы. Родовитый аристократ, ближайший советник и духовный наставник императора Андроника II Палеолога Старшего. Монашеский постриг в схиму принял перед своей кончиной, однако и до пострига проводил в миру благочестивую, высокоподвижническую жизнь, обладал даром непрестанной умной молитвы, сподобился прижизненных чудотворений. Отойдя к Богу, «чего он издавна желал», Константин оставил супругу с малолетними детьми, самому старшему – Григорию Паламе в то время едва исполнилось 7 лет.

[230] **Палама Кали** (XIII), в мон-ве Каллона. Супруга Константина Паламы, мать свт. Григория Паламы. После кончины мужа, оставшись с малолетними детьми, вдова пожелала сейчас же осуществить свое давнее устремление – принять монашеский постриг в схиму, оставить дом и предаться уединению. Однако, обратившись за советом к старцам, она не получила на это благословения и была ими на некоторое время удержана в миру. Вдовице был дан наказ: «Повремени немного: этим ты не только самой себе послужишь на пользу, но и судьбу детей устроишь как следует, обучив их, направив на путь истинный и воспитав в законе Христовом». Оказав послушание, мать святого исполнила старческий завет, взрастив одного из самых прекрасных чад вселенской Церкви.

шевал, прибегая к страшным угрозам, и все преклонялись пред ним, трепеща в страхе. Константин же не раболепствовал перед царем, но с подобающим достоинством и дерзновением кротким и благоразумным словом увещания умиротворял разгневанного повелителя, спокойно напоминая ему о ничтожестве и убожестве человеческого естества, «каковым, без сомнения, – говорил он, – и ты, царь, наделен, несмотря на то что Бог поставил тебя на высоте власти над подобными же тебе по естеству людьми». За такое душеспасительное назидание успокоенный царь оказывал своему советнику еще большее доверие и благоволение.

Константин же всегда оставался невозмутимым, при совершенно бескорыстном отношении и к деньгам, и к почестям. Никогда он не принимал подарков, не уязвлялся тщеславием, все его слова, беседы и увещания были плодом неподражаемой любви к ближнему.

Не менее искусен был Константин в отношении умственного трезвения и свойственной подвижникам собранности духа, невзирая на то что вращался в кругу людей сугубо светских.

Живя во дворце и состоя высшим сановником, он был обязан вести ежедневные совещания о государственных делах с царем и на заседаниях синклита. Однако, находясь в столь невыгодной для духовной жизни обстановке, он сумел в высокой степени усовершенствоваться в умном делании. Не раз случалось, что царь, беседуя с Константином о делах государства, замечал, что тот бывал невнимателен к его словам и переспрашивал, словно не слушая. Для других это, разумеется, не прошло бы даром, как оскорбительная непочтительность, но Константина царь сам оправдывал, объясняя: «Палама сегодня забывчив не от недостатка серьезности, а от стремления углубиться в самого себя, от умст-

венного делания, от напряжения приковать свой ум в молитве к Богу».

Подвижничество Константина увенчалось благодатными плодами. Случалось, что по молитве этого мирянина совершалось чудо. Так, однажды все семейство с домочадцами отправилось по морю в монастырь Фоки навестить одного подвижника ради душеспасительных наставлений. Надо сказать, что в обычае семейства Паламы было посещать святые места, дабы внимать беседам духовных отцов и старцев, испрашивать их молитв. К этому приучали и детей – как старших, так и маленьких, едва начинающих понимать, что им говорят другие, с целью образования их душ поучениями о священных предметах.

Итак, все семейство пустилось в плавание на лодке, но по пути спохватились, что за хлопотами и спешкой забыли взять съестные припасы. Огорченный было Константин предоставил, однако, и это дело, по обычаю своему, Божию Промыслу, сказавши: «Бог даст!» Взмолившись безмолвной умной молитвой, отец семейства с верою погрузил свою руку в море. И тут же, к изумлению своих спутников, он вытащил из воды огромную кефаль со словами: «Вот и трапеза, уготованная Самим Христом!»[231]

---

[231] Здесь можно вспомнить подобное чудо, совершенное родителями свт. Василия Великого, именно – чудесный лов молодых оленей, о чем повествует свт. Григорий Богослов в своем «Надгробном слове Василию Великому». То было, когда они, укрываясь от гонений Максимиана, удалились на берега Понта (Черное море), где в дремучих пустынных лесах, под открытым небом провели около 7 лет. Однако благочестивые родители Василия Великого сподобились чуда лишь на седьмом году многобедственного жительства в пустыне, на холоде и под дождем, после долгой, общей, всей семьей, молитвы к Богу. Между тем сенатор Константин совершил подобное же чудо недалеко от царского дворца один – втихомолку, едва обратившись мысленно к Богу.

* * *

Спустя годы поучительный эпизод имел место в жизни старшего сына этой славной семьи – иеромонаха Григория Паламы, будущего великого святителя. В то время Григорий проходил суровые подвиги в горном скиту близ Верии. В числе многих отшельников, подвизавшихся на той горе, был некий почтенный, глубокий по образу мыслей старец именем Иов. Серьезный подвижник, блиставший многими благодатными дарованиями, он стал учеником и другом Григория, назидаясь его поучениями. Григорий же, среди прочего, проповедовал, что всякий, именующийся христианином, какого бы чина он ни был, должен, по апостольскому увещанию, упражняться в непрестанной молитве, последуя в том и учению Григория Богослова, также относящего эту заповедь ко всем верующим. «Поэтому мы должны, – наставлял Григорий Палама, – во исполнение этих пророческих и апостольских повелений поучать и побуждать к непрестанной молитве не только монахов, отрекшихся от мира, но и всех прочих – мужчин и женщин, взрослых и детей, людей с образованием и простецов».

Старец Иов не мог согласиться с таким учением, полагая, что непрестанная умная молитва есть долг одних только отшельников и монахов, живущих вне мира и сует его, но никак не мирских людей, пребывающих среди дел и забот. Григорий в ответ на это приводил множество доказательств от Писаний, но ничем не мог убедить старца. Тогда он прекратил беседу, избегая спорливости и многословия. Собеседники разошлись по кельям, и каждый стал на обычную свою молитву.

И тогда Сам Бог явился посредником и судьей правоты слов Григория, послав к старцу Иову ангела, чтобы свыше вразумить несведущего и, дав ему научение, вместе с тем сверхъестественным образом утвердить изреченные Григо-

рием мысли. И вот, когда старец стоял на молитве, ему явился озаренный Божественным светом ангел и пророк: «О том, о чем недавно шла беседа, ты, старец, отселе и думай, и помышляй не иначе, но как говорил священный Григорий». Преподав наставление, небесный посетитель стал невидим. Чудесным образом убежденный и образумившийся старец поспешил на встречу с Григорием, рассказал ему о бывшем явлении, раскаялся в своем пред ним противлении и испросил у него прощение[232].

Так учение святых отцов было подтверждено Божественным вмешательством, указывая нам, недоверчивым, на то, что подобные взгляды отцов не являются лишь их частным мнением, но суть духовная реальность. В лице старца Иова всем, подобно ему неправомыслящим, было возвещено от Лица Божия: «Не противиться делу, от коего зависит спасение христиан, и вперед остерегаться говорить что-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем не держать противного сему помысла и не позволять себе мудрствовать разно с тем, чему поучал святой Григорий Палама»[233].

Вседоступность

Традиция общедоступности умного делания, освященная авторитетом святителей Григория Богослова, Григория Паламы и других отцов, укрепляется в XIX веке. Об этом во множестве свидетельствуют литературные источники. Так, например, к епископу Иустину обращались за разъяснени-

---

[232] *Филофей, свт.* Житие свт. Григория Паламы. ТСЛ, 2004. С. 13–16, 21–23, 25, 60–62.

[233] Добротолюбие. ТСЛ, 1992. Т. 5. С. 478.

ем со следующим вопросом: «Обязательна ли молитва Иисусова для мирян или для одних только монашествующих?» Владыка отвечал: «Непременно обязательна, потому что всякому христианину необходимо соединиться с Господом в сердце... Всякому истинному христианину нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом своим, надобно дать Ему, Господу, вселиться в уме и сердце нашем».

Подобный вопрос был предложен неким пастырем игумену Харитону[234]: «Мне, как мирскому священнику, нужно

---

[234] **Харитон Валаамский** (Дунаев; 1872–1947), схиигумен. В миру Хрисанф Дунаев, родился в бедной многодетной крестьянской семье, детство было тяжелым. Поступил в Валаамский мон. (1894), пострижен в мантию (1905), иеродиакон (1908), назначен экономом мон-ря (1909), рукоположен в иеромонаха (1910). В самые трудные для обители годы избран братией наместником мон-ря (1927), затем утвержден в должности настоятеля (1933). Вся жизнь о. Харитона, с самого поступления в обитель, была сугубо деятельной, к чему вынуждали его многозаботливые послушания, связующие с миром и житейской суетой. Но душа его всегда жаждала уединения, и иногда зимой удавалось на несколько месяцев удалиться в Предтеченский скит для молитвы. Еще новоначальным послушником (1896) о. Харитон, не обратясь за наставлением, начал самостоятельно проходить умную молитву и вскоре зашел в тупик, подвергшись бесовскому воздействию. Тогда он обратился к опытному молитвеннику старцу Агапию (Молодяшину), который впредь разрешал все его недоумения. По кончине старца о. Харитон вынужден был руководствоваться святоотеческими книгами. Он пишет: «Извлекая из них существенное о молитве Иисусовой, я записывал все это в тетрадь, и таким образом с течением времени у меня составился сборник о молитве». При помощи прот. Сергия Четверикова о. Харитон издал (1936) свои записи в виде известной книги «Умное делание. О молитве Иисусовой», которую современники называли «малым Добротолюбием». Вскоре (1938) вышло продолжение под заглавием «Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви». Ныне обе части издаются вместе и известны как «Сборник о молитве Иисусовой». Архим. Афанасий (Нечаев) вспоминает: «Игумен о. Харитон мечтал, еще будучи экономом, завести свое издательство, о чем не раз мы беседовали с ним. И когда он стал игуменом, то отчасти и приступил к сему. Были изданы две книги об Иисусовой молитве... Книги получились замечательные, потому что в них вошло все лучшее из свя-

знать, все ли православные христиане, по учению старцев, могут заниматься Иисусовой молитвой или только те, которые очистили свое сердце от страстей?» Отец Харитон отвечает, что «у старцев имеется совершенно ясный и определенный ответ. По учению Василия Поляномерульского и Паисия Молдавского, основанному на святоотеческом Предании, именно молитва Иисусова и помогает очищению сердца от страстей, а потому необходима не только бесстрастным, но и тем, кто еще не освободился от страстей»[235].

Прп. Герман Зосимовский[236] в своих «Заветах», имеющих подзаглавие «Благословение монашествующим и всем

тых отцов и творений подвижников о внутреннем духовном делании. Составлялись эти книги о. игуменом Харитоном в течение многих лет, и он мне не раз читал выдержки из этих сборников и спрашивал – не следует ли издать. Это оказалось возможным после того, как на Валаам приехал прот. Сергий Четвериков, и они вдвоем проредактировали обе книги». О. Харитон был вынужден (1940) вместе с братией эвакуироваться в Финляндию, здесь на чужбине он и почил (14/27.10.1947). За месяц до кончины он принял постриг в схиму с тем же именем в честь прп. Харитона Исповедника.

[235] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 86, 390.

[236] **Герман Зосимовский** (Гомзин; 1844–1923), преподобный. Известный подвижник, прозорливый старец, основатель возрожденной Зосимовой пуст. Гавриил Семенович Гомзин родился в Звенигороде Моск. губ. в благочестивой мещанской семье. В 4 года лишился матери, в 9 лет – отца, который, оставив семью, пошел послушником в Гефсиманский скит и скончался (1859) рясофорным иноком. В 10-летнем возрасте Гавриилу пришлось работать в трактире, затем он учился живописи в Москве у известного художника И.И. Иванова. С 1868 г. насельник Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, пострижен в мантию (1877) архм. Леонидом (Кавелиным). Иеромонах (1885), братский духовник скита (1892). Плодотворно занимался иконописью. В поисках наставника в Иисусовой молитве посетил Валаам (1886), познакомился со старцами и вел с ними переписку, состоял в переписке со свт. Феофаном Затворником, руководствовался его наставлениями. Около 4-х лет о. Герман пребывал в послушании у иеромон. Тихона († 1873), ученика оптинских старцев. Затем стал учеником и келейником выдающегося подвижника, пребывавшего в затворе, иеросхим. Александра (Стрыгина; 1810–1878), оставался у него в послуша-

ревнующим о благочестии», обращается именно ко всем ревнителям молитвенного делания без различения, всех нас увещевая помнить, что только в сердце обретается истинная молитва. «Молитва Иисусова – есть непрестанное повторение имени Иисусова в сердце... Истинное и не прелестное внимание и молитва состоят в том, чтобы во время молитвы ум хранил сердце и пребывал постоянно внутри его и оттуда, из глубины сердца, воссылал молитву к Богу... Не всякая молитва приводит человека в высшую духовную область... В такое состояние дивное приходит человек не иначе как только молитвой умной и сердечной... В сердце у тебя хранится сокровище. Войди же в себя, пребывай в сердце твоем, ибо там Бог»[237].

Афонский старец Никодим Карульский, отвечая в письме мирской женщине, желающей приступить к молитвен-

---

нии 7 лет (до кончины старца). По благословению прп. Варнавы Гефсиманского о. Герман перешел с 12 учениками в Зосимову пуст. (1897), назначен настоятелем, принял схиму (1916). Здесь он ввел строгий Саровский (Валаамский) устав, духовную жизнь обители устроял на основах оптинского старчества, ввел откровение помыслов и полное послушание старцу. Здесь в затворе пребывал его сподвижник прп. Алексий Затворник (Соловьев; 1846–1928). По благословению свт. Феофана о. Герман опубликовал (1900) свои записки «О жизни и подвигах» о. Александра (Стрыгина), которые вел, находясь при старце, с его благословения (переиздание: «Русский Хронограф», 1994; без указания автора). Среди духовно окормлявшихся у о. Германа – митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Феодор (Поздеевский), еп. Арсений (Жадановский), игум. Иоанна Аносинская и многие другие. «Игум. Герман, – писал сщмч. Серафим (Чичагов), – опытно изучал иноческую жизнь еще под водительством известного старца иеросхим. Александра, питомца основателя оптинского старчества иеросхим. Льва, был в духовном общении с известным святителем-затворником Феофаном. Духовная опытность о. Германа и знание им всех сторон мон-ва содействуют спасительному устроению монашеской жизни в Зосимовой пуст., которая имеет характерную особенность иночества – старчество». Схиигум. Герман канонизирован как местночтимый святой Владимирской епарх., мощи преподобного ныне покоятся в Смоленском храме возрожденной Зосимовой пуст. Память 17/30.01.

[237] *Герман Зосимовский (Гомзин), схиигум.* Заветы о молитвенном делании. М., 1995. С. 7. 15, 16, 26, 27.

ной жизни, советует учиться, как и прочим начинающим мирянам, художественной молитве. «Преподан вам этот мой совет, – пишет старец, – от указания святых отцов Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Каллиста и Игнатия. Они учили молиться художественной молитвой. От них я и занял частицу этого художества, что потребно и мирянам в начале их обучения»[238].

В письмах схиигумена Иоанна[239] есть решительные высказывания в пользу универсальности внутреннего подвига. Так, некоторой опасливой мирской особе старец предлагает свои возражения: «Вы пишете мне, что есть у вас желание проходить подвиг непрестанной Иисусовой молитвы, но некоторые говорят: в прелесть попадешь от Иисусовой молитвы. Вот еще, нашлись новые хулители Иисусовой молитвы, не понимают сами, что говорят. В прелесть попадают не от молитвы, а от гордости, самомнения и самочиния»[240]. Некоему архимандриту, написавшему: «Молитвой Иисусовой мало занимаюсь, как-то не

---

[238] Русскій паломникъ. Platina, 2003. № 28. С. 116.

[239] **Иоанн Валаамский** (Алексеев; 1873–1958), схиигумен. Иван Алексеевич Алексеев, родом из крестьян Тверской губ. Поступил на Валаам (1901), пострижен в мантию с именем Иакинф (1910). В 1921 г. он, простой монах, неожиданно рукоположен, возведен в сан игумена и назначен настоятелем далекого северного Трифоно-Печенгского мон-ря. Через 10 лет по собственной просьбе от должности освобожден и вернулся на Валаам начальником Предтеченского скита (1931). В схиму пострижен с именем Иоанн (1933). Перешел из скита в мон. (1937), исполнял наряду с главным духовником мон-ря о. Ефремом (Хробостовым) послушание духовника и старца. Вместе с братией был вынужден эвакуироваться (1940) в Финляндию, где и окончил жизнь (24.05/6.06.1958) в новоустроенной русской обители Новый Валаам. Все последние годы жизни о. Иоанн нес обязанности духовника и старца, вел обширную переписку. Еще при жизни сборники его писем дважды издавались в Финляндии (на финском и русском языках), изданы переводы на английский и сербский языки, неоднократно переиздаются письма о. Иоанна в России (с 1991).

[240] *Иоанн (Алексеев), схиигум.* Письма духовным чадам. Письмо 164 // www.voskres.ru

смею», старец Иоанн отвечает: «Без молитвы не будет успеха в духовной жизни. Святой апостол заповедует даже непрестанно молиться... А прп. Филофей сказал: "Надо молиться о тех монахах, которые не знают внутреннего делания молитвы"»[241].

Своей духовной дочери монахине Марии (Вырубовой)[242] отец Иоанн пишет: «В сущности, инок отличается от мирян только безбрачием, а в остальном и миряне должны и обязаны жизнь вести такую же, то есть по заповедям. Заповеди

---

[241] *Иоанн (Алексеев), схиигум.* Загляни в свое сердце. СПб., 2002. С. 300.

[242] **Мария** (Вырубова; 1884–1964), монахиня. В миру Анна Александровна Вырубова (урожд. Танеева). Фрейлина Ее Величества, дочь Главноуправляющего Императорской Канцелярией обер-гофмейстера А.С. Танеева. Как человек аристократического происхождения и близкий к Царской Семье, Анна Александровна только чудом избежала расстрела и эмигрировала (декабрь 1920) вместе с матерью в Финляндию. Вела крайне замкнутый образ жизни, прерываемый лишь посещениями Валаамского мон-ря для бесед со старцами Ефремом (Хробостовым) и Иоанном (Алексеевым), принимавшими участие в ее судьбе. Пострижена в мон-во с именем Мария (1920-е) в Смоленском скиту на Валааме духовником обители иеросхим. Ефремом (Хробостовым; 1871–1947). Время Русско-финской войны (1939) мон. Мария провела в Швеции под покровительством королевского престола, после войны вернулась в Хельсинки, где жила крайне скромно. Пенсии не хватало, приходилось зарабатывать на жизнь уроками иностранного языка и продажей акварельных миниатюр собственного письма. Всякий раз, приезжая в Хельсинки, мон. Марию навещал схиигум. Иоанн (Алексеев), ставший ее духовником после кончины о. Ефрема (1947). В шутку о. Иоанн называл ее «обломком потонувшего корабля». Мон. Мария скончалась (20.07.1964), дожив до своего 80-летия; погребена на православном кладбище в Хельсинки. В настоящее время опубликована переписка мон. Марии с о. Иоанном (Алексеевым), издан подлинный дневник Анны Танеевой «Страницы моей жизни» (2000). Скандально известный фальшивый «Дневник Анны Вырубовой» (1927), содержащий клеветнические измышления, был составлен с целью дискредитировать Царскую Семью. Ложь оказалась столь грубой, что была тогда же (1928) публично разоблачена. Авторами фальсификаторами являются советский писатель А.Н. Толстой и историк П.Е. Щеголев, бывший член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. На том же материале ими была написана одиозная пьеса «Заговор императрицы».

даны общие для всех. Иноки удалились от мира именно для того, чтобы удобнее исполнить заповеди Господни. В данное время, конечно, монастырская жизнь потекла по другому руслу, по причине мировых событий. Ревнующим о духовной жизни приходится приспосабливаться к этой жизни внешне, а более всего надо обратить весь свой труд на внутренний подвиг»[243].[244]

Интересно мнение об Иисусовой молитве протоиерея Николая Гурьянова. Отец Нестор (Кумыш)[245] рассказывает: «Батюшка в духовной жизни придавал огромное значение Иисусовой молитве. Без сомнения, он сам был тайным делателем ее, потому и постиг опытно великую пользу от нее. Многие духовники не рекомендуют ею заниматься, так как считают, что без духовного руководства и стороннего наблюдения это делать небезопасно, что иначе это занятие может обернуться для человека тяжелыми последствиями. А так как в настоящее время таких руководителей не осталось, то, следовательно, по их мысли, лучше не подвергать себя риску и держаться общеупотребительных молитвенных последований: канонов, акафистов, Псалтири». Отец Николай не был согласен с таким взглядом. Хотя он «никогда не порицал открыто это мнение» и «всячески уклонялся от того, что рождает разногласия и распри, так как ему был глубоко чужд дух спорливости... Поэтому, будучи делателем непрестанной молитвы Иисусовой, он никогда и

---

[243] В книге схиигум. Иоанна (Алексеева) «Загляни в свое сердце» (СПб., 2002) письма к мон. Марии (Вырубовой) от 19.02.1948 и от 10.10.1952 ошибочно атрибутированы как адресованные М.П. Нейглик. См.: Валаамский Патерик. Т. 2. С. 258–268.

[244] Валаамский Патерик. М., 2003. Т. 2. С. 258.

[245] **Нестор** (Кумыш), иеромонах. Духовное чадо о. Николая Гурьянова, начал окормляться у него (с 1985), «когда еще старца почти никто не знал». По благословению о. Николая принял священный сан и, позднее, монашеский постриг. Под его руководством велась и частная жизнь, и пастырское служение о. Нестора.

никому не навязывал своего духовного опыта». Между тем «старец считал эту молитву чуть ли не единственным в современных условиях средством, безошибочно поставляющим и удерживающим человека на пути спасения».

Однажды, вспоминает отец Нестор, во время встречи, «я спросил его о том, какое делание лучше всего поставляет человека на путь спасения... Он, выслушав меня, стал очень серьезным... Обратившись ко мне, твердо сказал: “Творить молитву Иисусову”. “А как?” – спросил я у батюшки и пожаловался, что все время окрадываюсь помыслами при ее проговаривании. Но старец не дал мне никаких конкретных указаний. “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго... – и добавил: – А больше я тебе ничего не скажу”.

Смысл этих слов мне был ясен. Иисусовой молитве невозможно научить теоретически, ее нужно проходить опытным, деятельным путем... Отец Николай всецело доверялся водительству Божию и полагал, что тот, кто совершает ее в простоте и смирении сердца, находится вне духовной опасности. Главное... искать в ней прежде всего сокрушенного и покаянного начала... Без нее подвижник вряд ли сможет противостоять всем козням диавольским, приобрести необходимую чистоту ума и сердца». Однажды на просьбу благословить семилетнюю девочку на обучение в музыкальной школе старец дал наказ, «повергший всех в изумление: “Пусть она лучше творит молитву Иисусову”. Такое благословение он послал несмышленой девочке в деревню, где никто и понятия не имел о том, что это такое...

Иисусову молитву отец Николай считал первым и главным орудием в духовной жизни, данным Церковью на все времена, а для нашего времени – в особенности... “Творить молитву Иисусову” – этими словами, сказанными твердо и непреложно на мой вопрос, как мне кажется, старец оста-

вил свое духовное завещание всем ревнующим о своем спасении и ищущим духовного совершенства в современном мире»[246].

Нисхождение в сердце

Святитель Феофан Затворник

На всю жизнь запечатлелось в сердце молодого инока Феофана (Говорова) наставление духовника Киево-Печерской Лавры старца Парфения[247], данное будущему святителю в 1841 году, сразу после пострига: «Вот вы, ученые монахи, – говорил преподобный старец, – набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться – и мо-

---

[246] *Нестор (Кумыш), иеромон.* Записки о старце Николае. СПб., 2003. С. 54– 58.

[247] **Парфений Киево-Печерский** (Краснопевцев; 1790–1855), преподобный. В миру Петр Иванович Краснопевцев, родился в семье причетника в Тульской губ., еще в отрочестве сподобился явления Духа Святого в виде голубя. Насельник Киево-Печерской Лавры (с 1819), пострижен в мон-во (1824), рукоположен во иеромонаха (1830), назначен духовником Лавры (1834), пострижен в схиму (1838). Духовно возрастал под руководством наместника Лавры архиеп. Антония Воронежского (Смирницкого). Со дня пострига в схиму до конца жизни о. Парфений ежедневно служил литургию, служение его явно имело особую благодатную силу. Старец был строгим нестяжателем. Главным в его духовном делании была непрестанная Иисусова молитва. В тяжелые моменты жизни о. Парфений сподоблялся явлений святых и Божией Матери. От Богородицы он получил откровение, изъясняющее смысл великой схимы: «Схимничество есть – молитва за весь мир». Он сложил несколько широко известных молитв к Спасителю и Богородице. Особое видение побудило о. Парфения периодически прерывать свое уединение ради приема посетителей. Был он духовником свт. Филарета (Амфитеатрова). Старец заповедал своим духовным чадам стремиться к достижению непрестанной молитвы и непременно блюсти ежедневное чтение Евангелия и Псалтири. Почил старец в день Благовещения (25.03/7.04.1855), совпавший со Страстной Пятницей. Широкое народное почитание о. Парфения началось сразу после его кончины. Причислен к лику святых УПЦ (1993), память 17/30.03.

литься непрестанно умом в сердце Богу, вот чего добивайтесь»[248].

Свт. Феофан, «признанный судом Церкви и академии авторитетом в области аскетики»[249], был последовательным сторонником общедозволенности умного делания. Это с очевидностью уясняется из его книг и множества изречений в его переписке. Святитель неустанно твердит о вседоступности молитвенного содействия ума и сердца, его наставления о сердечном молении даются равно как монашествующим, так и мирским особам обоего пола, в том числе тем, кто лишь впервые собирается приступить к молитве. И надо отметить, что деятельность свт. Феофана на этом поприще была чрезвычайно успешной.

Во многих своих писаниях, доступных широкому читателю, свт. Феофан решительно призывает мирян к умносердечному деланию. Так, в популярном очерке аскетики[250], говоря о самых началах молитвенной практики, святитель пишет: «Всякому покаявшемуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же раз и преподать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с нею уже вводить и во все другие, потому что этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего. Делание это названо “художеством”, и оно очень просто. Не зная сего, иные, или большая часть, останавливаются на телесных и душевных деланиях и почти праздно иждивают труды и время»[251].

Такая смелость суждений могла бы показаться смутительной, но тот, кто знаком с писаниями святителя, знает,

---

[248] *Аверкий, архиеп.* Провозвестник кары Божией русскому народу: свт. Феофан Затворник. М., 1999. С. 5.

[249] *Вениамин (Милов), еп.* Пастырское богословие с аскетикой. М., 2002. С. 76.

[250] «Путь ко спасению».

[251] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Начертание христианского нравоучения. М., 1994. Т. 2. Ч. 3. С. 244.

сколько внимания в них уделено *подготовке* новоначальных молитвенников, – этой теме посвящены целые тома его трудов.

Свт. Феофан успокаивает тех, чей дух стеснен страхом неминуемой прелести, которая якобы грозит всякому дерзнувшему приступить к умно-сердечному деланию. Так, саровскому иноку он пишет об умной молитве: «В этом действии не имеется никакой опасности, такая молитва сама себе служит охраною. Ибо тут и Господь, если с верою обращаешься к Нему»[252]. Конечно, «бывают уклонения от правого пути этой молитвы», но случаются эти «заблуждения больше от того, кто где вниманием – в голове или в груди. Кто в сердце, тот в безопасности»[253].

Как в книгах святителя, так и в частной его переписке повсеместно встречаются подобные строки: «У кого нет умной внутренней молитвы, у того и никакой нет... Она обязательна и для мирских людей... Без умной молитвы никому нельзя обойтись... Новоначальные должны помнить, что молитва без умного и сердечного обращения к Богу – не молитва... В сердце – жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа... Сердечная молитва никогда не преждевременна. Она – начало дела... Се закон не одних отшельников, а всех христиан... Дело молитвы не безмолвников только есть дело, а всех христиан, – и это до самых высших ее степеней. Все степени молитвы Божие суть дело. У Бога же все равны... Плод молитвы – сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. И молитву сию творить всякому, не монаху только, но и мирянину... Все должны мо-

---

[252] *Феофан Затворник, свт.* Собр. писем. Вып. 2. № 240.

[253] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Начертание христианского нравоучения. М., 1994. Т. 2. Ч. 3. С. 245.

литься сердцем и умом. Всякая другая молитва не молитва... Всякому покаявшемуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же раз и преподать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с нею уже вводить и во все другие, потому что этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего»[254].

Такие взгляды свт. Феофана не всегда казались понятными, в них как будто усматривалось противоречие более строгим и осторожным отцам. Одно из разъяснений такого недоумения можно найти в словах пустынника схииеродиакона Исаакия, к которому в 1960-х годах кавказские подвижники обращались за советом как к старцу. Отцов смущала противоположность наставлений прп. Нила Сорского и свт. Феофана. Первый воспрещает преждевременно стремиться к низведению ума в сердце: «Это благое делание нужно проходить с рассуждением, в приличное время, по достижении надлежащей меры преуспеяния». А свт. Феофан, наставляя девицу-мирянку, живущую в доме своих родителей, учит: «Низойдите умом своим в сердце и там стойте вниманием неисходно». И так во многих своих письмах успех молитвенного делания он ставит в зависимость прежде всего от сосредоточения ума в области сердца.

Отцы-пустынники избегали смелых попыток касаться вниманием сердца, не дерзая пользоваться наставлениями свт. Феофана и других единомысленных с ним учителей. А неразрешенное противоречие не давало им покоя. Старец же Исаакий на недоумения пустынников отвечал: «Мне думается, епископ Феофан удостоился редкостной благодатной одаренности, которой сподобляются весьма немногие.

---

[254] Подробнее наставления свт. Феофана об умно-сердечной молитве изложены в 3-м т. нашей книги «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий».

Поэтому так легко и скоро дались ему высокие молитвенные состояния, и в меру своей высокой духовности он стремился и руководимых им торопливо возводить по крутым ступеням молитвенного преуспеяния. И, как видно, его деятельность была очень успешна, потому что благодать сопутствовала ему во всех его начинаниях и по молитвам его ограждала назидаемых им духовных чад от злобных козней невидимых врагов. И если бы наставления святителя не имели положительных результатов, то его указания сами собой утеряли бы значимость и были забыты, – чего, однако, не случилось"»[255].

Кроме того, здесь надо вновь напомнить сказанное ранее[256] об ошибочном смешении понятий. Пустынники, сравнивая наставления прп. Нила и свт. Феофана, не учитывают, что в одном случае речь идет о глубокой сердечной молитве созерцательного периода, о *соединении* сердца и ума, а в другом – о деятельной молитве при *сочувствии* сердца.

Но к сказанному нужно еще добавить и то, что точка зрения свт. Феофана не являлась чем-то особенно оригинальным. Своеобразной была скорее форма изложения, стиль его писаний, отличавшийся непосредственностью, простотой и выразительностью народной речи, что и обеспечило доступность его творений самому широкому кругу читателей. Что же касается взглядов святителя на доступность умно-сердечной молитвы, то здесь нет противоречий, например, между позициями свт. Феофана и свт. Игнатия, хотя иногда, как и в случае с пустынниками, возникают недоумения при сопоставлении строгих, «под угрозой впадения в прелесть», запретов свт. Игнатия «вхо-

---

[255] *Меркурий [Попов], мон.* В горах Кавказа. М., 1996. С. 31, 32, 37.

[256] См. рубрику «Меры предосторожности».

дить молитвою в область сердца» со словами свт. Феофана о необходимости «стоять вниманием в сердце». Но то, что смущает при поверхностном взгляде, при внимательном разъясняется: «Причиной недоумения послужила разница выражений, употребляемых подвижниками для обозначения одной и той же мысли, и различие моментов, о которых они говорят. И свт. Игнатий не отрицает необходимости участия сердца в молитве новоначальных и страстных, но выражает эту мысль словами “при сочувствии сердца”, а другие пользуются иными словами»[257].

Свтт. Феофан и Игнатий, как и другие отцы, будучи единогласны в запрете на преждевременную устремленность к созерцательным подвигам, благословляют постоянные и упорные усилия на поприще молитвы умно-сердечной деятельной.

Мудрость и осторожность

Идея доступности умно-сердечной молитвы была близка и другим авторитетам. Так, прп. Никодим Святогорец советует сразу же, при обучении начинающих, привлекать их к овладению умно-сердечным вниманием: «Первое тебе дело предлежит – частое, сколько можно, повторение молитвы Иисусовой. Делай сие так...» – и далее поясняет: «Для тебя довольно быть вниманием в сердце... с одним мысленным припаданием»[258].

Отец Иоанн Кронштадтский, наставник и окормитель бесчисленной мирской паствы, с настойчивостью твердит: «Во время молитвы нет ничего лучше, как устремлять ум

[257] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 226, 227.

[258] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань. ТСЛ, 1991. С. 209–211.

свой в сердце – и в сердце и сердцем воссылать молитву к Богу»[259].

Известна та осторожность по отношению к умному деланию, которую рекомендовал свт. Игнатий, но и он не сомневается в широкой доступности умно-сердечной молитвы. В его писаниях встречаем такие высказывания: «Всем христианам можно и должно заниматься молитвою Иисусовою... Могут и должны заниматься Иисусовою молитвою не только монахи, живущие в монастырях и занятые послушаниями, но и миряне. Такая внимательная молитва может назваться и умною и сердечною, как совершаемая часто одним умом и в тщательных делателях всегда при участии сердца... Такого вида умная и сердечная молитва приличествует всем без исключения христианам и новоначальным инокам... всем благочестиво жительствующим и ищущим спасения христианам, и мирянам и инокам». По поводу своих собственных сочинений свт. Игнатий выразился так: «Труд наш может быть с пользою приложен... и к жизни инока и... к жизни мирянина, который захотел бы среди мира с особенным тщанием заняться своим спасением... Всякое место и положение представляют много удобств для этого делания и подвига»[260].

Святитель вспоминает, что во времена его молодости «некоторые благочестивые миряне, даже из дворян, проводившие очень простую жизнь, занимались Иисусовою молитвою. Этот драгоценный обычай ныне, при общем ослаблении христианства и монашества, почти утратился»[261].

Свт. Игнатий порицает невежественные страхи перед прельщением, которые бытуют обычно среди тех, кто име-

---

[259] *Иоанн Кронштадтский, прав.* Творения. Дневник. М.: Отчий дом, 2003. Т. 2. С. 606.

[260] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1998. Т. 5. С. 383.

[261] Там же. Т. 1. С. 209.

ет об умном делании «самое темное» представление, ибо возможность прельститься сопутствует не только молитве, но любому подвигу, замешанному на гордыне. Отвергать же на этом основании умную молитву – значит стать сотрудником диавола. Учение о молитве Иисусовой, пишет свт. Игнатий, «весьма приличествует нашему времени», однако о нем «ныне по большей части имеют самое темное, сбивчивое понятие. Иные, считающие себя за одаренных духовным рассуждением... боятся этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину "прелесть" – будто бы непременную спутницу упражнения Исусовой молитвой, – сами удаляются от нее и других учат удаляться. Изобретатель такового учения, по мнению моему, – диавол, которому ненавистно имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающего всю его силу: он трепещет этого всесильного имени, и потому оклеветал его пред многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага – спасительное для них самих»[262].

Учение свт. Игнатия есть общее учение святых отцов. В том же виде оно излагалось столетием раньше в писаниях прп. Паисия, утверждавшего, что умная молитва не может быть причиной прелести. Гордость и самочиние – вот причина. Тот, кто в научении молитве не следует писаниям святых отцов и пренебрегает послушанием, «таковый... удобно падает во вся сети и прелести диаволя»[263].

---

[262] Собр. писем свт. Игнатия. М.–СПб., 1995. С. 248.

[263] Прп. Паисий Молдавский: «Не за сия ли хулите спасительнейшую сию молитву, яко негли случися вам видети, или слышати кого от делателей сея молитвы, яко умом изступи, или прелесть некую приял... И за сие возмнеся вам, аки бы умная молитва виною есть таковому вреду. Но несть сие, несть... Священная бо умная молитва, по силе учений (писаний) богоносных отец действуема, благодатию Божиею очищает человека от всех страстей... от всех стрел вражиих и прелестей хранит невредима. Аще же кто дерзнет сию молитву действовати самочинно,

Преувеличенный страх перед прелестью, по мнению свт. Игнатия, сам по себе уже есть прелесть. В запрещении занятий Иисусовой молитвой «заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть». Запрет на Иисусову молитву – «это чуждо смысла! Это нелепость горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей точно находятся в бесовской прелести... так сатана использует слепоту и неведение человеческие... Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического».

Напротив, именно сердечная молитва не боится прелести: «Ум, пребывая в сердце, чисто и не прелестно молится», или, как сказал святой Диадох[264]: «Тогда молитва бывает истинною и не прелестною, когда ум, в то время как молится, соединен с сердцем».

Свт. Игнатий подчеркивает, что в «состоянии самообольщения и прелести» оказываются как раз те, «которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним» – внешним подвигом, внешним благочестием и молитвой словесной, «то есть неопустительным участием в церковных службах и неопустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молит-

---

не по силе святых отец учения, без вопроса и совета искусных... без послушания и повиновения ходя... таковый воистинну, и аз исповедую, удобно падает во вся сети и прелести диаволя. Что же, молитва ли сия прелести сей виновна? Да не будет... Священная глаголю, умная молитва неповинна есть ни единому пороку, но самочиние и гордыня самочинников виновна суть прелестем бесовским и всякому душевному вреду». Прп. Паисий (Величковский): Автобиография... С. 208, 209.

[264] **Диадох Фотикийский, Блаженный** (V), святитель. Епископ Фотики в Эпире Иллирийском. Автор многочисленных аскетических и догматических творений. Скончался мученически. Память 31.08/13.09.

вословий устных и гласных». Грамотный подход, по свт. Игнатию, требует не путать явления разных планов и отличать умно-сердечную молитву, «приличествующую всем благочестивым инокам и мирянам», от глубокосердечного делания, присущего опытным исихастам[265].[266]

Причиной прельщения может быть либо невежество, либо гордыня, но никак не имя Божие. Конечно, легкомысленная поспешность и нежелание изучать науку молитвенного делания ведут к ошибкам. Конечно, и гордость всегда сродни прелести, но возгордиться человек ухитряется, как известно, занимаясь любым видом молитвы, а также и вовсе ничем не занимаясь.

Современный подвижник схимонах Иосиф Исихаст также считает самым безопасным, не уводящим в прелесть видом молитвы именно умно-сердечную Иисусову: «Умная молитва... не допускает сомнения, и прелесть не может возникнуть из нее, поскольку внутри сердца постоянно призывается имя Христово и Он очищает нас от тьмы и ведет к свету... Сердечная молитва не боится прелести, кроме как если кто-нибудь страстный и сам по себе прельщенный»[267].

---

[265] Еще раз повторим, как в учении свт. Игнатия изъясняется «различие между молитвою, совершаемою умом при *сочувствии сердца* – приличествующей всем благочестивым инокам и христианам, и молитвою благодатной, совершаемой умом *в сердце* или *из сердца* – составляющей достояние иноков преуспевших». Первое есть – умно-сердечная деятельная молитва, положенная мирянам. Совсем иное дело – «глубокая сердечная» молитва, совершаемая силою благодати, которая названа «молитвенным священнодействием ума в сердце». Для этого требуется «значительное приуготовление», а «преждевременное стремление» к такому подвигу опасно. Подобный «образ делания свойственен преуспевшим, возведенным в преуспеяние Божиим благоволением». Первую «умную молитву всякий проходить может, лишь бы не принимал душевные действия за благодатные; а вторую Бог дарует достигшему умерщвления» страстей.

[266] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 209, 217, 221, 222, 257, 258, 272, 273, 288. Т. 2. С. 163, 248, 257–259, 261, 262.

[267] *Иосиф Афонский, старец.* Изложение монашеского опыта. С. 210, 232.

Нельзя не вспомнить писания схимонаха Василий Поляномерульского, благодатного старца, который, излагая святоотеческое учение об умном делании, веско обосновывает необходимость начинать прохождение умно-сердечной молитвы на ранних стадиях обучения. Многие, пишет отец Василий, «не зная опытно умного делания, погрешают против здравого разума, думая, что умное делание принадлежит одним бесстрастным и святым мужам». Между тем «всякий новоначальный и страстный может сию молитву разумно, в блюдении сердца [т.е. умно-сердечно], действовать». В том и состоит «первая степень новоначальных», чтобы «умалять страсти умным трезвением и сердечным блюдением, то есть умною молитвою, подобающей деятельным».

Это необходимо для начинающих, ибо только через умную в сердце молитву возможно «очищать ум и сердце... Самое необманчивое действие для новоначальных в молитве заключается в том, чтобы в сердце начинать умную молитву и в сердце кончать так, чтобы уму покрываться во глубине сердечной... Кто не хочет обучаться умному деланию, тот, прежде всего, не может знать первоначальной степени: что такое прилог, что сочетание, пленение и страсть. А не зная этого, не знает и своего падения и восстания; не имея же такового опыта, лишается всечасного [т.е. непрестанного] покаяния».

Прп. Симеон узаконивает всем, и архиереям, и людям мирским всякого звания и занятия, «вместо всякого правила, как свое дыхание и жизнь, выполнять святую молитву Иисусову в уме и устах на каждый час и время». Повелевает и свт. Василий Великий совершать правило молитвою Иисусовою «как необученным монахам, так и мирским».

Это и есть «порядок умного делания, подобающего страстным; пусть никто не приходит в смущение от этого слова,

что обуреваемым грехами можно при помощи Божией обучаться умному деланию», – подытоживает старец Василий[268].

Недопонимание задач, стоящих на самом деле перед всяким рядовым христианином, мания «прелестебоязни» или потакание своим немощам ведут человека от самооправдания к самообману и могут ввергнуть во мрак полного заблуждения. Священномученик Фаддей[269] по этому поводу пишет: «Трудным кажется идти "путем тесным" подвигов духовных, которым идти Христос заповедал Своим последователям. "Мы не пустынники, не подвижники, – говорят обыкновенно такие в свое оправдание, – мы люди обычные, с немощами плоти, совсем не желающие без всякой нужды отрекаться от законных радостей жизни земной и благ ее". Как будто Христос и апостолы, учившие о необходимости "идти путем тесным", были какими-то пустынниками! Значит, вот где коренная причина... Корень самого неверия во Христа – это боязнь духовных подвигов, требуемых Евангелием, это желание разными сложившимися будто бы с логическою неизбежностью, а иногда складывающимися и в научное как бы мировоззрение взглядами на жизнь оправдать свое "хождение своими путями"[270], по влечению страстей житейских»[271].

---

[268] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 333–365.

[269] **Фаддей Тверской** (Успенский; 1872–1937), священномученик. В миру Иван Васильевич Успенский, родился в Нижегородской губ. в семье священника. Окончил ДС и МДА (1896), принял монашеский постриг (1897). Иеромонах (1897), магистр богословия (1901), инспектор и преподаватель нескольких семинарий, архимандрит (1902), инспектор Уфимской ДС, ректор Олонецкой ДС. Хиротонисан во епископа (1908), правящий архиерей (с 1919), архиепископ Тверской (1928). Подвергался арестам и отбывал ссылку (1921–1928). Арестован (1937), казнен в тверской тюрьме (31.12.1937). Память 18/31.12.

[270] Деян. 14, 16.

[271] *Фаддей (Успенский), архиеп. Тверской, сщмч.* Творения. Тверь, 2002. Кн. 1. С. 446.

Примечательный диалог с отцом Иоанном Кронштадтским состоялся некогда у игумении Таисии (Солоповой)[272]. Рассказав о высоких молитвенных переживаниях, бывающих у нее, матушка Таисия поделилась своими опасениями: «Это бывает не часто; да я и не допускаю себе иногда такового состояния; боюсь, чтобы не прельстил меня враг такою молитвою, как неискусную, еще не могущую понести высоты ее. Это – дело преуспевших более меня в духовной жизни. Ведь я почти все аскетические книги перечитала, и все подвижники предостерегают новоначальных, неискусных, таких как я, от созерцательной молитвы; то есть ее необходимо достигать, но с осторожностью, как высшего дара Божия». Отец Иоанн ответил: «И я тебе говорю: будь мудра, осторожна. Но избегать созерцательной молитвы не следует. Такая молитва есть посещение благодати Божией, ее надо усиленно просить и дорожить ею, а не избегать ни по какой причине. Враг не любит такой молитвы, вот он и пугает тебя, обманывает»[273].

---

[272] **Таисия Леушинская** (Солопова; 1840–1915), игумения. Одна из самых известных русских инокинь, настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского мон-ря Новгородской губ. (с 1885), ближайшая ученица прав. Иоанна Кронштадтского, который называл ее «сестрой и духовной дочерью». Игум. Таисия обладала исключительным даром духовного разумения. Глубоко почитая о. Иоанна, она ничего не предпринимала без его благословения. Батюшка относился к ней с высоким уважением, отеческой любовью и заботливостью, очень ценил ее ум, рассудительность и ее труды по устройству обителей. Много сил матушка отдавала подготовке монахинь для Сурского женского мон-ря, основанного о. Иоанном, занималась восстановлением Ферапонтова мон-ря. Она записала и издала свои «Беседы» с о. Иоанном (1909), составила сборник его писем, адресованных ей, написала книгу «Письма к новоначальной инокине», а также автобиографические «Записки». См.: Беседы св. прав. Иоанна Кронштадтского с игум. Таисией.

[273] Заметим, что о. Иоанн отнюдь не предлагает преждевременно стремиться к созерцанию, но советует *не избегать* его тем, кто уже сподобляется подобных состояний, предостерегая от ложных страхов, которые являются уловкой врага. – *Н.Н.*

НА ВСЯКОМ МЕСТЕ

Обитель в сердце

Каково значение внешнего образа жизни для человека, стремящегося к внутреннему подвигу? Свт. Иоанн Златоуст на это отвечает: «Вполне обманываются те, которые думают, что одно требуется от монаха, а другое от человека мирского. Все различие между ними заключается в том, что один женат, другой проводит жизнь девственную; во всем же прочем они подлежат общему отчету. Ибо кто всуе гневается на своего брата, монах ли он или мирянин, одинаково оскорбляет Господа... Спаситель нигде не упоминает ни имени мирянина, ни имени монаха, – это различие проведено в человеческой мысли; такого различия Священное Писание вовсе не знает: оно хочет, чтобы все проводили монашескую жизнь, даже и женатые. *Имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем*[274]. Чего более мог кто потребовать и от монахов?»[275]

Свт. Феофан также не склонен видеть существенного различия между монахом и мирянином, когда речь заходит о самом главном делании. «Расположение же ищущих спасения... одинаково у всех, монах ли кто или не монах. Разница только во внешних делах... Монахи-то ведь христиане... И миряне тоже христиане... Стало быть, монахи с ми-

---

[274] 1 Тим. 6, 8.

[275] Высота монашеского подвига в наше время. М., 1995. С. 8, 9.

рянами сходятся в главном деле... Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений духа. Последние должны быть одинаковы у всех».

Монах – это не тот, кто облачился в клобук и рясу, но носитель определенного духа: «Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только и есть Бог да он, исчезающий в Боге». Обладателю такого устроения не важно, где жить, в обители или в миру, не важно, где находиться: «Лучше ничего не загадывать – ни в монастырь, ни за монастырь... Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь – все равно. В сердце монастырь вот что: Бог да душа... Не надо думать, что Господь ближе к Киеву или Москве, Афону или Иерусалиму, нежели к другому месту. Место Его – сердце наше!»[276]

Эту мысль свт. Феофан развивает во многих своих письмах. «Путь спасения – не один монастырь; путей столько, что не перечтешь. Все в душе, а не во внешнем положении... Спросите: а как же монашество? Монашество можно блюсти и идти в нем до высших его степеней во всяком образе жизни. Оно не связано со стенами монастырскими... Внутреннее самоисправление совершается благодатью Божией в преданном ей сердце. Внешнее положение помогает или не помогает, но не есть ни условие неотложное, ни преграда непреодолимая... Устройте внутрь себя строгий монастырь: себе внимайте и все недоброе, возникающее внутри, мысли ли или сочувствия и желания, подавляйте сразу без малейшей уступки, а все доброе восставляйте и поддерживайте... Спасение во всяком положении можно совершать. Главное в благонастроении сердца. А по нему прилаживайте и телесную и внешнюю жизнь... Духовная

---

[276] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Начертание христианского нравоучения. М., 1994. Т. 1. Ч. 1. С. 5, 20, 28, 116.

жизнь не безусловно подлежит влиянию внешней обстановки и может цвести во всяком месте и при всяких положениях: ибо она вся во внутреннем строе».

Вообще, что касается жизни в миру, то надо помнить, как «апостол о святом Лоте сказал, что он мучился душою, смотря на нечестие содомлян, – и причитает его к сонму мучеников. Таков и ваш чин, – обращается свт. Феофан к мирянам. – Мучаясь душою при встрече грубых неверов, вы приобщаетесь благодати мученичества... Спастись везде можно, и спасение не от места [зависит] и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения. Если вера жива... и в монастыре и без монастыря спасетесь... Спасение не от места, а от душевного настроя. Везде можно спастись и везде погибнуть. Первый ангел между ангелами погиб. Апостол между апостолами в присутствии Самого Господа погиб. А разбойник на кресте спасся!.. Совершенства можно достигнуть и среди семейной жизни. Надо только страсти погашать и искоренять. На сие все внимание и обратите...

Мнение, будто в мире нельзя спастись, верно, если жить по-мирски. Но если в мире не жить по-мирски, то для спасения от сего беды нет. Сколько есть и было спасающихся в мире! Отчего и вам не вступить в число их?.. Жизнь семейная и гражданская не сама по себе есть мирская, а бывает такою, когда в порядки такой жизни втесняются страсти и удовлетворение их. Если так завесть эту жизнь, чтобы в ней господствовали заповеди с прогнанием всего страстного, тогда это будет не мирская, а святая жизнь, Богом благословенная»[277].

По слову прп. Исаака Сирина, «мирянин, бедствующий и злостраждущий в делах мирских и житейских, лучше злостраждущего и в мирских делах проводящего время инока»[278].

---

[277] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Собр. писем. М., 1994. Вып. 1. № 14, 46, 131. Вып. 2. № 353, 354. Вып. 3. № 372, 375, 385. Вып. 8. № 1359.

[278] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1998. С. 38.

* * *

Настоящий подвижник, утверждает свт. Василий Великий, находясь и «среди народного множества, всегда заключен во внутреннем естественном своем монастыре... Можно, и дома сидя, скитаться помыслами вовне, а можно, и находясь на рынке, но соблюдая трезвение, быть как бы в пустыне, обращаться только к себе самому и к Богу и не воспринимать чувствами тех мятежей, какие производятся в душе чувственными предметами».

Как-то старец Александр[279] отвечал в письме одному мирянину, возжелавшему, ради углубления молитвенной жизни, святогорского уединения: «Постарайся обрести Иисуса Христа не в Афонской Горе, а в сердце своем, ибо, кроме сердца нашего, нигде в ином месте найти Его не можно. А когда сподобит тебя Господь найти Его в сердце своем, тогда и самая многолюдная площадь будет для тебя Иерусалим и Афон... Ищем Иисуса Христа по разным местам, не ведая того, что Он всегда внутри нас находится»[280].

---

[279] **Александр Арзамасский, Новоспасский** (Подгорченков; 1758–1845), схиархимандрит. Известный московский старец. В миру Адриан Иванович Подгорченков, происходил из семьи православных польских дворян. Окончил КДА, состоял на службе в Камер-коллегии, иноческую жизнь начал в Новоспасском мон-ре (Москва). Пострижен в мон-во митр. Гавриилом (Петровым), в том же году им же рукоположен во иеромонаха (1793). Назначен казначеем (1797), а через год наместником Новоспасского мон-ря. Вскоре испросил благословение перейти на должность больничного иеромонаха (1799). Келейно принял схимнический постриг и полностью предался внутреннему подвигу. Назначен архимандритом Арзамасского Спасского мон-ря (1810), где и почил. В священном сане прослужил 52 года. Сподвижник старца Филарета Новоспасского, имел сношение со многими молдавскими и афонскими старцами, состоял в переписке с митр. Гавриилом, с прп. Паисием и его учениками, был духовно близок со схимон. Афанасием (Захаровым). В Москве, как старец, окормлял большое количество народа. Некоторые из его учеников были настоятелями мон-рей. Руководил молодыми братьями Путиловыми – будущими старцами Исаией, Моисеем, Антонием, вел с ними переписку.

[280] Житіе и писанія Молдавскаго старца Паvсія Величковскаго. 2001. С. 298.

Столетие спустя глинский старец Андроник (Лукаш) в том же духе наставляет своих учеников: «Не место освящает человека, а человек – место; где монах – там и монастырь, живите по-монашески – и будет вам монастырь»[281]. Митрополит Иосиф (Чернов) так говорил: «У кремлевской стены живя, можно быть глубоким пустынником. А можно в дремучих лесах жить, и будешь бесноваться».

Те же мысли встречаем у греческого старца Порфирия[282]: «Если кто находится на площади Согласия и имеет ум собранным, он находится как бы на Афоне, и если кто, находясь на Афоне, не имеет собранного ума, то он находится как бы на площади Согласия»[283]. Сам старец Порфирий, всему миру известный молитвенник и чудотворец, целых тридцать лет совершал свое многостороннее пастырское служение среди сутолоки и шума в столичной больнице в самом центре Афин. Этот выдающийся аскет так говорил о себе: «Подвизаюсь вместо пустыни Святой Горы – в пустыне площади Согласия»[284].

Единомыслен с отцом Порфирием другой греческий праведник – игумен Иаков[285]: «Нас освящает не место, а об-

---

[281] *Чесноков Александр, свящ.* Глинская пустынь и ее старцы. ТСЛ, 1994. С. 92.

[282] **Порфирий Афинский** (Байрактарис; 1906–1991), иеромонах. Греческий старец, широко известный во всем мире своей прозорливостью. С 12-летнего возраста в течение 7 лет подвизался на Афоне в очень строгих условиях, затем во многих мон-рях о. Эвбея. В священный сан рукоположен в 21 год. Полвека прослужил в миру, из них 33 года был священником церкви св. Герасима в самом центре Афин. Перед кончиной уехал на Афон, где и почил в скиту Кавсокаливия (2.02.1991).

[283] *Христодул Агиорит, иеромон.* Избранный сосуд. 2000. С. 329.

[284] *Крусталакис Г.* Старец Порфирий, духовный отец и наставник. М., 2000. С. 19.

[285] **Иаков Эвбейский** (Цаликис; 1920–1991), игумен. Греческий старец с острова Эвбея, выдающийся подвижник, известный далеко за пределами своей родины. В его роду семь иеромонахов, один архиерей и один святой. До 30 лет будущий старец жил в миру, 3 года отслужил в армии. Он стремился к отшельнической жизни, но по благословению

раз жизни. Можно быть на Святой Горе, а помыслом – вне, в миру. Можно быть телесно и здесь, а мысленно – на Афоне. Если ты настоящий монах, то, куда бы ты ни поехал, Афон для тебя везде»[286].

О старце Иерониме, молчальнике Эгинском, имевшем устроение исихаста, но подвизавшемся в миру, вспоминают: «Те, кто посещал старца, чувствовали, что попали к одному из пустынников первых веков христианства. На старце Иерониме исполнились слова свт. Иоанна Златоуста, что "не место, но образ жизни" делают монахом. Ведь хотя он и не жил в пустынях Палестины, Египта, Сирии и Месопотамии, но в сердце и уме своем он был жителем пустыни, один на один с Богом»[287].

«Если человек не имеет возможности уйти в пустыню, – говорил старец Паисий Святогорец, – ему надо постараться создать предпосылки для безмолвия в том месте, где он живет. Если мы заботимся о том, чтобы отсечь наши страсти, то и там, где мы живем сейчас, для нас будет пустыня»[288].

свыше был призван проходить служение в мон-ре – древней обители прп. Давида, которую он и восстановил. Был рукоположен во иеромонаха (1952), взял на себя подвиг ежедневного служения литургии. Строгий аскет, он не только усиленно воздерживался в пище и во всем, чего требуют иноческие обеты, но, помимо того, в подражание прп. Даниилу Столпнику, нес необычайный подвиг длительного воздержания в отправлении естественных нужд. Праведник совершал и другие подвиги. О. Иаков отличался даром прозорливости, жизнь его сопровождалась явными свидетельствами святости. Старец имел духовное общение с прп. Давидом и с прав. Иоанном Русским (†1730), которые неоднократно являлись и помогали ему. Прав. Иоанн предсказывал старцу многие, уже сбывшиеся ныне, трагические события. Сподоблялся о. Иаков явлений Божией Матери, Которая исцеляла его тело, до крайности изможденное в предельном самоотвержении. После кончины старца (21.11.1991) ведется летопись чудесных исцелений на его гробнице.

286 *Тацис Дионисий, свящ.* Поучения старцев. М., 1997. С. 93.

287 *Пантелеимон, архим.* Приложение // *Боцис П.* Старец Иероним, молчальник Эгинский. М., 2003. С. 176.

288 *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 484.

Афонский отшельник Харитон[289], наставляя, подчеркивал, что благодатное просвещение дается не в пустыню уходящим, а пребывающим в заповедях и страхе Божием, независимо от того, где они находятся. «Монах и всякий истинный христианин, если начнет покаяние, то все обретет... Кто имеет страх Божий, тот и между людьми просвещается; потом понемногу отверзается у него ум и он познает все вещи и простирается в любовь Божию»[290].

Между миром и монастырем

Устав свт. Василия Великого, писанный им в IV веке совместно со свт. Григорием Богословом, содержит главу «Предначертание подвижничества». Здесь мы находим положение о том, что аскетический подвиг, возводящий ко обожению, это «общий христианский долг – не монахов только, но и мирян». Устав гласит, что «и от супружников потребуется отчет в целомудрии и святости», он повелевает мирянам уподобляться тем праведникам, «которые в супружестве и при воспитании детей жили свято». В исполнении заповедей Евангелия «потребуется отчет у всех людей – монахи ли они или живут в супружестве... Супружество не

---

[289] **Харитон Грек** (1802–1878), схимонах, греческий старец. В 25 лет прибыл на Афон (1827), жил в одной из келий, затем 3 года в Русике, где принял мантийный постриг, и 17 лет в Дохиаре, где принял схиму. Много читая по ночам св. отцов, он убедился, что недостоин звания монаха по недостаточной строгости жизни и удалился на безмолвие. Жил в Ксенофонтском скиту (3 года), в скиту Малой Анны (9 лет), затем около 20 лет отшельничал на Катунаках, поселившись на голой отвесной скале. Ел старец по одной луковице, немного хлеба и соли с водой, спал часа 2 в сутки, бдения совершал еженощно. Всего на Св. Горе прожил более 50 лет.

[290] *Антоний Святогорец, иеромон.* Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX в. М., 1994. С. 151, 152.

увольняет от долга бороться со страстями, преодолевать их и совсем очищать от них сердце свое». Ведь «Христос, благовествуя заповеди Отца, обращал речь к живущим в мире», а не к монахам. Главная мысль здесь в том, что условия жизни мирян вынуждают их подвизаться не менее, но даже более усердно, нежели иноков. «И ты, избравший общежитие с женою, не опускай рук... тебе к улучению спасения потребно больше трудов и осторожности, потому что ты избрал себе жилище среди сетей... и встречаешь непрестанное волнение забот»[291].

Уставные принципы разработаны отцами Церкви при содействии благодати. Пренебрежение ими, ставшее обычным явлением в наше время, свидетельствует об ужасающем упадке духовности.

Между тем воззрения отцов не устаревают, не утрачивают своего значения и Предание хранит их доныне: «Мирянам памятование смерти еще более необходимо, нежели отшельникам, ибо мирские заботы и развлечения, общественные обязанности и семейные попечения совершенно овладевают душой в мире и не дозволяют ей устремить свое внимание к своей будущей вечной участи». Средства же к возбуждению молитвенной памяти смертной «и для мирян те же, какие указаны святыми отцами преимущественно для отшельников»[292].

В том же духе рассуждали в свое время в Оптиной. Собеседники из мирских особ, посетившие прп. Варсонофия, передают следующее высказывание старца: «Говорил он, как заблуждаемся мы, думая, что между нашей жизнью и монашеской должна быть большая разница. “Для всех христиан жизнь одна, разница между мирскими людьми и мо-

---

[291] Древние иноческие уставы. М., 1994. С. 248–250.

[292] *Варфоломей, архим.* Как возделать сад своей души. М., 2002. С. 68.

нахами только следующая, и ты запомни это, – сказал старец, – во-первых, монах обязан хранить обет целомудрия, а мирянин не обязан; во-вторых, монах должен быть нестяжательным, мирской человек не может быть нестяжательным, имея семью; в-третьих, монах во всем отсекает свою волю, мирянин может пользоваться своей волей"»[293].

В письмах Георгия Затворника[294], адресованных мирским женщинам различного устроения и образа жизни, встречаются прямые призывы к занятию умно-сердечной молитвой. Прозорливый старец считал возможным давать им советы, подобные следующим: «Молитву непрестанную нужно иметь в сердце своем во всякое время, где бы ни были... Дом молитвы есть ваше сердце... Мыслию можно часто повторять: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную, и ежедневно должно молиться по четкам, и оную молитву читать поутру и ввечеру». Глаза истинной христианки всегда «опущены на сердце, ум внимает Иисусовой молитве... *Царствие Божие внутрь вас есть* – в сердце вашем!.. А потому святой Иоанн Златоуст и научает нас всегда призывать в сердце имя Иисусово, да соединится с Ним сердце наше, ибо где Царь, там и Царство будет... Умом молиться – не только то значит, чтобы мыслию выговаривать

---

[293] Благословенная Оптина. М., 1998. С. 93.

[294] **Георгий Затворник, Задонский** (Машурин; 1789–1836), в мон-ве Стратоник. Кавалерийский офицер, ставший высоким подвижником и прозорливым старцем. Георгий Алексеевич Машурин родился в Вологде в дворянской семье, служил в Лубенском гусарском и Казанском драгунском полках, оставил службу в чине поручика. В возрасте 29 лет поступил послушником в Задонский Богородицкий мон. (1818). Через год, по особому произволению Божиему, удалился в затвор, пребыв в нем 17 лет вплоть до своей кончины в возрасте 47 лет. В тайном постриге был наречен Стратоником. Вел самую суровую подвижническую жизнь. Господь сподобил его даров духовного совета, рассуждения и прозорливости. Находился в духовном общении с прп. Серафимом Саровским. В 1839 г. впервые было издано собрание писем Георгия Затворника и с тех пор неоднократно переиздавалось.

слова молитвы, но углубление всего человека в разум истинного познания Бога и воли Его». Молитва «заключается в одном, непрестанно произносимом во внутренности сердца: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!.. Молиться должно не одним только умом, или мыслию, но и телом преклоняться смиренно, как Сам Господь Иисус Христос молился даже до кровавого поту, с преклонением лица на землю. Такова есть смиренная молитва... Можно и без поклонов, сердечною мыслию молиться, ежели кто одержим болезнию и не может преклонять свое тело; и самые вздохи приемлются от сокрушенного сердца»[295].

Среди множества известных мирян-подвижников можно назвать орловского купца И. М. Немытова, окормлявшегося у прп. Макария Оптинского и имевшего столь высокую степень умной молитвы, что старец не знал, что ему и советовать. Прп. Амвросий в своих письмах упоминает о Немытове как о «великом молитвеннике»[296].

Можно вспомнить известного в свое время пустынника Флегонта[297], предававшегося созерцательной молитве и изнурительным физическим трудам в едва доступном месте — на обрыве горы, где он отшельничал на столпе в крохотной

---

[295] *Георгий Затворник, Задонский.* Творения. М., 1994. Ч. 2. С. 77. Ч. 3. С. 8, 16, 31, 34, 37, 39.

[296] Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. М., 1995. Ч. 3. С. 119.

[297] **Островский Флегонт** (1823–1869), пустынник. Сын деревенского дьякона, с детства имел расположение к созерцательной жизни. После долгих странствий по российским мон-рям он начал уединенную жизнь в Пензенской губ., поселясь в земляной яме на вершине горы, зимой и летом, «день и ночь простаивая на молитве по целым суткам, едва слабой дремотой подкрепляя свои силы». Со временем он выстроил в труднодоступном месте, на обрыве горы, высокий земляной столп с малой кельей наверху и провел там в полузатворе последние 13 лет жизни. Этот углубленный молитвенник-созерцатель ел только то, что приносили сострадательные люди, но не более одного раза в сутки, горячей пищи у него не полагалось. Зимой по нескольку дней оставался и вовсе без хлеба. Позже на месте подвига старца был основан Александро-Невский женский мон.

келье. Этот прозорливый старец был широко известен в народе как благодатный наставник[298].

В конце XIX века пользовался почитанием пустынножитель Максим Югов[299], который принял постриг на склоне лет, уже завершая свой подвиг. Келья отшельника находилась в чаще дремучего леса на севере Вологодской губернии. Старец вырыл канавку в виде креста и лежал в ней без одежды, беззащитный перед множеством насекомых. Около сорока лет провел он в непрерывном подвиге, позже с ним поселился его племянник и крестник Никифор (Югов), ныне канонизированный в лике преподобномучеников. По всей округе народ прознал о подвижнике, его почитали люди самого разного звания, шли за советом крестьяне и мещане, интеллигенты, монахи и священники. По сей день жива память о старце Максиме, люди приходят на место его погребения, служатся панихиды, а крестообразная канавка, вырытая старцем, до сих пор не заросла травой[300].

---

[298] Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Оптина пуст., 1994. Декабрь. Ч. 1. С. 201.

[299] **Югов Максим Георгиевич** (1838–1906), пустынник, старец, в постриге монах Кирилл. С 16 лет он работал на ткацкой фабрике, затем странствовал по святым местам. Наконец поставил келью в 30 километрах от Великого Устюга в глубине дикого леса (1868). Здесь Максим провел 38 лет в суровом уединении, в посте и молитве. Старец взял «за правило не вкушать вареной пищи, кроме как в праздники, и тогда согревал водицу, мочил в ней сухарики или из муки варил кашу. В будни ел сухарики с холодной водой или муку мешал в холодной воде, иногда ел репную мякину или съедобную травку». Ел раз в сутки вечером, иногда через два-три дня, а иногда и через неделю, «один раз пятнадцать дней пробыл без пищи». Ночное правило он совершал по четкам, на каждом десятке пел песнь покаянную, потом поминал о здравии и о упокоении благодетелей. В два дня прочитывал всю Псалтирь, читал каноны, молитвы и акафисты. Имел множество книг и со тщанием изучал их. Со временем старец был пострижен в мон-во. «Когда подвижник скончался (14/27.11.1906), проститься с ним пришли тысячи людей из самых разных, даже весьма отдаленных, мест».

[300] *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX столетия. Тверь, 2001. Кн. 5. С. 454–467.

* * *

«Твой монастырь внутри тебя» – этими словами летом 1916 года прп. Анатолий Оптинский[301] благословлял на службу в Синоде князя Жевахова[302], в то время еще колебавшегося в своем выборе между монастырем и миром[303]. «Иди же, иди смело, – напутствовал его старец Анатолий, –

---

[301] **Анатолий Оптинский II, Младший** (Потапов; 1855–1922), преподобный.

[302] **Жевахов Николай Давыдович** (1874–1947), государственный деятель, последний товарищ обер-прокурора Св. Синода Российской Империи (1916–1917), действительный член старейшей монархической организации «Русское Собрание», член Императорского Палестинского Православного общества. Имел звание камер-юнкера Высочайшего Двора, произведен (1915) в статские советники. Представитель древнего княжеского рода, среди его предков свт. Иоасаф Белгородский (Горленко). Н.Д. Жевахов собрал и опубликовал многотомные житийные материалы о свт. Иоасафе, послужившие основанием для канонизации святого (1911). За свои патриотические убеждения Жевахов подвергался травле, став объектом клеветы со стороны придворных кругов и либеральной прессы, был арестован (1917) по приказу Керенского. Видный монархист Федор Винберг дает Жевахову следующую характеристику: «Если б у Царя было побольше таких верных и достойных слуг, никакая революция не удалась бы в России». В эмиграции (с 1919) Жевахов был близок к семье Сикорских. За рубежом изданы 2 тома его «Воспоминаний» (1923, 1928; в России – в 1993), в них встречаются некоторые некорректные, в богословском отношении, трактовки библейского текста. Родной брат Николая Жевахова – Владимир Давыдович Жевахов (в постриге Иоасаф; †1937) был хиротонисан во епископа Дмитриевского, викария Курской епарх. (1926). Отбывал заключение в Соловецком концлагере (1926–1929), назначен епископом Могилевским, арестован и расстрелян большевиками в Курске. Канонизирован РПЦ в лике священномучеников (память 22.11/5.12).

[303] В этой же беседе с Н.Д. Жеваховым прп. Анатолий произнес свои знаменательные слова о судьбе России: «Нет греха больше, как противление воле Помазанника Божия. Береги Его, ибо Им держится земля русская и вера православная. Молись за Царя и заслоняй Его от недобрых людей, слуг сатанинских. Царь не только объявитель воли Божией людям, но судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия. А не будет Царя, не будет и России. Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим». *Жевахов Н.Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 128, 129.

и да не смущают тебя помыслы об иночестве: у тебя еще много дела в миру»[304].

«Я жил буквально между небом и землею, между миром и монастырем, – вспоминал сам князь, – и как ни болезненна была моя личная душевная драма от неизбежного, благодаря такому положению, разлада с самим собою и с окружающим, все же ей я обязан равнодушием к земным благам и приманкам и тем, что никогда не скучал о них». В заметках о жизни князя можно видеть, как достигался в его судьбе «компромисс между миром и монастырем, который служил к вящей славе Божией... “Между миром и монастырем” – действительно, нельзя более точно определить жизненный путь князя Николая Давыдовича. Всю свою жизнь он предпринимал настойчивые попытки уйти в монастырь, но Господь судил ему оставаться в миру для особого служения», ему и довелось послужить Церкви в самый роковой период ее истории[305].

Интересны размышления еще одного собеседника князя Жевахова – подвижника благочестия Н. Н. Иваненко. Когда у князя был «повод спросить Николая Николаевича, почему он не принимает монашеского пострига», тот отвечал следующим образом: «Россия Самим Богом предназначена быть монастырем для всего мира, для всей вселенной. Каждый русский, если он сознает свое назначение и понимает свою задачу, есть уже монах и должен быть монахом[306]. Игуменом этого великого монастыря Господь назначил Своего Помазанника, православного самодержавного русского царя. Слуги царские, начиная от первосвятителя и кончая сельским пастырем, – священнослужители этого

---

[304] *Жевахов Н.Д., князь.* Воспоминания. М., 1993. Кн. 1. С. 129.

[305] *Степанов А.* Черная сотня... СПб., 2000. С. 72.

[306] Ранее подобную мысль высказывал Н.В. Гоголь, он обращался к русскому народу со словами: «Очнитесь! Монастырь ваш – Россия».

монастыря, чиновники, начиная от министра и кончая волостным писарем, – церковнослужители, а мы – братия сей обители. Вот что такое Россия и вот то, чего не понимают русские люди, которые во всех своих званиях и положениях, на всех поприщах своей жизни и службы должны смотреть на свое дело, им врученное, как на молитву, и совершать его, как священнодействие. России много дано, но с нее и взыщется много. И в горе, и в страданиях, но зато и в радостях она идет у Бога первой по счету»[307].

На грани между монастырем и миром многие годы пребывал К. Н. Леонтьев[308]. Воспитанник выдающихся старцев, он глубоко понимал значение старчества в руководстве духовной жизнью как монахов, так и мирян. Без такого

---

[307] *Жевахов Н.Д., князь.* Раб Божий Н.Н. Иваненко. 1924 // www.voskres.ru

[308] **Леонтьев Константин Николаевич** (1831–1891), в мон-ве Климент. Религиозный мыслитель, философ, публицист, дипломат, медик и литератор. В центре его исследований – проблемы русской государственности, судьбы России. Ученик великих старцев: на Афоне – Иеронима (Соломенцова) и Макария (Сушкина), в России – Амвросия Оптинского. В молодости, после чудесного исцеления от холеры в Салониках, Леонтьев пожелал принять монашеский постриг, однако старцы не благословили его, сочтя это преждевременным. Он прожил год на Афоне в Пантелеимоновом мон-ре, вручив себя духовному руководству старца Иеронима, под влиянием которого окончательно сформировалось его глубоко христианское мировоззрение истинного патриота, радеющего о судьбах своего Отечества. Позже Леонтьев писал: «Православию выучили меня верить и служить афонские духовники Иероним и Макарий». Благословение на монашество Леонтьев получил от прп. Амвросия и сподобился пострига за два месяца до своей кончины. При жизни философ не встретил в русском обществе ни понимания, ни признания. Его честная, самостоятельная мысль противостояла либеральным настроениям интеллигенции и шокировала современников. Спустя годы (1926) Н. Бердяев писал: «Леонтьев более 50 лет тому назад открыл то, что теперь на Западе открывает Шпенглер». То же самое можно сказать об открытиях А. Тойнби, С. Хантингтона и даже Л. Гумилева. Последние годы Леонтьев работал, проживая в Оптиной пуст., окормлялся у иеромон. Климента (Зедергольма) и у прп. Амвросия. Основные труды: «Византизм и славянство» (1875), «Записки отшельника», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения».

руководства, отмечал мыслитель, человеку слишком трудно смирить свой ум и обрести простоту сердца. С молодости расположенный к иночеству, будущий монах Климент, тем не менее, вынужден был почти всю жизнь трудиться в миру. В эти годы сложились основные принципы разработанной им аскетической системы. «Монах, – пишет Леонтьев, – такой же православный христианин, как и не монах, но поставленный в особые, благоприятные для строгой жизни, условия. Мирянин верующий – тот же аскет». Подвижничество монаха и мирского человека, подчеркивает Леонтьев, не различается по существу, но лишь по затрате сил и времени, которых у мирянина значительно меньше. А супружество – «строгий, религиозный, нравственный брак» – Леонтьев, вслед за отцами, называет «средним аскетизмом» и отмечает, что жизнь в супружестве «есть лишь смягченное монашество – иночество вдвоем или с детьми-учениками»[309].

«Если монашеский идеал всегда захватывал человеческие души, – пишет В. Н. Лосский, – то само монашество никогда не было единственной формой духовной жизни, которую Церковь предлагала верующим. Путем единения с Богом можно следовать во всех условиях человеческой жизни и вне монастырей. Внешние формы могут изменяться, монастыри могут исчезать, как почти исчезли они сейчас в России[310], но духовная жизнь продолжается с той же интенсивностью и находит новые способы самовыражения. Исключительно богатая восточная агиография наряду с житиями святых-монахов приводит много примеров духовного совершенства, достигнутого в миру простыми мирянами, людьми, живущими в браке. Она говорит также о

---

[309] *Петр (Пиголь), игум.* Принципиальные основы аскетической системы К. Леонтьева... // www.prokimen.ru

[310] Работа В.Н. Лосского писалась в 1940-х годах.

странных и необычных путях святости, о “Христа ради юродивых”, совершающих нелепые поступки, чтобы под отталкивающей личиной безумия скрыть свои духовные дары от взоров окружающих или, вернее, вырваться из уз мира сего в их наиболее глубоком и наименее приемлемом для разума смысле – освободиться от уз своего социального “я”»[311].

Невзирая на различие условий подвига, отметим то, что существенно необходимо для всякой души, устремленной ко спасению, то, что заповедано апостолами для всех христиан, как пребывающих в постриге, так и вне его: *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей... Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу*[312].

Оптина в Москве

Праведный Алексий Московский

Монахиня Мария[313] вспоминает, как однажды, пожаловавшись отцу Алексию Мечеву, что не может молиться в неподходящих условиях, услышала в ответ: «А ты знаешь,

---

[311] *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 18.

[312] 1 Ин. 2, 15; Иак. 4, 4.

[313] **Мария** (Тимофеева; 1901–1989), монахиня. В миру Мария Ивановна Тимофеева, «Манюшка», духовное чадо прав. Алексия Московского (Мечева), регент правого хора в его храме на Маросейке. Автор воспоминаний об о. Алексии «А любовь и по смерти не умирает». С детских лет находилась в полном послушании у о. Алексия, жила при его храме, ведя подвижническую жизнь. Сподобилась быть свидетелем полной нетленности мощей о. Алексия при их вскрытии на Лазарев-

как может молиться отец Алексей[314], когда за одной стенкой поют, за другой пляшут, а там, слышишь, ссорятся и Бог знает что про меня говорят, а я должен молиться за весь мир? Все надо терпеть посылаемое Богом»[315]. Отец Алексий убеждал своих чад: «Нам с вами нужно учиться молиться, когда рядом играет граммофон, танцуют и – вот это все...» – показывал он на гудящую за окном улицу[316].

Вспоминают и другие: «Он был старец и подвижник... Но многие соблазнялись о нем: какой подвижник в вечной молве, суете, шуме. Какое старчество в самом центре городской суеты, под визг автомобилей, в обстановке обычной семейной жизни московского среднего круга... Огромный, многолюдный, поистине страшный своим многомятежным шумом и злобной молвой, современный город XX века, город с каиновой печатью отвержения Бога. И недаром этому подвигу пребывания во граде, яко в пустыне, изумлялись истинные жители иноческой пустыни» – духовные други отца Алексия, приснопамятные Оптинские

ском кладбище (1933 или 1934). Мария была особенно близка с Александрой Федоровной Ярмолович, которая известна своими воспоминаниями об о. Алексии «Пастырь добрый» и которая перед своей кончиной обещала Марии: «Я перед твоей смертью за тобой приду». О. Алексий не благословлял Марию на замужество, он пообещал ей: «Не бойся, Манюша, я тебя не оставлю». И действительно, прожив долгую жизнь, мон. Мария не подвергалась никаким репрессиям, несмотря на открытое исповедание веры. Даже в последние 3–4 года жизни, когда ей, прикованной к постели, пришлось нести крест одиночества, подле нее всегда оказывались люди, ухаживавшие за ней. Мон. Мария была погребена на Введенском кладбище, недалеко от могилы о. Алексия.

[314] **Алексий Московский** (Мечев; 1859–1923), праведный. Московский старец протоиерей Алексей Алексеевич Мечев с 1892 г. вплоть до кончины (9.06.1923) был настоятелем храма свт. Николая в Кленниках, где ныне почивают его святые мощи. Причислен к лику святых (2000), как и его сын – священномученик Сергий (Мечев). Память 9/22.06.

[315] Пастырь добрый. М., 1997. С. 372.

[316] Московский батюшка. М., 1994. С. 5.

старцы Феодосий[317] и прп. Анатолий (Потапов), почитавшие смиренного батюшку с Маросейки истинным подвижником и благодатным старцем. А прп. старец Нектарий (Тихонов) прямо говорил москвичам, что им нет нужды ездить в Оптину: «У вас есть отец Алексий».

Отец Алексий «пустыню перенес в Москву, заключил ее в своей многолюбивой душе и многострадальном сердце и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни: смирение, радость, утешение, милость и дар даров – любовь».

Примечательна история священника Лазаря Судакова, который собирался ехать в Нилову пустынь для принятия монашества. Он обратился за благословением к отцу Алексию, но тот не пустил его. Он оставил отца Лазаря у себя: «У нас будет свой монастырь». Отец Лазарь принял к сердцу эти слова и сделался искренним и преданным послушником. Своим смирением и кротостью он был особенно близок отцу Алексию. Тихий, очень любивший молитву, отец Лазарь прослужил всего два года. Скончался он внезапно от сердечного приступа. В день отпевания отец Алексий говорил о нем: «Вот отец Лазарь за свое послушание в два года сделал то, что нужно, – сумел подготовиться. Никто так меня не слушался, как он»[318].

В своих воспоминаниях епископ Арсений (Жадановский), духовно связанный с отцом Алексием, пишет: «Он являлся мудрым старцем, только находящимся не в монастыре, а в самой толще человеческого общежития. Отец Алексий был старец городской, приносящий людям нисколько не менее пользы, чем какой-либо пустынник. Он в

---

[317] **Феодосий** (Поморцев; 1854–1920), схиигумен. Последний перед закрытием Оптиной пуст. скитоначальник, старец.

[318] Пастырь добрый. М., 1997. С. 5–7, 185.

образе иерея был одним из тех подвижников, о которых пророчествовал святой Антоний Великий, говоря, что придет время, когда иноки, живя среди городов и суеты мирской, будут сами спасаться и других приводить к Богу...

Любовно и трогательно было отношение нашего батюшки к оптинским старцам. Особенно благоговел он перед отцом Анатолием [Потаповым]... "Мы с ним одного духа", – много раз говорил отец Алексий... Связь у батюшки с названным старцем была неразрывная, глубокая, и, хотя они виделись только один раз, между ними всегда поддерживалось сообщение, которое близкие к батюшке лица шутя называли "беспроволочным телеграфом", – существовала благодатная близость, святое единство старчествования. Отец Алексий был тот же оптинский старец, только живущий в Москве, и в этом заключалось величайшее утешение для многих верующих москвичей, серьезно искавших духовного окормления. Батюшка Оптину перенес в Москву... Отец Алексий являлся старцем над старцами – руководителем духовников. Ему часто приходилось улаживать неправильные отношения между духовными отцами и их чадами».

Иногда распространялось такое мнение, «будто отец Алексий был противником монашества и не советовал своим духовным детям принимать его». Владыка Арсений (Жадановский) поясняет: «Нужно, однако, знать, кому и при каких обстоятельствах он этого не советовал. Будучи духоносным пастырем, он не мог не ценить монашества в идеале и истинных основах, он только не одобрял тех, кто принимал его ради тщеславия, без понимания смысла и значения столь великого звания. Монахи, живя в миру, не могут выполнять тех внешних правил, какими они обязываются по своему положению. А это как раз и могло происходить с членами духовной общины, работавшими в миру

и, однако, стремившимися иной раз получить иноческое одеяние и пострижение самовольно, без предложения и указания батюшки».

Были у отца Алексия и другие мотивы не благословлять иной раз своих чад уходить в монастырь. Удерживая возле себя высоконастроенных прихожан, «он хотел этим укрепить и нравственно возвысить общину. Батюшка думал сделать их полезными в Москве, нуждающейся в духовном просвещении»[319]. О том, что отец Алексий не был принципиально против монашества, может свидетельствовать, помимо дружбы с оптинскими старцами, интересное письмо, написанное им незадолго до кончины и адресованное владыке Арсению (Жадановскому). Оно заканчивается такой просьбой: «Тогда примите и вашего покорного слугу под свой покров. Хочу и я последние дни своей жизни докончить под сенью обители святителя Алексия[320]»[321].

Се ныне день спасения

Ссылки на отсутствие благоприятных для духовной работы условий обычно неосновательны. Так порой пытаются оправдать собственную нерадивость. Все, что только необходимо, устрояется Господом для всякого человека – каждому посылаются самые подходящие для его личности обстоятельства, каждому промыслительно подаются именно те условия, которые наиболее полезны для спасения его души. В этом отношении каждый человек находится на *сво-*

---

[319] Так, например, было в случае с о. Лазарем Судаковым. – *Н.Н.*

[320] Т.е. в московском Чудовом мон-ре.

[321] *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М., 1995. С. 22–24.

ем месте и появился на свет именно в *свое* время. Требуется лишь правильно распознать и воспользоваться всем тем, что дано каждому как средство, как путь ко спасению во Христе.

В 1920-е годы иеромонах Никон Оптинский[322] наставлял своих чад: «Пусть никто из вас не говорит... вот когда будут соответствующие условия, тогда я буду молиться. Но разве можно быть уверенным, что завтра ты будешь жив? Надо не забывать о том, что только этот день дан тебе. Нельзя надеяться на завтрашний день. Помните всегда: *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения*[323]. Спасайтесь!»[324]

Другой подвижник, прошедший исповеднический путь, игумен Никон (Воробьев) в 1940-х годах пишет: «Не унывайте, подвижницы XX века, а незаметно среди будней, среди суеты мира сего изыдите из мира своим умом, сердцем, а главное – волей, внешне будучи почти как все, а внутри "иной", ведомой по внутреннему человеку только Богу и своему духовнику»[325].

Не может ни бедность, ни болезнь, ни молодость, ни старость быть помехой добродетели, – размышляет

---

[322] **Никон Оптинский** (Беляев; 1888–1931), преподобноисповедник. Последний старец Оптиной пуст. Беляев Николай Митрофанович родился в московской купеческой семье. По благословению митр. Трифона (Туркестанова; 1861–1934) поступил в Оптину пуст. (1907), находился под духовным руководством прп. Варсонофия Оптинского до его кончины (1913). Пострижен в рясофор (1910), в мантию (1915); иеромонах (1917), духовник скита (с 1922) по благословению прп. Нектария Оптинского. После закрытия обители поселился в Козельске (1924). Арестован (1927) и приговорен к 3 годам заключения в концлагерь в Кеми. По окончании срока отправлен в ссылку в г. Пинега Архангельской области. Скончался (8.07.1931) в ссылке в д. Козловка под Пинегой от туберкулеза. Память 25.06/8.07.

[323] 2 Кор. 6, 2.

[324] Жизнеописание иеромон. Никона, последнего старца Оптиной пуст. СПб., 1994. С. 186.

[325] Благодатный огонь. М., 2002, № 8. С. 57.

свт. Николай Сербский[326]. – «Многим кажется, что, будь они на другом месте, они были бы лучше... Это всего лишь самообман и признание своего духовного поражения. Представьте, если бы плохой воин оправдывался: на этом месте я буду побежден, дайте мне другое, и я буду храбр». Во всякий час открывается поприще для добродетели, и на всякое место простирается поле брани для христиан, когда они в истинном свете видят предназначение земной жизни. «Как ни странно это звучит, – пишет свт. Николай, – но мы приходим в этот мир, чтобы спастись от него. Так же как люди уходят на войну не ради наслаждения войной, но чтобы спастись от нее!.. Истинные христиане всегда считали свою жизнь военной службой. И как солдаты считают дни

---

[326] **Николай Сербский** (Велимирович; 1881–1956), святитель. Епископ Охридский и Жичский, богослов с мировым именем, философ, почетный доктор ун-тов нескольких стран, вдохновенный и глубокий проповедник и писатель – самая крупная фигура в духовной жизни Сербии со времен св. Саввы Сербского. Окончил Белградскую семинарию, учился на нескольких факультетах в ун-тах Швейцарии, Германии, Англии и в России (СПбДА). Защитил две докторские диссертации (на французском и английском языках). Проповедовал в Англии и Америке. Во многом способствовал религиозному пробуждению и возрождению мон-ва по всей Сербии. Еп. Николай пророчески в деталях предсказал (1920-е) Вторую мировую войну. В те годы он многократно встречался с прп. Силуаном Афонским. Во время немецкой оккупации владыка был арестован (1941) по личному приказу Гитлера, опасавшегося его авторитета и влияния на народные массы. Находясь в заточении, владыка продолжал литературно-богословскую деятельность, пока не стал узником концлагеря Дахау. Из лагеря он был освобожден (1945) союзниками. После прихода к власти в Югославии режима Тито владыка был вынужден жить в изгнании, т.к. коммунисты боялись любимого народом пастыря не менее, чем гитлеровцы. Скончался владыка во время молитвы (5/18.03.1956) в русском мон-ре свт. Тихона (Пенсильвания, США) и сразу стал почитаться православными сербами как святой. После освобождения Сербии от коммунистической диктатуры мощи владыки были перенесены (1991) на родину. Свт. Николай канонизирован Сербской Церковью (2003) и в том же году включен в месяцеслов РПЦ. Память святого празднуется 20.04/3.05. Святитель широко известен как духовный писатель, автор многочисленных богословских произведений.

своей службы и с радостью думают о возвращении домой, так и христиане постоянно помнят о конце своей жизни и возвращении в свое Небесное Отечество»[327].

В письмах священника Александра Ельчанинова[328] встречаются такие строки: «Условия, которыми окружил нас Господь, – это единственный возможный для нас путь спасения; эти условия переменятся тотчас же, как мы их до конца используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов – в золото терпения, безгневия, кротости»[329].

Альтернатива мир – монашество столь же стара, сколь и само монашество. Еще в IV веке прп. Синклитикия[330] рас-

---

[327] *Николай Сербский, свт.* Мысли о добре и зле. ТСЛ, 2001. С. 62, 72.

[328] **Ельчанинов Александр** (†1934), священник. Педагог, активный деятель религиозно-философских обществ начала XX века, хорошо известный в литературных кругах Петербурга и Москвы, позднее возглавлял частную гимназию в Тифлисе. Состоял в дружеских отношениях со свящ. Павлом Флоренским и многими известными общественными и культурными деятелями той эпохи. Находясь в эмиграции, был рукоположен во священный сан (1926), нес пастырское служение в городском соборе в Ницце. Получил приглашение митр. Евлогия приступить к служению в Парижском кафедральном соборе, но этому помешала долгая и мучительная болезнь, после которой о. Александр скончался (24.08.1934).

[329] *Ельчанинов Александр, свящ.* Записи. М., 1992. С. 152.

[330] **Синклитикия Александрийская** (IV), преподобная. Богатая красавица из знатного македонского рода. С юности прилежала строгому воздержанию, настойчиво уклонялась от замужества. Со смертью родителей раздала все имение и поселилась вместе со слепой сестрой в гробнице в окрестностях Александрии. Приняв монашеский постриг, она, уже в начале иноческой жизни, великим своим усердием превзошла многих состарившихся в подвиге монахинь. Ищущие спасения во множестве сходились к ней за наставлением ради пользы душевной. Со временем собравшиеся вокруг нее инокини составили общежитие. Этой изумительной подвижнице было попущено перед кончиной (ок. 350) серьезное испытание. 80-летняя старица в течение трех с половиной лет мучительно умирала – тело ее было заживо подвержено разложению. Вот как пишет об этом свт. Афанасий Великий: «По Божественному попущению диавол восстал на сию мужественнейшую девственницу с такой силой, что не просто стал уязвлять ее тело, но, уязвляя,

суждала на эту тему: «Мы, монашествующие, имея множество забот и скорбей, не должны думать, что живущие в миру не испытывают скорбей, ведь пророк Исаия говорит: *всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль*[331]. Этими словами Дух Святой указывает на монашескую и мирскую жизнь. Боль головы означает жизнь монашескую, ведь как голова является правящим членом человеческого тела, так и монашеский путь жизни выше мирского. И Писание говорит о боли, чтобы указать, что всякая добродетель приобретается через труд и понуждение себя. Печаль сердца обозначает беспокойную и скорбную жизнь мирян, поскольку злоба и огорчения сопутствуют их жизни: если они желают чужих богатств, то томятся, если они бедны, то мучаются, если богаты, то сходят с ума и не спят в заботе о своих стяжаниях. А потому не будем обманываться, думая, что миряне живут без забот и трудов, ведь по сравнению с нами, монашествующими, их труды куда больше. Особенно же женщины много страдают... Явно, что мы, монашествующие, плывем по тихим и спокойным местам в жизни сей, а миряне – по опасным. Мы плывем днем под светом мысленного Солнца Правды – Христа, а миряне – ночью, ведомые неведением. Но, несмотря на все это, часто случается, что плывущие в темноте и по опасным местам бодрствуют и молят Бога спасти судно души; а мы, монашествующие, плывем в тишине и, тем не менее, тонем, по нашей нерадивости выпуская из рук кормило правды»[332].

причинял ей сильную внутреннюю боль, которую не могли облегчить человеческие средства. И сперва он повредил ее легкие – нужнейший орган жизни... так что она выплевывала их наружу с кровью. Она страдала и от сильного жара, который иссушил все ее тело, сжигая изнутри...» Память 5/18.01.

[331] Ис. 1, 5.

[332] *Афанасий Великий, свт.* Жизнь и наставления прп. Синклитикии. ТСЛ, 2000. С. 24, 27.

«Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, – пишет прп. Симеон, – третьи начальственную, чтобы предстоять народу, вразумлять его и учить... Я же не желал бы предпочтение дать никакой из них... Во всяком образе преблаженна жизнь, проводимая во всех деяниях для Бога и по Богу... Цель всех по Богу живущих есть – благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, ибо в этом спасение всякой души... Сколь живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и ублажения, – столь же живущие в горах и пещерах и вожделевающие похвал и ублажений от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим».

Не может быть внешних препятствий к достижению святости. В каких бы условиях человек ни оказался, определяющим является его внутреннее устроение. «Если диавол, сея плевелы малодушия, препятствует тебе достичь высоты святости, подбрасывая такие помыслы и говоря: "Невозможно тебе среди мира спастись и неопустительно соблюдать все заповеди Божии", – тогда ты сядь наедине в каком-нибудь углу, стесни себя, собери ум и дай добрый совет душе твоей, сказав: "Почему ты прискорбна, душа моя? Уповай на Бога"... Через веру в Самого Бога моего надеюсь спастись даром, по неизреченному Его милосердию. "Отойди от меня, сатана, я Господу Богу моему поклоняюсь"...[333] – Тому, Кто может спасти меня по одной Своей милости!»[334]

---

[333] Ср.: Пс. 41, 6; Мф. 4, 10.

[334] *Симеон Новый Богослов, прп.* Творения. ТСЛ, 1993. Т. 2. С. 539, 540; *Симеон Новый Богослов, прп.* Сто глав богословских и практических // www.pagez.ru

Четки не спасут

Мысль о том, что высокий духовный подвиг доступен для людей «всякого звания и положения», повторялась отцами-аскетами во все времена. Прп. Симеон пишет: «И те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя, как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености своей и нерадения»[335]. Пишет о том же и прп. Иоанн Кассиан Римлянин: «Легче восходит к совершенству человек мирской, плотской или язычник, чем монах, который попустил охладеть первому огню духовной ревности»[336].

«Хорошо и велико монашество, – говорит старец Иероним Эгинский. – Оно имеет крылья и возносит на небо, а женатый ходит по земле. На небе красиво, но и опасно, ведь если упадешь, разобьешься насмерть, в то время как, упав на земле, легко поднимешься и пойдешь дальше»[337].

Конечно, высок путь иноческий, а уединенная жизнь пустынника наиболее благоприятствует молитвенному деланию. Но столь же высок и спрос. Малейшее превозношение над другими может свести на нет все преимущества пустыни, разом перечеркнуть весь подвиг. Беда, если уединившийся инок возымел чувство превосходства над монастырским монашеством или над мирянами, если появляются мысли в том роде, что: «старцы, они, конечно, и в монастыре – старцы, но молитва-то у них “монастырская”...

---

[335] Монашеское делание. М., 1991. С. 51.

[336] Цит. по: *Владимиров Артемий, прот.* Любовь и вера. М., 2001. С. 131.

[337] Дорогой любви. М., 2000. С. 37.

По-настоящему молиться может лишь сердце пустынника...» Но кем считали себя пустынники, с которыми встречался отец Валентин Свенцицкий?[338] Они искренне ощущали себя ничтожным сором, не помышляя ни о какой «элитарности». Не укорененному в духе смирения лучше оставаться мирянином, честно осознающим себя недостойным иночества, утопающим в городской суете и шуме, с молитвой, которая не вопль сердечный, но жалкий писк, вторящий утопающему Петру: *Господи, спаси мя*![339]

Известно такое высказывание архимандрита Епифания (Феодоропулоса)[340] из Афин: «Монашество как образ жизни выше мирской жизни. Но это вовсе не значит, что нет мирян, праведность которых выше монашеской»[341]. Белгородский старец Григорий (Давыдов) по этому поводу повторял старинную русскую пословицу: «Четки не спасут, а жена не лишит рая».

В более возвышенном тоне, но, по сути, о том же, писал прп. Никита Стифат, ученик прп. Симеона, сам бывший пресвитером и насельником Студийской обители: «Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода вдаль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо... пустыня излишня, когда мы и без нее входим в Царствие – через покаяние и всякое хранение заповедей, что возможно на всяком месте владычества Божия... Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страс-

---

338 См.: *Свенцицкий Валентин, прот.* Граждане неба. СПб., 1994.

339 Мф. 14, 30.

340 **Епифаний Афинский** (Феодоропулос; 1930–1989), архимандрит. Широко почитаемый греческий старец; будучи монахом, всю жизнь прослужил в миру, окормляя афинских прихожан.

341 Заветы жизни. М., 2003. С. 97.

тей, то есть в бесстрастие»[342]. Вторит ему на страницах «Лествицы» и другой великий наставник: «Кто приобрел душевные слезы, тому всякое место угодно к плачу; а у кого делание только внешнее, тому всегда надобно будет избирать приличные места и положения... Послушник есть тот, кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвою»[343].

На эту же тему размышляет в своих письмах свт. Игнатий: «Иисусова молитва – превосходное оружие противу всех страстей, превосходное занятие для ума во время рукоделия, путешествия и в других случаях... Упражнение молитвою Иисусовою приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди мира... Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига... Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностию духовною, исполнен смиренномудрия... Если же вы хотите не встречаться с людьми, то это желание неправильное. Когда об этом спрашивал прп. Дорофей своего старца авву Иоанна Пророка, то Иоанн отвечал, что удаление от встреч с людьми весьма вредно для не достигшего совершенства, потому что скрывает от него его немощи, открываемые людьми, и по этой причине делает его бесплодным»[344].

Мысли свт. Игнатия созвучны традиционному мнению отцов подвижников, которое обобщенно выражается в следующем: «Молитва Иисусова возможна каждому – всякого звания, положения, возраста и пола людей, во всяком заня-

---

[342] Добротолюбие. ТСЛ, 1992. Т. 5. С. 101, 102.

[343] *Иоанн Синайский, прп.* Лествица. М., 1997. 7:12; 4:102.

[344] Собр. писем свт. Игнатия. М.–СПб., 1995. С. 161, 249, 270.

тии, исключая только те случаи, когда человек намеренно творит смертные грехи и самопроизвольно в них пребывает. В сем последнем случае происходит в нем страшная борьба света с тьмою, и ум человека от сильного борения впадает в помешательство. Во всех же прочих случаях, хотя мы и без числа грешны, но если имеем покаянные чувства и смирение, нет препятствия творить Иисусову молитву»[345].

Прп. Феодор Санаксарский[346] в своих наставлениях живущим в миру «с женой и с детьми» предъявляет требования, по строгости своей соответствующие иноческому образу жизни. Мирянин «должен удаляться от всего излишнего: бесед, разных компаний, пиров, роскошного жития, и за все сие от миролюбцев поношение терпеть. Должен же третью часть имения своего бедным раздавать. Аще ли же придет в крайнюю бедность, то со всеми домашними терпеть, и всякую нужду без роптания должен благодарно и великодушно сносить. И что мирянин-христианин ничем

---

[345] *Иларион, схимон.* На горах Кавказа. СПб., 1998. С. 704.

[346] **Феодор Санаксарский** (Ушаков; 1718–1791), преподобный. Старец высокой духовной жизни. Восстановитель и настоятель Санаксарского Темниковского мон-ря, управлял также Алексеевским женским мон-рем. Иеромон. Феодор был суровым подвижником, ревнителем строгой жизни в традициях древнейшего мон-ва. Став жертвой клеветы, он был удален из основанной и возглавляемой им обители и сослан на Соловки, где в числе рядовых членов братии провел 9 лет. Будучи оправдан митр. Гавриилом (Петровым; 1730–1801), вернулся в свой мон., где продолжал духовно руководить братией. Старец Феодор отошел ко Господу 19.02.1791 и был погребен у стен созданного им храма. Одна из особенностей Санаксарской обители заключалась в том, что здесь, несмотря на высокую суровость жизни, подвизались многие выходцы из дворянского сословия. Из Санаксар вышел целый ряд выдающихся подвижников. Среди многочисленных учеников прп. Феодора широко известны архим. Феофан Новоезерский, архим. Игнатий Островский, схиархим. Макарий Пешношский, мон. Мария (Протасьева) и другие. Ныне мощи святого почивают в возрожденной Санаксарской обители, так же как и мощи его святого племянника – прославленного флотоводца прав. Феодора (Ушакова; 1745–1817). Память 19.02/4.03 и 21.04/4.05.

не разнствует от монаха, кроме жены и ядения мяса и разных забот, понеже должен думать, как бы детей воспитать и научить и как бы жене угодить, по слову апостольскому: *оженивыйся печется о мирских, како угодити жене*[347]»[348].

Известная в XIX столетии подвижница благочестия графиня Анна Орлова-Чесменская, воспитанная в роскоши придворная фрейлина, вела в миру монашеский образ жизни. Духовный отец графини Анны, выдающийся подвижник и церковный деятель архимандрит Фотий (Спасский)[349], в переписке с ней размышляет: «Нельзя думать, чтоб вовсе не можно было Царствия Божия стяжать среди

---

[347] 1 Кор. 7, 33.

[348] *Феодор Санаксарский, прп.* Наставления духовным чадам. 2003. С. 78, 79.

[349] **Фотий** (Спасский; 1792–1838), архимандрит. Строгий аскет, выдающийся проповедник и церковный деятель, мужественный и энергичный борец за чистоту православия и обличитель его врагов. Духовная дочь о. Фотия, с которой он состоял в многолетней переписке, – известная подвижница благочестия графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская († 1848). О. Фотий, в миру Петр Никитич Спасский, родился в семье дьячка, образование получил в Новгородской ДС. Во время учебы в СПбДА его незаурядные способности отмечались ректором митр. Филаретом (Дроздовым). Принял мон-во (1817), в сане иеромонаха преподавал в ДУ Александро-Невской Лавры и 2-м Кадетском корпусе. Настоятель Деревяницкого мон-ря (1821) в Новгороде, восстановил обитель из состояния нищеты и разрушения. Настоятель Сковородского, а затем Юрьевского (Св.-Георгиевского) мон-ря, где и почил. Архим. Фотий подвергался злобной критике со стороны антиправославных сил. Прозападные историки неизменно изображают его в карикатурном виде – как неудержимого фанатика, связанного с «темными силами реакции» в России. На деле о. Фотий был истинным патриотом, горячим и непримиримым борцом с либерализмом, резким обличителем масонства и оккультизма, публично критиковал тайные общества, открыто провозгласил, что «масонская религия от антихриста, а все ее учения и писания суть диавольские». Его духовным наставником и сподвижником в этой борьбе был архим. Иннокентий (Смирнов; 1784–1819), будущий святитель Пензенский. Оба патриота подвергались гонениям. О. Фотий имел личные встречи и продолжительные беседы с Императором Александром I (5.06.1822; 20.04.1824; 5.06.1825), которые оказали заметное влияние на Государя и способствовали запрету масонских лож. После 1825 г. подвижник почти не покидал Юрьевский мон., где устроил при обители больницу и ввел

мира и токмо определено аки бы от Бога обретать оное в единой пустыне и монастыре. Добро есть уединение о Христе и в пустыне, вне мира, но славнее оно, ежели стязуется и в миру. Не спасет нас отшествие от мира телесно, но не погубит нас и мир, когда мы, пребывая в нем телом, аки бы бываем без тела. Кто еси ты, человече, хотяй удалитися от мира? Сперва себе внемли, измери твои силы и потом помыслы твои исполняй. Ибо колико иные с жадностью бегут от мира в пустыни и монастыри, толико потом, с отчаянием живя в них, рвутся аки свирепые кони вон из них паки в мир. И бывает последняя брань горше первой».

В подтверждение последнего отец Фотий вспоминает прискорбные случаи падений. Вот три из них. «Старец некий, в живых сый, лет семидесяти, весь сед и браду велику имый, более нежели тридесять лет молчальник бысть, изыде из пустыни Валаамския, послушав помысла вражия, и шатаяся во граде в соблазн бысть паче, нежели в назидание людем верным.

Девица некая, послушав помысл, изыде из обители аки бы на большую пользу и, шатаяся во граде, сперва была полезна, а потом слышу, что есть удицею на уловление душ грешных. Воздохнул и прослезился я, таковая слышав о сей девице, от роду около сорока лет имущей. Боже, сохрани ее, ими же веси судьбами (слышах же, что она есть блудница и того ради во граде беззакония жила).

Человек некий Иоанн, сый молчалив, седмь лет не говорил, Бога ради, но послушав помысл, пошел во град и греша согрешил: поправ обет, начал говорить, развратился,

---

строгий общежительный устав, «восстановив древний чин иноческой жизни, возбуждая через то дух молитвы». Сам же предался суровым подвигам, «сердце его стремилось к пустынному житию скитских отцов... он вел жизнь затворника, умножая строгость ее по мере умножения дней своих».

бысть лжив, ядый и вино пияй, и лицемеряй, и вся творяй пакости, его же видев аз, поплакал горько, скорбя, колико чрез помыслы диавол погубит многих»[350].

Высокие духовные примеры преподавал в своих проповедях митрополит Трифон (Туркестанов)[351]: «Часто люди говорят: "Мы светские, а как трудно в миру спастись, гораздо труднее, чем в монастыре, где все приготовлено ко спасению". О, поверьте, все дело спасения не в обстановке, а в душе человека, стремящегося ко спасению. Пример это-

---

[350] *Фотий (Спасский), архим.* Письма. М., 1998. С. 51, 53.

[351] **Трифон** (Туркестанов; 1861–1934), митрополит. Яркий представитель оптинской традиции, духовный сын прп. Амвросия, а после его кончины – прп. Варнавы Гефсиманского. В миру князь Борис Николаевич Туркестанов, родился в Москве, будущее архиерейство было предсказано маленькому Борису прп. Амвросием. Мать, урожденная княгиня Варвара Александровна Нарышкина, была духовной дочерью прот. Валентина Амфитеатрова и приходилась племянницей игум. Марии (Тучковой; 1780–1852), основательницы Спасо-Бородинского мон-ря. Борис окончил Московский ун-т и поступил послушником в Оптину пуст. (1884), пострижен в мон-во (1889), рукоположен во иеромонаха (1890), окончил МДА (1895), ректор Вифанской ДС, цензор всех изданий Троице-Сергиевой Лавры, ректор МДС (с 1899), хиротонисан во епископы (1901), митрополит (1931). Вл. Трифон был блестяще богословски образован, знал древнегреческий, латинский, французский, немецкий, английский языки; известностью пользуется его, переизданная ныне, диссертация «Древнехристианские и Оптинские старцы» – работа, дающая исторический обзор и богословское обоснование традиции старчества. В Оптиной владыка был духовно близок с прп. Исаакием (Антимоновым) и прп. Варсонофием; в Москве он служил в Богоявленском мон-ре, где его посещали о. Иоанн Кронштадтский, старцы Варсонофий и Варнава, с которыми он имел духовную дружбу. Особое попечение вл. Трифон оказывал Марфо-Мариинской обители, больницам и детским приютам, был в общении с прмч. Елисаветой Алапаевской, имел близкую духовную связь со схиархим. Захарием (старец Зосима). Владыка благословил на мон-во (1907) будущего присп. Никона (Беляева) и направил его в Оптину к старцу Варсонофию. Во время войны (1914–1916) владыка служил полковым священником в действующей армии, был на передовой, имел награды (одна из них – панагия на Георгиевской ленте из кабинета Его Императорского Величества). Вернувшись с войны контуженным, с расстроенным здоровьем, он ослеп на один глаз. Служил настоятелем Ново-Иерусалим-

го показывает нам великий князь Даниил[352]. Не он ли был человеком высокого положения? Не он ли имел все, чтобы наслаждаться жизнью? Но, находясь в мирском обществе, он не соприкасался с ним; находясь среди мирских людей, он был собеседником ангелов, как это пелось в песнопениях, составленных на день его памяти. Словом сказать, здесь, на земле, он приготовлял себя к вечности»[353].

В «Духовном дневнике» епископа Арсения (Жадановского) встречаются слова, которые могут дать мирянам поддержку и ободрение. В них найдут для себя основополагающее начало те, кто еще не обрел устойчивости в расположении своего духа. «Добрые христиане часто жалуются на трудности жизни в миру среди соблазнов, пороков, развращения и суеты. Не знаешь ли ты, христианин, что тебе скорбями и подвигами надлежит войти в Царство Небесное? Вдали от мира тебе нужны для спасения пост, коленопреклонения, постоянное бодрствование над собою; в миру же, если ты не приражаешься к соблазнам, терпишь и страдаешь от окружающего тебя развратного мира, ты являешься своего рода мучеником, и знай, что каждая твоя слеза, каждый твой вздох... стоит многих подвигов и

ского мон-ря (1916–1918), построил при обители на свои средства женскую гимназию. На Соборе (1917–1918) владыке предложили выставить свою кандидатуру для избрания в патриархи, от чего он отказался. Владыка пользовался любовью патриарха Тихона, был любим москвичами за дар слова и почитался как старец-подвижник, он снискал всеобщее уважение как один из главных духовных авторитетов столицы (1920–30-е). В конце жизни владыка полностью ослеп, он готовился к принятию схимы, но помешала кончина (1/14.06.1934). Митр. Трифон завещал похоронить себя как простого монаха, в клобуке и мантии, без цветов и речей. Покоится владыка на Введенском кладбище в Москве, где могила его поныне является местом почитания.

[352] **Даниил Московский** (1261–1303), преподобный, благоверный. Великий князь, основатель Св.-Данилова мон-ря в Москве, духовный покровитель столицы. Память 4/17.03 и 30.08/12.09.

[353] *Трифон (Туркестанов), митр.* Проповеди и молитвы. М., 1999. С. 270.

постов. Мученики за Христа претерпевали видимые гонения, страдания и утеснения от мучителей, а ты, живя среди развращенного мира, тоже терпишь утеснения, но только не телесные, а нравственные. И ты тоже мученик!..

К вам, живущим среди соблазнов и развращения, мое слово. Прочитайте в послании апостола Петра: если *праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил (ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные), – то, конечно, знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания...*[354] Так и вы, страдая от окружающего вас зла, начинаете его ненавидеть, а в этом и начало вашего спасения: возненавидеть зло и полюбить добро. Праведный Лот не был оставлен Господом, – напротив, он был на особом попечении Божием, так и на вас, живущих среди порока, Господь особенно призирает, и если вы сумеете себя сохранить среди житейского развращения, то велика будет вам награда от Господа»[355].

Времени уже не будет

Схиархимандрит Софроний Эссекский

«Монашество не есть иная вера, чем у прочих христиан, – говорит отец Софроний[356]. – Монашество есть лишь иной образ жизни, вытекающий, однако, из тех же самых

---

[354] 2 Пет. 2, 7–9.

[355] Свете тихий. Жизнеописание и труды еп. Арсения (Жадановского). М., 1996. Кн. 1. С. 130, 188.

[356] **Софроний Эссекский** (Сахаров; 1896–1993), схиархимандрит. Известный русский подвижник, признанный богослов, выдающийся

заповедей Христа, соблюдение которых неизбежно сопрягается с подвигом. Нет христианина не подвижника, и потому когда мы говорим о сущности монашеского делания, то говорим о том, что близко и родственно всякому православному». Для всех людей в какой-то мере достижимо истинное созерцание, и это чрезвычайно важно, ибо вне

духовник и молитвенник. В миру Сергей Семенович Сахаров, родился в Москве в верующей интеллигентной семье. В молодости – офицер инженерных войск и одаренный живописец, утонченный интеллектуал. После революции дважды арестовывался ЧК и попадал на Лубянку. Эмигрировал (1921) в Италию, затем – Берлин, Париж. Занимался живописью. Поступил в Парижский Богословский ин-т, но вскоре уехал на Афон (1925), где принял постриг и 22 года подвизался в разных обителях. В Пантелеимоновом мон-ре находился под духовным руководством прп. Силуана Афонского (с 1930). Рукоположен во диакона (1932). Во время смертельной болезни пострижен в схиму (1935), выздоровел по молитвам старца Силуана. По кончине старца о. Софроний около 7 лет отшельничал в пещерах – с весны 1939 г. на Карули, а с 1943 г. – в пещере св. Павла в районе Нового Скита. Условия жизни в этой, затопляемой водой, пещере были столь тяжелы, что здоровье подвижника было непоправимо подорвано. Рукоположен во иеромонаха (1941), был духовником мон-ря св. Павла и еще нескольких обителей. О. Софроний имел разностороннее образование, знал несколько языков, в том числе древнегреческий. После войны с группой русских монахов выслан с Афона по политическим соображениям. Служил (с 1947) в Успенском храме на русском кладбище в Сен Женевьев де Буа под Парижем. Издал во Франции и перевел на английский язык свою всемирно известную книгу «Старец Силуан», составленную на основе личных воспоминаний и переданных ему старцем записей. Мучимый тяжелой болезнью, перенесший серьезную операцию, о. Софроний не смог вернуться на Афон. Он создал монашескую общину на французской ферме Колара (1956), затем переехал в Англию (1958) и основал мон. св. Иоанна Предтечи в Эссексе, где был настоятелем (до 1974); вплоть до кончины оставался старцем обители. Здесь находилась привезенная им с Афона часть мощей еще не прославленного тогда старца Силуана, сюда стали со всего мира собираться люди, ищущие духовного руководства. О. Софронием написана книга «Видеть Бога как Он есть» и множество статей, созданы литургические тексты, изданы сборники его статей «О молитве», «Рождение в Царство Непоколебимое», сборники бесед и писем. Почил старец на 97 году жизни (11.07.1993) в основанной им обители, в окружении многочисленных учеников, представителей разных национальностей. До конца жизни о. Софроний оставался неустанным молитвенником за Россию.

созерцания «человек не познает должным образом своего греха. Видеть свой грех составляет начало созерцания. Необходимо подчеркнуть, что сие возможно повсюду, во всякое время, при *всяких* условиях внешних. Ни бегство в пустыню, ни удаление от людей... ничто само по себе не составляет сущности духовного созерцания». Ведь «уход в пустыню или затвор и иные пути к уединению могут явиться драгоценной привилегией», но не более – и то потому лишь, что «составляют благоприятное условие для глубокого покаяния».

Отец Софроний рассказывал об одном подвижнике, который много раз сподоблялся созерцания нетварного Фаворского света, а однажды свет «снизошел на него и пребыл с ним три дня. В эти дни он ясно ощущал себя вне смерти». Примечательно в рассказе то, что все это происходило с человеком, который не был ни отшельником, ни священником, ни монахом, но был простым мирянином и «жил в то время среди людей обычной трудовой жизнью»[357].

«Всем нам, – пишет отец Софроний, – даны те же самые заповеди; отсюда следует, что все люди в глазах Господа равны. Ни для кого не закрыт восход до последних степеней, до "полноты возраста Христова"... Духовные старцы не обязательно иереи или монахи. Это показала история русской Церкви XVIII и XIX веков, когда целые ряды подвижников благочестия, носителей великой благодати, уклонялись от священства и монашества, чтобы сохранить за собою свободу подвига... Нам свойственна уверенность, исходящая из векового опыта, что всякому члену Церкви открыт путь к совершеннейшим, возможным на земле и на небе, степеням богопознания. И это независимо от какого

---

[357] *Софроний (Сахаров), архим.* Рождение в Царство Непоколебимое. Эссекс–М., 2001. С. 120, 195, 201.

бы то ни было социального происхождения или иерархического положения. Возьмем для примера ближайших к нам по времени прп. Серафима Саровского или старца Силуана, митрополита Филарета Московского или Иоанна Кронштадтского. Мы могли бы возвратиться и к самому началу нашей Церкви – апостолам, бывшим бедными рыбарями»[358].

Значимость цели настолько высока для христианина, что в ее свете преодолеваются не только сословные, возрастные и прочие условности, но преображается и пространственно-временное восприятие. Молитва настолько может сплавиться, слиться с жизнью, что в ее непрестанности уже здесь на земле *времени* как бы *не будет*[359]. «Если спасение во Христе единственная цель нашей жизни, то все, что мы делаем, может стать актом молитвы. Наша повседневная жизнь должна быть непрерывной литургией... Пусть каждый на том месте, где поставил его Бог, трудится ради стяжания Святого Духа, а Бог доделает остальное».

Возражая противникам монашества, заявляющим, что «если все станут монахами, то тогда мир погибнет», отец Софроний пояснял: «Нет, мир тогда не погибнет, но настанет всеобщее воскресение, и история мира кончится не катастрофой, а радостным торжеством и безболезненным переходом в бессмертную жизнь»[360].

* * *

О самом старце Софронии можно сказать, что этот выдающийся подвижник принес с собой святогорский дух и привил его своим многочисленным чадам, собиравшимся

---

[358] *Софроний [Сахаров], архим.* О молитве: сб. ст. СПб., 1994. С. 100, 104.

[359] Ср.: *И Ангел... клялся... что времени уже не будет* (Откр. 10, 5, 6).

[360] *Софроний (Сахаров), архим.* Духовные беседы. Эссекс–СПб., 1997. С. 68, 84, 85.

со всех концов мира в самой сердцевине апостасийной Европы. «Об этом свидетельствует повседневная жизнь в основанном им монастыре в Эссексе», – говорит архимандрит Емилиан Симонопетрский. По его словам, через старца Софрония был явлен живительный и благодатный отеческий опыт подлинного христианского жития, но не в Иорданской пустыне, а в центре европейского мира. Это наследие преподобных святогорских старцев, которое обогащает православие на Западе, – «это сокровище для всей вселенной».

Оценки могут показаться слишком возвышенными, но духовный авторитет отца Емилиана побуждает относиться к его словам со вниманием: «Старец Софроний через познание живого Бога... воплотил образ истинной христианской жизни, сумел вдохнуть любовь Божию в сотни или даже тысячи людей... Блаженный старец был... чутким человеком, поистине святым, распахивающим свое отеческое сердце каждому приходящему в обитель... Старец Софроний, живший вместе с ангелами в Божественном свете, подобно святым отцам, до последнего издыхания пребывал в глубокой молитве...»

Видимо, не без причины отец Емилиан говорит столь дерзновенно. Как можно понять из его же слов, он получил подтверждение свыше о блаженной участи отца Софрония в вечности: «Он воскрес и пребывает живым Духом», и «это мы точно знаем, потому что увидели».

Высоко мнение отца Емилиана о писаниях старца Софрония: «Что сказать нам о трудах старца, излучающих сияние дальше видимых пределов? Они будут изучаться как некое глубинное и потаенное в душе сокровище. Больше нет нужды отыскивать духовные книги древних отцов и толкования на них. Мне кажется, что труды святого старца Софрония реально составили новое Добротолюбие. Да, его

мысль изложена точно. Она – как верный компас, проводник, ведущий нас на встречу с Богом... С дивной духовной интуицией изложил старец Софроний биографию своего учителя... Теперь написанное старцем житие святого Силуана хранится в сокровищнице нашей Церкви... В нашу эпоху, нуждающуюся в аскезе и мистическом опыте отцов, великую ценность представляют подлинные слова старца Софрония и святого Силуана... За эти святые книги, благодаря которым весь мир смог приблизиться к Богу, мы глубоко чтим отца Софрония как святого, ангела, предстоящего ныне перед троном величия Божия»[361].

[361] *Емилиан, архим.* Слова и наставления. М., 2006. Т. 1–2. С. 268–273.

ВНУТРЕННЕЕ УЕДИНЕНИЕ

Воздеяние ума

Сегодня человек в основном обречен пребывать среди многолюдства и шума, в условиях, интенсивно рассеивающих внимание, отвлекающих от внутренней сосредоточенности. Городская среда насильственно принуждает обращать внимание вовне, выманивает его, побуждает к невольному блужданию и развлечению. «Современная жизнь так устроена, так направлена, так организована, чтобы постоянно держать человека вне себя – не дать ему ни времени, ни возможности хоть сколько-нибудь углубиться в себя, задуматься над своим внутренним состоянием». Все новейшие технологии вместо того, чтобы действительно облегчить жизнь человека, «наоборот, создают тот бешеный темп, тот страшный круговорот, ту поистине сумасшедшую погоню за наживой, которые совсем лишили современного человека душевного мира и спокойствия, столь необходимых для самососредоточения и самоуглубленности – для внимания к себе»[362].

Для горожан особенно важно обрести способность *уединяться в толпе*. Научиться, находясь на людях, блюсти свое внимание, удерживать его собранным внутри себя, сосре-

---

[362] *Аверкий [Таушев], архиеп.* Великий пост и сущность христианства. Киев, 2004. С. 159, 160.

доточенным на молитве. Если работать над этим, то по обретении навыка и при содействии благодати становится возможным уже в любых условиях сохранять внимательное молитвенное состояние и при этом не терять контроль над окружающим.

«Надо жить в этом мире, как в пустыне, проходя мимо его отравленных приманок. Надо бежать от мира в свое сердце»[363].

«Беспокойство нам причиняет не столько внешний шум, – говорит старец Паисий Святогорец, – сколько внутренняя озабоченность чем-то. Слышать или не слышать внешний шум – это зависит от тебя», и «глаза могут смотреть и не видеть. Я, когда молюсь, могу глядеть на что-то, но не видеть этого. Могу куда-то идти, могу глядеть на какой-нибудь пейзаж, на что-то еще, но ничего не замечать... Помню, на Афоне напротив моей каливы пилили лес бензопилами», но «когда я читал или молился и был этим всецело поглощен, то не слышал ничего. А когда прекращал свои духовные занятия, то начинал все слышать опять»[364]. О городском грохоте старец говорил: «Этот шум меня не беспокоит. Я могу, когда хочу, его слышать, а когда не хочу – не слышать; могу видеть машины, а могу их не видеть».

Старец Паисий стяжал умственное безмолвие и потому мог жить в своей келье, среди непрестанного притока паломников, как в глубокой пустыне. Он достиг состояния, когда «мог одновременно находиться со множеством людей и оставаться один». По слову прп. Иоанна Лествичника, он «внешне общался с людьми, а внутренне – с Богом», он смог жить по завету прп. Исаака Сирина: «Будь друг со

---

[363] *Рафаил (Карелин), архим.* Векторы духовности. М., 2004. С. 99.
[364] *Паисий Святогорец, старец.* Слова. М., 2002. Т. 1. С. 187, 188.

всеми людьми и при этом оставайся один в своем помышлении»[365].

Можно вспомнить известную историю о том, как извлекается польза из внешних препятствий, как хулиганы и даже бесы могут способствовать обучению. Когда одного из отцов «спросили, как он научился умной молитве, он ответил, что научился ей от демонов. Другой же отец, спрошенный о том же, ответил, что научился ей от грубых детей... Первый, понуждая свое сердце к молитве, дабы прогнать приближающихся к нему демонов, настолько преуспел в молитве, что обрел ее в совершенстве. Демоны стали для него поводом к молитве... Другой же, видя грубых детей, боялся, как бы не осквернилось его сердце каким-либо лукавым воспоминанием и дурным сосложением. Поэтому он тоже так сильно понуждал свое сердце к молитве, что обрел совершеннейший метод умного и сердечного делания»[366].

По аналогии может поступать современный горожанин, находящийся в основном в окружении негативном. Шум, назойливая музыка, навязчивая реклама, суета толпы и прочие внешние раздражители и помехи следует воспринимать как вызов и упорнее понуждать себя к молитвенному сопротивлению. То же самое – когда попадаем в атмосферу нездоровой возбужденности, конфликтности, грубости и агрессивности. Нужно внутренне противостать внешнему натиску, усиливаясь хранить молитву, стараясь удерживать состояние мирного благодушия. В такой брани вырабатывается устойчивость, при которой со временем станет возможным при любых обстоятельствах оставаться в невозмутимом сосредоточении и покое.

---

[365] *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 486, 487.

[366] Трезвенное созерцание. М., 2002. С. 73.

* * *

В церковной истории находим яркие примеры того, что никакие внешние помехи не могут быть препятствием к сближению с Господом. Обстановка многозаботливости и занятости, внешнего шума и суеты не помешала молитвенным занятиям не только мирянина Константина Паламы, но и святого патриарха Фотия. Последний обучался умному деланию уже по возведении из сенаторов в патриарший сан, управляя обширной Константинопольской паствой, исполняя многочисленные и многотрудные обязанности, обременяющие носителя такого сана. Свт. Фотий и в этих условиях, непрестанно пребывая в призывании имени Божия, сподобился достичь благодатной сердечной молитвы.

Великий исихаст свт. Каллист[367] обучался умному деланию и обрел непрестанную молитву, проходя хлопотное

---

[367] **Каллист I, патриарх Константинопольский** (†1364), святитель. Ближайший ученик прп. Григория Синаита, «восприявший дух его... следуя по стопам его», друг свт. Григория (Паламы). Каллист несколько десятилетий подвизался на Афоне, Константинопольскую кафедру занимал дважды (1350–1354; 1355–1364), участник Собора (1341), председатель «исихастского» Собора (1351), на котором был подписан Святогорский Томос. Один из крупнейших возглавителей движения исихазма, сподвижник патриарха-исихаста свт. Филофея. Вел политику, направленную на духовное единение с Русью, в нескольких адресованных русским грамотах давал указания, направленные на освобождение от татаро-монгольского ига. При Каллисте в Константинополе более года проживал (с 1353) в «надлежащем испытании» кандидат на кафедру русской митрополии свт. Алексий Московский. Каллист распорядился об упразднении образованной по политическим проискам литовских князей митрополии Галицкой и о подчинении ее епископата Киевскому митрополиту. В посланиях он напоминал, «что митрополит Киевский поставлен для всей Руси и должен равно благоволить ко всем князьям». Известен как писатель и проповедник. Им написано самое полное житие прп. Григория Синаита и житие прп. Феодосия Тырновского. Кончина святителя была предсказана ему прп. Максимом Кавсокаливитом во время посещения Афона (1364). По сей день не разрешен вопрос соавторства свт. Каллиста и прп. Игнатия Ксанфо-

послушание повара в крупнейшей обители Святой Горы – в Лавре прп. Афанасия, а затем подвизался, опять-таки, не в тишине пустыни, но в сане патриарха Константинопольского. Преподобные авва Дорофей и Досифей Палестинские также не были отшельниками, но совершали свой подвиг на общих послушаниях в оживленном общежительном монастыре святого Серида.

Никогда не отшельничал прп. Симеон. Он, как и его собственный наставник старец Симеон Студийский[368] и как его собственный ученик Никита Стифат, проходил умную молитву в обителях, размещавшихся в шумной и многолюдной византийской столице. Прп. Симеон, как свидетельствует его житие, «провел всю свою жизнь в общежительных монастырях, усиленно предаваясь, тем не менее, молитвенному призыванию имени Иисусова». Он способствовал подготовке слияния двух очень разных, но одинаково популярных на Востоке духовных школ. Для прп. Иоанна Лествичника и аввы Евагрия, как представителей первой школы, исихия означала уединенную жизнь вдали от общества. Последователи школы прп. Феодора Студита подвизались в городских общежитиях. Теперь же прп. Симеон, объединяя оба аскетических направления, «ввел в практику обучение исихазму в самом центре Константинополя, в Студийском монастыре»[369].

пула в написании «100 глав», вошедших в Добротолюбие. По одной из версий, соавтором Игнатия является другой Каллист – патриарх Каллист II, Ксанфопул († 1397).

[368] **Симеон Благоговейный, Студийский** (ок. 917–987), монах. Известный подвижник, старец святой жизни, монах Студийского мон-ря (с 942) в Константинополе, духовный руководитель прп. Симеона Нового Богослова. Автор «Подвижнического слова», помещенного в 5 т. Добротолюбия.

[369] *Мейендорф Иоанн, прот.* Жизнь и труды свт. Григория Паламы... СПб., 1997. С. 12–14.

Те же тенденции наблюдались шестью веками ранее, во времена свт. Василия Великого, ставшего организатором «монашеского» движения, к которому он и сам принадлежал; «фактически это было движение мирян, не имевших никакого пострига и никогда не употреблявших применительно к себе слово *монах*». Примечательно, что еще тогда «на исихастскую проповедь относительно христианской жизни в миру нападали очень многие, и не только от внешних, но и от своих».

А спустя десять веков деятельность жившего в Константинополе мирянина, будущего святителя Николая Кавасилы «дала образец истинно православного ответа на вопрос, можно ли спастись живя в миру. Ответ: можно, но только если жить не по-мирски... Важнейшая черта исихазма того времени[370] – его открытость духовным нуждам всей Церкви». Свт. Григорий Палама и его ученики не были апологетами аскетического метода, «предназначенного для немногих избранных», но, напротив, стремились «отстоять подлинную близость, в которой находятся Бог и *все* христиане благодаря Воплощению». Все богословие свт. Григория стало обоснованием «этого основополагающего момента» его учения. Сам святитель хотя и уединялся неоднократно, проводя скитскую жизнь[371] то «в пустыни в глуши Афона», то на горе в окрестностях Верии, но при этом он, «не остав-

---

[370] XIV век.

[371] Скитский устав – распорядок жизни, при котором монах на пять дней в неделю затворяется в полном одиночестве, молчании и непрестанной умной молитве. В субботу и воскресенье он выходит из уединения для собеседования с братиями пустынниками и совместного участия во всенощном бдении и причащении Святых Тайн. «Это и есть образ жизни, рекомендуемый преданием исихазма с самого его зарождения, он представляет собой середину между общежитием и пустынничеством и способствует, таким образом, гармоничному развитию духовной жизни, объединяя преимущества обеих форм». – *И.Мейендорф.*

ляя молитвы, продолжал живо интересоваться внешними событиями».

Учитель Паламы свт. Феолипт Филадельфийский[372] «принадлежал к тому же типу исихаста-общежительного монаха, и хотя он был знаком с древней традицией отшельнического исихазма, но относился к нему не очень благосклонно. "Отшельник легко уловляется (врагом), ибо идет один", – пишет он монахам, восхваляя преимущества общежития. Исихазм, проповедником которого он выступает, имеет духовную природу: понятия безмолвия и трезвения становятся у него почти синонимами, но никоим образом не предполагают бегства в пустыню. "Сидя убо в доме, – пишет он княгине Ирине[373], – памятуй Бога, удаляя ум от всего и безучастно устремляя (его) к Богу и изливая пред Ним все расположение твоего сердца и любовию к

---

[372] **Феолипт Филадельфийский** († ок. 1322), святитель. Митрополит Филадельфии, один из главных деятелей исихастского возрождения. Ученик прп. Никифора Монаха, проходил подвижническую жизнь на Св. Горе, был вызван с Афона и поставлен на епископское служение. Стал духовным руководителем Григория Паламы в бытность последнего мирянином, наставил его в умном делании, посвятил в тайны священного трезвения и психофизического метода молитвы Иисусовой, повлиял на всю его дальнейшую судьбу. Палама называет его человеком, «за которым признано обладание силой Святого Духа». Свт. Феолипт играл первостепенную роль в исихастских спорах, «активно участвовал в религиозной и политической жизни своего времени. Его авторитет оставался значительным в самых разных кругах, как паламитских, так и антипаламитских». Среди его духовных чад – княгиня Ирина Палеолог (Хумна). Феолипт один из авторов Добротолюбия, но основные произведения святителя до сих пор почти не издавались. Он же предполагаемый автор Канона ко Господу Иисусу Христу и 4-х следующих за ним стихир.

[373] **Палеолог Ирина** (урожд. Хумна; XIV), княгиня. В мон-ве Евлогия. Дочь князя Никифора Хумна, вышла замуж за деспота Иоанна Палеолога, сына Андроника II. Духовная дочь свт. Феолипта Филадельфийского. Овдовев, Ирина удалилась в мон. Человеколюбца Спаса, где далее и подвизалась. Обителью руководил митр. Феолипт, от которого она приняла монашеский постриг (1307) с именем Евлогия.

Нему прилепляяся. Ибо память Божия есть созерцание Бога, привлекающего к Себе зрение и устремление ума и облиставающего его Своим светом"»[374].

На Руси в конце XV века прп. Нил Сорский в своем Уставе пишет: «Прежде бывшие святые отцы от всего соблюдали ум, и обрели благодать, и в бесстрастие и в чистоту душевную пришли, будучи при этом не только отшельниками и не только живя во внутренних пустынях в уединении, но и в монастырях пребывая, и в монастырях-то, не только от мира далеко отстоящих, но и находящихся в городах... Многие преподобные, как светила, просияли дарованиями духовными посреди царствующего града [Константинополя]. Посему блаженный Григорий Синаит учил трезвению и безмолвию, то есть блюдению ума, не только отшельников и живущих в уединении, но и пребывающим в общежитии повелевал тем же заниматься»[375].

Есть в житии прп. Кирилла Белозерского эпизод, как он, неся суетное послушание на кухне, заскорбел о том, что это занятие мешает в полноте разгореться чувству молитвенного умиления, возникавшему во время работы. Юный Кирилл полагал, что покой будет способствовать возгреванию молитвенных чувств, и упросил игумена разрешить ему уединиться в келье. Но тут, в келейном покое, умиление вовсе покинуло его. Вразумленный, он отказался от самоволия и тогда, вернувшись к своему хлопотливому послушанию, вновь обрел молитвенное умиление[376].

Непреодолимое влечение к безмолвию и одиночеству с молодости испытывал свт. Григорий Богослов, «своею волею всегда стремившийся в уединение, чтобы в тиши пре-

---

[374] *Мейендорф Иоанн, прот.* Жизнь и труды свт. Григория Паламы... СПб., 1997. С. 14, 43–45, 378, 379.

[375] *Нил Сорский, прп.* Предание о жительстве скитском. М., 1997. С. 69.

[376] *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории. М., 2000. С. 140.

даваться богомыслию». Но Бог судил иначе: «Волей Божией он был призван к слову и делу, к пастырскому служению, среди житейского мятежа, треволнения и смуты. В постоянном насилии над собой, в постоянном смирении своего хотения, с уязвленным сердцем проходил он свой скорбный и славный жизненный путь... Однако и в родительском доме, среди житейской суеты, он проводил жизнь суровую... в воздержании, в изучении слов Божиих, в молитвах, в воздыханиях, во бдении без сна»[377].

«Не говори мне, – восклицает свт. Иоанн Златоуст, – что для человека, занятого делом, невозможно проводить целый день в молитве. Можно, и как легко. В молитве нужны не столько звуки, сколько мысль, не воздеяние рук, но воздеяние ума, не наружный вид, но внутренний смысл. Можно, идя на площадь, ходя по улицам, творить продолжительные молитвы, можно сидящему и занимающемуся работой посвящать Богу дух свой»[378].

Прп. Варсонофий Великий на вопрос, «возможно ли озабоченному [хлопотным] служением и находящемуся среди людей иметь непрестанную память Божию», отвечал: «Каждый может сохранять ее, по своей мере. Ты только смирись»[379].

Для того, кто стремится к молитвенной жизни, пишет епископ Петр (Екатериновский), существует особого рода уединение, «которое состоит преимущественно в следующих трех видах: а) когда кто постоянно уклоняется от бесполезного свидания и разговора с людьми праздными, плотскими; б) когда кто только на известное время удаляется от общения с другими; в) когда кто и в самом собрании

---

[377] *Флоровский Г.* Восточные отцы IV в. М., 1992. С. 90, 92.

[378] *Серафим (Чичагов), митр.* Да будет воля Твоя. М.–СПб., 1993. Кн. 1. С. 117.

[379] *Варсонофий Великий и Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни. М., 1995. Отв. 326.

людей старается иметь собранность мыслей, что называется умственным уединением»[380].

О прп. Пимене Великом[381] свт. Игнатий пишет в Отечнике, что он постоянно находился среди братий, но вместе с тем всегда держался уединения в самом себе. В результате преподобный достиг совершенства непрерывным и усиленным трезвением, преодолевая все внешние помехи, которые покушались разрушить его подвиг. Здесь нам преподан образ истинного внутреннего делания, держаться которого призваны и мы.

В связи с этим свт. Игнатий поучает о самом существенном, о сердцевине умного делания: «Душа всех упражнений о Господе – внимание. Без внимания все эти упражнения бесплодны, мертвы. Желающий спастись должен так устроить себя, чтоб он мог сохранять внимание к себе не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами. Страх Божий пусть превозможет на весах сердца все прочие ощущения, тогда удобно будет сохранять внимание к себе и в безмолвии келейном, и среди окружающего со всех сторон шума... Для преуспевших не нужны никакие внешние пособия – среди шумящего многолюдства они пребывают в безмолвии. Все препятствия к преуспеянию духовному – в нас, в одних нас! Если же что извне действует как препятст-

---

[380] *Петр (Екатериновский), еп.* Указание пути к спасению. М., 1994. С. 95.

[381] **Пимен Великий, Египетский** (†ок. 450), преподобный. Величайший подвижник умного делания. С детства проявил особое расположение к монашеству. Будучи отроком, встречался и беседовал с прпп. Павлом Фивейским и Паисием Великим. В новоначалии не был в послушании у старца, но руководствовался советами многих выдающихся подвижников. Безмолвствовал в кельях Скита вместе с четырьмя родными братьями, затем в других пустынях Египта. За духовным назиданием к нему обращались и иноки, и старцы, и правители. Память 27.08/9.09.

вие, то это только служит обличением нашего немощного произволения».

Прежде всего «истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве», а не в устроении внешних условий. «Некоторые из святых отцов совершили подвиг сердечного безмолвия и затвора» посреди мира, будучи «окруженными молвою человеческою». Это и Алексий, человек Божий, и Иоанн Кущник, и прп. Виталий Монах, и многие другие[382].

Затвор без затвора

Святитель Феофан Затворник

Существует особый вид уединения, доступный не только отшельникам, но и всякому человеку в миру. «Есть, кроме внешнего, внутреннее уединение. Вне – шум и смятение, а человек в сердце один с самим собою». Такое уединение «бывает и у мирян, коль скоро посетит их забота о спасении души своей. Страх Божий проникает тогда всю душу... Это производит в ней такую болезненную заботу о *едином на потребу*[383], что и смотреть ей уж ни на что не хочется. Всё она одно с этим своим *единым,* хоть по наружности и совне много бывает занятий. Вот такое уединение возможно и мирянам»[384].

Некоему горожанину, возжелавшему уединения в затворе, свт. Феофан так отвечал: «Нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укрепится, что все [время] будет

---

[382] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. М., 1996. Т. 1. С. 226, 298. Т. 2. С. 311.

[383] См.: Лк. 10, 42.

[384] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Собр. писем: Из неопубликованного. М., 2002. С. 463.

держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Ибо затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит пред Богом в благоговеинстве и выходить из сердца или чем-либо заняться другим не хочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься или целый мир напустить в свою комнату»[385].

«Давно толкую вам о памяти Божией и внутренней брани со страстями. Ведайте, что в этом вся суть труда над содеванием спасения, – обращается свт. Феофан к молодой особе женского пола. – Но, прочитав это, не скажите в себе: да что же я, пустынница, чтобы мне соблюдать такие правила?.. Не допускайте такого суемудрия. В пустыне кто живет или в монастыре или в миру содевает свое спасение, всякому неотложный закон – очистить сердце свое от страстей; очистить же он его иначе не может, как описанным [у прп. Исихия] способом... Вместо строгости подвижнической, неприложимой в вашем быту, возьмите страх Божий и память смертную, и они научат вас всему...

Есть поверье, что коль скоро займешься чем-либо по дому, то уже выступаешь из области дел Божеских... С этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома в пустыню, в лес. Между тем и то и другое не так. Дела житейские и общественные... суть Богом определенные дела... Все, что вы делаете по дому и вне, как дочь, как сестра, как москвичка, есть Божеское и Богу угодное. Ибо на все сюда относящееся есть особые заповеди... Начинайте все такие дела делать с сознанием, яко заповедь Божию исполняюще... Когда вы так настроитесь, то ни одно дело житейское не отдалит вашей мысли от Бога... Все мы – рабы Божии. Каждому Он назначил свое место и дело...

---

[385] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 123.

Всякое дело делайте, как бы оно было поручено вам прямо от Бога...

Монастырь не единственное место для тех, которые не хотят связываться семейными узами. Которые решались работать Господу, не связываясь житейскими хлопотами, в своем же доме устраивали себе уединенную каютку и в ней жили отчужденно от всего, в постах, молитвах и поучении в Божественном Писании... Иные, решаясь посвятить Господу жизнь в безбрачии, не вступали в монастырь, а обрекали себя на служение братьям и сестрам в больницах, богадельнях... Можно избрать любой из этих родов жизни. А какой именно, надо пождать и посмотреть, какой Бог укажет...

В монастыре удобнее спасаться. Там скорее можно достигнуть очищения сердца... Все там к этому приспособлено. Потому и не бросайте мысли попасть туда в свое время. Время Господь укажет. А до того потерпеть надо. До того подвизайтесь... дома живя. Имейте свою комнату как келью монастырскую и ведите там жизнь будто в монастыре. Пусть папа и мама будут для вас вместо игумении, свои все – вместо сестер монастырских, а вы – послушница для всех»[386].

«Никто не может отговариваться недостатком благоприятного для умной молитвы положения в порядках своей жизни. Улучишь час – и углубись в себя. Брось все заботы, стань умно в сердце пред Богом и изливай пред Ним душу свою»[387].

Здесь предвидятся обыкновенные для неокрепшей души возражения. «Но как же, скажете, – дела развлекают! – Не будут развлекать, возымей только страх Божий. Умному

---

[386] *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1996. С. 258, 259, 313, 314, 352, 376, 377.

[387] Сб. о молитве Иисусовой. М., 1994. С. 421.

предстоянию пред Богом мешают не дела, а пустоделие и худоделие. Отстрани худое и пустое, оставь одно обязательное, да не по светской, а по евангельской обязательности, и увидишь, что исполнение обязанностей не только не отклоняет, а привлекает ум и сердце к Богу. То и другое одного рода и требует одного строя душевного... Неправо понимают умную молитву те, которые думают, что существо ее состоит в том, чтобы сидеть где-нибудь скрытно и таким образом созерцать Бога. Существо ее выразил пророк Давид: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Стало быть, скрытность не составляет существа умного предстояния пред Богом и множество дел не препятствует этому»[388].

Конечно, «от мирян нельзя требовать такой чистоты в мыслях и чувствах, какая требуется от отшельников и монахов. Однако ж и они должны поспешать туда же... Вы правило не полно исполняете? Об этом не следует беспокоиться. Хлопоты эти [по уходу за ближними] заменяют правило: ибо и то и другое – одного рода труд, одному хозяину работа, ему угодная. Когда молитва внутри цела и держится при самых делах, то молитва и труд – два течения в одной реке, в одном русле и в одну сторону. Можно также сказать, что тут деяние и разум идут вместе. Разум – это созерцание. Следовательно, вам нечего скорбеть, что созерцания нет».

В письме к женщине, обремененной хозяйством, мужем и детьми, свт. Феофан дает следующее наставление: «Посылаю вам 5-й том Добротолюбия... Тут есть изображение всего пути к Богу, написанное лицами и ранга высокого, и жизни отрешенной и совершенной. Что из сего к вам при житейских порядках приложимо, сами увидите. Только не

---

[388] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Собр. писем: Из неопубликованного. М., 2002. С. 461.

думайте, что ничего нет приложимого. Ибо цель у всех христиан одна – быть в живом единении с Богом... И всем один труд сей: победить страсти и стать чистым, житейски ли кто живет или удалившись от житейских порядков».

В переписке с другой мирянкой святитель делает уточнение: «Книга Добротолюбия 5-я вся обращена на внутреннюю жизнь. И хотя преимущественно имеет в виду отшельников, но к ним, собственно, относятся только внешние порядки; внутренняя же жизнь, там изображенная, ко всем вообще пригодна»[389].

Где граница мира?

О необходимости внутреннего удаления от мира учил прп. Исаак Сирин: «Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю... устранение от мирских дел. В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока чувства чем-нибудь заняты (то есть пока чувства заботятся о предметах внешних)... К чему любовь в тебе возмогает и преобладает, то и живет в тебе... Удались от мира, и тогда узнаешь зловоние его. А если не удалишься, не уразумеешь, насколько он смраден; напротив же того, скорее как в благоухание облечешься в зловоние его и наготу стыда своего будешь почитать завесою славы. Блажен, кто удалился от мира и от тьмы его и внимает себе единому. Ибо прозорливость и рассудительность не могут действовать в том или служить тому, кто проводит жизнь в делах суетных»[390].

---

[389] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Собр. писем. М., 1994. Вып. 2. № 295. Вып. 4. № 650. Вып. 5. № 771. Вып. 6. № 1006.

[390] *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1998. С. 364, 433.

«В православном монашестве, – пишет архиепископ Василий (Кривошеин), – само отшельничество обычно понималось более в смысле внутренней отрешенности от окружающей среды, а не как простое "географическое" удаление из ограды монастыря в пустыню»[391].

В самом деле, где она – граница мира?

Архимандрит Антонин (Капустин)[392] рассуждает: «Есть в привычной жалобе иноков на мир нечто логически неясное. Для монастырей Святой Горы, например, мир начинается за перешейком; для келлиотов – монастырь уже мир; для отшельника – келья есть мир; для затворника мир – все, что за стеной его каливы или пещеры. Что же потому мир? Мир – это общество человеческое. Но общество человеческое есть сам человек. Куда же уйти от самого себя?»[393]

Вероятно, только во внутреннюю молитвенную самоотрешенность, устремляясь в горняя.

---

[391] БТ. 1997, № 33. С. 272.

[392] **Антонин** (Капустин; 1817–1894), архимандрит. Выдающийся русский ученый и миссионер. Глубокий знаток Византии, вел изыскания в области истории, археологии и астрономии. Уроженец Пермской губ., происходил из старинного священнического рода. Окончил ДС и Киевскую ДА, в совершенстве владел древнегреческим, новогреческим, латинским, еврейским, знал татарский, французский, немецкий и, судя по всему, турецкий и арабский языки. Настоятель посольской церкви в Афинах (с 1850) и Константинополе (с 1860). Возглавил русскую миссию в Иерусалиме (1865) и на этом поприще подвизался до конца своей жизни. За 29 лет кипучей деятельности в Палестине о. Антонин приобрел в собственность русской миссии почти все, чем она владела в Святой Земле; им основаны школы, организовано храмостроительство и паломническая служба. Его неутомимая энергия вызывала изумление у современников. Человек аскетического устроения, он отличался удивительной скромностью, был крайне неприхотлив. «Одежда его была ветхой, а трапеза крайне скудная», – пишет архим. Киприан (Керн). При своей почти круглосуточной занятости о. Антонин неукоснительно вычитывал всю положенную монастырским уставом ежедневную службу. Там же, в Палестинской земле, на месте служения покоятся и останки приснопамятного подвижника.

[393] *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. Клин, 2002. С. 20.

К той же теме обращается старец Паисий Святогорец. «Если человеку трудно творить Иисусову молитву среди шума, то это значит, что его ум не отдан Богу. Человек должен достичь состояния божественной отвлеченности, чтобы он смог жить во внутреннем безмолвии и шум во время молитвы его не беспокоил бы. Тогда человек достигает той божественной отвлеченности, когда он уже не слышит шума или же слышит только тогда, когда захочет сам, а точнее – когда его ум спускается с Неба. Если человек будет духовно работать, будет подвизаться, то достигнет этого состояния...

Задача в том, чтобы из всего извлекать пользу для духовной борьбы. Надо извлечь пользу и из шума. Нужно постараться стяжать внутреннее безмолвие... Это имеет немалую цену. А если кто-то не смог стяжать внутреннего безмолвия, находясь среди внешней суеты, то он не успокоится, даже находясь во внешне безмолвной обстановке. Когда к человеку приходит внутреннее безмолвие, то у него умолкает все внутри и ничего его не беспокоит... Беспокойный человек даже в пустыню перенесет свое беспокойное "я". Сначала душа должна стяжать внутреннее безмолвие, находясь среди внешней суеты. Стяжав его, она сможет безмолвствовать и тогда, когда выйдет из мира на безмолвие»[394].

По мысли старца Паисия, внешние помехи полезны для тех, кто находится в начале пути. Он не раз повторяет: «Если хочешь стать исихастом, чтобы пребывать в покое, стяжи прежде с помощью благих помыслов внутреннюю тишину посреди внешнего шума»[395].

При занятии физическим трудом, очень полезно одновременно творить молитву и следить за делом, но вот «ког-

---

[394] *Паисий Святогорец, старец.* Слова. М., 2002. Т. I. С. 187, 188, 193, 194.

[395] *Паисий Святогорец (Эзнепидис), схимон.* Возвращение к Богу от земли на небо. М., 1997. С. 22.

да кто-то делает тонкую работу», молиться также необходимо, чтобы Бог помогал и просвещал, «однако творить молитву нужно сердцем; умом же следует внимать внешнему делу, чтобы не сделать какой-либо ошибки». Кроме того, «когда заняты хлопотной работой и трудно сосредоточиться, тогда очень помогает тихое пение, не беспокоящее других»[396].

Умственный труд также должен сопровождаться и оплодотворяться молитвенным деланием. «Если твой ум в Боге, то работа освящается, даже если она интеллектуальная, поскольку ты живешь в божественной атмосфере – пусть и не можешь творить молитву во время работы. Если человек находится в духовном состоянии, то ему это очень помогает. Он не старается отыскать смысл рассудком, но, просвещаясь, постигает его посредством Божественного просвещения».

Когда духовного опыта недостает для удержания такого состояния, тогда, советует старец Паисий, работая, «молись, проси, чтобы Бог тебя просветил... И трудись с благоговением. А каждый час или два делай на несколько минут перерыв и твори Иисусову молитву»[397].

В 1840 году всеафонский русский духовник – чудотворец Арсений[398] отозвал из уединения своего воспитанника,

---

[396] *Христодул Агиорит, иеромон.* Старец Паисий. Ивановск. епарх., 2000. С. 111, 112.

[397] *Паисий Святогорец, старец.* Слова. М., 2002. Т. 1. С. 199, 200.

[398] **Арсений Афонский** (†1846), иеросхимонах. Всеафонский русский духовник, славился святостью жизни, духовным рассуждением, глубокой опытностью в подвижничестве. О. Арсений родился на Волге в мещанской семье, на 20 году жизни боголюбивый юноша оставил дом и пошел странствовать по мон-рям; 3 года подвизался в Пешношской пуст., затем 18 лет в Молдавском Балашевском скиту, где был пострижен в мон-во, посвящен против своей воли во священный сан и назначен духовником. По откровению свыше переселился на Афон, пустынножительствовал. Подвизался в скитах и кельях Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста, Лак, Святой Троицы. Прожив на Св. Горе четверть

будущего старца и восстановителя Пантелеимонова монастыря отца Иеронима[399]. Он направил его в общежитие, в Пантелеимонов монастырь, напутствовав такими словами: «Ты говоришь, что хочешь в пустыне победить страсти и соединиться с Богом, но сего в общем житии скорее можно достигнуть, потому что пустыня только усыпляет, а обще-

---

века, старец ни разу не вкусил ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пищей (раз в сутки) служили сухари, размоченные в воде, иногда – перец и баклажаны. О. Арсений властно распоряжался на Св. Горе: по его благословению русские заселили Русик, одним он разрешал остаться на Афоне, а иных высылал, противоречить ему никто не мог – пытавшиеся бывали наказаны Богом. Праведник претерпел в своей жизни много гонений и клеветы. Старец достиг высот в умном делании и успешно руководил своими учениками, окормлял всех русских святогорцев, поддерживал и просвещал греков, болгар, молдаван. Велика его заслуга в деле возрождения умного делания на Афоне. Одним из его учеников был выдающийся подвижник иеромон. Аникита (князь Ширинский-Шихматов). Его главные единомышленники и последователи – иеросхим. Иероним (Соломенцов) и схиархим. Макарий (Сушкин). Был старец весьма начитан в Писании и святых отцах, пространно цитировал всегда наизусть, чем удивлял и ученых. Никто не видел его спящим лежа, а только стоя или сидя. Прозорливец и чудотворец, он имел уникальный дар – в 70-летнем возрасте чудесным образом перемещался на большие расстояния. После кончины (24.03/6.04.1846), «когда открыли его ноги, то увидели ужасное зрелище: у обеих ног от колен вниз остались одни почти голые кости, а плоть вся согнила от стояния и от многолетних ран, и все много удивлялись, на чем он стоял и как так скоро ходил. Никогда не сказывал, что больны у него ноги... и по Св. Горе летал как птица».

[399] **Иероним Афонский** (Соломенцов; 1806–1885), иеросхимонах. Великий афонский старец, которого чтила вся Св. Гора, духовник русских на Афоне, а также греков, сербов, болгар, молдаван и грузин. Родом из г. Старый Оскол Курской губ. (ныне Белгородская обл.), из благочестивой состоятельной купеческой семьи. С 25-летнего возраста подвизался в российских мон-рях, с 1836 г. – на Афоне. Его наставником стал известный святостью жизни старец иеросхим. Арсений (†1846), духовник русской афонской братии, от которого он принял постриг в мантию. В 1840 г. о. Иероним стал духовником Св.-Пантелеимонова мон-ря, был пострижен в схиму (1841). Он стал преемником старца Арсения по духовнической деятельности и подвизался на сем поприще почти полвека. О. Иероним вместе со своим ближайшим учеником и сподвижником схиархим. Макарием (Сушкиным), игуменом

житие до конца умерщвляет страсти и погребает в смирении, послушании и отсечении своей воли. Тогда и обрящем душевное спокойствие и соединимся с Богом»[400].

Действительно, непрерывные сорокапятилетние труды отца Иеронима, ставшего, вслед за отцом Арсением, духовником всех русских на Афоне, не помешали ему, пребывая в киновии, сподобиться благодатной внутренней молитвы, прозорливости и других высших духовных дарований.

Размышления о жительстве уединенном встречаются в письмах свт. Игнатия. Иноку, возжелавшему удалиться из монастыря в пустыню ради глубокого безмолвия, он пишет: «Где бы я ни был – в уединении или в обществе человеческом, – свет и утешение изливаются в мою душу от Креста Христова... Общий путь подвижников – терпением между человеками уврачевать немощь чувств, узреть Промысл Божий и войти в умную молитву. Иной [путь] – по особому смотрению Божию... Иные находят, что уединение – ближайшее средство к духовному успеху, а другие го-

---

Пантелеимонова мон-ря, был главным деятелем духовного возрождения русского святогорского иночества. Они же явились устроителями Ново-Афонского мон-ря в России. В числе духовных чад и деятельных сотрудников о. Иеронима был насельник Пантелеимонова мон-ря иеромон. Серафим (Веснин; в схиме Сергий), автор известной книги «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской». Среди учеников старцев Иеронима и Макария известные духовники Пантелеимонова мон-ря: иеросхимон. Агафодор и Вероник, игумены обители схиархимандриты Андрей (Веревкин), Нифонт (Четвериков), Мисаил (Сапегин), игум. Ново-Афонского мон-ря схиархим. Иерон (Васильев). Еще в начале своего подвига (около 27 лет от роду) о. Иероним чудесным образом получил благодатный дар духовного рассуждения. Старец «был знатоком умно-сердечной молитвы», имел «дар внутренней постоянной молитвы», дар «многого плача», получал «премногие откровения таинств и такие духовные утешения от молитвы, что и выразить не мог». Иногда он простаивал по целых шесть часов на одном месте – в созерцании и безмолвии. Об особой силе молитв о. Иеронима и о чудесах, происходивших по его молитве, сохранилось множество свидетельств афонских иноков.

[400] Великая стража. М., 2001. Т. 1. С. 59.

ворят, что приводит в духовный успех – любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится последнее, потому что любовь к ближнему – непременный долг каждого, а к безмолвию способны немногие... Горе единому, говорили отцы, брат же от брата укрепляем, яко град утвержден»[401].

Старец нашего века иеросхимонах Стефан (Игнатенко), сам будучи строгим подвижником, тем не менее, никому не советовал брать на себя подвиг пустынножительства. Он считал, что в наш век монахам предпочтительнее оставаться в больших городах – в современной пустыне, – так как здесь заботы о внешнем могут быть сведены к минимуму. Так рассуждал человек, которому самому довелось отшельничать в высокогорных пустынях Абхазии, в скитах долины Псху, в глухих лесах Цебельды. Однако нужно учитывать и то, в какие времена это говорилось. Старец не случайно в качестве альтернативы предлагает именно город, а не иноческую обитель, – в 50–60-х годах трудно было рассчитывать на возрождение в ближайшем будущем монастырской жизни[402].

---

[401] Собр. писем свт. Игнатия. М.–СПб., 1995. С. 151, 747.

[402] В 1954 г. по инициативе М.А. Суслова и под руководством Н.С. Хрущева были разработаны постановления ЦК, отличавшиеся резкой антицерковной направленностью («О крупнейших недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»). Прямые гонения на Церковь начались с 1958 г. и достигли своего апогея в 1961–63 гг. «Тюрьмы и лагеря стали вновь наполняться священниками и активными мирянами». Хрущев объявил, что через несколько лет покажет по телевизору «последнего попа». Было запрещено «принимать в монастыри лиц моложе 30 лет; в семинариях и академиях возбранялось обучение лиц со средним специальным или высшим светским образованием». Целый комплекс мер был направлен на подрыв экономической базы Церкви. «Была насильственно закрыта бо́льшая часть мон-рей, духовных школ. Количество православных приходов за 10 лет “атеистической пропаганды” (1954–1963) сократилось примерно с 20 до 8 тысяч». (К 1971 г. оставалось 7274 прихода.) С 1961 по 1964 г. «по религиозным мотивам в СССР было осуждено

«Никому ни в коем случае никаких пустынь, – говорил отец Стефан молодому семинаристу. – Теперь горы не могут быть пустынным местом. Всюду туристы, нет тишины, уединения. В больших городах, где люди месяцами не встречаются, живя на клетке одного этажа, теперь больше возможности для уединения... Жизнь очень тяжелая в пустыне, она [в будущем] почти упразднится. Но те, кто будут исполнять свое правило ежедневно, несмотря на мирскую суету, будут пред Господом как пустынножители, где бы ни жили. Истинные ревнители по Боге скроют себя среди мира... В горы не нужно уходить, живите в городах. Мы жили в горах, но пережили такие страшные трудности, что по сю пору отойти не можем»[403].

Прп. Симеон: «Уединившемуся прежде времени – увы и горе; ибо горе единому, егда падет».

Прп. Амвросий Оптинский: «Сказано в Писании: *Блази два паче единаго... и горе тому единому, егда падет и не будет втораго воздвигнути его*[404]. Высочайшим образцом безмолвия был Арсений Великий, но и он в своем уединении имел при себе двух человек, Александра и Троила. Как же нам, немощным душевно и телесно, жить одним? Разве мы выше Арсения Великого?»[405]

1234 человека». Было закрыто 5 семинарий. Во всех епархиях возобновилось разрушение и уничтожение храмов. Количество мон-рей в стране уменьшилось с 47 до 16, число монашествующих сократилось с 3000 до примерно 1500. Были закрыты Киево-Печерская Лавра, Глинская пуст. и др. Гонения приостановились только после отставки Н.С. Хрущева, состоявшейся в праздник Покрова Божией Матери (14.10.1964). См.: *Цыпин Владислав, прот.* История РПЦ. 1917–1990.

[403] Жизнеописание старца иеросхим. Стефана (Игнатенко). М., 1999. С. 31, 46, 153.

[404] *Двоим лучше, нежели одному... ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его* (Еккл. 4, 9, 10).

[405] Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. М., 1995. Ч. 3. С. 136.

Жажда безмолвия

Схимонах Паисий Святогорец

«Безмолвие само по себе – это уже молитва», – говорил старец Паисий. Однако благие условия безмолвия требуют от человека немалого подвига. «Чтобы пустыннику помогла пустыня, он должен быть хорошим монахом». Между тем некоторые стремятся к безмолвной жизни из плотских побуждений – ради покоя и комфорта. Такие любители тишины «находят безмолвную келью и потом впадают в совершенное нерадение и равнодушие. Все их духовное делание заключается в том, что они иногда сядут и почитают какую-нибудь книжку».

По убеждению отца Паисия, уединенное жительство требует выполнения предварительных условий. Уходя в пустыню, человек должен либо поступить в послушание к подвизающемуся там старцу, либо прежде пустынножительства достаточное время провести в общежительном монастыре. Старец говорил: «Если молодой монах уходит в пустыню, чтобы жить там одному, по своей воле и без наблюдения старца, то – если он даже и не станет бесноватым – преуспеть не преуспеет».

Те, кто живут в безмолвии, могут не получить никакой пользы от своего молчания, если они не владеют трезвением, не готовы вести брань со своими помыслами. «Если они собеседуют с помыслами, – учит старец Паисий, – то они болтуны большие, чем болтуны в миру. Потому что мирскому болтуну делают замечания, его ругают, и постепенно он исправляется, тогда как те, пребывая в пустыне и празднословя со своими помыслами, имеют при этом ложное мнение, что они исихасты, и таким образом причиняют се-

бе немалое зло. Для того чтобы быть исихастом, надо иметь умную молитву»[406].

Старец считает, что «старательный человек, какую бы жизнь он себе ни избрал, в монашестве или в миру, всегда будет духовно преуспевать, потому что трудится с усердием. Тогда как человек, не возделывающий в себе старательности, которую даровал ему Бог, не преуспеет ни на одном, ни на другом пути»[407]. «Иногда, – говорит старец, – встречаешь у монахов дух мирской, а у мирских – монашеский. Поэтому Христос и скажет в жизни иной: “Ты снимай-ка схиму, а ты надевай”. Человек мирской, возжелав жизни монашеской, освящается. Но если монах возжелает мирской жизни, то он идет в вечную муку... Найдется и такой, что скажет: “А мне хочется в отпуск”, тогда как монаху подобает отлучаться из своей кельи с болью»[408].

Опытный пустынножитель, отец Паисий делится в своих письмах некоторыми мыслями о современной подвижнической жизни.

«Сосредоточенность безмолвной жизни в пустыне очень способствует молитве, поскольку создает для нее благоприятные условия. Само по себе безмолвие является таинственной молитвой и очень помогает молитвенному деланию, как человеческому телу – кожное дыхание... Безмолвие в удалении от мира очень быстро приносит душе внутреннее безмолвие при помощи подвижничества и непрестанной молитвы. Тогда человек уже не беспокоится внешним беспокойством, потому что у него, по сути, только тело пребывает на земле, а ум находится на небе... Чистой молитве очень способствует удаление от мирского шу-

---

[406] *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 488–490.

[407] *Паисий [Эзнепидис], старец.* Отцы святогорцы и святогорские истории. ТСЛ, 2001. С. 163.

[408] *Паисий Святогорец, старец.* Слова. М., 2001. Т. 2. С. 342, 350.

ма и от многолюдства или, если это возможно, пребывание в совершенном уединении».

Пустынная жизнь, при правильном смиренномудром устроении души, способствует заметному преуспеянию. «Очень полезной бывает пустыня вместе со всецелым преданием себя Богу, со свободной от забот и сосредоточенной, “безмолвной” головой... Однако нужна большая осторожность, чтобы не впасть в прелесть. Поэтому голова подвижника должна быть очень крепко заперта, чтобы лукавый не вложил гордый помысл, не прельстил мечтаниями и ложным светом». В безопасности лишь «тот, кто духовно здоров и не гонится в этой жизни даже за истинным светом, а ищет лишь милости Божией».

Между тем «монахи, живущие в монастыре, благодаря братской взаимопомощи, находятся в большей безопасности, чем исихасты, которые живут в уединении. Но это при условии, что между ними нет ссор и они не “едят” друг друга». Тогда, при меньшей степени самоотречения, они могут духовно преуспеть более пустынников. «А исихасту нужно иметь большое самоотречение, чтобы вырыть себе сначала могилу, а затем с великим смирением и рассуждением начать свой духовный подвиг, непрестанно трезвясь и молясь.

Новоначальный, который убегает от безопасности киновии и, движимый эгоизмом, затворяется в келье, желая быть затворником, похож на человека, которого запирают в сумасшедший дом. Если он к тому же по своей природе склонен к унынию и замкнут, то его начинают душить помыслы и внутреннее беспокойство. Если у него есть хотя бы немного смирения, то он возвращается в киновию и спасается, а если упорствует – погибает.

Естественный путь для монаха – сначала подчинить себя наставнику, пройти обучение и подвизаться всегда с большим смирением, испрашивая с благоговением милос-

ти Божией. Таким образом монах постепенно восходит на Голгофу, распинается, а затем духовно воскресает и начинает радоваться ангельской радостью, славословя Бога подобно ангелам.

Те же, которые живут духовной жизнью по-мирски, то есть если у них постоянно Пасха и они не переживут сначала Великой Четыредесятницы и распятия, – не могут духовно воскреснуть и возлюбить Христа, потому что сами не пострадали, чтобы ощутить Христовы страдания, которые Он претерпел ради нашего спасения, и затем насладиться любовью Христовой, будучи всецело поглощены небом».

Если монах не идет указанным «естественным путем», то он «еще более несчастен, чем мирские люди. Ибо последние еще могут что-то понять, если с ними заговорят о Божественной любви». Те же монахи, что оглядываются на мирские, хотя бы и невинные, радости, останавливаются «подобно жене Лотовой[409], а потому их сердце бесчувственно, как камень»[410].

Устойчивость духа

Митрополит Антоний (Блум)

Молитвенная жизнь мирянина – частая тема в беседах владыки Антония[411]. Перед многими встает вопрос – возможно ли, реально ли для человека, живущего среди смятения и безумия современной цивилизации, вести молитвен-

---

[409] См.: Быт. 19, 26.

[410] *Паисий Святогорец, старец.* Письма. ТСЛ, 2001. С. 106, 107, 113–115.

[411] **Антоний** (Блум; 1914–2003), митрополит. Выдающийся церковный деятель современности. Человек столь необычной судьбы, что «в современной истории РПЦ ей вряд ли можно найти аналог». Андрей

ный образ жизни? Могут ли миряне проводить внутреннюю жизнь по подобию иноков?

«Думаю – да, вполне, – отвечает владыка, – лишь бы мы соединили молитву с жизнью и жизнь с молитвой. Если мы стараемся уйти от жизни и предаваться молитве, воображая, будто стремимся быть созерцательными монахами, ничего не выйдет. Заботы оторвут нас от молитвы». Но если мы сознаем, что любая ситуация всегда дается нам Богом, «чтобы мы принесли веру туда, где веры нет, принесли надежду туда, где нет надежды, принесли свет – пусть хоть тусклый, малую искру света – туда, где только

Борисович Блум был сыном русского дипломата, накануне революции служившего консулом в Персии, матерью владыки была сестра композитора А.Н. Скрябина. Владыка с детства перенес все тяготы и лишения эмиграции. Еще юношей в Париже он начал прислуживать (с 1931) в храме Трехсвятительского подворья. В течение всей жизни хранил каноническую верность Московской Патриархии. Андрей Борисович окончил (1939) медицинский факультет Сорбонны, тайно принес монашеские обеты и ушел хирургом на фронт. Постриг принял (1943) от своего духовного отца архим. Афанасия (Нечаева). Во время оккупации служил врачом во французском антифашистском подполье. Был рукоположен в иеромонаха (1948) и направлен в Англию. Епископ (1957), затем митрополит (1966), возглавлял Западно-Европейский экзархат (1966–1974). По собственному желанию был освобожден от обязанностей экзарха (1974) и продолжил окормление постоянно растущей паствы своей епархии. Посредством книг, радио- и телепередач активно проповедовал Евангелие по всему миру. Вл. Антоний имел многие церковные награды и был почетным доктором богословия ун-тов и академий нескольких стран. Будучи автором более чем 20 книг, он сам ничего не писал, его письменное наследие представляет собой распечатки фонограмм бесчисленных проповедей и бесед, произнесенных на четырех языках в разных концах мира. Проповеди и беседы вл. Антония приобрели широкую известность не только потому, что он признан авторитетом в современном богословском мире, но, может быть, прежде всего потому, что владыка явил своей жизнью высокий личный пример истинного подвижника. При этом надо отметить, что на некоторых воззрениях владыки сказалось заметное влияние западного богословия и западной культуры, той среды, в которой он провел всю свою жизнь, в которой работал. Это обстоятельство нужно учитывать, изучая его духовное наследие. Почил вл. Антоний 4.08.2003, пронеся крест тяжелого, длительного недуга.

тьма или сумерки, чтобы мы были солью, предохраняющей от гниения, чтобы принесли крупицу любви туда, где безлюбовность, – тогда никакая ситуация не окажется настолько дурной или полной тревоги, чтобы мы не смогли войти в нее молитвенно, в молитвенном духе. Мы можем сказать: "Господи, Ты послал меня в эти сумерки, в эту тьму. Будь со мной и даруй мне быть Твоим присутствием"».

Люди часто говорят: «Я хотел бы молиться нерассеянно, но мне мешает груз забот». А нужно ли пытаться отстранить эти заботы? Прежде всего следует обратиться к Богу и сказать: «Господи, меня заботит и тревожит то-то и то-то», чья-то болезнь, чье-то недоброжелательство, даже просто волнение ребенка перед экзаменом – для Бога нет ничего незначительного. Принесите Богу все до мелочи, все, что у вас накопилось. А затем со всею верою скажите: «Я вручил это все в Твои руки, пусть некоторое время это будет в Твоих руках». Нерассеянной молитвы невозможно достичь, пока не отдашь все свои заботы. Но зато, если подходить таким образом, «все в жизни оказывается поводом для молитвы».

Вся наша жизнь – непрерывное волнение, череда ситуаций, чувств, мыслей, противоречивых движений сердца и воли. «Мы часто воображаем, что было бы легко молиться, если бы нам ничто не мешало, а между тем самое это смятение может стать опорой нашей молитве». Окружающий нас мир, пугающий, исполненный напряженности и тревоги, непрестанно подает повод для обращения к Богу. Борьба со смятением естественным образом пробуждает в нас молитву. «И тогда молитва – отчаянный крик, который рождается из надежды более сильной, чем отчаяние». Однако вместо того, чтобы противопоставить внешнему натиску мира свой внутренний покой, мы поддаемся окружающему нас

волнению, «впускаем его в себя, и в этом наше поражение... Вместо того, чтобы искать божественного покоя, мы просим Бога разделить наше смятение».

Конечно, молиться в течение целого дня трудно. Мы пытаемся себе представить богослужебный строй монастыря, где ведут созерцательный образ жизни, либо молитвенную жизнь отшельника. Но мы мало задумываемся о такой молитвенности, которая тесно связана с *нашей* жизнью. А ведь все может стать молитвой, так как все вокруг является поводом для молитвы. Мы должны суметь всякую встречу, каждое событие принять как посланное нам Богом и, совершив то, что следовало, обратиться с мольбой: «Господи, если то, что я сказал и сделал, правильно, пусть Твоим благословением оно будет, словно зерно, которое принесет богатый плод. Если я поступил неверно, изгладь это из памяти людей».

Христиане привыкли, как только возникает проблема или появляется опасность, обращаться к Богу с криком: «Господи, заступи, спаси, защити меня!» Как часто, вероятно, Господь глядит на нас с грустью и неслышно отвечает нам на том языке, который мог бы коснуться нашего сердца, если бы оно не было так озабочено собственным страхом: «Я же послал *тебя* в эту ситуацию, *ты* должен сражаться за Меня; разве ты не принадлежишь войску, авангарду Царства Небесного, которое Я послал на землю?» Не так ли некогда на море Галилейском ученикам, в отчаянии взывавшим: «Господи, не видишь ли, что мы гибнем?», Он отвечал с укором: «Маловеры! Сколько Мне быть с вами...» (См.: Мф. 14, 24–34.)

«Мы должны научиться в сумятице жизни быть местом покоя, устойчивости». Испросим у Господа благословение на сей день и постараемся прожить его нерассеянно, без суеты. Пребудем в молитвенном состоянии, в созерцатель-

ном молчании и ожидании, готовые различить в видимом беспорядке жизни – Божий замысел. «Мы должны научиться в молитве же находить мужество, силу, вдохновение и необходимое руководство. Так весь день станет непрестанной молитвой».

Часто задают вопрос о спасении в миру: «Насколько сегодня применимы аскетические наставления отцов, каково может быть их приспособление к конкретной современной жизни?» Но ведь «Евангелие было провозглашено для всех без исключения... И абсолютный радикализм Евангелия, мне кажется, возможен, и применение всего того, чему учит Добротолюбие, возможно». Часто невозможно следовать той или иной *форме* жизни, но всегда возможно держать себя в определенном состоянии, сохранять нужный внутренний строй. «Скажем, вести созерцательную жизнь пустынника возможно в пустыне... Но это совсем не значит, что нельзя быть лицом к лицу с Богом вне пустыни или что, не будучи странником... нельзя заниматься Иисусовой молитвой с той же глубиной опыта».

Свт. Феофан после нескольких лет затвора в одном из писем говорил, что «отшельничество или затвор создают определенные условия для внутреннего возрастания, но есть вещи, которым легче научиться среди людей, и, пожалуй, даже легче научиться в миру, чем в монастыре. Он указывал на то, что в миру ваши ближние вас отшлифуют гораздо быстрее и решительнее, чем братья в монастыре», которые озабочены собственным спасением и поэтому стараются не выходить из себя, сдерживают грубость.

«Общинная жизнь, будь то монастырская или мирская, – отчасти необходимая подготовка. Никогда, в традиции монашества, не пускали человека на одинокое житье, прежде чем не удостоверялись, что он достиг любви и сми-

рения, потому что иначе... он будет жить в прелести. Очень легко любить весь мир, когда его нет, очень легко чувствовать смирение, когда никто тебя не унижает».

В уединенной келье можно оставаться безбедно, только если ты живешь «под собственной кожей». Но «если ты сердцем хоть на вершок вне себя – келья невыносима, потому что ты будешь разбиваться о всякую стену. В этом разница между тюремной одиночной камерой и кельей». Человек, заключенный в одиночную камеру, рвется наружу, на волю. Человек, затворившийся в келье, устремлен внутрь, вглубь, в себя.

«Стабильность жизни заключается в том, что совершенно не нужно искать Бога *где-то*, потому что если Его не найти внутри себя, Его не найти и вне себя. И в тот момент, когда вы это обнаружили, тогда, в сущности, уже не так важно, где вы: на базарной ли площади или в келье. Если вы внутри себя, то телесно вы можете передвигаться, но всем бытием своим вы предстоите пред Богом... Все Евангелие осуществимо в жизни, в обыкновенной мирской жизни». Только не надо пытаться внешне жить в миру так, словно ты находишься в пустыне или в монастыре, – «тогда получается не следование Христу, а обезьянничанье».

Иное дело – тайное монашество[412], «оно характерно тем, что вы внешне не живете так, как жили бы в монастыре или в пустыне, но *все*, что составляет монашество, а именно:

---

[412] Сам вл. Антоний многие годы провел в тайном постриге. Он вспоминал: «Тем временем было 10 лет тайного монашества, и это было блаженное время, потому что, как свт. Феофан говорит: Бог да душа – вот и весь монах... И действительно, был Бог, и была душа, или душонка, – что бы ни было, но, во всяком случае, я был совершенно защищен от мнения людей... и весь строй внутренней жизни оставался свободным, подчинялся лишь руководству моего духовника». *Антоний (Блум), митр.* О встрече. С. 51.

устойчивость, стояние пред Богом и монашеские обеты, – должно быть осуществлено. Устойчивость... латинское stabilitas это хорошо выражает – человек стал и не сойдет с места». Это тот путь, «когда вы ничем не должны проявиться так, чтобы люди заподозрили вас в монашестве»[413].

[413] *Антоний (Блум), митр.* Пути христианской жизни. М., 1998. С. 58–68.

МИРСКАЯ ПУСТЫНЯ

Весь мир – храм

«Кто молится в душе, – сказал прп. Силуан, – для того весь мир стал храмом». Тому никакие дела не могут мешать помнить Бога. Сколь высока, столь же и насущна сложнейшая задача, всем без исключения предлежащая, – научиться сохранять молитву в любых условиях. По-настоящему возможным это становится тогда, когда молитвенное обращение, содержащее конкретную мысль, сменяется или, точнее, преобразуется в более или менее постоянное удержание памяти о Божием присутствии. Такое хранение памяти Божией становится зачатком молитвы *непрестанной*.

Прп. Варсонофий Великий учит: «Затворим же уста и помолимся Ему в сердце, ибо кто затворяет уста и призывает Бога или молится Ему в сердце своем, тот исполняет предписывающую сие заповедь. Если же и не призовешь в сердце имени Божиего, а только помнишь о Боге, то в сем еще больше быстроты (удобства) и достаточно в помощь тебе»[414].

Герой книги «Откровенные рассказы странника» повествует о том, как он осуществлял подобные заветы на практике: «При всех механических занятиях можно и даже удобно совершать частую или даже непрерывную молитву, ибо ма-

---

[414] *Варсонофий Великий и Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни. М., 1995. Отв. 427.

шинальное рукоделие не требует напряженного углубления и многого соображения, а потому ум мой и может при оном погружаться в непрестанную молитву и уста – следовать тому же. Но когда должен заняться чем-либо исключительно умственным, как-то: внимательным чтением, или обдумыванием глубокого предмета, или сочинением, – то как могу при сем молиться умом и устами? И так как молитва есть преимущественно дело ума, то каким образом в одно и то же время одному уму я могу дать разнородные занятия?..

Пришедшие в постоянное настроение ума могут заниматься размышлением или сочинением в беспрерывном присутствии Божием как основании молитвы... Что же относится до тех, кои долгим навыком или милостью Божией от молитвы умственной приобрели молитву сердечную, то таковые не токмо при глубоком занятии ума, но даже и в самом сне не прекращают непрестанной молитвы... Сердце, обученное внутренней молитве, может всегда, при всех занятиях (и физических и умственных), во всякой шумности беспрепятственно молиться и призывать имя Божие... Можно утвердительно сказать, что никакое стороннее развлечение не может пресечь молитву в желающем молиться, ибо тайная мысль человеческая не подлежит никакому внешнему связанию и совершенно свободна сама в себе. Она во всякое время может быть ощущаема и обращена в молитву... если даже и ум не приобучен еще к непрестанной молитве»[415].

Сообразуясь с условиями реальной жизни, епископ Петр[416] преподает совет горожанам, склонным к созерца-

---

[415] Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. ТСЛ, 1997. С. 236, 238, 240.

[416] **Петр** (Екатериновский; †1889), епископ. Автор капитального труда «Указание пути к спасению. Опыт аскетики». Эту книгу до революции несколько раз издавала Оптина пуст. наряду с книгами прпп.

тельности: «По обстоятельствам настоящего времени не всякому и не всегда возможно совершенное уединение. В таком случае любителю безмолвия остается одно – без нужды не входить в шумное общество, избегать общения с людьми праздными, больше находиться в своей уединенной келье; а больше всего надобно ему стараться, чтобы и в многолюдном обществе хранить сердечное безмолвие – иметь собранность мыслей, так чтобы ни шум толпы, ни видение различных предметов, ни слышание посторонних разговоров не могли развлечь самовнимания и отвлечь ум от молитвенного возношения к Богу»[417].

Интересна история отца Никодима[418], бывшего келейником афонского старца Иеронима (Соломенцова). Последний и рассказал о нем в своих келейных записках[419].

Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Варсонофия Великого и Иоанна, Исаака Сирина. Труд этот сопоставлялся современниками с книгой свт. Феофана «Путь ко спасению». Вторая, наиболее известная, работа епископа – книга «О монашестве» (1856). Кроме этого, из-под его пера вышло еще восемь книг. Еп. Петр принадлежал к так называемому ученому монашеству, состоял членом Московской Синодальной конторы и почетным членом Общества любителей духовного просвещения, возглавлял (с 1859) ряд крупных российских кафедр, известен апостольскими трудами по обращению язычников и противостоянию мусульманству. Владыка пребывал на покое в Оптиной пуст. (с 1883), где общался с прпп. Амвросием и Исаакием, позднее (1885) переведен в Московский Заиконоспасский мон. После этого он был назначен управлять Новоспасским мон-рем, где и почил в канун дня Святой Троицы (27.05.1889).

[417] *Петр (Екатериновский), еп.* О монашестве. М., 1998. С. 101.

[418] **Никодим** (Санин; †1854), схимонах. Николай Иванович Санин, родом из г. Сычевки Смоленской губ., из мещанского сословия, был женат, имел артель в Петербурге, деньги наживал успешно, но в семейной жизни счастлив не был. Уже в зрелом возрасте они с женой разошлись по мон-рям. Николай Иванович прибыл на Афон (1846), где под руководством старца Иеронима за оставшиеся 8 лет своей жизни достиг высоких духовных дарований.

[419] Рассказ о. Иеронима о своем келейнике был опубликован первый раз в киевском журнале «Воскресное чтение» (1871, № 48), впоследствии публиковался в брошюре «Афонские современные подвиж-

Отец Никодим, помимо хлопотливого келейного послушания при духовнике Пантелеимонова монастыря, имел еще четыре должности: эконома, рухольного, будильщика и гостинника. Кроме того он пел и читал за службами. На ранней литургии, при служении отца духовника, почти всегда пел один. Удивительно, что «исполнение стольких беспокойных должностей не помешало ему усовершаться в духовной жизни, все внешние препятствия он побеждал... и стяжал такие высокие добродетели, которые и в уединенной жизни и с бо́льшим трудом не всегда приобретаются даже людьми более способными к самонаблюдению».

Опытные люди знают, насколько сложнее бороться со страстями, находясь вблизи предметов, которые их возбуждают. «Иное дело – побеждать страсти в уединении, а иное – в общежитии. Да и в общежитии неравные трудности в борьбе со страстями по причине разных должностей и занятий. Иное дело – хранить мирное состояние духа сидящему с рукоделием в келье, а иное – находящемуся на должности при исправлении разных общих нужд. Для последнего потребен сугубый труд».

Отец Никодим был по-детски прост, имел евангельскую веру, доверие к духовнику и решительную готовность ко всякому послушанию. Узнав о пользе плача, он вопрошал духовника, может ли он обрести дар слез при столь многосложных внешних обязанностях. Отец Иероним отвечал ему: «Почему тебе не можно приобрести их? Если ты думаешь, что многопопечительная должность служит препятствием к получению высоких даров Божиих, то ты этим уничижаешь благодать Божию, которая всесильна. Ты веруешь ли, что Христос силен даровать тебе то, что ты желаешь по-

---

ники», неоднократно переиздававшейся Пантелеимоновым мон-рем (1870–1900). В наше время рассказ репринтно переиздан в брошюре «Подвижники Св. Горы» (1996).

лучить от Него?» Отец Никодим поклонился: «Верую, отче... Благослови мне этого домогаться».

С того времени он тщательно понуждал себя на ежедневный плач, а все препятствия к тому старался преодолеть. Он строго воздерживался в пище, по пятницам вовсе не ел. «Спал на земле, вместо подушки имел камень, покрытый полотном. Чтобы не побеждаться празднословием и гневом, держал камень во рту. Все это он делал по совету духовника и другим никому о сем не открывал. Для молитвы он не имел свободного времени по причине должности своей». Когда же улучал возможность, то предавался усердному молению. Со временем он возжелал усилить подвиги, духовник его поддержал: «Я и прежде говорил тебе, что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому... благодать Божия всемогуща, а потому, без сомнения, может и при рассеянных и беспокойных должностях даровать то, чего мы с верою просим». Так три года усердно подвизался отец Никодим. И Господь не посрамил его упований – по вере его наделил в изобилии духовными дарами. После того отец Иероним хотел освободить его от должностей ради безмолвной жизни. «Но Бог устроил иначе, и отец Никодим прямо от трудов своих перешел в вечность... Всей его жизни в монастыре было восемь лет»[420].

Там же на Афоне, уже в начале XX века, монаха Силуана, будущего святого старца, назначают на послушание эконома и у него в подчинении оказывается около двухсот рабочих. Однако эти условия не смогли помешать ему – он продолжает совершать свой сугубый молитвенный подвиг. Отец Софроний (Сахаров) однажды спросил его: «Хлопотливое экономское послушание при необходимости об-

---

[420] Великая стража. М., 2001. Т. 1. С. 187, 419–427.

щаться со множеством людей не вредило ли монашескому безмолвию?» Отец Силуан так ответил: «Что есть безмолвие? Безмолвие – это непрестанная молитва и пребывание ума в Боге. Отец Иоанн Кронштадтский всегда был с народом, но он больше был в Боге, чем многие пустынники. Экономом я стал по послушанию, но от благословения игумена мне на этом послушании было лучше молиться, чем на Старом Русике, куда я по своей воле отпросился ради безмолвия. Если душа любит народ и жалеет его, то молитва не может прекратиться».

В писаниях старца Силуана есть такие мысли: «Многие монахи говорят, что эконому некогда молиться и что не может он сохранять душевный мир, потому что целый день приходится ему быть с народом. Но я скажу, что если он будет любить людей и помышлять о своих рабочих: "Любит Господь создание Свое", то Господь даст ему непрестанную молитву, ибо Господу все возможно... Непрестанная молитва приходит от любви, а теряется за осуждение, за празднословие и невоздержание. Кто любит Бога, тот может помышлять о Нем день и ночь, потому что **любить Бога никакие дела не мешают**... В этом мире каждый имеет свое послушание: кто – царь, кто – патриарх, кто – повар, или кузнец, или учитель, но Господь всех любит, и бóльшая награда будет тому, кто больше любит Бога. Господь дал нам заповедь – любить Бога всем сердцем, всем умом, всею душою. А без молитвы как можно любить? Поэтому ум и сердце человека всегда должны быть свободными для молитвы».

Старец собственным примером показал, как можно сохранить молитву среди многозаботливости и суеты. Ничто не может стать помехой в молитве, учит преподобный, если человек искренне вверяет себя Промыслу: «Кто предался воле Божией, тот только и занят Богом. Благодать Божия

помогает ему всегда пребывать в молитве. Он хотя и работает, и разговаривает, но душа его занята Богом, потому что она предалась воле Божией, и за это Господь взял ее в Свое попечение... Душа – лучший храм Божий, и кто молится в душе, для того весь мир стал храмом»[421].

Обретение тишины

Митрополит Иерофей[422] передает свою беседу с афонским пустынником, старцем, умудренным десятилетиями опыта и просвещенным благодатью. Владыка задается волнующим его вопросом: могут ли люди, находящиеся в миру, совершать делание молитвы так же, как и монахи? Старец отвечает на это кратким поучением.

«Если вы не в состоянии творить умную молитву в миру, ибо это очень трудно, следует молиться в определенные часы Иисусовой молитвой или же читать ее, когда есть возможность. И это будет для вас весьма и весьма полезно... Можно начинать с тридцати минут утром до восхода солнца и тридцати минут вечером после повечерия, перед сном. Необходимо иметь постоянные часы, не нарушаемые ничем, даже благими делами... Необходима также тихая уединенная комната, куда не доносится шум и где начнется делание Иисусовой молитвы... устами, или же умом, или сердцем, соответственно развитию, нами достигнутому». Мирянину бывает сложно найти достаточно времени на молитвенные занятия, «однако, если есть расположение и смирение, Бог восполнит отсутствие молитвы. Ибо Он, че-

---

[421] *Софроний, иеромон.* Старец Силуан. Paris, 1952. С. 29, 126, 143, 173.

[422] **Иерофей** (Влахос), митрополит Навпакта и Святого Власия. Один из самых известных современных греческих богословов.

ловеколюбивый и столь снисходительный к нашим падениям, не будет ли чрезвычайно милостив к попытке нашего преображения? Господь восполняет недостающее, принимает во внимание условия каждого из нас и может один час молитвы, затраченный вами, благословить больше многих часов, проведенных в молитве монахом, поскольку вы [в миру, в отличие от монахов] заняты и другими делами»[423].

Афонскому старцу Ефрему Катунакскому[424] миряне не раз жаловались на то, что «не имеют времени молиться из-за груза служебных обязанностей, которые совсем не оставляют свободных часов». Старец, давая наставления тем, кто ссылался на семейные тяготы и обилие забот, повторял: «Если я в тишине Катунак в день читаю сотню молитв, а вы в шуме города и при обязанностях на работе и в семье читаете три молитвы, то мы в равном положении»[425].

Старец Емилиан (Вафидис), игумен афонского монастыря Симонопетра, говорит, что каждому необходимо стремиться к безмолвию ради молитвы, но молиться в тишине – этому еще надо научиться. А обучение состоит в преодолении препятствий и помех, и потому «нужно учиться молитве в шуме, через что обретается совершенный покой... Станем молиться среди шума, но будем особо стремиться к молитве в тишине, чтобы иметь возможность разговаривать с Богом»[426].

---

[423] *Иерофей (Влахос), митр.* Одна ночь в пустыне Св. Горы. ТСЛ, 1997. С. 152, 153.

[424] **Ефрем Катунакский** (Папаникитас; 1912–1998), иеросхимонах. Греческий старец, один из самых известных афонских подвижников XX века, который уже при жизни почитался святым. Один из 5 ближайших учеников Иосифа Исихаста. Особое внимание старец уделял добродетели послушания. Несмотря на свое строжайшее подвижничество в уединении, всячески одобрял жизнь в общежительном мон-ре.

[425] Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 128, 129.

[426] *Емилиан, архим.* Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М., 2002. С. 116, 117.

Подвизавшийся в середине XIX века на Афоне отшельник Пахомий[427] был спрошен однажды своим собратом пустынником: «Как ты, отче, поднимаясь на крутую гору, и притом с ношей, можешь держать умную молитву? Я и без ноши едва-едва могу держать устную только, потому что совершенно изнемогаю». Старец Пахомий отвечал на это: «Когда поднимаюсь на гору, чем больше утруждаюсь, тем молитва действует тверже и с каждым шагом крепнет так, что раздается в сердце с воплем крепким и силою несказанною. Чем тяжелее несу я ношу на гору, тем легче действует молитва, и я не ощущаю труда»[428].

Тот же дух и ныне присущ тем, кто пребывает в подвиге, и те же мысли несут пастве наставники нашего века. Петербургский протоиерей Владимир Шамонин так, например, наставлял желающих вести молитвенную жизнь: «Всегда, везде можно молиться. И я бы добавил, что не только можно, а и должно. Нельзя думать, что для молитвы должна быть обстановка и настроение, – если так рассуждать, то некогда будет молиться или не будет условий. А лучше – всегда имей молитвенное настроение, чтобы при удобных случаях или при малейшей возможности углубиться в молитву, для других незаметную. Тогда не будет потери времени, и человек привыкает молиться в любых условиях и во всякое время. Отец Иоанн Кронштадтский молился на ходу, среди людской суеты, а как молился!»[429]

---

[427] **Пахомий Серб** (†1870), схимонах, афонский старец. Начинал свой подвиг в Хилендарском мон-ре, удалился на безмолвие в пустынную келью, затем отшельничал в лесах, скалах и пещерах. Однажды старец целое лето провел на самой вершине Афона. Питался он гнилыми каштанами и чем придется, жил в таких местах, «где никто другой не может жить, и ел такую пищу, какую никто другой не станет употреблять». 15 лет старец провел в непрерывном молитвенном плаче.

[428] *Антоний Святогорец, иеромон.* Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX в. М., 1994. С. 135.

[429] Петербургский батюшка. М., 1997. С. 71.

Отец Моисей (Боголюбов)[430] заповедовал своим чадам: «Кто болен – твори Иисусову молитву, болезнь отступит. Кто хочет отдыхать – лежа загибай пальцы, твори великую молитву, лучше отдохнешь. Кто занят и должен спешно трудиться – трижды важно скорее творить Иисусову молитву. Посмотрите, как это ускорит труд, позволит сделать больше и быстрее. Тебя мучит злое чувство к обидчику – твори скорее Иисусову молитву и почувствуешь, что, если бы здесь был этот обидчик, ты бы бросился обнимать его»[431].

О непрестанной, в любых условиях творимой, молитве греческая старица Гавриилия[432] говорила, что это не есть дело, совершаемое словами или мыслью. «Молитва – это не дело, это – состояние души». Душа должна всегда и везде пребывать в состоянии молитвы, ибо душа наша – от Бога. А поддерживать это состояние помогает молитва Иисусова, соединяющая душу со святым именем[433].

---

[430] **Моисей** (Боголюбов; 1915–1992), иеросхимонах. В миру Валентин Евгеньевич, профессор, доктор технических наук, в мон-ве Филадельф, в схиме Моисей. Всю жизнь отдал науке, поступил в Троице-Сергиеву Лавру на 63 году жизни (1978) по благословению архим. Кирилла (Павлова). Инициатор религиозно-духовного возрождения русской армии. Автор книги «Заступница Усердная» (1992), нескольких брошюр и статей на духовные и патриотические темы.

[431] *Филадельф [Боголюбов], иеромон.* Заступница Усердная. М., 1992. С. 142.

[432] **Гавриилия** (Папайяни; 1897–1992), схимонахиня. Греческая старица, воплотившая в своем служении редкое сочетание таких видов подвига, как исихия и миссионерство. Объездила оба полушария, подвизалась во множестве стран мира. Целый год провела в уединенной молитве, отшельничая в Гималаях (1958). Духовным ее наставником был известный греческий старец Амфилохий (Макрис; 1889–1970) с о. Патмос. Всюду, где странствовала мон. Гавриилия, она проповедовала православное учение, объясняя его сердечно, без слов, примером своей жизни и делами любви.

[433] *Гавриилия, мон.* Подвиг любви. 2000. С. 183.

Помни, что ты Божий

Положение человека в обществе и прочие внешние условия не могут оказаться препятствием на спасительном пути духовной жизни. Священномученик Серафим[434] проповедовал с амвона о несомненной возможности, и даже необходимости, всякому человеку во всяком положении стремиться к обретению непрестанной сердечной молитвы. Характерно, что владыка, призывая проводить «ангельское житие», обращался не к монастырским насельникам, а к горожанам, к мирской своей пастве.

«Во все времена в христианстве обретались настоящие молитвенники, которые именовали непрестанную молитву умной молитвой... Эта молитва необходима каждому христианину для спасения, а не только одним монахам, как это понимается в миру. Кто хочет отрешиться от греха, кто стремится к уединению в своем сердце с любовию ко Христу и добивается устроить монастырь или пустыню в себе самом, тот всего этого не достигнет без навыка в непре-

---

[434] **Серафим** (Чичагов; 1856–1937), священномученик. В миру Леонид Михайлович Чичагов, состоял на военной службе (до 1891), вышел в отставку в чине полковника и был рукоположен во священный сан (1893). Принял монашеский постриг (1898) и был назначен настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиева мон-ря. В дальнейшем – архимандрит, благочинный мон-рей Владимирск. епарх., настоятель (с 1904) Ново-Иерусалимского мон-ря Моск. епарх. О. Серафим глубоко чтил память прп. Серафима Саровского, был инициатором открытия его мощей и канонизации, им составлена (1890-е) и издана «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Архим. Серафим хиротонисан во епископы (1905), член Св. Синода (с 1907), член Собора (1917–1918). Возведен в сан митрополита и назначен в Варшаву (1918), но отправиться к месту назначения не смог. Арестован (1921), сослан в Архангельскую область (1922–1923), вновь арестован (1924). Назначен на Ленинградскую кафедру (1928–1933). С 1933 г. владыка жил в Подмосковье, здесь он был в последний раз арестован (1937) и вскоре расстрелян. Митр. Серафим канонизирован (1997) и включен в Собор новомучеников и исповедников Российских. Память 28.11/11.12.

станной молитве... Непрестанная молитва... не препятствует никаким обязанностям и занятиям... Непрестанная молитва приводит молящегося к тому, что сердце само молится, а тело трудится и совершает свое дело... Ни у кого не отнята возможность достигнуть непрестанной Иисусовой молитвы... сладости приближения сердцем к Господу Христу... Но мирским людям непрестанная молитва кажется неисполнимой, непонятной, вовсе не обязательной и составляющей принадлежность монахов, затворников, схимников, а не тех людей, которые заняты постоянно умственными работами...

Сердечная молитва не только не мешает, но и способствует работе, хотя бы она совершалась не одними руками, но и умом. Можно призывать Господа не только устами, но одним сердцем, в особенности во время чтения и занятий. Господь ведь Сердцеведец и взирает только на сердце. Если же кто занят такой работой, что ему нельзя тайно призвать имени Божия в своем сердце, а только возможно вспоминать о Боге, то и этого достаточно, ибо заменяет молитву... Во всякое время и во всяком месте можно и должно призывать себе на помощь имя Божие... Пусть же никто из христиан не думает, что только одним монахам надлежит непрестанно молиться, – нет, все христиане обязаны исполнять эту заповедь... Святой апостол Павел не стал бы нас обязывать молитвою, если бы это было крайне трудно и невозможно. Будемте телом работать и в это время духом молиться... Это ангельское житие, ибо ангелы не имеют голоса, но умом приносят Богу непрестанное славословие»[435].

О молитвенном подвиге в миру проповедовал и другой новомученик – протоиерей Сергий Мечев. В своем слове, посвященном одному из величайших подвижников и учи-

---

[435] *Серафим (Чичагов), митр.* Да будет воля Твоя. М.–СПб., 1993. Кн. 2. С. 113–117.

телей духовного делания – Григорию Паламе, он говорил о том, что свет Фавора должен воссиять для каждого из нас. Почему, вопрошает пастырь, Церковь и нам, мирянам, дает в пример образ этого инока, подвижника Афона, исихаста – безмолвника, делателя умной молитвы? «Ведь мы не думаем заняться безмолвием и идти на тот подвиг, на который зовут исихасты. Ведь мы живем в мире, в суете, на службе и дома, мы так далеки от того, чем занимались, чем были окружены эти делатели умной молитвы». И отец Сергий отвечает на этот вопрос, обращая свое слово ко всякому христианину: «Духовное делание заключается не только в покаянии и очищении от страстей... Святые отцы говорят, что истинное делание начинается очищением от страстей, а дальше идет обожение, уподобление Богу... Григорий Палама говорил, что через очищение сердца, через хранение ума и постоянную молитву Иисусову можно дойти до такого состояния, что еще здесь на земле мы воскреснем и еще здесь увидим Бога... как свет, который видел Адам и который озарил апостолов на горе Фавор, чтобы они знали, куда идут и что получат...

Вспомним, что такое безмолвие по учению святых отцов. “Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним”, – говорит Иоанн Лествичник... Где бы ты ни находился и в какой бы суете ты ни жил, ты можешь начать службу Богу, ты можешь быть исихастом... Какую бы работу ты ни делал, на службе или дома, постоянно помни, что ты Божий, что ты исполняешь свою работу не для отца или матери или того или иного человека, а для Бога... Если ты будешь делать так, то ты не далек от подлинного делания безмолвника... Хранение ума необходимо нам, тем, которые живут в мечтах и рассеянии, необходимо так же, как тому, кто удалился в пустыню... Если бы мы старались уберечь свое сердце от всего дурного, то явились бы делателя-

ми истинного безмолвия... Все это необходимо нам для того, чтобы чистыми приблизиться и познать Чистейшее, чтобы предстать пред Престолом Божиим, ибо истинное делание безмолвника есть предстояние Богу, иными словами – молитва...

Вот почему святая Церковь празднует ныне память Григория Паламы. Да, он был подвижником, да, он был безмолвником, да, он был афонским иноком, но он вышел к народу, стал архиепископом и продолжал делать то, что делал раньше, соединив делание подвижника, уединенника, безмолвника с общественным служением. И все это может делать всякий, кого Господь не благословил на уединение в пустыне»[436].

Главное русло

С XIV века исихазм оформился как духовно-культурное течение и как богословское направление, которое прямо связывает понятие о цели и назначении человеческой жизни с «возможностью достижения человеком состояния обожения и стяжания истинного христианского просвещения Святым Духом». Отсюда исихазм мыслится как жизненный принцип, пронизывающий индивидуальное бытие христианина на всех его уровнях и влияющий на все стороны общественных отношений. Движение исихазма, «зародившееся в кельях подвижников-отшельников, пройдя несколько стадий в своем развитии, укрепившееся научно и богословски... подтвержденное решениями Поместных Церковных Соборов, сделалось главенствующим в Константинополь-

---

[436] *Сергий (Мечев), сщмч.* Проповеди // Надежда. 1993. № 17. С. 161–171.

ской Церкви. Это произошло еще и потому, что исихасты оказались выразителями народного понимания православно-аскетического духа христианской Церкви. Учение исихастов... оказало огромное влияние на государственное строительство, политику, общественные нравы, культуру и искусство православных стран, составлявших единое кафолическое церковное тело. Оно способствовало возникновению целого ряда духовно-культурных центров византийского и славянского мира, взаимообогащающему сотрудничеству всех тогдашних православных народов, сплочению славян и объединению русских княжеств. Наиболее реальное практическое воплощение идеи исихазма нашли на Балканах и особенно на Руси»[437].

Учение исихазма, которое понимается как «главное русло православного аскетизма», становится распространенным и влиятельным на Руси с XIV века, в эпоху Московского царства. Тогда же на Русь проникает развитая в Византии XIII–XIV веков идея о «всеобщности и универсальности исихастского пути» в Церкви Христовой, то есть о доступности практики исихазма для человека «при любом его положении, любых обязанностях и связях в мире»[438]. Это означает, что опыт монахов-исихастов «в принципе доступен всем христианам»[439].

С середины XIV века на Руси были известны основы учения свт. Григория Паламы по текстам, уже переведенным на славянский язык. «К концу XIV – началу XV века Русь читала и знала творения исихастов. Более того, их положения были “включены” в нашу жизнь»[440]. Это отража-

---

[437] *Петр (Пиголь), игум.* Духовные истоки победы на Куликовом поле. 2005 // www.prokimen.ru

[438] *Хоружий С.С.* // БТ. 1997. № 33. С. 235–237.

[439] *Мейендорф Иоанн, прот.* // БТ. 1997. № 33. С. 236.

[440] *Роман (Тамберг), иеродиак.* // *Иосиф Волоцкий, прп.* Послание иконописцу. М., 1994. С. 29.

лось в уставной деятельности. Устав призван организовать внешний строй церковной жизни, без чего невозможно направить в нужное русло жизнь внутреннюю, духовную. Дисциплинарные и регламентирующие положения уставов в конечном итоге сводятся к главной цели – помочь внутреннему подвигу стяжания благодати, обретению непрестанной, чистой молитвы, достижению обожения. Уставное богослужение и жизнь по уставным нормам приводят человека к ясному пониманию необходимости внутреннего молитвенного делания. Устав учит тому, чем должна быть жизнь истинного христианина – не только инока, но всякого мирянина, – «непрестанною молитвою, неотдышною бранью сперва с плотию и кровию, а потом, по мере преуспеяния, и с врагом невидимым за дело вечного спасения»[441].

Все бытие верующего человека должно устремляться к единой цели – исполнению воли Творца, суть заповедей Которого – приуготовление к вечности. Отсюда основополагающий принцип исихазма: подчинить все сферы бытия духовному деланию – из всего извлекать духовный опыт, творить все во славу Божию. Молитвенная практика это не «ряд отдельных эмоциональных переживаний, но жизнь цельная»[442], умное делание это не комплекс упражнений, но образ жизни, определенное состояние сознания, состояние души, которое достигается через постоянство в подвижнических трудах.

После признания всеобщности идеала обожения, когда окончательно утвердилось «фундаментальное положения о том, что всякий человек, будь он христианин или нет, со-

---

[441] *Леонид (Кавелин), архим.* // Церковное Предание и святоотеческое наследие. М., 2004. С. 35.

[442] *Мейендорф Иоанн, прот.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 320.

здан по образу Божию и, следовательно, призван к богопричастию и обожению», стало очевидным, что путь к достижению этого идеала – исихастский подвиг – для всех одинаково необходим, вне зависимости от образа жизни. В ту эпоху «зрелого поздневизантийского исихазма XIII–XIV веков... исихастское учение уже не было ограничено исключительно монашеской средой. Григорий Синаит посылал своих учеников из пустыни обратно в город, чтобы они служили вожатыми для мирян; и Григорий Палама в остром споре настаивал, что поучение апостола Павла *непрестанно молитеся* обращено ко всем христианам без изъятия»[443].

Примером тесной связи исихазма с культурной жизнью общества той эпохи может служить деятельность свт. Николая (Кавасилы), современника и друга Григория Паламы, ученого богослова, который до пятидесятилетнего возраста оставался простым мирянином. Он, так же как и свт. Григорий, считал непрестанную молитву долгом каждого христианина: «Совершенно возможно заниматься непрерывной молитвой в своем доме, не отказываясь ни от каких обязанностей». Исихазм в понимании Кавасилы «есть, в принципе, всеобщий и универсальный путь». Эту же мысль позднее выразит отец Иоанн Мейендорф: «Опыт монахов-исихастов не есть только опыт отдельных мистиков, а опыт, в принципе доступный всем христианам», – веками «православная аскеза строилась как духовная практика (умное делание, умное художество), рассчитанная на то, чтобы внутренний мир человека и весь уклад его жизни были всецело подчинены и непрерывно заняты ей», как практика «всепоглощающая, безраздельно захватывающая всего человека».

---

[443] БТ. 1997. № 33. С. 236.

Каким же образом сделать подобную практику универсальной, то есть доступной для христианина в любом его положении, при любых обязанностях и связях с миром? Важные шаги к разрешению этой проблемы были сделаны в XIV веке. «Главная роль здесь снова принадлежит свт. Григорию Паламе. Еще в детстве он наблюдал, как его отец, придворный императора, совмещает свою мирскую деятельность с непрестанной Иисусовой молитвой. И он развил впоследствии антропологическую и богословскую концепцию, согласно которой жизнь в миру может и должна сделаться совместимой с аскетической практикой и, более конкретно, с исихастской молитвой.

Эта концепция, включая глубокие идеи и наблюдения, в частности о механизмах работы сознания, описывает, как молитва становится неким вторым планом, или фоном, сознания, своеобразным "внутренним звуком", непрерывным, а точнее сказать, "не занимающим времени", располагающимся вне времени. Сознание при этом приобретает специфическую двойную структуру, в которой внутренний "вневременной" слой хранит молитвенное действие, собранную устремленность к Богу всех энергий личности, тогда как слой внешний, отчасти автономный, отчасти подчиненный внутреннему, может обеспечивать обычную эмпирическую деятельность. Этот богословский вклад сыграл значительную роль в духовном развитии Византии... Ключевым фактором в этом процессе был именно выход исихастской традиции в мир»[444].

Те же процессы наблюдаются и в России, где к исихастской традиции примыкали такие столпы православия, как Сергий Радонежский, Иосиф Волоцкий, Андрей Рублев, Нил Сорский. Отмечается, что «славянский и русский иси-

[444] БТ. 1997. № 33. С. 235–238.

хазм не ограничивался безмолвием и молитвой, как предполагало бы само слово [исихия[445]], а вел к расцвету богословия и иконописи, реформированию монастырской жизни, литургическому творчеству, к широким движениям гражданского и даже политического обновления»[446].

«Искусство этого периода, – пишет Л. А. Успенский[447], – направлялось людьми, которые сами были проводниками исихастской жизни». Среди них выделяются имена иконописцев Андрея Рублева и Дионисия, которые руководствовались в своем творчестве «богословием исихазма, и в первую очередь учением об умной молитве».

---

[445] Исихия (ἡσυχία) – безмолвие, покой.

[446] Приложение // *Григорий Палама, свт.* Триады. М., 1995. С. 350.

[447] **Успенский Леонид Александрович** (1902–1987), русский иконописец и реставратор. Родился в Воронежской губ. в имении отца, воевал в Гражданскую войну (1918–1920), оказался в эмиграции. В Болгарии работал на соляном заводе, на строительстве дорог, на виноградниках, на угольной шахте (до 1926), во Франции работал на заводе у доменной печи, уволился, пострадав от несчастного случая. Получил образование в Русской художественной академии в Париже (1929), здесь же вступил (1930-е) в братство свт. Фотия (Московской Патриархии). Был особенно близок с В.Н. Лосским и иеромон. Григорием (Кругом), вместе с которым начинал заниматься иконописью. Во время немецкой оккупации находился на нелегальном положении. Преподавал иконопись в Богословском ин-те в Париже (с 1944), затем, в течение 40 лет, преподавал в Экзархате Московской Патриархии иконопись и на Богословско-пастырских курсах (1954–1960) иконоведение как богословскую дисциплину. Основным занятием Леонида Александровича была иконопись, реставрация икон и резьба по дереву. Писательский труд был ему чужд, свои статьи и книги (широко признанные и переиздаваемые в разное время и на разных языках) он писал лишь ради того, чтобы раскрыть церковное искусство в свете православного Предания. Свою работу он считал только началом богословского осмысления иконы и иконописного канона, надеясь, что после него ее продолжат другие. Однако его книга «Богословие иконы Православной Церкви» признана современной классикой, переведена на французский и опубликована во Франции (1980), по-английски издана в Нью-Йорке. Успенский бывал на родине, Русская Церковь оценила его труды и наградила орденами Св. Владимира I и II степени. Скончался Леонид Александрович 11.12.1987, погребен на русском кладбище в Сен Женевьев де Буа.

Богословская связь умного делания с иконописью и иконопочитанием находит свое выражение в известном сочинении прп. Иосифа Волоцкого[448] «Послание иконописцу». Обращает на себя внимание исихастская направленность этого памятника. «Вероучебная сторона иконописи сопровождается чисто исихастским поучением... Уделяется много места наставлению, проникнутому духом умного делания, даются советы для молитвенного и жизненного подвига».

---

[448] **Иосиф Волоцкий** (Санин; 1439–1515), преподобный. Основной труд прп. Иосифа – Просветитель «считается первым оригинальным богословским сочинением Древней Руси» и дает основание признать прп. Иосифа «одним из основоположников русской богословской мысли». Аскетическое учение изложено в Монастырском уставе и Духовном завещании Иосифа. В XVI–XVIII веках его сочинения расходились по Руси во множестве списков. «Судя по количеству и качеству этих произведений, – пишет В.О. Ключевский, – можно сказать, что ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, какое мы находим в обители Иосифа». Иосифов мон. стал одним из крупнейших центров русской культуры. Здесь была создана уникальная, известная на всю Россию библиотека, содержавшая около 1150 рукописей, собрание включало всю доступную в то время аскетическую литературу. Прп. Иосиф на русской почве до совершенства развил общежительную форму монастырской жизни. Как духовный руководитель, он насаждал тот вид старческого служения (монастырское окормление мирян), который процвел через века в Оптиной пуст. Л.А. Успенский и другие исследователи указывают на связь учения прп. Иосифа с традицией исихазма, отмечается, что основные смысловые акценты в Просветителе обусловлены «исихастской духовной практикой» автора. «Влияние прп. Иосифа и его учеников сформировало тот тип церковности и благочестия, который был характерен для допетровской Московской Руси». Глубокая богословская образованность и полемический дар позволили Иосифу стать ревностным защитником православия. Ему удалось совместно со свт. Геннадием Новгородским покончить с ересью жидовствующих (т.е. отступивших в иудаизм), для искоренения разрушительного антихристианского учения потребовалось более 30 лет напряженной борьбы и созыв трех Соборов. Как истинный патриот, прп. Иосиф был обречен испытать на себе клевету и замалчивание, которые не преодолены и по сей день. Открытие святых мощей прп. Иосифа, полтысячелетия почивавших под спудом, свершилось (12.06.2003) тщанием митр. Питирима (Нечаева).

Послание прп. Иосифа «сыграло большую роль в уяснении смысла церковного искусства. Его влияние отразилось на сочинениях прп. Максима Грека, прп. Зиновия Отенского, митрополита Макария и других». Послание, по своему богословскому содержанию и внутреннему духу, находится в полном созвучии с «русским искусством эпохи расцвета, которое являет то же неразрывное единство догматического учения, молитвенной практики и художественного творчества. Искусство этого времени достигает высшего уровня, отвечающего тем требованиям, которые предъявляет ему православное вероучение... Именно исихазм играл ведущую роль в сферах духовной и практической деятельности человека». На русской почве особенно проявился практический характер исихазма, составлявшего самую сердцевину византийского богословия того периода. Именно здесь, на Руси, исихазм нашел свое наиболее полное воплощение в жизни и искусстве[449].

В последующие времена традиция исихазма переживала в России глубокий упадок. Лишь с конца XVIII века начинается новый значительный подъем. Возрождение традиции старчества и умного делания и последовавший за этим расцвет русской духовной жизни тесно связаны с именем прп. Паисия Молдавского.

Из монашеской среды исихазм выходит в мир, формируются два направления, одно из которых обращено к народу, другое – к просвещенному сословию. «В народном русле наблюдаются такие явления, как синтез исихазма и странничества», что отражено, например, в известной книге «Откровенные рассказы странника...». В среде просвещенной, в кругах ранних славянофилов «соединение исихастской практики с мирской жизнью обсуждается и про-

---

[449] *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. 1989. С. 212–223.

думывается теоретически. Стратегия такого соединения получает название “монастырь в миру” и под этим именем становится одним из ведущих и глубинных импульсов русской религиозности».

Выход аскетической духовности в мир потребовал переосмысления взаимоотношений с миром, так как исихаст, который не является монахом и не отделен от мира монастырской стеной, вынужден участвовать в социальной жизни. Однако элементы социальных связей сохранялись и у строгих отшельников, – например, традиционное плетение корзин или иное рукоделие, дававшее средства к пропитанию. Особенность монашеского рукоделия в том, что оно не требует внутренней включенности в работу, душа инока, сохраняя отстраненность от внешнего делания, погружена в молитвенный труд. Тот же подход к делу нужен для созидания «монастыря в миру». Тогда любая деятельность мирянина становится своего рода «плетением корзин». Человек, будь он крестьянин или рабочий, программист или бизнесмен, внешне участвует в социальной жизни, но она не затрагивает его душу, – истинная жизнь, подлинная активность и творчество сосредотачиваются в его внутренней духовной работе[450].

---

[450] БТ. 1997. № 33. С. 235–238.

Монастырь в миру

В 1920-е годы, в период большевистских гонений, идея монастыря в миру стала вновь актуальной, она активно осмыслялась и воплощалась в жизнь московскими пастырями. Протоиерей Валентин Свенцицкий писал: «В апостольские времена монастырей в нашем смысле не было. Но значит ли это, что их вообще не было? Нет. Монастырь был. Но он был в миру, и были монахи, хотя они не носили монашеских одежд». Так же и будущее монашество в условиях гонений, в условиях современного мироустройства, как это предвидел еще прп. Антоний Великий, будет монашеством в миру. «Оно не будет внешне ограждено от мирских соблазнов, как ограждено было в прежнем монастыре». Подвижники будущего будут жить без защиты монастырских стен, среди мира, где на каждом шагу искушение и опасность, где каждый миг – угроза «преступить». Прп. Антоний пророчествовал, что они будут блаженнее древних монахов, ибо задача их будет сложнее – устоять при всей доступности соблазнов, при той легкости, с которой возможно поддаться им. Иная трудность в том, что не станет общежительного братства, подвижничество будет единоличным, каждый будет сражаться за свое спасение в одиночку. «История как бы завершит круг и вновь придет и к гонениям первого века, и к монашеству первоначального христианства»[451].

Отец Валентин считал, что монашество, в том виде, в котором оно существовало до революции, в его время уже не является подходящим образом жизни для желающих служить Христу. Его девиз был – «монашество в миру». Если

---

[451] *Свенцицкий Валентин, прот.* Диалоги. М., 1995. С. 149, 159.

хочешь работать Христу, то не уходи в монастырь, а устраивай подлинную христианскую жизнь в миру. Окормляясь у духовника, ты можешь проходить послушание, работая на заводе или в любом другом месте. Можешь посвятить себя служению ближним, пребывая в молитве и даже ежедневно посещая церковь. Можешь совершать основное делание монахов – проходить умную молитву, иметь откровение помыслов своему духовнику.

Развивая идею «монастыря в миру», отец Валентин в своих «Беседах о духовной жизни» пишет: «С одной стороны, уничтожение прежних монастырей, с другой стороны – общее безбожие и отпадение от веры, – эти два условия неизбежно приводят верующих людей к новому внутреннему монастырю». Отправной точкой для отца Валентина стали слова свт. Иоанна Златоуста: «Мы должны искать пустынножительство не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню»[452].

Идеи эти был близки не одному отцу Валентину. «Проповедь и реальное осуществление идеи монастыря в миру – главный стержень деятельности выдающихся московских пастырей Алексия и Сергия Мечевых в 20–30-е годы». Отец Алексий часто говорил, что «его задачей было устроить “мирской монастырь”, или “монастырь в миру”... что надо в миру жить “премирно”, пользоваться им, по слову апостола, как бы не пользуясь». Отец Алексий создавал «паству-семью, связанную внутри себя узами любви. В ней каждый человек живет как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу, стремится к святости, к обожению».

---

[452] *Тревогин Георгий, свящ.* Батюшкина любовь // Пастырь добрый. М., 1997. С. 193, 707.

Дело, начатое святым отцом Алексием, продолжил его святой сын. Не раз отец Сергий говорил в своих проповедях: «Где бы ты ни находился и в какой бы суете ты ни жил, ты можешь начать службу Богу, ты можешь быть исихастом»[453]. Несмотря на исключительно тяжелые условия приходской жизни того времени, священномученик Сергий стремился на деле осуществить эту сложнейшую задачу – приспособить основы умного делания к жизни среди мира[454].

Праведный Алексий Московский в основном был согласен с воззрениями отца Валентина Свенцицкого на монашество, хотя, в отличие от последнего, он не считал, что монашество монастырское отжило свой век. Сама же идея монастыря в миру была у них общая. На одной из встреч в предпоследний год своей жизни, в кругу самых близких духовных чад отец Алексий говорил: «И в миру и в монастыре требуется отречение от мира. В миру нужно, чтобы нас не захватывало то, что делается кругом нас, – безбожие и прочее. И в миру и в монастыре есть общение с людьми, поэтому и тут и там надо бороться со своим "я". Молясь утром и вечером, живо поставляйте себя пред Господом – это заставит вас и днем чаще обращаться к Богу с сердечной молитвой. Как какой соблазн, какой случай ко греху, вспомните: а как же я вечером буду молиться, какими глазами взгляну на икону? И вам захочется удержаться от греха: "Господи, помоги мне", "Владычице, помоги мне быть Твоим чистым сыном или дочерью". А потом эта работа над собой, эти труды вас так завлекут, что вы не будете уже жалеть, что вы не устроились замуж. И куда бы вы ни пришли, везде будет хорошо. Может быть, и в монастырь когонибудь из вас Господь благословит, и туда вы придете уже

---

[453] См.: Надежда. 1993. № 16, 17.

[454] БТ. 1997. № 33. С. 244, 245.

готовые, и там будете солнышками, которые всех согревают, всех объединяют».

Прихожанин мечевского храма Николай Пестов[455], вспоминая о жизни общины, писал, что всем инокам монастыря в миру следует помнить указания старца отца Алексия Мечева о том, что здесь «нельзя применять внешние формы монашеской жизни, от которых всегда будет ущерб семье, которая непременно будет заброшена. Внутренняя духовная жизнь одинакова для всех. Можно жить монахиней или иноком по духу и в миру, но внешние правила монастырской жизни в миру немыслимы, чего иногда не понимают духовники из монашествующих. У иноков общежительного монастыря внешняя жизнь протекает иначе, чем у мирянина: все у них готово, на все свое время. Подражая монастыр-

[455] **Пестов Николай Евграфович** (1892–1982), профессор, доктор химических наук. Был известен в православных кругах не только Москвы, но и многих городов и областей нашей Родины как религиозный писатель и духовный руководитель. Иисусовой молитве Н.Е. Пестов обучался под руководством сщмч. Сергия (Мечева). Когда был закрыт храм на Маросейке, в одной из комнат квартиры Пестова была устроена домовая церковь. Многие годы здесь шли тайные богослужения, здесь находили приют освобожденные из заключения монахи, священники, старцы. Пестов вел обширную научную и преподавательскую работу в московских вузах и исследовательских ин-тах. Его перу принадлежит книга «Жизнь для вечности», посвященная старшему сыну Николаю, геройски погибшему на фронте в 19 лет (30.08.1943). К 1950-м годам относятся первые работы Пестова по богословию. Его главный труд – четырехтомник «Опыт построения христианского мировоззрения» (или «Современная практика православного благочестия»). Пестов лично знал многих подвижников Русской Церкви, встречался (1916) с прмч. Елизаветой Феодоровной, был лично знаком с патриархом Пименом, который высоко ценил его богословские труды. В 1970-е годы квартира Н.Е. Пестова стала своеобразным центром духовной жизни Москвы, ее посещали сотни людей, беседовали, читали, брали книги из духовной библиотеки, – хозяин дома не жалел для этого ни сил, ни средств. Скончался Николай Евграфович 14.01.1982. Его внуки – братья-священнослужители из известной семьи Соколовых, в том числе почивший епископ Сергий (Соколов; 1951–2000) и трагически погибший протоиерей Феодор (1959–2000), бывший настоятель Преображенского храма в Тушине.

ской жизни, инок в миру иногда может взять на себя непосильные подвиги, будет тянуться, тянуться – не выдержит, оборвется, и душа его начнет страдать. А в духовной жизни самое главное, чтобы никто и ничто по возможности не страдало. Страдание допустимо лишь тогда, когда дело идет о покаянии и является плачем о грехах своих».

Существует различие «в отношении к окружающим у инока в миру и инока, живущего в монастыре. Если в монастыре его сравнительно мало касаются житейские скорби и нужды ближних, то здесь, в миру, он окружен ими... У старца отца Алексия были случаи, когда он снимал или облегчал послушание (в молитвах, посте и других подвигах) у некоторых обратившихся к нему христиан, как мирских, так и иноков, которые жили в миру и не могли понести в мирских условиях того, что монастырские старцы наложили на них». А одной из своих духовных дочерей отец Алексий говорил: «Твое монашество – любить тех, с кем в жизни Господь тебя поставил. И в миру можно быть монахиней»[456].

Эллинская традиция

Молчальник с острова Эгина старец Иероним[457], хотя и находился в иноческом сане, всю жизнь отдал служению в миру. Старец имел устроение исихаста: не удаляясь из мира, «в сердце и уме своем он был жителем пустыни». Его по-

---

[456] *Тревогин Георгий, свящ.* Батюшкина любовь // Пастырь добрый. М., 1997. С. 193, 707, 708.

[457] **Иероним Эгинский** (Апостолидис; 1883–1966), иеросхимонах. Известный греческий старец. Родом из благочестивой семьи, где шестеро детей ежедневно вычитывали шестопсалмие, вечерню, повечерие и каноны. С 8 лет прислуживал и читал в храме, в 10 лет дал обет стать монахом, с 16 лет произносил в церкви проповеди и вскоре был руко-

сетители ощущали, будто «попали к одному из пустынников первых веков христианства»[458].

После того как отец Иероним лишился руки, он поселился при Благовещенском ските вблизи поселка Эгина, здесь все дневные службы он сам вычитывал полностью. По ночам старец часто вообще не ложился, – сидя в кресле, он предавался краткому сну и снова вставал на молитву. В три часа утра он поднимался читать полунощницу, утреню с кафизмами и часы. Днем, часа в четыре, келейно служил вечерню, на которую ежедневно приходили несколько благочестивых женщин певчих, присутствовали и те, кто пришел к старцу на исповедь и за советом. Богослужебный круг завершался около восьми вечера, когда читалось повечерие с акафистом Богородице. Затем старец уединялся, чтобы провести ночь между сном и молитвой до трех утра, продолжая непрестанное прославление Бога. «Не прекращай молитву, пока не проронишь хоть капельку слез», – говорил старец. Сам он не представлял себе молитвы без слез.

Старец требовал, чтобы к службе все книги готовились заранее, чтобы во время молитвы, «в присутствии Бога»,

---

положен во диакона. Служил в Константинополе, затем всю жизнь на о. Эгина. Рукоположен во священника (1923) и пострижен в схиму на Афоне. Имел встречи со старцами Иосифом Исихастом и Арсением Пещерником. Родная сестра старца Арсения, мон. Евпраксия (Галанопулос), была духовной дочерью о. Иеронима и в течение 47 лет служила ему келейницей. Уже будучи иереем, о. Иероним пострадал от несчастного случая – при взрыве гранаты потерял левую руку. Смиряясь пред Промыслом, старец благодарил Бога, молитвенно восклицая: «Господи, ничего у меня не было, когда я родился. Ты меня создал и даровал мне все... Если это полезно для моей души, то возьми и вторую мою руку». Оставшись калекой, он полностью предался молитвенному деланию, имел дар созерцательной молитвы, целительства и прозорливости. Все силы отдавал служению простым людям, святостью жизни привлек к себе внимание множества верующих. Имел дар слова, многих поддерживал высокодуховными советами.

458 *Пантелеимон, архим.* Приложение // *Боцис П.* Старец Иероним, молчальник Эгинский. М., 2003. С. 176.

царили порядок и благоговение. Он был непримиримым противником поспешного и небрежного чтения богослужебных текстов, считал, что такая молитва остается бесплодной. Приходившим за советом старец часто говорил: «Надо быть очень внимательным, дабы сохранить веру такой, какой нам ее передали святые отцы. Но сейчас много несообразного: священство стрижет бороды и волосы, снимает рясы, монахи скитаются по миру, как миряне». Отец Иероним «не отрицал достижений современности, но любил все старинное, начиная с духовного и кончая материальным. Ему нравился древний порядок службы, старинные книги, старые предметы, поскольку он верил, что все они сделаны с душой и несут на себе печать их создателей».

Каждый день, немного отдохнув после утрени, старец «около восьми утра с молитвой в уме и на устах» направлялся в поселок, где его ждала многочисленная паства. «Каждому нуждающемуся старец должен был сказать слова утешения». Невзирая на свою телесную немощь, он с полной отдачей нес служение духовника и наставника, окормляя островитян и паломников. Дар прозорливости помогал старцу в его жертвенном попечении о душах, за которые он возлагал на себя полную ответственность пред Господом. Он не мог жить без постоянной заботы о простом народе — всегда щедро, до последнего, раздавал все продукты и деньги. Сам старец был абсолютно безразличен к пище и одежде, он даже дал обет отказываться от всякой новой вещи и всегда ходил в лохмотьях.

«Молитва была не только пищей для отца Иеронима, она восполняла и все его потребности. С молитвой он переносил зимний холод и летний зной и никогда ни на что не жаловался. Однажды зимой духовные чада сложили ему печь, чтобы он не замерз, и растопили... Через пять минут

старец сказал: “Достаточно, потушите, у меня от жары болит голова”. В это время в его промерзшей комнате все стучали зубами от холода». У него был иной источник тепла, и объяснял он это совсем просто: «Когда я замерзаю, то молюсь и благодать Божия согревает меня». Отец Иероним «был очень воздержанным в пище, любил пост, никогда не нарушал его, даже когда болел. Мяса он вообще не ел, и никогда его не волновал состав пищи – что ему приносили, то он и ел». При такой строгости к себе к другим он был снисходителен, не поощрял чрезмерностей в посте, но большее значение придавал добродетелям духовным.

Старец был обеспокоен, когда Церковь Греции перешла на новый календарный стиль. «Его беспокойство возрастало оттого, что многие православные обычаи подверглись изменению: ему не нравилось сокращение служб, обмирщение клира, удаление от православного жизненного уклада». Старец внимал не форме, а сути, он замечал, как начинает зарождаться безразличие и неустойчивость в вере. Он задумывался над тем, чтобы остаться со старостильниками, видя в них верных ревнителей Предания, не приемлющих никаких новшеств и нарушений в отношении веры. Отец Иероним усердно молился, желая постичь Божию волю. Наконец он получил указание свыше о том, что надлежит ему делать. С тех пор он «просто и тихо, без всяких громких протестов, следовал старому стилю»[459].

* * *

Истинных подвижников внутреннего делания всегда можно было встретить среди мирян. Старец Иероним Эгинский рассказывал, какое огромное влияние на его

---

[459] *Боиис П.* Старец Иероним, молчальник Эгинский. М., 2003. С. 87, 94–98, 100, 101, 123.

духовное становление оказал его первый наставник. Это был простой крестьянин Мисаил, женатый человек, имевший детей. И вместе с тем, как рассказывал старец, он «был вторым Исааком Сириным, настолько он преуспел в молитве». Это был «один из тех подвижников, о которых можно прочитать лишь в житиях святых. Строгий, но кроткий... он проводил дни и ночи в молитве». Со временем он стал духовным наставником для жителей своей деревни.

«У Мисаила была жена, но они долгое время жили как брат и сестра. Он работал для семьи и кормил ее. Днем он трудился один в поместье, чтобы его не видели молящимся, ночи проводил в часовне. Когда Мисаил молился, его сердце сильно разогревалось и он забывал себя. Он мог оставаться с простертыми руками в коленопреклоненной молитве на протяжении двух дней». Всего себя он посвятил умной молитве. «Он становился на колени перед иконой или под открытым небом и возносился душой к Богу. Молясь, он вспоминал свои грехи и проливал обильные слезы, надеясь получить прощение. Он часто поднимался в горы и пребывал там в молитве до вечера. Во время молитвы, в борении, он проливал столько пота, что, по словам старца Иеронима, “если выжать его рубашку, то можно было бы набрать около литра воды”.

В церкви, во время литургии, Мисаил не заходил в храм, а, стоя в притворе, опускал голову на грудь и молился. Когда же иерей произносил отпуст, он бесшумно уходил и отправлялся в какую-нибудь часовню, чтобы продолжить свою молитву». Там он проводил несколько часов в одиночестве, «в духовном воодушевлении и сердечном сокрушении, молясь вслух со слезами». Однажды Мисаил сподобился чудесного явления ангела, который вразумил его быть наставником для односельчан и обучать их умной молитве. У Мисаила была дочь, истинное чадо своего отца, –

она имела особое призвание к духовной жизни и умной молитве и стала наставницей для женщин села.

«Мисаил был немногословен, кроток, любил молчание и имел глубокое чувство своей греховности. Он никому не позволял превозносить себя. Если кто решался похвалить его, то он мог уже больше с ним никогда не заговаривать». Каждый четверг Мисаил уходил ночью из села и поднимался на одну из окрестных гор. Перед восходом солнца он уже стоял с воздетыми к небу руками, и так молился до заката, не двигаясь с места и не опуская рук, одежда его была мокрой от слез и от пота.

«Он был семейным человеком, – говорил старец Иероним, – жил в миру, но обладал сильным желанием и усердием к духовному, потому и достиг того, что для других недостижимо... Заботьтесь о том, чтобы духовно расти. Каждый человек достигает того, чего хочет. Желание и усердие ведут его к духовному совершенству. Если человек захочет, может стать и святым. Бог нелицеприятен и не освящает одних избранных, но тех, кто хочет этого и подвизается. И святость исходит от Бога лишь как награда за их желание»[460].

* * *

Специальные наставления для мирян дает в своих письмах старец Иосиф Исихаст[461], объясняя, что горожанам, так же как и пустынникам, надлежит приобщаться умному де-

---

[460] *Боцис П.* Старец Иероним, молчальник Эгинский. М., 2003. С. 11–15, 104, 173.

[461] **Иосиф Исихаст, Пещерник, Спелеотис, Афонский** (Коттис; 1898–1959), схимонах. Выдающийся греческий подвижник, афонский пустынник. Будущий старец родился в с. Левкес на о. Парос в простой и бедной семье Георгия и Марии Коттис, в крещении получил имя Франциск. Отслужив военную службу на флоте, юноша стал преуспевающим коммерсантом в Афинах. В 23 года он взялся изучать книги святых отцов и начал подвизаться в миру с необычайной для нашего

ланию. Особенность в том, что в миру иначе строится распорядок жизни – мирянин, примеряясь к условиям, вынужден держать «гибкое» правило. Старец пишет: «Теперь – о времени молитвы. Так как ты в миру и у тебя есть разные хлопоты, совершай молитву, когда находишь время[462]. Но понуждай себя постоянно, чтобы не расслабиться... Везде произносится молитва: и сидя, и в постели, и на ходу, и стоя... Нужна борьба: стоя, сидя. Когда устанешь, садишься и опять встаешь, чтобы тебя не одолел сон. Это называется деланием. Ты показываешь свое намерение Богу».

Своему духовному сыну – священнику старец Иосиф советует непременно привлекать мирян к умно-сердечному

времени строгостью. Вскоре, раздав все свое имущество, он прибыл на Афон (1921). Здесь своим высоким подвигом старец послужил всему христианскому миру. Окончив всего два класса начальной школы, этот, неграмотный с мирской точки зрения человек, стал богонаученным мудрецом, в «университете пустыни» постиг божественные истины. Старец Иосиф – возобновитель многовековой исихастской традиции, воспитатель целой плеяды подвижников, послуживших нынешнему духовному возрождению Афона. Сейчас во многих крупных и духовно крепких мон-рях Св. Горы, таких как Филофей, Ксиропотам, Ватопед, Дионисиат, Костамонит, игуменствуют и старчествуют прямые ученики старца Иосифа или же ученики его учеников. Из пяти самых близких воспитанников старца трое уже отошли в вечность, – это присный его сподвижник схимон. Арсений Пещерник (Галанопулос; †1983), иеросхим. Ефрем Катунакский (Папаникитас; †1998) и архим. Харалампий Дионисиатский (Галанопулос; †2001); продолжают свое подвижническое служение – просветитель Америки архим. Ефрем Святогорец (Мораитис; р. 1928) и схимон. Иосиф Ватопедский (р. 1921). Старец Иосиф Исихаст скончался (15/28.08.1959) «преподобнически, в полном сознании и просвещенном уме, созерцая ангелов и святых», в день Успения Богородицы, Которая за 40 дней известила его о дне кончины. Филофейский мон. издал в последнее время три тома поучений старца, его письма и воспоминания о нем. Частицы мощей о. Иосифа, как еще не канонизированного, но широко почитаемого подвижника, находятся в различных мон-рях Св. Горы.

[462] Почти то же пишет прп. Амвросий Оптинский в письме к мирянину монашеского устроения: «Молиться по определенному назначению тебе не удобно, а молись – какое подаст Бог время и удобство». Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. Ч. 1. С. 199.

деланию: «Учи *всех* молиться умно, чтобы непрестанно говорили молитву... Вначале устами и умом. Затем умом и сердцем. И они найдут вскоре путь жизни, дверь рая».

Однако город все-таки не скит. Отец Иосиф напоминает о важном обстоятельстве, знать о котором необходимо, – о том, что высокие созерцательные состояния требуют совсем особой обстановки, едва ли доступной в миру: «А что касается созерцания, о котором ты спрашиваешь, так это там трудно, ибо требуется совершенное безмолвие»[463].

Молитвенный подвиг среди суетности мира, при погруженности в дела, возможен, как правило, лишь в пределах деятельного периода. Возвышенные состояния созерцателей требуют совершенно иных, особых условий, тех, которые соответствуют понятию схимнического образа жизни.

Но надо полагать, что для человека, сподобившегося пройти деятельный путь подвига и достичь сердечной чистоты, будет уготована Промыслом Божиим и дальнейшая стезя. Господь, Которому *вся возможна*[464], силен устроять любые внешние обстоятельства для Своих избранников. В том числе и в миру. Нет сомнений, что в подходящее время Он приведет такого человека в нужное место и поместит в подобающие условия. Потому нет оснований для беспокойства о будущих подвигах, но есть все основания для неотступного самопонуждения к молитвенному труду в момент настоящий.

---

[463] *Иосиф Афонский, старец.* Изложение монашеского опыта. ТСЛ, 1998. С. 19, 22, 210.

[464] См.: Мф. 19, 26; Мк. 9, 23; Мк. 10, 27; Мк. 14, 36; Рим. 12, 18.

* * *

Вспоминается исключительный пример святого греческого старца Арсения из Фарасы[465], который, будучи всецело погружен в многочисленные пастырские хлопоты сельского священника, тем не менее, каждую неделю на два дня уходил в затвор и погружался в высочайшее созерцание. Не удаляясь полностью от суетного мира, этот молитвенник обрел обильные благодатные дарования. Явные чудеса, совершаемые отцом Арсением, невольно побуждали людей почитать его за святого. Это ставило старца в затруднительное положение, так как более всего он опасался человеческой славы. Приходилось время от времени прибегать к юродству. «Чтобы не слыть кротким, он притворялся озлобленным. Чтобы не слыть постником, он прикидывался чревоугодником». Он предпочитал казаться безумным, дабы утаить святость, сохранить покой и продолжить монашеский подвиг, который обыденным людям было слишком трудно понять.

Особо суровым он старался выглядеть, отпугивая набожных женщин, благоговевших перед ним и искренне же-

---

[465] **Арсений Каппадокийский, Фарасский** (Анницалихос; 1840–1924), преподобный. Одна из самых ярких личностей среди греческих святых последнего времени. «Его молитва могла пробить камень», – говорили о нем современники. В 26 лет принял постриг в мон-ре в Кесарии и рукоположение во диаконы. Был направлен учительствовать в поселок Фараса, где через 4 года получил сан священника и архимандрита. Здесь он и нес более 50-ти лет самоотверженное пастырское служение. Строгий аскет, он по любви постился и за тех, кто сам не мог этого делать, всенощные бдения служил от заката до восхода солнца. Каждую неделю он два дня проводил в затворе, погруженный в созерцание. Совершал бесчисленные чудеса, по его молитве исцелялись даже турки. Сподоблялся явления Божией Матери. Причислен к лику святых Константинопольским Патриархатом (1986). Житие святого написано известным афонским старцем Паисием (Эзнепидисом), который был крещен о. Арсением, получил от него свое мирское имя и предсказание о будущем монашеском пути. В Греции это житие переиздавалось 14 раз.

лавших проявить о нем заботу. «Если бы я хотел, – говорил старец, – чтобы обо мне заботились женщины, то стал бы женатым священником... Монах, о котором заботятся женщины, это не монах». Однако часто, когда отец Арсений пытался прикинуться раздраженным, это выходило не слишком удачно, его выдавали глаза, которые светились любовью. Но все же он старался убедить людей в том, что был грешником, отягощенным многими страстями.

Неоднократно предлагали отцу Арсению епископский сан, Иерусалимский патриарх даже прибегал к уговорам. Однако старец упорно отказывался, отговариваясь тем, что у него раздражительный нрав. А тому, с кем был откровенен, объяснял: «Я не могу стать епископом, так как боюсь гордыни. Чем выше горы, тем больше там собирается грозовых туч». Епископскому саккосу он предпочитал нищенскую накидку из мешковины, скрывавшую Царство Божие, воссиявшее у него в душе[466].

* * *

В год своей кончины прп. Арсений Каппадокийский крестил и нарек тем же именем младенца Арсения (Эзнепидиса)[467]. «Хочу, – сказал он родителям, – оставить монаха, который пошел бы по моим стопам», – так святой предрек судьбу будущего святогорского старца Паисия. Еще в раннем детстве этот благодатный ребенок принял решение

---

[466] *Паисий Святогорец, старец.* Прп. Арсений Каппадокийский. ТСЛ, 1997. С. 43–51.

[467] **Паисий Святогорец** (Эзнепидис; 1924–1994), схимонах. В миру Арсений, в иночестве Аверкий. Родился в Каппадокии, был 8-м ребенком в крестьянской семье Продромоса и Евлогии Эзнепидис, имевших 10 детей. Подвизался на Св. Горе (с 1953) в мон. Эсфигмен и Филофей, пострижен в рясофор (1954) и в мантию (1957). Покинув Афон, восстанавливал мон. Стомион в Конице (1958–1962), пустынножительствовал на Синайской горе (1962–1964). По состоянию здоровья был вы-

стать монахом, но осуществить свою мечту смог лишь в тридцатилетнем возрасте. До этого он вынужден был помогать своему отцу содержать многодетное семейство. Все эти годы будущий старец вел в миру напряженную подвижническую жизнь, которая была для него подготовкой к монашеству.

Родители старца отличались таким благоговением, что, трудясь в поле до вечера, они по постным дням ничего не ели и не пили и лишь в конце рабочего дня вкушали антидор. Со второго класса школы Арсений начал ежедневное чтение Священного Писания и житий святых, он «без конца все постился и постился, все куда-нибудь уходил, чтобы быть одному и молиться». Под праздники мальчик не ложился спать, зажигал лампаду и молился, читал Псалтирь, всю ночь простаивая на ногах. Однажды, вспоминает сестра старца, когда родители были в поле и начался дождь, Арсений, волнуясь за них, подвел младших брата и сестру к домашнему иконостасу, опустился вместе с ними на колени. Дети стали молиться, и дождь прекратился. В пятнадцатилетнем возрасте Арсений, после нескольких часов молитвы с поклонами, сподобился чуда – ему явился Сам Христос. Потрясенная детская душа окончательно утвердилась в вере.

нужден вернуться на Афон и поселиться в Иверском скиту. Пострижен в схиму (1966) своим старцем, русским отшельником Тихоном (Голенковым). О. Паисий безмолвствовал на Катунаках, помогал восстанавливать мон. Ставроникита (1968); после кончины старца Тихона (1968) 11 лет проживал уединенно в его келье Честного Креста, затем (с 1979) 15 лет в келье Панагуда. За 9 месяцев до кончины старец Паисий по болезни был вынужден покинуть Афон. Он скончался в больнице (29.06/12.07.1994) после поистине мученических страданий и погребен в основанном им (1967) женском мон-ре св. Иоанна Богослова в Суроти близ Салоник. Могила старца находится у алтаря храма прп. Арсения Каппадокийского, где покоятся мощи святого, некогда обретенные и привезенные сюда старцем Паисием.

После школы юноша стал учиться на плотника, из любви, как он говорил, к «ремеслу нашего Господа». Каждый день с друзьями он вычитывал богослужебное последование, совершал вечерню и повечерие с акафистом Божией Матери. Замечали, как иногда Арсений босиком бегал по скошенному полю, – израненные об острую траву ноги бывали в крови, но он с радостью терпел боль, по-своему подражая мученикам, о которых читал в житиях. Раз в неделю юноша поднимался в горы, там он проводил день в безмолвии, в посте, молитве и поклонах.

Война заставила отложить уход в монастырь, но и в армии Арсений продолжил аскетическую жизнь. В столовой он съедал лишь половину порции, а после отбоя забирался на крышу казармы для молитвы. О высокой жертвенности молодого воина говорит такой случай. Его часть, попав в окружение, окопалась на высоте Фониас. Положение оказалось безвыходным. И тогда Арсений встал в полный рост под шквалом пуль и осколков. Его товарищ рассказывал: «Глядит вверх, а руки – крест-накрест... Какую же силу имела его молитва и насколько велика была его вера, если он пренебрегал свистящими вокруг пулями!.. Он просил Бога, чтобы убили его, но остались в живых другие... И праведный Бог, видя его самопожертвование, вместе с другими спас и его самого... Прилетели штурмовики и расчистили нам путь к отступлению...»

После пяти лет военной службы будущий старец трудился плотником в Конице и в окрестных селениях, помогая при этом отцу в крестьянских полевых работах. Тайно он подавал милостыню многим беднякам, помогал семьям, которые потеряли на войне близких, бесплатно делал для них двери и окна, никогда не брал денег за изготовление гробов. Днем во время изнурительной работы держал строгий пост, а большую часть ночи проводил в бдении – в мо-

литве, псалмопении, поклонах. Когда не было возможности достать постной пищи, проводил день в сухоядении; мяса после армии он уже не ел. Для жилья Арсений выбрал себе сырой подвал и ради подвига спал прямо на цементном полу. На склоне обрыва он соорудил себе маленькую хижину, в которую удалялся ради полного безмолвия.

Особо нужно отметить одно обстоятельство. Уже в те годы мирского подвижничества Арсений обладал даром высших молитвенных состояний, уже тогда «ум его во время молитвы часто бывал восхищаем в созерцание». Готовясь к иночеству, он достиг в миру того, что другие обретали в пустыне лишь к концу своего пути. А впереди его ожидало еще сорок лет редчайших для нашего века монашеских подвигов. Но к ним он приступал не как новоначальный инок, а как зрелый аскет, пожинающий плоды благодати.

Когда Арсений стал известным всему христианскому миру старцем Паисием, его аскетическая жизнь возросла до такого уровня, что биографы не обо всем решаются поведать: «О некоторых подвигах старца не будет упомянуто сознательно, потому что они превосходят обычную меру подвижничества и могут быть поняты неправильно». Это была мера древних египетских пустынников. Но при этом стержнем духовной жизни старца Паисия всегда был не внешний телесный подвиг, а внутреннее делание, «аскеза была для старца не самоцелью, но средством очищения и освящения». Главным всегда оставался подвиг жертвенности, сердечного предстояния Богу и сострадания человеку. Без этого основания внешнее подвижничество поведет к духовному краху. Как учил сам старец, «в первую очередь нам надо обратить внимание на смирение и любовь, а потом – на бдение и пост»[468].

---

[468] *Исаак, иеромон.* Житие старца Паисия Святогорца. М., 2006. С. 34, 40–49, 68, 76, 77, 416, 430, 651.

* * *

Малограмотным мирянином был грек Илия из Каламаты[469], он содержал таверну и предавался беспутной жизни. В 1902 году, в возрасте тридцати лет, глубоко пережив кончину друга, он обрел веру и решительно обратился к покаянию. Исповедавшись у священника за всю свою жизнь, Илия продал таверну, раздал все имущество и решился на жизнь отшельника посреди родного города. Он «обошел всех, кому причинил какую-либо обиду, на коленях просил у них прощения», исправил, насколько было возможно, свои прежние проступки. Затем «поселился в келье возле часовни прав. Анны. Там, не будучи пострижен в монашество, он прожил пятнадцать лет в строгом уединении, в посте и молитве», вплоть до своей кончины. «Он полностью воздерживался от мяса, рыбы, яиц и молока; растительное масло употреблял только по субботам и воскресеньям. По средам и пятницам не ел вообще. У него не было кровати, и спал он (очень мало) на доске, положенной на землю».

Привлеченные его подвигом, «к нему стали приезжать юноши, чтобы жить рядом с ним. На пожертвования ревностных христиан Илия построил еще несколько небольших келий, их двери были столь узки, что пройти можно было только боком. Во все воскресные и праздничные дни в жилище Илии собиралось множество христиан и он учил их слову Божию... Поучения были просты и безыскусны, но шли они из самой глубины сердца, горящего любовью к Богу, и воспламеняли они множество душ». Сила бесед этого необразованного отшельника была необычайна, и из его

---

[469] **Панагоулакис Илия** (1873–1917), греческий подвижник высокой духовной жизни, мирянин, уроженец г. Каламата. Среди его учеников известны архим. Иоиль (Яннакопоулос; †1966), архим. Хризостом (Папасарантопоулос; †1972) и многие другие.

учеников выросли известные подвижники. На сорок пятом году жизни Илия внезапно заболел туберкулезом в острой форме «и отошел ко Господу во славе святого, оставив в этом мире многих духовных чад»[470].

* * *

На рассвете Страстной Пятницы 1963 года отошла ко Господу схимонахиня Мария[471]. «Эта удивительная женщина удостоилась за два дня до смерти принять монашескую схиму», а во время погребения ее тело источало благоуханное миро. Не все святые удостаиваются подобных знамений, «воистину она имела блаженный, преподобнический конец».

Бедная греческая крестьянка, мать четверых детей, простодушная Виктория «была одарена большим сердцем, исполненным любви и добрых чувств к своим детям и ко всем людям. Она обладала огромным терпением и выдержкой... Это была душа любезная и всех вокруг утешающая». Часто и щедро, иногда тайком от супруга, раздавала она милостыню, нищие постоянно шли к ней, прося о помощи. Всю свою жизнь она стремилась к иночеству, но провела ее в семейных и крестьянских трудах и заботах. Духовный подвиг Виктории был ото всех сокрыт. «Многие годы она молила Божию Матерь (внуки часто слышали ее шепот): “Пресвятая Богородица, я грешная женщина, но прошу тебя, если это возможно, помоги мне стать монахиней”. И Пресвятая Дева удостоила ее ангельского чина».

---

[470] *Херувим (Карамбелас), архим.* Современные старцы Горы Афон. М., 1998. С. 26–28.

[471] **Мария** (Папаникитас; †1963), схимонахиня. В миру Виктория, мать известного греческого подвижника старца иеросхим. Ефрема Катунакского (1912–1998).

Вспоминает дочь: «Маму в больнице постригли в схиму... Я сидела возле нее всю ту ночь. Лицо ее светилось – оно вообще стало очень светлым после пострига... Смерть ее была тихой и мирной... Я сразу же почувствовала сильное благоухание, неописуемое благоухание... Пришла монахиня, восприемница при постриге: “Благоухание исходит от тела вашей матери... Это признак святости”... Мы были потрясены... Священник во время погребения удивлялся и говорил, что речь идет о святой душе. Миро выступало на теле матери, как пот. Наша одежда, которая соприкасалась с телом матери, когда мы прощались с ней, целую неделю потом благоухала».

Рассказывает сын почившей праведницы афонский старец иеросхимонах Ефрем Катунакский: «Простая женщина, деревенская, безграмотная, и чего достигла! Когда я молился о ней, то получал, а не отдавал, переполнялся от радости... Мы здесь годами трудимся, чтобы достичь такого состояния... Я видел, что ее духовное состояние было таким же, как и у старца Иосифа[472]. И до ее смерти, и после я имел одно и то же извещение: наша мать удостоилась великой благодати... Она не имела перед собой какого-либо примера для подражания – сама по себе была, и спаслась терпением в скорбях»[473].

Вспоминается нечто схожее. Прп. Силуан Афонский на склоне жизни, будучи уже умудренным старцем, говорил о своем родителе: «Я в меру отца моего не пришел». Образ отца, простого крестьянина Тамбовской губернии Ивана Антонова, казался святому старцу недостижимым идеалом: «Он был совсем неграмотный, и даже “Отче наш” читал с

---

[472] Имеется в виду афонский старец схимон. Иосиф Исихаст (Коттис; 1898–1959).

[473] Старец Ефрем Катунакский. М., 2002. С. 17–20, 70–72.

ошибкой... как заучил в церкви по слуху, но был кроткий и мудрый человек... Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий...»[474] В житии прп. Силуана приводятся некоторые поступки этого мужа, позволяющие представить, какой же меры преуспеяния достиг он.

[474] *Софроний, иеромон.* Старец Силуан. Paris, 1952. С. 8.

РУССКИЙ КРЕСТ

И будут гнать вас

Священноисповедник Лука Крымский

Трагические события XX века явили миру новых молитвенников, совершавших свой подвиг в условиях, порой не поддающихся ни описанию, ни воображению. Народ наш и духом и телом познал смысл предречения о том, что нас *будут гнать*[475]. Теперь, когда доступен фактический материал о жертвах гонений, мы доподлинно знаем, что довелось претерпеть новым мученикам за веру. Несколько штрихов из биографии владыки Луки[476] дают представление о тех условиях, в которых святой исповедник проводил свою молитвенную жизнь.

---

[475] *Если Меня гнали, будут гнать и вас... Возложат на вас руки и будут гнать вас... и будут глады и смятения* (Лк. 21, 12; Ин. 15, 20; Мк. 13, 8).

[476] **Лука Крымский** (Войно-Ясенецкий; 1877–1961), священноисповедник. Архиепископ Симферопольский и Крымский, хирург и ученый с мировым именем. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, доктор медицинских наук (с 1917), главврач Ташкентской городской больницы, профессор Среднеазиатского государственного ун-та, зав. кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Туркестанского ун-та (с 1920). Хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского (1923), архиепископ Красноярский (1942). Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Лауреат Сталинской премии I степени в области хирургии (1946). С 1946 г. на Симферопольской кафедре, скончался 11.06.1961. Память 29.05/11.06.

1920-е годы. Ссылка в Плахино. Это крохотное поселение, расположенное в 230 километрах за Полярным кругом, как описывает сам владыка Лука, состояло «из трех изб и двух больших груд навоза и соломы», здесь обитали две небольшие семьи. Жить пришлось на «половине избы с двумя окнами, к которым вместо вторых рам были снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены», а сквозь большую щель в стене был виден дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери... Вблизи нар стояла железная печурка». Владыка вспоминает: «Утром, когда я вставал со своего ложа, меня охватывал мороз, стоявший в избе, от которого толстым слоем льда покрывалась вода в ведре... В Плахине часто бывают очень сильные морозы и там не живут вороны и воробьи, потому что при таком холоде они могут замерзнуть на лету и камнем упасть на землю».

В этих условиях владыка не оставлял молитву, не оставлял пастырское попечение. «У меня был с собой Новый Завет, с которым я не расставался и в ссылках своих. И в Плахине я предложил крестьянам читать и объяснять им Евангелие». Здесь однажды епископа навестил знакомый. «Константинов переступил засыпанный снегом порог... Убожество и нищета жилища проглядывали во всем. На некрашеном столе стояла кружка с водой и лежал кусок черного хлеба. Никакой другой пищи не было видно. Епископ Лука молился. Знаком руки он просил гостя обождать». Минут через десять, совершив последний поклон, он обернулся к гостю: «А теперь будем здороваться».

Духовная зрелость и мера величия души владыки Луки приоткрываются в случайно оброненном слове: «Я полюбил страдание», – писал владыка в одном из своих писем. Одиннадцать лет провел этот человек в тюрьмах и ссылках.

О том, как молился святитель, находясь в тюрьме, вспоминает его сокамерник: «Пережитые епископом Лукой скорби нисколько не подавили его, но, напротив, утвердили и закалили его душу. Владыка дважды в день вставал на колени, обратившись к востоку, и молился, не замечая ничего вокруг себя. В камере, до отказа наполненной измученными, озлобленными людьми, неожиданно становилось тихо. Все окружавшие его люди, а среди них были и мусульмане, и неверующие, начинали говорить шепотом, и как-то сами собой разрешались только что раздиравшие людей ссоры»[477].

Новосибирская тюрьма: «Нас перевели в большую уголовную камеру, где нас шпана встретила настолько враждебно, что я должен был спасаться бегством от них: стал стучать в дверь под предлогом необходимости выйти в клозет и, выйдя, заявил надзирателю, что ни в коем случае не вернусь в камеру...»

Красноярская тюрьма: «Нас посадили в подвал двухэтажного дома ГПУ. Подвал был очень грязен и загажен человеческими испражнениями, которые нам пришлось чистить, при этом нам не дали даже лопат. Рядом с нашим подвалом был другой, где находились казаки... Никогда не забуду оружейных залпов, доносившихся до нас при расстреле казаков...»

Ссылка в деревню Хая на реке Чуне, притоке Ангары. Деревушка в восемь дворов, кругом бескрайняя лесная пу-

---

[477] Вспоминают, как была арестована (1931) и помещена в камеру Бутырской тюрьмы схиигум. Фамарь (Марджанова; 1869–1936). Это была «многоголосая, в пятьдесят человек камера», здесь находились «разнородные заключенные – и политические и уголовные... Уголовницы часто шумели, начинали петь неприличные песни... Матушка была радостна и бодра, утешала и подбадривала других. Все ночи напролет, когда стихало в камере, она молилась, стоя на коленях на нарах». Матушка Фамарь. С. 14, 38, 39.

стыня. В марте тут еще глубокая зима. Дом часто до крыши заносило снегом. Приходилось ждать, пока утром олени протопчут тропу, чтобы можно было принести хвороста на растопку. В рукомойнике в сенях замерзала вода. С глубочайшим христианским смирением переносил владыка Лука все тяготы ссылки: «Обо мне не заботься, я ни в чем не нуждаюсь», – писал он сыну Михаилу из Енисейска, и через несколько месяцев снова: «Обо мне не беспокойтесь. Господь отлично устроил меня в Хае. Я радостен, глубоко спокоен, никаких нужд не испытываю»[478].

Арест 1930-го года. «Пребывание в переполненной душной камере подействовало на сердце. Нарастала сердечная недостаточность». Свидетельство врачей: «Кардиосклероз, склероз аорты и декомпенсация сердца. Больному необходим абсолютной покой, длительное лечение». Резолюция: «Отказать. Оставить без последствий». Еще год страданий в тюрьме. Приговор от 15.05.1931: «Выслать в Северный край, сроком на три года... Направить этапом». Архангельская ссылка...

Арест 1937-го года. Владыке шестьдесят лет. «Во время допросов он претерпел карцер, побои, издевательства... “Конвейер” – непрерывные допросы, сопровождаемые пытками, доводили подследственного до умопомрачения». Владыка подвергается этому испытанию не однажды: «Страшный “конвейер” продолжался непрерывно день и ночь. Чекисты сменяли друг друга, не давали спать ни днем, ни ночью... Допрос “конвейером” продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из-под которого обливали мне голову холодной водой... Протокол, датированный 23.11.1937 года, я, несмотря на

---

[478] *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Я полюбил страдание: Автобиография. М., 1995. С. 8, 44, 53–56, 123, 127, 142.

тяжелое состояние от голода и лишения сна, долго отказывался подписать...»

Очередной допрос прерван. Сердце сдало, с тяжелыми отеками владыка отправлен в тюремную больницу. Июль 1938 года – допросы возобновляются... Февраль 1939 года: «При сидении на стуле в течение трех недель я был доведен до состояния тяжелейшей психической депрессии, до потери ориентации во времени и пространстве, до галлюцинаций, до паралича задних шейных мышц и огромных отеков на ногах...»

1940 год. Епископ, ученый с мировым именем, отправлен в третью ссылку – райцентр Большая Мурта в 110 километрах от Красноярска. С началом Великой Отечественной войны владыка обратился к руководству за разрешением на работу в тыловом госпитале, с фронта уже шли эшелоны с ранеными. Октябрь 1941 года: «Епископ Лука назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Он с головой погружается в многотрудную и напряженную хирургическую работу...»

В 1942 году, по окончании ссылки, владыка назначен на Красноярскую кафедру. В самый разгар войны профессор-архиерей проводит многочисленные хирургические операции, спасая раненых солдат. Помимо этого, владыка начинает активно участвовать в работе Священного Синода. «Насыщенность и обширность хирургической работы была колоссальной. 67-летний владыка работал по 8–9 часов в сутки и делал 4–5 операций ежедневно! Все это сказывалось на подорванном в заключении здоровье...» Заканчивалась война, впереди архиепископа Луку ожидало еще более пятнадцати лет архиерейского служения[479].

---

[479] *Марущак Василий, протодиак.* Святитель-хирург. М., 1997. С. 38–53.

В мире, но не от мира

Возвращаясь к вопросу о доступности умной молитвы в мирских условиях, можно заключить, что опыт ушедшего XX века окончательно подтвердил правоту тех, кто исповедует возможность такого подвига. Трагичны и скорбны события конца второго тысячелетия. Но выстраданный опыт гонимых и мучимых праведников доказал, что молитвенный дух не может быть истреблен в человеке. Подтверждение тому – святая жизнь множества христиан, спасавших свои души среди гонений безбожного воинствующего мира, хранивших сокровенное молитвенное делание в самых тяжких условиях эвакуации и оккупации, в окопах, в темницах и лагерях.

Уже сто лет, как Россия страждет под гнетом тяжкого своего креста. Это побуждает о многом задуматься. Осмысляя пережитое, нельзя не обратить внимание на то, что почти все благодатные пастыри последнего времени, несшие старческое служение, обрели дар старчества и чудодейственной молитвы после того, как преодолели лагерные мытарства. Другие, те, кого Господь уберег от заключений и ссылок, прошли не менее страшный военно-фронтовой путь. Эти духовно одаренные люди возрастали в подвиге, находясь буквально на грани жизни и смерти. Не молитвенное правило с четками, не исихастская калива, не монастырский богослужебный распорядок, а страдания и кровь, ужас и боль были их воспитателями. Не послушание любящему старцу, а окрик конвоя, карцер и превосходящий всякую меру невольный пост.

Мы знаем архипастырей, по чьей молитве во мраке застенков и в сутолоке городов могло совершаться чудо, знаем пастырей, чье служение было отблеском Фаворского света в духовной тьме, опустившейся на русскую землю.

Как вспоминают многочисленные питомцы епископа Афанасия[480], в последние годы исповеднической жизни владыки у него раскрылся старческий дар. Под его руководство перешли многие из духовных чад Алексия и Сергия Мечевых, осиротевших в годы репрессий. Старец вел обширную переписку, он получал до восьмисот писем в год, поддерживая связь с бывшими соузниками и духовными чадами.

Стяжав благодатные дары прозрения и исцеления, владыка назидал и утешал как письменно, так и лично множество обращавшихся к нему людей со всех концов России и даже из других стран. Ни разу не произнес он ни одного слова ропота на тюремное прошлое.

---

[480] **Афанасий Ковровский** (Сахаров; 1887–1962), священноисповедник. В миру Сергей Григорьевич Сахаров, родился во Владимире в благочестивой семье надворного советника, его мать Матрона происходила из крестьян. Отца мальчик лишился в раннем возрасте, а мать всегда желала видеть сына в монашеском чине, за что он был признателен ей всю жизнь. Окончил Владимирскую ДС (1908) и МДА, кандидат богословия; пострижен в монашество еп. Феодором (Поздеевским) и возведен в священный сан (1912). Член Собора (1917–1918). Хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епарх. (1921). После первого ареста (30.03.1922) непрерывно, в течение 33 лет, находился в заключениях и ссылках (1922–1955). В своей автобиографии (1954) владыка писал: «За 33 года архиерейства на епархиальном служении – 33 месяца, на свободе не у дел – 32 месяца, в изгнании – 76 месяцев, в узах и горьких работах – 254 месяца». В тюремных застенках владыкой была составлена «Служба Собору Всех Святых, в земле Российской просиявших», ставшая выдающимся литургическим памятником. В составлении службы участвовал сщмч. Фаддей Тверской, впервые она была отслужена (10.11.1922) в камере Владимирской тюрьмы. Во время заключения был составлен фундаментальный труд «О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви», написано «Молебное пение об Отечестве» (1941), в Дубровлаге владыка составил молитву «О мире всего мира», которую сам читал ежедневно и призывал к этому других. Еп. Афанасием была создана основа для Богослужебных Миней (изданных в 1970–1980 гг.), работал он и над созданием Русского типикона. В лагерях, даже на Соловках, владыка неизменно держался основных уставных норм, никогда не прерывал молитвенного пра-

Семидесятилетний старец ежедневно совершал в своей домовой церкви суточный богослужебный круг. Владыка составил заупокойный синодик, содержащий около трех тысяч имен «подвижников благочестия земли нашей» с XI по XX век, и во время служения панихиды этот синодик прочитывался полностью. «Молитва его была такой живой и сильной, что молящиеся с ним отрешались от всего земного.

Прозорливость свою владыка скрывал, обнаруживая ее в исключительных случаях и только ради пользы ближних, снисходя к их нуждам». Несмотря на то, что «здоровье владыки было крайне подорвано... молитва заполняла всю его жизнь, была главным в его жизни». Своим чадам он говорил: «Молитесь сидя, лежа, кто как может, но только молитесь!»[481]

вила, исполняя его среди сокамерников. Невзирая на лагерные условия, он строго соблюдал посты. После последнего лагерного срока владыка был принудительно помещен в дом инвалидов с лагерным режимом (Потьма, Мордовия), где окончательно подорвал здоровье. В годы заключения еп. Афанасий перешел (1933) в оппозицию митр. Сергию (Страгородскому) и придерживался взглядов митр. Кирилла (Смирнова). Отчасти это было результатом провокаций, проводимых НКВД с целью усугубления церковного раскола. О степени информированности заключенных архиереев говорит такой факт: лишь много лет спустя (в 1950-е) вл. Афанасий узнал, что всероссийский старец прп. Алексий (Соловьев) и другие насельники Зосимовой пуст. были «поминающими». Надо отметить, что вл. Афанасий никогда не считал безблагодатными храмы, где возносилось имя митр. Сергия, посещал их. После освобождения из заключения владыка был принят в каноническое общение (1955) патриархом Алексием I. Последние 7 лет до кончины еп. Афанасий проживал в пос. Петушки Владимирской обл. (1955–1962), состоял (с 1957) председателем Календарно-богослужебной комиссии при Св. Синоде. Скончался выдающийся подвижник, исповедник и песнописец 28.10.1962. Канонизирован на Соборе 2000 г. Память 15/28.10.

[481] Свт. Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. ТСЛ, 2003; За Христа пострадавшие. М., 1997; Житие свт. Афанасия, еп. Ковровского, исповедника и песнописца. М., 2000.

К лику святых уже причтен митрополит Николай (Могилевский)[482], возведенный на Алма-Атинскую кафедру после десятилетних лагерных мытарств. Владыка, обладавший благодатным даром слез, особенно проникновенно совершал служение литургии, и его молитвенное вдохновение захватывало сослужащих, овладевало паствой. Столь же трепетными были его келейные молитвы. Дома, облачившись в простую монашескую мантию, владыка слезно молился ночами. Он составил особую молитву за всех христиан Отечества нашего, которую включил в свое келейное правило. Его келейница каждое утро вешала возле аналоя сухие полотенца и забирала омоченные слезами. Всенощные, которые владыка Николай служил в соборе, продолжались более четырех часов, но никто не утомлялся и не уходил. Святитель горел духом, и это горение передавалось духовенству и всему народу. Храм бывал перепол-

---

[482] **Николай Алма-Атинский** (Могилевский; 1877–1955), священноисповедник. В миру Феодосий Никифорович, родился в Екатеринославской губ. в семье псаломщика, большого знатока церковного пения. Окончил местную ДС, поступил в Нилову пуст. Тверской епарх. (1903), где принял монашеский постриг (1904) и был рукоположен в священный сан (1905). Окончил МДА (1911). В сане игумена служил инспектором Полтавской ДС, затем ректором Черниговской ДС в сане архимандрита. Рукоположен во епископа Стародубского, викария Черниговской епарх. (1919), занимал кафедры: Каширскую, Тульскую, Орловскую. Арестован (1925) как непримиримый борец с обновленчеством, за этим арестом, как и за дальнейшими (1932, 1941), последовали годы тюрем, лагерей и ссылок. После десяти (в общей сложности) лет заключения назначен на Алма-Атинскую кафедру (1945), которой управлял до самой своей кончины (12/25.10.1955). Возведен в сан митрополита (1955). За десять лет служения владыка Николай возродил духовную жизнь как в Алма-Ате, где после 1937 г. не было ни одного действующего храма, так и во всем Казахстане. Выдающийся пастырь, он стяжал горячую любовь своей обширной паствы. На погребение почившего святителя собралось 40 000 человек. Митр. Николай канонизирован на Соборе 2000 г., святые мощи исповедника почивают в Никольском соборе г. Алма-Аты, где засвидетельствованы многократные случаи проявления его благодатной помощи. Память 12/25.10.

нен, а люди из-за тесноты даже взбирались на архиерейскую кафедру[483].

Люди помнят чудотворную архиерейскую молитву владыки Иосифа (Чернова)[484]. Когда он возглавил Алма-Атинскую епархию, обстановка в ней была сложной, церковный мир расстроен и никакие административные меры не помогали. Самым действенным средством умиротворения владыка считал молитву. Для того чтобы умирить и сохранить епархию, он в течение трех лет ежедневно служил литургию с сугубой молитвой за паству. Трехлетний подвиг

---

[483] См.: Свт. Николай, митр. Алма-Атинский и Казахстанский. М., 2000.

[484] **Иосиф** (Чернов; 1893–1975), митрополит. Владыка был не только человеком святой жизни, выдающимся иерархом, яркой своеобразной личностью, – рассказывает о нем архиеп. Василий (Кривошеин), – но и стойким исповедником веры, проведшим в общей сложности около 20 лет в советских лагерях и ссылках. Родился владыка в городе Могилеве, он не имел богословского образования, но восполнил это большой начитанностью в аскетической и богословской литературе. В возрасте 13 лет будущий митрополит поступил в Могилевский мон. (1906), где и был рукоположен во иеромонаха (1915). Смолоду о. Иосиф находился под старческим руководством архиеп. Арсения (Смоленца; 1873–1937), опытного архиерея, известного своей духовной жизнью, у которого служил келейником. О. Иосиф был арестован и сослан (1925). Рукоположен митр. Сергием (Страгородским) во епископа Таганрогского (1932). В 30-е годы еще два раза арестован, провел в лагерях около 7 лет. Выйдя из лагеря, проживал нелегально в районе Таганрога, укрываясь у верующих. С приходом немцев (1941) возглавлял Ростовскую епарх., хранил верность Московской Патриархии и поминал митр. Сергия на всех богослужениях. Из-за этого немцы вызывали его на допросы, грозили арестом и расстрелом. В четвертый раз владыка был арестован НКВД и отправлен в Читинские лагеря (1944), где пробыл 11 лет. По освобождении (1955) возобновил служение: архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский, митрополит (1972). Митр. Иосиф 40 лет прослужил в епископском сане и был вторым по старшинству хиротонии архиереем Русской Церкви. Владыка производил впечатление человека жизнерадостного, склонного даже поюродствовать. В нем не было ничего сломленного, трагического, что можно иногда видеть в людях, много лет просидевших в лагерях. В этом исповеднике веры, жизнью своею доказавшем преданость Церкви, было явлено редкое сочетание старца и юродивого в лице архиерея.

дал чудесные плоды. Владыка, сердечно любимый народом, имел непререкаемый духовный авторитет и пользовался исключительным доверием среди верующих. Этого стойкого, энергичного и ревностного служителя Церкви почитали как архиерея святой жизни[485].

В Караганде, населенной бывшими узниками Карлага, служил освободившийся перед войной из лагеря старец Севастиан[486]. Невзирая на запреты властей, он совершал бесконечные требы, а литургию в течение шестнадцати лет служил тайно по ночам, на квартирах верных людей при плотно завешенных одеялами окнах. Службу заканчивали до рассвета и расходились в темноте по одному или парами. Так продолжалось до 1955 года. Старец, всегда соблюдав-

---

[485] См.: Свет радости в мире печали. М., 2004.

[486] **Севастиан Карагандинский** (Фомин; 1884–1966), преподобноисповедник. В послушничестве Стефан. Один из последних представителей оптинского старчества, схиархимандрит. В юности сподобился быть воспитанником двух преподобных отцов: Иосифа и Нектария Оптинских. Стефан Васильевич Фомин родился в бедной крестьянской семье в Орловской губ. Поступил в скит Оптиной пуст. и был принят келейником (1909) к старцу Иосифу (Литовкину), после его кончины 17 лет был келейником прп. Нектария, принял постриг (1917). После закрытия Оптиной жил с о. Нектарием в с. Холмищи. Иеромонах (с 1927). После кончины старца жил в Козельске, Калуге, Тамбове, служил (1928–1933) в Козлове (Мичуринск). Арестован (1933), осужден на 7 лет, отправлен в Карагандинские лагеря. После освобождения (1939) поселился в Караганде, где прослужил до самой кончины, сначала тайно, затем в молитвенном доме (с 1952) и, наконец, в Покровском храме (1955–1966). О. Севастиан отличался высочайшей строгостью и требовательностью к самому себе. Со множеством обращавшихся к нему людей старец беседовал подолгу; каждый его совет, будучи исполнен, приводил к благополучию. При непослушании своих чад он плакал. Часто он также плакал, принимая исповедь, то ли ужасался грехам, то ли не видел должного раскаяния, то ли что-то предвидел. Старец обладал даром прозорливости, хотя и не выказывал этого явно; он помогал людям своей тайной молитвой. За три дня до кончины о. Севастиан принял постриг в схиму, который по его желанию совершил его духовный сын – митр. Питирим (Нечаев). Скончался о. Севастиан на Радоницу (19.04.1966). Канонизирован в 1997 г. Память 6/19.04.

ший безупречное исполнение устава, любил длинные службы, он желал возродить среди своей паствы дух Оптиной пустыни, образ жизни мирян он старался приблизить к монастырскому строю жизни[487]. После кончины отца Севастиана митрополит Иосиф (Чернов) говорил, обращаясь к его пастве: «Блаженный старец по ночам много плакал и молился... За его слезы и молитвы ко Господу благодать Святаго Духа будет на Караганде до Второго Пришествия»[488].

Архимандрит Павел (Груздев)[489], всей своей жизнью доказавший возможность высокого подвига в миру, служил в глухой ярославской провинции, но напряженность и широта общения старца словно помещали его в гущу городской толпы. Не уединенные скиты и не старцы-исихасты, но нары, тайга и конвой были смолоду его учителями. Что он вынес из этой школы? «Где бы он ни был, – вспоминают чада, – молитва его не прекращалась ни на мгновение. Молитва эта сохранила его в те страшные годы, молитва сделала его таким, какой он был»[490]. После одиннадцати лет лагерей и ссылок самоотверженный подвижник сподобился дара прозорливости и чудотворной молитвы. В своих тетрадях

---

[487] Карагандинский старец прп. Севастиан. М., 1998.

[488] *Тортенстен Т.В.* Наследник оптинских старцев... М., 2001.

[489] **Павел** (Груздев; 1910–1996), архимандрит. Редкий по духовной одаренности подвижник, широко известный и почитаемый старец, сподобившийся даров прозорливости и чудотворной молитвы. Отличался глубокой мудростью. С 6 лет Павлу Груздеву довелось соприкоснуться с монастырской жизнью, а к 20 годам принять постриг в рясофор. После этого работа в миру и 11 лет исповеднического подвига в лагерях и ссылках. Рукоположен во священника (1958), пострижен в монашество (1962), игумен (1966), архимандрит (1983). Служил в Ярославской епарх. Свои подвиги и благодатные дары старец старался скрывать под видом юродства. О. Павел окормлял Толгский мон., среди его близких чад настоятельница этой обители игум. Варвара (Третьяк). Старец оказал значительное духовное влияние на широкий круг современных пастырей. Скончался (13.01.1996) на 86 году жизни.

[490] Игум. Варвара (Третьяк).

старец записывал: «Можно и в монастыре быть грешником, можно уединиться в пустыню и не получить спасения, но можно жить в обществе, среди людей, и исполнять обязанности своего звания, быть благочестивым человеком и наследовать вечное спасение... Если перетерпишь безропотно все обиды и оскорбления, то выше всех монахов станешь в будущей жизни и спасение получишь»[491].

* * *

В сонм русских праведников ныне вписано еще одно имя – почившего отца Иоанна (Крестьянкина)[492], чей исповеднический жизненный путь и старческий подвиг не могут не вдохновлять наших современников. Надо надеяться, недалек день выхода в свет жизнеописания старца в утешение и назидание нынешним и будущим его почитателям.

---

[491] Архим. Павел (Груздев). М., 2006. С. 264, 503, 693.

[492] **Иоанн** (Крестьянкин; 1910–2006), архимандрит. Будущий всероссийский старец родился в г. Орле, был восьмым ребенком в семье Михаила и Елизаветы Крестьянкиных, с детства прислуживал в храме. Окончив после школы бухгалтерские курсы, переехал в Москву и работал по своей специальности. Посвящен митр. Николаем (Ярушевичем) в сан диакона (1945) и в том же году патриархом Алексием I – во священника (целибат). Служил в московском храме Рождества Христова в Измайлове, духовно окормлялся у архиеп. Серафима (Остроумова; 1880–1937) – ныне канонизированного в лике священномучеников, был духовным чадом прот. Александра (Воскресенского), помогшего его становлению на пути священнослужения. О. Иоанн сдал экстерном экзамены за семинарский курс, окончил МДА (1950), но завершить кандидатскую работу не смог: в ночь на 30.04.1950 известный своим ревностным служением священник был арестован. Приговорен к 7 годам лагерей, заключение отбывал в Ерцеве под Вологдой, сидел в одиночной камере, работал на лесоповале. Освобожден досрочно (1955), продолжил служение в Псковской, а затем в Рязанской епарх. О. Иоанн пострижен в монашество архим. Серафимом (Романцовым) в Сухуми (1966), поступил в Псково-Печерский мон. (1967), был возведен в сан игумена (1970) и архимандрита (1973). В обители о. Иоанн стал соратником известных подвижников и старцев – архим. Афиногена (Агапова), архим. Алипия (Воронова), архим. Серафима (Розенбер-

В ряду старцев-исповедников еще многие и многие другие – святители и преподобные, матушки и отцы. Исчислить всех невозможно, мы поминаем здесь только некоторых, чтобы в их лице почтить всех тех, кто своею жертвою созидал возможность спасения и для нашего поколения.

Странствующие во граде

Мы знаем, какую память оставил о себе подвизавшийся в Гжатске игумен Никон[493]: «Батюшка очень любил служить, и служил собранно, сосредоточенно, от всей души, что чувствовалось всеми». Он никогда не исповедовал во время литургии, только до службы или накануне: «Человек, – говорил он, – должен молиться во время литургии, а

га), схиигум. Саввы (Остапенко), схимон. Николая (Монахова) и других. В течение многих лет за советом и духовной помощью к о. Иоанну обращались верующие со всей страны и из-за рубежа. Достигнув преклонного возраста, о. Иоанн не мог принимать всех нуждающихся, но продолжал отвечать на множество писем, приходящих со всех концов мира. Вышло несколько изданий писем, проповедей, бесед и размышлений о. Иоанна. Старец покинул земной мир на 96 году жизни в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских (5.02.2006).

[493] **Никон Гжатский** (Воробьев; 1894–1963), игумен. В миру Николай Николаевич Воробьев, родился в Тверской губ. в крестьянской семье. Одаренный юноша достиг значительных познаний в области истории философии и классической литературы, но, разуверившись в философии, не удовлетворившей его духовных запросов, он поступил в Петроградский психоневрологический ин-т. Разочаровавшись и в психологии, не способной ответить на вопрос о сущности человека, он в конце концов полностью обратился к религии. Николай поступил в МДА (1917), принял монашеский постриг (1931). Вскоре о. Никон был арестован (1933) и осужден на 5 лет в сибирские лагеря. После освобождения (1937) был настоятелем церкви в Козельске (1944–1948), затем направлен в Гжатск (1948), возведен в сан игумена (1956). О. Никон отличался строго аскетическим образом жизни, денег никогда не имел, так как все раздавал, имущества у него не было никакого. Истинный

не ждать очереди». К исповеди он относился чрезвычайно внимательно. Не любил, когда требы исполнялись спешно и неразборчиво: «Лучше уж меньше прочитать, но со смирением, благоговением и четко, нежели кощунствовать над словами молитв и словом Божиим». Отец Никон вставал не позже шести часов и в неслужебные дни до десяти молился, молился он и днем, исполняя пятисотницу. Старец не позволял оказывать ему никаких услуг, принести что-то или убрать. С трудом, кряхтя, но делал все сам, хотя был очень болен, – лагерь полностью подорвал его здоровье[494].

«Он шел путем Иисусовой молитвы, – вспоминают об отце Никоне его чада, – и имел на этом пути благодатные дары. Очень серьезно изучал труды Игнатия (Брянчанинова). Был горячим подвижником... Все, в том числе и священники, считали, что службы его необычны. У него был явный дар молитвы. Даже вечерние и утренние молитвы он как-то особенно читал. Иногда говорил: "Прочитали правило", а иногда: "Помолились" – когда дух настоящей молитвы ощущался... В жизни отец Никон был очень строгим к себе. Обычно, когда что-нибудь складывалось не так, как ему хотелось бы, он говорил: "Недостоин"»[495].

Люди помнят и то, как прп. Кукша Одесский любил приводить в пример подвизавшуюся в миру игуменью Херувиму. Матушка часто приезжала к старцу и обычно была восприемницей при совершении монашеских постригов. В древности, говорил отец Кукша, отшельники по тридцать–сорок лет жили в пустыне и не могли стяжать умную

подвижник и глубокий знаток святоотеческого учения, он обладал дарами молитвенности и старчества. Мирно почил 7.09.1963. Ценным духовным наследием старца являются его письма к духовным чадам, многократно переиздававшиеся после его кончины.

494 *Никон (Воробьев), игум.* Нам оставлено покаяние. М., 1997. С. 37–42.

495 *Серафима (Зражевская), мон.* Воспоминания: фонограмма. 1999.

молитву, а вот матушка Херувима хоть и живет в большом городе, а молитва Иисусова, как ручеек, постоянно течет из ее сердца[496].

Мы знаем примеры строгой иноческой жизни среди шума больших городов. Мы знаем схимников, подвизавшихся в самом центре Москвы. Здесь старчествовал афонский иеросхимонах Аристоклий[497], благодатный духовник, известный своими пророчествами. Старец заранее предсказал революцию, а после ее свершения говорил: «Теперь начался суд Божий над живыми, и не останется ни одной страны на земле, ни одного человека, которого это не коснется. Начало – в России, а потом и дальше...» Старец советовал не питать надежд на Белую армию, так как в ней «дух не тот». Он говорил, что «надо много и много перестрадать и глубоко каяться всем. Только покаяние через страдание спасет Рос-

---

[496] Жизнеописание прп. Кукши (Величко) исповедника. М., 1995. С. 47.

[497] **Аристоклий Московский, Афонский** (Амвросиев; 1846–1918), преподобный. В миру Алексей Алексеевич Амвросиев, родился в Оренбурге в мещанской семье. После кончины супруги (1876) в том же году поступил в Пантелеимонов мон. на Афоне. Пострижен в мантию с именем Аристоклий (1880), рукоположен в священный сан (1884), в схиму пострижен с тем же именем (1886), послушание проходил в иконной мастерской. Направлен в Москву на Афонское подворье (1887), назначен настоятелем Пантелеимоновой часовни в Москве (1891–1894). Вернулся на Афон (1895), где избран казначеем и, позже (1900), одним из духовников братии. 63-летний иеросхим. Аристоклий был вновь назначен настоятелем Пантелеимоновой часовни в Москве (1909), где занялся строительством нового здания Афонского подворья. Начался последний, 9-летний период его жизни, отмеченный проявлением дара старчества. Это был человек высокой духовной жизни и молитвенного подвига, тяжело страдавший от застаревших недугов – водянки и болезни ног, покрытых незаживающими ранами. Старец, известный чудотворениями, горячо почитался москвичами за жертвенную любовь к людям, отличался удивительной прозорливостью, многочисленными исцелениями. Он был известен как опытный духовник и окормлял горожан вплоть до своей кончины (24.08/6.09.1918). Могила старца, до канонизации находившаяся на Даниловском кладбище, всегда была для москвичей местом благоговейного почитания. Ныне мощи святого покоятся на Афонском подворье. Память 24.08/6.09.

сию». Еще тогда старец предвидел Великую Отечественную войну: «А еще и другая война будет... немецкое оружие брящает на границе России... Многие русские подумают, что немцы избавят Россию от большевистской власти, но это не так. Немцы, правда, войдут в Россию и много что сделают... Германия понесет свою кару в своей земле, будет разделена...»[498]

Предупреждал старец и о том, что у России «Бог отнимет всех вождей, чтобы только на Него взирали русские люди». По предвидению старца, «все бросят Россию, откажутся от нее другие державы, предоставив ее себе самой, – это чтобы на помощь Господню уповали русские люди»[499].

В Москве провел последние семнадцать лет своей жизни старец Захария[500]. Здесь, посреди столицы, нес он тяжелый старческий подвиг после пятидесятилетнего служения в Лавре прп. Сергия. Вспоминают, как, еще будучи лаврским духовником, старец Захария, носивший тогда имя Зосимы, совершал исповедь. Он никогда не спешил отпускать кающегося, и бывали случаи, что одному человеку он уделял по три с половиной часа времени. Далеко не все понимали подвиг такого служения. В то время иные духовники были более озабочены взиманием мзды за исповедь. «Ах, отец Зо-

---

[498] К Свету. 2000. № 18. С. 129–154, 171.

[499] Старец иеросхим. Аристоклий. М., 1998. С. 4.

[500] **Захария** (Егорченков; 1850–1936), схиархимандрит. В миру Захария, в мон-ве Зосима, в схиме Захария. Был 11-м ребенком в семье бывших крепостных, в 17 лет по благословению прп. Амвросия Оптинского поступил в Белобережскую пуст., затем жил в лесу учеником у отшельника. Поступил в Троице-Сергиеву Лавру по благословению прп. Варнавы Гефсиманского, к которому впоследствии около 30 лет обращался за советом. Духовным другом старца был митр. Трифон (Туркестанов; 1861–1934), между ними существовала молитвенная связь и взаимопомощь. После закрытия Лавры (1919) о. Захария покинул ее самым последним, затем, вплоть до кончины (2/15.06.1936), проживал в Москве. Почитаемая могила старца находится на Введенском (Немецком) кладбище.

сима, не умеешь ты исповедовать, – насмехались над ним собратья, – ты с одним всю службу возился, а я уже в это время тридцать восемь рублей набрал»[501].

Здесь же, в столичных переулках, странствовала – «в суете града великаго аки пустынница жила еси»[502] – столетняя схимница блаженная Ольга[503]. Эта бывшая лагерница жила в Москве в невыносимых условиях. Пенсии старица не получала, питалась, собирая объедки в столовых. Около пятнадцати лет провела она в полузатворе, после чего принимала огромное количество обращавшихся к ней людей. По тридцать–сорок человек ожидало очереди в ее полуподвальной келье, – шли к ней за советом миряне, монахи, священники, семинаристы. Известно множество случаев чудесной помощи по ее молитве, в том числе и исцеления бесноватых. Никому не довелось видеть ее спящей – все ночи, облачившись в монашеское, она проводила в молитве со множеством земных поклонов. Чад своих уговаривала: «Молитесь, доченьки, молитесь! Мир молитвой держится!»[504]

Последние тринадцать лет своей жизни провел в грузинской столице отец Андроник[505]. Здесь, под покровительст-

---

[501] Старец Захария: Житие. Подвиги и чудеса. М., 1998. С. 41.

[502] Акафист блж. Ксении Петербургской. Икос 2.

[503] **Ольга** (Ложкина; 1871–1973), схимонахиня. Известная в 1960-е годы московская блаженная, 100-летняя прозорливая старица. Происходила из дворянского сословия, в отроческом возрасте ушла в монастырь. Отбывала срок лагерного заключения, дважды принудительно помещалась в психбольницу. Постриг в схиму приняла от схиархим. Амвросия Балабановского (Иванова), выходца из Оптиной пуст., с которым имела духовную связь. Почила блаженная старица (23.01.1973) на 102 году жизни. На ее могиле на Калитниковском кладбище доселе служатся панихиды и литии, землю с могилки разбирают многочисленные посетители, так как молитва матушки по-прежнему исцеляет и душевные и телесные недуги.

[504] Блаженная старица схимон. Ольга (Ложкина). М., 1996.

[505] **Андроник Глинский** (Лукаш; 1889–1974), схиархимандрит. «Маститый старец и великий молитвенник» о. Андроник родился в Пол-

вом митрополита Зиновия (Мажуги), этот наследник традиции глинского старчества наставлял своих чад, съезжавшихся из разных концов страны. В среде своих воспитанников он заслужил прозвание «вождь духовный». Старец был возведен в сан архимандрита, но по смирению все последующие одиннадцать лет жизни ни разу не надел митру. Перед служением литургии отец Андроник обычно с вечера оставался в храме и до утра не смыкал глаз в молитве. После литургии и треб не садился отдыхать, но уединялся для чтения Евангелия, после обеда начинал принимать народ, и так – вплоть до вечернего богослужения.

В те же годы старческим служением в Сухуми завершился жизненный путь выдающегося глинского подвижника отца Серафима[506]. И отец Андроник, переживший Колыму,

---

тавской губ. и 16-летним юношей поступил в Глинскую пуст. (1905). Он был отправлен на фронт (1915) и более 3-х лет провел в плену у австрийцев. Вернулся в обитель (1918), пострижен в рясофор (1920) и в мантию (1921). Арестован (1923) и сослан на Колыму. По освобождении, вопреки своему желанию, рукоположен во иеромонаха (1926), во время тяжелой болезни пострижен в схиму (1927). Вновь арестован (1939), осужден и сослан в лагерь на Колыму. Из заключения о. Андроник вернулся в Глинскую пуст. (1948), стал благочинным и духовником братии, возведен в сан схиигумена (1955). Велик был духовный авторитет старца, у него исповедовался сам настоятель архим. Серафим (Амелин). Старец отличался удивительной кротостью и смирением, уже тогда отмечалась необыкновенная действенность его молитвы. На свое утреннее правило он вставал в 2 часа ночи или ранее и уже не ложился. После закрытия обители (1961) о. Андроник поселился в Тбилиси, где продолжил старческое служение. Возведен в сан архимандрита (1963). Скончался старец 21.03.1974, погребен в Тбилиси.

[506] **Серафим Глинский** (Романцов; 1885–1976), схиархимандрит. Великий Глинский старец, выдающийся подвижник молитвенного делания и исповедник. Родом из крестьян Курской губ., поступил в Глинскую пуст. (1910) и принял монашеский постриг (1919). Школу внутреннего делания проходил под руководством известных Глинских старцев. Рукоположен во иеромонаха (1926), затем пострижен в схиму. После закрытия обители (1922) некоторое время подвизался с отшельниками в горах Абхазии. Был арестован (1930) и сослан на Беломорканал. Вернулся в Глинскую пуст. (1947), назначен духовником обители.

и отец Серафим, отбывавший срок на Беломорканале, прошли все испытания, не надломившись духом, но обогатившись силой благодати. Пятнадцать лет отец Серафим окормлял кавказских пустынников и до самой кончины оставался духовником при кафедральном сухумском соборе. «Старцем пустыни» величали на Кавказе девяностолетнего подвижника.

Это еще не страдание

Свой подвиг в миру иноки несли не только в больших городах. Архимандриту Леонтию[507] шел восьмой десяток, когда, выйдя после третьего срока из лагеря, он стал насто-

---

Опытнейший старец, он обладал особым даром духовничества, вел обширную пастырскую работу. Имел дар непрестанной умной молитвы Иисусовой, удивительным было смирение старца. Настоятель архим. Серафим (Амелин), старец Андроник (Лукаш) и о. Серафим втроем составляли «старческое ядро обители». Келейное правило старец начинал в 2 часа ночи, после богослужения занимался богомольцами, до позднего вечера принимал исповедь, ночью отвечал на письма и молился за своих пасомых. Времени на отдых почти не оставалось. После закрытия Глинской пуст. (1961) переехал в Сухуми, где старчествовал до самой кончины (1.01.1976). Возведен в сан архимандрита (1975) митр. Сухумским и Абхазским Илией (позже Католикос всея Грузии).

[507] **Леонтий** (Стасевич; 1884–1972), преподобноисповедник. В миру Лев Фомич Стасевич, родился в Холмской губ. в крестьянской семье. Окончил Холмскую ДС, в 26 лет поступил в Яблочинский Онуфриевский мон. (1910), был пострижен в мантию (1912), рукоположен во иеромонаха (1913), нес послушание казначея. В 1916 г. переведен в Московский Богоявленский мон., 3 года учился в МДА (до ее закрытия), возведен в сан игумена (1920). Патриархом Тихоном назначен настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиевского мон-ря (1922) и возведен в сан архимандрита (1924). Арестован (1930), заключен на 3 года в лагерь (Коми обл.). Вновь арестован и осужден на 3 года (Карагандинские лагеря, 1935–1938). По освобождении жил в Суздале и прилегающих селах у духовных чад, совершал домашние богослужения. В то время почти все священники были арестованы, большинство храмов закрыто, служить было негде. В третий арест (1950) о. Леонтий был

ятелем храма в селе Михайловское[508]. Приход был велик – районный город с населением в тридцать тысяч человек и еще верующие двадцати четырех сел. Служил старец ежедневно, а затем обходил с требами многочисленных прихожан. Расстояния между городом и селами достигали десяти километров, добираться приходилось пешком. По распоряжению местного уполномоченного отец Леонтий был вынужден приходить в город, чтобы принять заказы на требы, потом идти в Михайловское оформлять их, а затем снова возвращаться в город, чтобы их исполнить. Для человека его лет это было настоящим подвигом.

Вспоминая жизнь в заключении, старец говаривал: «Я в раю был, а не в тюрьме». Кое-что из его прошлого известно. Так, однажды в пасхальную ночь охранники, требуя, чтобы он отрекся от Бога, опустили отца Леонтия на веревке в выгребную яму и спросили: «Отрекаешься?» Исповедник ответил: «Христос воскресе!» Его вновь опустили в яму, но вновь услышали: «Христос воскресе, ребята!» Добиться отречения так и не смогли. Когда кто-нибудь жаловался на скорби, старец отвечал: «Это еще не страдание. А то вот как бывало... выведут нас, поставят в ряд и говорят: "Сейчас будем расстреливать!" Прицелятся, попугают, а потом опять в барак гонят».

Уже на девятом десятке лет отец Леонтий, одаренный благодатью прозорливости и исцеления, непрерывно принимал приходящих, исповедовал, беседовал, молился за

приговорен к 10 годам (Иркутский лагерь), освобожден досрочно (1955) по амнистии. С 1955 г. до кончины архим. Леонтий служил настоятелем храма Михаила Архангела в с. Михайловском Ивановской обл. Вел строго подвижническую жизнь, широко почитался в народе как благодатный старец. Почил 9.02.1972. Канонизирован на Соборе 2000 г. Мощи преподобноисповедника Леонтия покоятся в храме в с. Михайловском. Память 28.01/10.02.

[508] Фурмановского района Ивановской области.

них. Приезжавших было так много, что из поезда, делавшего остановку в километре от Михайловского, иногда выходила почти половина состава, – раздраженные этим, местные власти в конце концов отменили остановку. Жил подвижник в крайней бедности. Деньги, которые попадали к нему в руки, он с радостью опускал в церковную кружку: «Опять я свободен». В год кончины отца Леонтия по всей России стояла сильнейшая засуха, обмелели реки, горели леса. И вот в эту жару возле могилы старца забил источник, вода из которого оказалась целебной. Теперь многие, пьющие эту воду, по молитвам святого получают благодатную помощь от Господа[509].

* * *

Благодатным духовником почитала архимандрита Исаакия[510] его многочисленная паства в России и за ее пределами. Среди его любящих чад можно видеть не только усердствующих во внутреннем подвиге мирян, но и ревностных служителей алтаря и монашествующих. В наше время возрождается память о русском старчестве, и в его родослов-

---

[509] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Тверь, 2005. Январь. С. 405–436.

[510] **Исаакий** (Виноградов; 1895–1981), архимандрит. В миру Иван Васильевич Виноградов, родился в благочестивой семье земских учителей, с детства мечтал стать священнослужителем. Окончил С.-Петербургское Реальное уч-ще и поступил в СПбДА (1912). С началом войны прошел офицерские курсы, направлен на Румынский фронт (1916). В Гражданскую войну вступил в Добровольческую армию. Был несколько раз ранен. Вместе с армией оказался за границей (1920). После тяжелых лет скитаний поступил в Св.-Сергиевский Богословский ин-т в Париже. Пострижен в монашество (1927) митр. Евлогием (Георгиевским), рукоположен во иеромонаха (1928). По окончании ин-та направлен в Прагу (1928), где прослужил 17 лет. Возведен в сан игумена (1933) и архимандрита (1936). При вступлении советских войск в Прагу арестован НКВД, заключен в Карлаг. После освобождения (1947) 11 лет прослужил в Алма-Ате, последние 23 года жизни (с 1958) служил

ной «ярко сияет и имя архимандрита Исаакия»[511]. Это был человек высокой духовности, большой эрудиции и культуры, владевший несколькими языками. Знания его были энциклопедическими. Но «главное в нем – любовь к простым людям, понимание душ человеческих». Свои проповеди он произносил, обращаясь прямо к человеческому сердцу. То вдохновение, которое он испытывал при этом сам, проникало в самую глубину души слушающих. «Поэтому люди на его проповедях всегда плакали – вместе с ним... Вот за такие-то проповеди его и выслали из Алма-Аты...»

Господь наделил отца Исаакия великим даром любви, он излучал радость, мир, душевное спокойствие. Дар этот проявлялся не только в доброте и милосердии, но и в глубоком понимании душевного состояния пасомых. «Вокруг него была святая атмосфера – душа отдыхала, радовалась»[512]. Старцу была дана свыше пламенность молитвы – он не просто молился, а погружался в молитву, во внутреннее общение с Богом. Он с прозорливой ясностью видел причины душевных смятений, болезней, греховных слабостей человека, молитвой и советом исправлял жизнь пасомых.

Отец Исаакий никогда не брал отпуск. Никто не вспомнит, чтобы он отдыхал. «Он считал служение Богу наградой». А ведь у него были больные ноги, сахарный диабет, он

настоятелем Вознесенского собора в Ельце Липецкой епарх. и благочинным Елецкого р-на. Мудрый наставник и незаурядный молитвенник, о. Исаакий воспитал множество духовных чад и в России, и за ее пределами, обладал даром прозорливости и духовничества. Почитаемая могила почившего старца (†12.01.1981) находится на городском кладбище Ельца. Ему посвящены изданные в последнее время две обстоятельные книги.

511 Архиеп. Тихон (Емельянов).

512 Прот. Петр Бахтин.

перенес инфаркт и несколько операций, сказывались и последствия ранений. «Как настоятель собора, он решал хозяйственные и организационные вопросы, но при этом ставил себя в служебном расписании наравне с остальными священниками, совершал богослужения в будние и праздничные дни, крестил, отпевал, иногда венчал, и всегда на требах говорил слова поучения»[513].

У старца были завистники и недруги, в том числе и среди священнослужителей. Его авторитет, огромная любовь к нему и почитание прихожан многим не давали покоя. «В жизни отца Исаакия была такая особенность – он все время терпел клевету. Даже в преклонных годах, когда в святости его жизни можно было не сомневаться, на него продолжали писать доносы. И, помню, архиерей, которому поступали эти письма, очень изумлялся и сетовал: “Ну что за люди! Старцу под сто лет, живет свято, и все пишут на него клевету!” Но отец Исаакий никогда сам на это не жаловался и все терпел, защищали его духовные дети. Основные черты этого человека – смирение и любовь. Он все делал только по любви. Сейчас, конечно, есть духовники, но их окормление больше от ума. А здесь – именно силой духа»[514].

Огромное значение в жизни отца Исаакия имели его духовные наставники, он стал учеником и сподвижником трех русских святителей. Одним из них был выдающийся церковный деятель митрополит Евлогий (Георгиевский). Глубокий след в жизни отца Исаакия оставило семнадцатилетнее духовное общение с епископом Сергием (Королевым), под чьим архипастырским омофором он нес служение в Праге. Учителем и сподвижником отца Исаакия был и митрополит Николай (Могилевский), ныне прославлен-

---

[513] Игум. Людмила (Ванина).
[514] Прот. Александр Хаустов.

ный в лике священноисповедников. Всю свою долгую 86-летнюю жизнь ученик стремился стать достойным последователем своих именитых наставников. Он, например, всегда помнил молитву владыки Николая: «Дай мне, Господи, в этот день никого не осудить». Эти слова вошли в ежедневное молитвенное правило старца Исаакия, они стали правилом его жизни[515].

* * *

Служение отца Гедеона[516], известного больше как старец Максим, не было обыкновенным. В половине двенадцатого дня в сельском храме, куда съезжались паломники, после чтения акафистов Божией Матери и свт. Николаю, начиналась всенощная по полному чину. Вечером после службы ужинали, отдыхали или шли на послушания. В половине второго ночи все вновь собирались в храм: читались утренние молитвы, затем акафисты Иисусу Сладчайшему и Божией Матери, прочитывались синодики и помянники. После службы часов совершалась исповедь, затем в течение часа старец давал общие наставления, до начала литургии читалось Последование ко святому причащению и акафисты. Литургия завершалась водосвятным молебном, за которым около часа старец читал Евангелие (несколько зачал, по числу заказных записок). Наконец – панихида или отпевание.

Таким образом, богослужение шло двенадцать-четырнадцать часов. Старец возвращался домой к пяти-шести

---

[515] Под сенью любви: архим. Исаакий (Виноградов). М., 2000. С. 3–6; Офицер, монах и пастырь: архим. Исаакий (Виноградов). М., 2005. С. 236, 239, 240, 247, 254, 268, 382, 383.

[516] **Гедеон** (Абрамов; 1914–1993), схиархимандрит. В мон-ве Максим, служил в храме села Новое Владимирской епарх. (1963–1993), нес послушание духовника Владимирского благочиннического округа.

вечера, часто в полном изнеможении, а если в следующую ночь вновь предстояла служба, то в десять вечера он опять уходил в храм. Но и при такой нагрузке службы никогда не сокращались и не ускорялись. Старец обладал особой, глубокой и ревностной любовью к богослужению. Людей к нему обращалось много. Ежедневно со всей округи шли за требами, и за советом, и за исцелением. Иногда приезжали целыми автобусами. Старец всех принимал, жертвуя и сном и отдыхом. Еще в семинарии он начал вести аскетический образ жизни: стал строго поститься, спать на голой лавке с поленом или посылочным ящиком под головой, приучил себя проводить ночи в молитве с поклонами. Любовь к подвигу, выработанная годами, сохранилась в нем до самой кончины[517].

* * *

В 1957 году старец Григорий[518], более десятка лет проведший на Колыме, стал настоятелем полуразрушенного храма в селе Покровка под Белгородом. К тому времени он уже имел многочисленную духовную семью, к нему ехали из Харькова, Курска, Орла и других мест. Этим людям памятно, с каким трепетом старец относился к богослуже-

---

[517] Старец схиархим. Гедеон. М., 1998. С. 17–26.

[518] **Григорий Белгородский** (Давыдов; 1911–1987), схиархимандрит. Старец и исповедник, в миру Григорий Иванович, в мон-ве Геннадий. Родился в с. Жихорево Орловской губ. в семье мастера-краснодеревщика Ивана Федоровича Давыдова. Монашеский постриг принял в Площанской пуст. в 16-летнем возрасте. Был арестован (1930-е) и более 11 лет провел на Колыме. Рукоположен во иеромонаха (1950-е) в Одессе, служил в разных городах, затем назначен в Курско-Белгородскую епарх. (1957) настоятелем Покровского храма с. Покровка, недалеко от Белгорода, где и прослужил вплоть до кончины (19.07.1987). Возведен в сан игумена (1962) митр. Леонидом (Поляковым), в схиму с именем Григорий пострижен (1985) митр. Ювеналием (Тарасовым), являлся духовником клириков епархии.

нию, как строго подходил к молитвенному правилу, как учил внимательному отношению к каждому слову. Старцу было открыто внутреннее состояние души человека, он провидел события его жизни[519]. Так же безошибочно распознавал он среди духовенства лжепастырей, которых часто открыто обличал. Многие прошли уроки смирения, преподанные отцом Григорием. Так, однажды женщине, начавшей осуждать кого-то из духовенства, старец заметил: «Давай лучше помолимся за него». Он поставил ее рядом с собой и три часа молился. После этого желание осуждать священников у нее совершенно пропало. «Смирение, – говорил старец, – основа всех добродетелей... Смиренный при любых искушениях не может повредиться».

Из мирян, прошедших школу отца Григория, выросли епископы, архимандриты, игумены. Более двадцати лет старец был духовником отца Серафима (Тяпочкина), среди его духовных друзей прп. Кукша Одесский и митрополит Леонид[520]. Он хорошо знал отца Иоанна (Крестьянкина),

---

[519] Старец был чуток и требователен к хранению совести. «Великий грех что-нибудь унести из церкви, – предостерегал он. – Если человек гвоздь возьмет, то и за него даст ответ на Страшном Суде. И наоборот, если человек хотя бы и малое что сделает для церкви, например полы помоет в храме, то не останется без награды. Кто получает в церкви деньги за работу, тот наемник, и горе такому человеку, если творит это дело с небрежением». Но чаще всего отец Григорий напоминал о самом главном в жизни христианина – о том, что без любви к ближнему все труды и подвиги тщетны.

[520] **Леонид** (Поляков; 1913–1990), митрополит, профессор. В миру Лев Львович Поляков, родился в Петербурге в семье врача, окончил химический факультет и Ленинградский педиатрический медицинский ин-т (1939), работал врачом-терапевтом. В качестве врача был на фронтах Финской и Великой Отечественной войн, награжден орденами и медалями. Рукоположен во иерея (1949), служил в ленинградских храмах, экстерном окончил ЛДА (1952), оставлен профессорским стипендиатом. Пострижен в монашество в Псково-Печерском мон-ре (1952). Доцент ЛДА, архимандрит (1957), инспектор и преподаватель МДС и МДА, профессор. Защитил магистерскую диссертацию на тему

они были родом из одних мест. Духовником отца Григория был отец Кирилл (Павлов). Старец особенно благоговейно относился к памяти священномученика Онуфрия Курского[521], со многими исповедниками и мучениками нового времени он был близко знаком, со многими породнен духом[522].

* * *

Главным делом жизни архимандрита Серафима[523] была молитва – келейная и храмовая. Любовь к людям выражалась у него в чрезвычайно добросовестном и ревностном исполнении пастырского долга. В многочасовой молитве проводил он большую часть суток и имел «облик человека, живущего всегда реальным общением с Богом... Это

«Схиархим. Паисий (Величковский) и его литературная деятельность». Хиротонисан во епископа Курского и Белгородского (1959), архиеп. Можайский, викарий Московск. епарх. (1962), архиеп. Ярославский; Пермский; Рижский и Латвийский; митрополит (1979).

[521] **Онуфрий Курский** (Гагалюк; 1889–1938), священномученик. Окончил Холмскую ДС и СПбДА (1915), иеромонах (1913), рукоположен во епископа Елисаветградского (1923). Арестовывался (1923 – дважды; 1926), приговорен к 3 годам ссылки на Урал. Назначен еп. Старооскольским (1929). Арестован (1933). Назначен архиеп. Курским и Обоянским (1934). Арестован (1935), приговорен к 10 годам заключения в Дальлаг Амурской обл. Расстрелян (01.06.1938). Владыка Онуфрий был очень любим паствой за молитвенное, истовое служение, окормлял огромное число духовных чад. Память 19.05/1.06.

[522] Белгородский старец схиархим. Григорий (Давыдов). ТСЛ, 1997.

[523] **Серафим** (Тяпочкин; 1894–1982), архимандрит. В миру Дмитрий Александрович Тяпочкин, родился в дворянской семье отставного полковника, окончил Холмскую ДС, поступил в МДА, учеба прервалась после закрытия академии (1918). Рукоположен во пресвитера (1920), овдовел (1933), из пятерых его детей выжило трое. О. Димитрий многократно подвергался арестам, был осужден на 10 лет концлагеря (1941) и на 5 лет ссылки на север (Игарка). После освобождения принял по благословению архим. Андроника (Лукаша) монашеский постриг с именем Серафим. Последние 20 лет жизни (с 1961) служил в с. Ракитное Белгородской области. Здесь в полноте раскрылись старческие

было сердечное внутреннее горение. И при этом... он был человеком глубокой рассудительности и очень четко построенной логики мышления». Литургия в праздничный день заканчивалась около трех часов дня. Не всем это нравилось. Может ли мирянин выстаивать семь-восемь часов службы? Позволяют ли физические силы и повседневные нужды с полной отдачей участвовать в таких службах? Некоторые роптали. Но отец Серафим оставался верен своему принципу: «Надо угождать Богу, а не людям». И в результате его служение производило на людей неизгладимое впечатление. К таким пастырям тянутся люди, понимая, что с их помощью и самим можно в какой-то мере приблизиться к Богу.

Проповедуя за каждой службой, отец Серафим плакал. «Не было ни одной проповеди, которую он произнес бы без слез. Это были слезы человека, глубоко осознающего свое недостоинство перед святостью Божией... Бывали случаи, когда плакал вместе с ним весь народ в храме». Спал старец менее четырех часов, до конца дней не имел отдельной кельи. Удивительно, что внешне немощный человек выдерживал до десяти-двенадцати часов стояния на молитве. В светской одежде его не видели. В этом проявлялась верность данной при принятии сана клятве – ходить в подобающей сану одежде. Облачение священника, говорил он, это безмолвная проповедь Евангелия[524].

дарования этого выдающегося подвижника и исповедника. Сюда за духовным наставлением, за исцелением от недугов и разрешением своих житейских проблем во множестве съезжались паломники со всей России, приезжало духовенство и с Дальнего Востока, и из Ташкента, часто собиралось по 10–12 священников, сюда ехали многие высокообразованные люди, многие архиереи. После 62 лет священнослужения о. Серафим отошел ко Господу в первый день Светлой седмицы 1982 г.

[524] Праведник наших дней: Белгородский старец архим. Серафим (Тяпочкин). Белгород. епарх., 2003.

Духовники духовников

Не счесть отцов последнего столетия, несших в пресвитерском сане свой тяжкий, часто мученический подвиг. Еще меньше известно и сказано об их верных сподвижницах – матушках, чей крест порой был не менее тяжек. Помянем лишь несколько имен истинных *делателей*[525] на ниве Христовой, сражавшихся посреди мира и полагавших свои души за души паствы.

* * *

Шестьдесят один год и два дня прожили в супружестве отец Григорий[526] с матушкой Ниной и неразлучно, в один день, перешли в жизнь вечную, явив пример истинно христианской кончины. Даже смерть благодатного наставника и его верной сподвижницы послужила к назиданию паствы, дав образ духовного единства в браке и в служении Церкви. Служение это было тяжелым, в окружении враждебно настроенного мира, в шумных городах и убогих поселках.

Григорий был незаурядным ребенком, и это, видимо, во многом плод доброго православного воспитания, высокого

---

[525] См.: Мф. 9, 37.

[526] **Пономарев Григорий Александрович** (1914–1997), митрофорный протоиерей. Потомственный священник, подвижник и исповедник, проведший 16 лет в магаданских лагерях и ссылках, благодатный духовник, обладавший чудотворной молитвой. Родился в Шадринске, вырос в Екатеринбурге в семье прот. Александра Пономарева (в мон-ве архим. Ардалион), человека большой эрудиции, владевшего несколькими языками. Григорий женился (1936) на дочери священника Нине Сергеевне Урицкой; ее отец, как и отец Григория, пропали без вести в период гонений. Рукоположен во диакона (1937), в том же году арестован, осужден на 10 лет заключения. Освободившись после ссылки (1953), служил в различных городах и поселках Курганской обл. Руко-

благочестия его родителей. В нем рано проявилась любовь к храму, уже в четыре года ребенок помогал отцу священнику на службе, в пять – знал основные молитвы и учился читать по-церковнославянски. Мальчику еще не было десяти лет, но он уже уверенно читал на службе, образцово знал порядок богослужения. Тогда же свершилось первое чудо по его прозорливой молитве, спасшей жизнь соседской женщине.

Молодой диакон Григорий был арестован на сороковой день после рождения дочери, в день ее крещения. Страшная разлука растянулась на шестнадцать лет. Сквозь лагерную Голгофу пройти удалось буквально чудом, и чудо это творила не покидающая ум и сердце Иисусова молитва. Благодаря тому, что к молитве он был приучен с младенчества, цепкая память удержала тексты акафистов и многих молитвословий, восстановила почти всю литургию. Это позволяло, находясь в горниле физических страданий, мысленно не расставаться с богослужением. В 1953 году из магаданских лагерей и ссылок молодой диакон вышел духоносным старцем.

В нескольких словах возможно ли рассказать об истинном пастыре? Трудно. Но лучше всего о пастыре скажет пастырь. Своими мыслями об отце Григории делится протоиерей Александр Шаргунов[527]: «Он прежде всего – священ-

---

положен во иерея (1955), последние годы проживал в пос. Смолино. Более полувека не расставаясь духом, супруги Пономаревы сподобились одновременной благодатной кончины (25.10.1997). Жизнеописание старца составлено его родной дочерью – Пономаревой Ольгой Григорьевной (р. 1937). См.: *Пономарева О.* Во имя Твое. 2003.

[527] **Шаргунов Александр**, протоиерей. Клирик г. Москвы, настоятель храма свт. Николая в Пыжах, преподаватель МДА и МДС, председатель комитета «За нравственное возрождение Отечества». Цитируется статья о. Александра «О духовном дневнике прот. Григория Пономарева» (1999).

ник, стоящий перед Престолом Божиим спиной к пастве. Он молится Богу, чтобы благодать сошла к нам с Небес, он приносит жертвенное приношение, будучи сам жертвой. Он весь устремлен к Богу, он должен достигнуть единства с Богом. И только тогда, когда Божественная благодать касается его в этом таинстве, он может повернуться лицом к народу, чтобы передать людям то, что он получил от Бога. Иначе ему нечего будет сказать людям и ему некуда будет их вести...»

Как в наше время нужны пастыри, такие, каким был отец Григорий. «Нам нужны, – пишет отец Александр, – пророки любви, насущно, неотложно. Церковь должна исцелить вдову и сироту... чтобы они поверили в спасение, совершенное распятым и воскресшим Христом. Неужели все священники так заняты, что не могут прийти на помощь душам, которым угрожает гибель! Среди холода апокалипсической зимы мы нуждаемся в отцах, которые нас любят. Требуются духовные учителя. Нам нужны свидетели, которые живут Словом и которые питаются от Источника жизни. Наша Церковь должна быть Церковью священников, любящих Христа и овец Его больше своей жизни... Среди нынешних бед наш народ – как спелая жатва, которая ждет быть собранной для Христа. Но где достойные жатели? Будьте жателями! – говорит, обращаясь к сопастырям подвигом своей жизни, отец Григорий... Нет сомнений, что если бы все священники шли этим путем, то духовное лицо нашей страны сразу бы преобразилось»[528].

---

[528] *Пономарева О.* Во имя Твое. Курган, 2003. С. 3–27, 80, 97, 106–109, 185, 186, 394, 395.

* * *

Духовные наставления и заветы, повлиявшие на всю дальнейшую его жизнь, отец Иоанн Журавский[529] получил от прав. Иоанна Кронштадтского, с которым встречался, которому сослужил. Отец Иоанн «был нестяжателем, бессребреником, раздавал бедным свой заработок, отказался от выгодного места в Рижском Кафедральном соборе и принял на себя крест служения в тюремной церкви и богадельне». Двадцать довоенных лет он отдал служению в городских тюрьмах Риги. Здесь он создал четыре хора, две духовные библиотеки, арестанты трудились для Церкви, изготовляли резные оклады к Евангелию. Его попечением многие заблудшие души через пение и молитву приходили к Богу, возвращались в лоно Церкви. В 1941 году, во время немецкой оккупации, отец Иоанн, с риском для собственной жизни, спас от расстрела многих евреев.

Следующее двадцатилетие пастырь прослужил настоятелем рижской Скорбященской церкви, и когда на девяносто пятом году жизни его увольняли за штат, то он сожалел об этом, чувствуя, что еще в силах служить. Отец Иоанн считался лучшим наставником молодых рижских священников, это был «духовник многих духовников». Но главное – он был вдохновенный молитвенник, постоянно проводивший в молитве ночи и часто, как многие помнят, повторявший: «За усопших следует молиться со слезами на глазах». Удивительным было его служение литургии. Совершалось оно истово, по полному чину, старец в алтаре

---

[529] **Журавский Иоанн** (1867–1964), протоиерей. Родился в Полоцкой губ., происходил из потомственной священнической семьи. Служил священником рижских тюрем (1920–1940), затем настоятелем Скорбященской церкви в Риге (1940–1962). Обладал даром старчества, прозорливости. Скончался в Вербное воскресенье (31.03.1964). Предполагаемый автор книги «Тайна Царствия Божия».

часто стоял на коленях. Служба в переполненном храме начиналась в восемь утра и заканчивалась молебном около трех-пяти часов дня. После этого начиналась вечерня. Проповеди отца Иоанна были «смелые, прямые, обличительные, он отвечал на все вопросы приходящих к нему. Вслух говорил о безбожниках-коммунистах».

После службы народ шел к отцу Иоанну «на совет, как к старцу, и на благословение», назывались имена родственников, и старец записывал, за кого помолиться. Всех своих прихожан он знал по имени, знал, где они живут. Заботясь об общенародном пении в храмах, об общей молитве, о том, чтобы священник молился «вместе с народом, а не вместо народа», отец Иоанн еще в конце 30-х годов подготовил к изданию карманный сборник Песнослов (всенощная, литургия, постовые службы), удобный для общего пения в церквях, школах и семьях.

Близким другом отца Иоанна был известный старец Косма[530], а люди к нему ехали и писали со всей России и из-за рубежа. Часто приходило до 50 писем в день. Прочитать он их успевал, но ответить на все было невозможно, и он диктовал своим чадам: напиши «да», или «не надо», или «поправится». Отец Иоанн постоянно был озабочен тем, чтобы хоть как-то помочь нуждавшимся. Как вспоминают, «старец все раздавал, его духовные чада разносили конверты с деньгами по тем адресам, которые он указывал». А «умер он в нищете, хоронили его в старой рясе»[531].

---

[530] **Косма** (Смирнов; 1885–1968), схиархимандрит. Валаамский старец, духовник рижской Спасо-Преображенской пуст.

[531] *Журавский Иоанн, прот.* Тайна Царствия Божия, или забытый путь истинного богопознания. СПб., 1996. С. 217–243.

* * *

Священник Александр Ильин[532] служил благочинным Новгородского округа, одновременно исполняя обязанности настоятеля Никольского собора и секретаря епархиального управления, но при всей этой «напряженной внешней деятельности он неизменно оставался делателем внутренней молитвы... Молитва у батюшки была истовой всегда». Отец Александр «по своему строго аскетическому образу жизни был монахом». В его жизни все было очень размеренно. Ел он мало, в основном растительную пищу, мяса вообще не употреблял и совершенно не брал в рот спиртного. «Можно сказать, вся жизнь его была постом. День он начинал с молитвы, чтения Священного Писания, творений святых отцов. Ежедневно причащался... Занимался иконописью».

После освобождения из лагерей отец Александр уже никогда не имел своего жилья. Наступило хрущевское время, и Никольский собор закрыли, единственным действующим оставался небольшой верхний храм апостола Филиппа, который не вмещал всех верующих. «Зимой прихожане, которые не смогли войти в храм, мерзли на улице, но продолжали молиться. Приходилось служить три литургии:

---

[532] **Ильин Александр Иванович** (1895–1971), протоиерей. Родился в деревне под С.-Петербургом в семье бывших крепостных крестьян Тверской губ. Окончил СПбДС (1915) и один курс СПбДА, был призван в армию; окончив офицерскую школу, год воевал. Женился (1918), рукоположен во иерея (1922), служил в Торжке. Арестован (1936), осужден на 5 лет, повторно осужден на 10 лет. Отбывал срок в Карагандинском лагере, в Томск-Асинском и Севжелдорлаге (1936–1942), освобожден досрочно. Находился в ссылке в Ухте и (с 1944) в Аркадаке. После заключения до конца дней жил с супругой как брат с сестрой. Получил возможность служить в церкви (с 1946), поступил на заочное отделение ЛДА (1948), направлен служить в г. Лугу Ленинградской епарх. (1949), назначен благочинным. Переведен в Новгород (1954) настоятелем городского собора и благочинным. Назначен

в шесть, в восемь и в десять часов утра. Служащие священники приходили совершать проскомидию в четыре утра, поскольку поминальных записок было очень много... Отец Александр приходил к проскомидии за полчаса до начала богослужения и вынимал частицы за души тех, о ком молился всю жизнь. Поминовения у него были очень большими». Предельно уважительно относясь к уставу, он ничего не убавлял в богослужении и не привносил от себя. «Батюшка был напитан творчеством святых отцов, он жил в Церкви, дышал ее духом».

В те годы в Новгороде жило много известных подвижников: «бывший духовник Царской Семьи архимандрит Валентин, отец Петр (Чесноков), которому еще отец Иоанн Кронштадтский предсказал священство, протоиерей Иосиф Потапов, суровый уставщик, духовник епископа Афанасия (Сахарова). Отец Иосиф был большим молитвенником. Совершать проскомидию он оставался в храме на всю ночь... Устав церковный соблюдался очень строго, особенно при владыке Сергии (Голубцове)... Разговоров в алтаре никогда не было, при отце Александре все сразу утихали. Посторонние люди в алтарь никогда не заходили... Батюшка был строг, но очень терпелив... Во время богослу-

---

(1957) епархиальным секретарем при еп. Сергии (Голубцове). Защитил кандидатскую диссертацию (1958) на тему «Причащение Святых Тайн в жизни православного человека». Эта глубокая по пониманию святоотеческой традиции и редкая по широте охвата материала работа долгие годы служила ценнейшим пособием для нескольких поколений пастырей. Выйдя за штат (1966), о. Александр последние годы жизни провел в пос. Сиверская Ленинградской обл., где принимал многочисленных духовных чад. После тяжелой предсмертной болезни пастырь перешел в вечность в праздник Обрезания Господня (14.01.1971). Трое суток перед кончиной он постился, ничего не вкушая. В эти дни о. Александр необыкновенно тяжко страдал, – по свидетельству бывших при нем монахинь, он «просил у Господа пострадать здесь, на земле, за свои грехи и грехи духовных детей».

жения отец Александр замечаний никому не делал, весь уходил в молитву. Он служил сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь, взгляд его был обращен в землю».

Очень многие заказывали требы, просили священника приехать к ним, он никогда не отказывал никому, часто причащал и соборовал на дому больных. Знавшие отца Александра отмечали его особую сдержанность и военную выправку, его облик напоминал офицера Царской армии. Никогда не видели его ни в гневе, ни в раздражении, ни потерявшим самообладание. «Он был крайне молчалив, ровен, лишь по необходимости отвечал на вопросы. Однако, отвечая, всегда находил ясные и точные определения». Уйдя на покой, он принимал духовных чад дома, «многие его считали истинным старцем... Он всегда внимательно выслушивал людей... находил такие глубокие струны в человеке, что переворачивал его душу, но никогда не навязывал свое мнение, а лишь отвечал на поставленные вопросы»[533].

* * *

Около сорока лет прожил в станице Слепцовская отец Петр Сухоносов[534] и здесь же обрел мученическую кончину от рук чеченских бандитов. Все эти годы он нес служение настоятеля храма, исполнял обязанности духовника и благочинного Ингушетии. Безбрачный священник, отец Петр

---

[533] Горение ко Христу. М., 2001. С. 34, 37, 51–59; Три встречи. М., 1997. С. 516, 517.

[534] **Сухоносов Петр Петрович** (1931–1999), митрофорный протоиерей. В течение 39 лет (с 1960) служил настоятелем Покровского храма станицы Слепцовская, был духовником и благочинным (с 1982) Ингушетии. Вел монашеский образ жизни, по смирению воздерживаясь от принятия пострига. Отличался ревностным подвижническим духом, имел благодатные дары старческой проницательности и молитвы. Отец Петр был захвачен чеченскими бандитами (28.02.1999) и после продолжительных истязаний в плену расстрелян.

проводил в миру строгую монашескую жизнь, стараясь скрывать от окружающих свой подвиг, – он сознательно не принимал иноческий постриг, считая себя не способным к исполнению монашеских обетов во всей их полноте. «Жить следует по-монашески, – говорил он, – стараться все исполнять. Но от обетов лучше воздержаться, поскольку это огромная ответственность перед Богом».

Строгий постник, он вообще не ел мяса, иногда по нескольку дней сидел на одной воде. Никогда не снимал подрясник, не стриг волос, служил только по полному монастырскому чину. В четыре часа утра отец Петр спешил в храм. Перед каждым служением литургии он постился – совсем ничего не ел целый день. Служить приходилось довольно часто, поэтому священник порой сильно ослабевал. Готовился к службе он без малейших опущений и сокращений, кроме того вычитывал полунощницу, а сверх того имел еще келейное иноческое правило. Каждый раз на проскомидии, в течение двух-трех часов, отец Петр поминал огромное количество людей, поименно вынимая за каждого частицу. После отпевания усопших всегда провожал гроб на кладбище и служил панихиду на могиле.

По воспоминаниям знавших отца Петра, он имел дар рассуждения, острый ум и обладал ведением сердечных глубин, прихожане чувствовали, что старец духом видел их внутреннее состояние. Заранее провидел он и свою кончину. По молитвам отца Петра Господь подавал исцеление болящим. Он был необыкновенно любвеобилен и прост, без тени хитрости или лукавства. Молился келейно даже о мусульманах, которые с глубоким почтением относились к «русскому мулле». Самым главным в жизни христианина считал смирение и делание молитвы Иисусовой. Преизобилующее смирение самого старца иной раз вызывало со стороны людей духовно нечутких укоры в юродстве.

Как вспоминают, отец Петр произносил вдохновенные, впечатлявшие прихожан проповеди. Слушатель «невольно проникался его покаянным духом, оставался пораженным той внутренней силой, которая исходила от батюшки. Его слово звучало всегда неподкупно правдиво, в нем не было ничего лишнего, оно устремлялось в самое сердце человека». При этом отец Петр, опасаясь людской похвалы, старался всячески скрыть, что говорит по вдохновению, из скромности он «клал перед собой раскрытую церковную книгу и делал вид, что читает по ней».

Весной 1999 года чеченские бандиты ворвались прямо в алтарь храма, где находился отец Петр. Священника зверски избили, увезли и затем долгое время держали в плену. Старец-мученик претерпел продолжительные истязания, после которых был расстрелян[535].

* * *

Отцу Николаю[536] дважды в жизни приходилось прерывать учебу. Первый раз это случилось в 1929 году, когда он был исключен из Ленинградского Покровского института за то, что на общем собрании открыто высказался против закрытия ближайшего храма. Второй раз, уже добровольно, он решил после первого курса оставить учебу в Ленинградской Духовной академии. Он предпочел практику.

---

[535] Крест – дверь райская. М., 2000; *Горшков А.К.* Кавказская Голгофа. М., 2002. С. 113.

[536] **Гурьянов Николай, Залитский** (1910–2002), протоиерей. Родился в семье частного землевладельца (по некоторым сведениям, в 1909 г.), окончил Гатчинское педагогическое уч-ще (1926), обучение в Ленинградском Покровском ин-те не закончил. Служил псаломщиком в церкви пос. Ремда. Арестован, отправлен в ссылку (1929). Вторично осужден и заключен в лагерь (Сыктывкар). По освобождении (1935) работал учителем в школах Тосненского р-на Ленинградской обл. В войну не был мобилизован по болезни ног. Во время оккупации Николай

По своему устроению священник Николай был расположен к монашеской жизни. Во время войны, проходя служение уставщика Свято-Духова монастыря в Вильнюсе, он принял постриг в рясофор без перемены имени и готовился к постригу в мантию. Сохранились фотографии того времени, где инок запечатлен в клобуке с четками, но без мантии. Однако осуществить свое желание отцу Николаю не удалось. Дело в том, что мантийное облачение, приготовленное для пострига, было сшито сестрами небольшой женской обители св. Марии Магдалины, находившейся рядом со Свято-Духовым монастырем, и хранилось в настоятельском корпусе у игумении Нины (Баташевой). Во время одной из бомбежек от прямого попадания в корпусе начался пожар и облачение сгорело. Отец Николай воспринял это как знак неблаговоления Божия к своему решению стать монахом, по смирению он более не дерзал предпринимать попыток к постригу.

Еще одно важное жизненное решение отец Николай принял в 1958 году, когда против своего желания перешел в Псковскую епархию. Он сделал это, оказывая послушание своей матери Екатерине, которая настоятельно просила его о переезде, желая умереть на своей родине. Подчинившись воле матери, которую он всю жизнь беспрекословно слушался, отец Николай переселился поближе к родным местам. Здесь, на острове Залит, он

был угнан немцами в Прибалтику. Рукоположен (1942) во иерея, направлен служить в Св.-Троицкий Рижский женский мон., затем в Вильнюс и определен уставщиком Св.-Духова мужского мон-ря. После окончания пастырско-богословских курсов при Виленской ДС о. Николай был назначен настоятелем Никольской церкви с. Гегобросты Поневежского благочиния Виленской епарх. (1943). Учился заочно в Ленинградской ДС (1949–1951), окончил первый курс ДА, но продолжать учебу не стал. Перешел (1958) в Псковскую епарх. на о. Талабск (Залит), здесь, в течение 44 лет, вплоть до своей кончины (24.08.2002), о. Николай нес крест старческого служения.

прослужил почти полвека, старчески окормляя всероссийскую паству.

«Отца Николая можно считать феноменом русской религиозной жизни конца XX столетия», – говорит один из воспитанников старца. В этом убеждает «громадная, исключительная сила воздействия, которую он имел на всех приходящих к нему, его уникальная духовная одаренность». А ведь в жизни «залитского затворника мы не обнаружим длительного пребывания в обители» и «приобщения к традиции через включенность в отлаженный монастырский распорядок», не было и «продолжительного окормления у опытного духовника или послушания духоносному старцу». Такие подвижники, как отец Николай, призваны на ощупь продвигаться по неизведанному пути духовного совершенства, возлагая все свои надежды, все упование единственно на помощь свыше, а те благодатные дары, которыми они обладают, обретаются ими не через старцев-наставников, а «при непосредственном Божием водительстве»[537].

Сугубый подвиг

Далеко не всякий подвижник принимал монашеский постриг. В старину вообще было в обычае не противопоставлять повседневную жизнь духовному подвигу, а иные самоотверженные миряне не уступали в строгости жизни ревностным инокам и удостаивались благодатных даров, превышающих даже меру пустынников. Наша история знает не мало истинных праведников, не покидавших мир, но

---

[537] *Нестор (Кумыш), иеромон.* Старец Николай Залитский. СПб., 2002. С. 6–11; *Нестор (Кумыш), иеромон.* Записки о старце Николае. СПб., 2003. С. 61–63.

понесших сугубый[538] подвиг. Такие люди, ведя монашеский образ жизни, продолжали нести все тяготы общественного служения и семейных обязанностей.

Прп. Амвросий Оптинский в одном из писем упоминает об орловском купце И. М. Немытове[539], который был, по выражению преподобного, «великим молитвенником». Этот купец окормлялся у старца Макария Оптинского, который с изумлением рассказывал о нем своим чадам. Немытов имел «такую высокую степень духовной молитвы, что батюшка отец Макарий недоумевал, что и отвечать ему, когда мирянин, ради получения совета, рассказывал старцу разные состояния молитвы; и батюшка отец Макарий мог ему только сказать: “Держитесь смирения, держитесь смирения”».

История этого подвижника такова. Родился Иван Михайлович в Орле в купеческой семье. Первую половину своей жизни он весьма успешно занимался торговыми делами и нажил значительное состояние, которым в дальнейшем воспользовался с наивысшим благоразумием. Всю вторую половину жизни он провел в незаурядном подвиге, строго подвизаясь в молитве, посте, бдении и воздержании. Его духовным отцом был старец Афанасий Площанский, под влиянием и по молитвам которого произошла благая перемена в жизни купца. Немытов состоял в близком духовном общении с оптинскими старцами прп. Львом и прп. Макарием, под их руководством проходил умную молитву, в которой достиг высших степеней.

---

[538] Сугубый (слав.) – двойной, вдвое больший.

[539] **Немытов Иван Михайлович** (1788–1875), схимонах в тайном постриге. Богатый купец из г. Орла, проводивший подвижническую жизнь в миру. Почитался в народе как мудрый старец. Духовное чадо схимон. Афанасия Площанского и прпп. Льва и Макария Оптинских. Почил о Господе 5.05.1875.

Живя среди своего многолюдного семейства, окруженный детьми и внуками, имея около ста человек прислуги, Немытов ежедневно посещал все богослужения, кроме того, в течение дня читал Священное Писание, Псалтирь, акафисты, каноны, а также святоотеческие книги. В определенное время он садился и творил по четкам Иисусову молитву. Еженощно он совершал бдение – затворялся с десяти вечера до четырех утра и исполнял свое келейное правило. Он подвизался еще и в делах милосердия и страннолюбия, много благотворил, постоянно раздавая милостыню.

Хотя Немытов не имел даже школьного образования, к нему, тем не менее, во множестве шли люди – за назиданием и мудрым советом, как к особо чтимому за высокое благочестие старцу. Шел не только простой народ, но и дворяне и духовные лица. Беседы его отличались глубокой духовной опытностью. В большой строгости держал Иван Михайлович своих домашних, заботясь об их благочестии. Несколько раз, по доверию к нему жителей Орла, он избирался на различные общественные должности в Думу и Гражданскую палату. Старец имел слабое и расстроенное здоровье, но, несмотря на это, дожил до почтенного возраста – восьмидесяти семи лет. За три недели до кончины он сподобился принять тайный постриг в схиму.

Частым посетителем кельи прп. Макария Оптинского был еще один незаурядный мирянин – болховский купец Василий Куркин. Этот праведник также был замечателен своим благочестием. Правда, в отличие от Немытова, он был поначалу человеком бедным. Однако со временем Господь, по молитвам старцев, благословил возросшего в подвижничестве Куркина не только духовным, но и земным богатством – из бедняка он сделался миллионером[540].

---

[540] Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. М., 1995. Ч. 3. С. 119; Жизнеописание Оптинского старца иеросхим. Макария. М., 1997. С. 178, 308, 374.

* * *

Интересна судьба еще одного русского подвижника – полковника С. А. Первухина[541] – дворянина, человека мирского, но достигшего такой меры духовной зрелости, что его мнение было авторитетным даже для святого архиерея. Всю свою жизнь Семен Афанасьевич тяготел к иночеству, но так и не сподобился принять постриг. В течение двадцати трех лет в дружеской переписке с ним состоял свт. Феофан. К этому необычному мирянину, как к личности, «искренно уважаемой» им, святитель обращался за духовным советом. Епископ Феофан «сам спрашивал у него мнения по вопросам аскетического характера, придавая значение его суждениям». Примечательно, что за наставлениями в молитве святитель обращался к Первухину тогда, когда сам уже находился в зрелом духовном возрасте, когда уже второй год пребывал в затворе. Свои же собственные, столь хорошо всем известные наставления о молитве свт. Феофан будет давать позже. Лишь десять лет спустя появятся письма закаленного и умудренного опытом подвижника к схимонаху Агапию[542] и прп. Герману (Гомзину) о молитве Иисусовой.

---

[541] **Первухин Семен Афанасьевич** (1815–1892), происходил из дворян С.-Петербургской губ., воспитывался в кадетском корпусе, служил в Киевском военном округе, по болезни вышел в отставку в чине полковника (1872). Был человеком глубоко верующим, знатоком святоотеческой литературы, собрал большую библиотеку духовных книг. Из своих средств щедро благотворил бедным. С.А. Первухин много паломничал по восточным и русским мон-рям, подолгу проживал в них. Находясь в Вышенской пуст. (1873), имел продолжительные беседы со свт. Феофаном, переписывался с ним около 23-х лет. Скончался Семен Афанасьевич в гостинице Михайловского мон-ря (26.11.1892).

[542] **Агапий Валаамский, Слепец** (Молодяшин; 1838–1905), схимонах. Родом из крестьян Ярославской губ., подвизался на Валааме (с 1864), пострижен в мантию (1870). Его старцем и наставником был прп. Антипа (Лукиан; 1816–1882), выдающийся афонский подвижник,

Но прежде того епископ-затворник смиренно просит Первухина о поучении (1874): «Скажите мне, пожалуйста, како молиться. Совсем весь толк в этом потерял. То будто нешто, то совсем никуда не гоже. Может быть, книжное дело мешает, но ведь надо же что-нибудь делать? Расскажите, пожалуйста, как быть».

Спустя некоторое время (1875) святитель вновь советуется: «Премного вам благодарен за ваше письмо и помещенные в нем разъяснения... Но вы не все сказали. Мне хотелось еще слышать вашу мысль о молитве. Я понимаю молитву чувства, которая и внимание сковывает единым, и благоговейную теплоту дает; но не умею в толк взять, что есть духовная молитва? Не та ли это молитва, которая находит – не во время только правила, а как ей вздумается – и сковывает тоже внимание, сопровождаясь теплотою, но все это глубже и тверже и дольше. И духовные предметы в эту пору пояснее бывают... Это когда-то было со мною раз, два... Скажите мне об этом вашу мысль».

молитвенник и чудотворец, поселившийся на Валааме, который и постриг о. Агапия келейно в схиму (1878). О. Агапий ослеп (1883) и был уволен за штат, после чего на него было возложено послушание старчества. Как старец он был широко известен за пределами обители, к нему во множестве обращались миряне. О. Агапит был опытным делателем Иисусовой молитвы, он был знаком с прп. Германом (Гомзиным) и вел переписку со свт. Феофаном. Впервые эта переписка, тема которой молитвенное делание, была опубликована сщмч. Сильвестром Омским (Ольшевским; 1860–1920) в бытность последнего еще протоиереем. Внутреннее делание, и в частности молитву Иисусову, о. Агапий советовал вести втайне, советуясь исключительно с опытными людьми. Ему принадлежат слова: «Постарайтесь со смиренным тщанием укрыть от всех свое смиренное делание. Когда дорогие вещи кладут неосторожно при пути, они удобно похищаются ворами... Истинная и чистая Иисусова молитва выше всех благочестивых подвигов... А такое благо не может быть достигнуто без больших скорбей. Особенно в нынешнее время истинные делатели Иисусовой молитвы крайне умалились и враги наши, злые демоны, ничего так не ненавидят, как истинного молитвенника».

Святитель признается Первухину в своей немощи и вновь, и вновь просит совета: «Вообще же я очень скуден опытами духовными. И молитва моя обычно идет дурно. Все уходит ум в пустомыслие. Никак не сладишь. Как его ни тяни, никак не присадишь на место. Уж я начинаю думать, что, верно, это в книгах писано про чистую и неразвлеченную молитву – только в виде указания на идеал молитвы. Вы как думаете?»

Свт. Феофан настолько ценил авторитет Первухина, что рекомендовал ему заняться духовным писательством: «Пришел к мысли – посоветовать вам писать. Вы пишете полно и, главное, определенно и ясно... Я бы вам предложил вот что – составить обозрение хода духовной жизни с первого зародыша ее до созрения – по Лествице, или по Исааку Сирианину, или по другому кому, или по всем вместе. Это был бы очень дорогой и сладкий подарок любителям духовного чтения»[543].

* * *

В XIX столетии благодаря широчайшей благотворительной деятельности становится известной на всю Россию графиня Анна Орлова-Чесменская[544], воспитанная в роскоши придворная фрейлина, а вместе с тем – истинная по-

---

[543] *Феофан Затворник, свт.* Творения: Собр. писем: Из неопубликованного. М., 2002. С. 541–545, 577.

[544] **Орлова-Чесменская Анна Алексеевна** (1784–1848), графиня. Духовная дочь архим. Фотия (Спасского). В тайном постриге монахиня Агния. Богатейшая аристократка, посвятила свою жизнь сокровенному аскетическому подвигу и непревзойденной по масштабу благотворительности. Принимала участие в судьбе свт. Игнатия (Брянчанинова). Писатель Н. Елагин издал в С.-Петербурге книгу (1853) с ее жизнеописанием. Праведница прожила безболезненно 64 года и так же безболезненно скончалась (5.10.1848) в стенах Юрьевской обители после причастия, в молитве пред Иверской иконой Божией Матери.

движница благочестия и тайная монахиня, дочь знаменитого героя Чесменского сражения генерала Орлова[545], давшего ей блестящее образование и религиозное воспитание. Лишившись матери еще на первом году жизни и пережив в 1808 году кончину своего родителя, осиротевшая графиня обрела духовное руководство в лице старца Амфилохия[546]. Дальнейшая ее жизнь, преисполненная строгого благочестия и самоотвержения, проходила в трудах необычайной благотворительности. Многие годы Анна Алексеевна проводила Великий пост в Ростове в Спасо-Иаковлевском монастыре. Принадлежность к высшему светскому обществу не мешала ей «пребывать в молитве, заниматься богомыслием, избегать мирских суетных наслаждений... Наследовав огромное состояние, она положила себе правилом употреблять богатство не для себя, а для Бога... для храмов Его. Для обителей и для ближних своих она ничего не жалела, расточая благодеяния явно и сокровенно». Ее жертвенность сочеталась с «удивительным умением скрывать все, что она делала доброго».

Молодая графиня отличалась величайшим смирением. «Пользуясь особым благоволением Императорского Дома, имея многочисленные знакомства с избраннейшими лицами в высшем обществе», она при этом «удалила от себя всякое самолюбие» и ничуть не надмевалась, «забыв знатность своего происхождения, превосходство образования и воспитания». Никогда не видели ее в гневе или досаде, «к молитве же она была так усердна, что почти никогда не чувст-

---

[545] **Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич** (1736–1808), граф, генерал-аншеф. Титул «Чесменский» получил (1770) от Императрицы Екатерины II как герой Русско-турецкой войны. В 1806 г. награжден орденом Св. Владимира. Скончался в Москве 24.12.1808.

[546] **Амфилохий Ростовский** (1749–1824), иеромонах. Известный подвижник, старец Ростовского Спасо-Иаковлевского мон-ря.

вовала усталости, хотя по целым часам оставалась коленопреклоненною пред святыми иконами».

Графиня духовно сблизилась с опальным патриотом – свт. Иннокентием Пензенским (Смирновым) и самоотверженно ухаживала за ним во время тяжелой его болезни. По указанию и благословению свт. Иннокентия духовным наставником Анны Алексеевны становится сподвижник святителя архимандрит Фотий (Спасский), настоятель Юрьевского монастыря в Новгороде, выдающийся аскет и церковный деятель.

«Графиня поселилась возле Юрьевской обители, возложив на себя обет послушания и строжайшие лишения. Не было дня, в который бы она не посетила храма Божия... Более двадцати пяти лет почти постоянно живя при обители, она ежедневно слушала всенощную службу и раннюю литургию с литией или панихидой... В Великий пост проводила большую часть дня в церкви, а по ночам предавалась уединенной домашней молитве. В это время воздержание графини в пище усиливалось до постничества древних отшельников: в первую седмицу поста до субботы она не вкушала ничего, кроме просфоры и теплоты в храме в среду и пяток, а в Страстную седмицу принимала пищу только в Великий Четверток. Приобщалась Святых Тайн каждую субботу и воскресенье; вставала в эти дни в два часа пополуночи и первая являлась к утрене в три часа... Даже в те дни, когда Церковь не предписывает поста и разрешает вкушение пищи более питательной, графиня не позволяла себе пользоваться предлагаемой свободой, не вкушала мяса, не употребляла и молочной пищи».

Подвижническую жизнь графиня Анна умудрялась сочетать со служением при Дворе, которое не оставляла во все это время, и «несла все обязанности, наложенные на нее высоким ее званием. С семи лет она была фрейлиной Им-

ператрицы и отличалась особой преданностью Царской Семье... В обществе она ни словом, ни поведением не давала ни малейшего намека на подвижническую жизнь, которую вела тихо ради Господа и спасения своей души». Кто встречался с нею лишь в свете, «тот даже не подозревал, что большую часть своего времени она проводила в молитве и в трудах благочестия».

Графиня усердно паломничала ко многим святым местам, подолгу жила в Киевской Лавре, была близка со святыми киевскими подвижниками – митрополитом Филаретом, старцем Парфением[547] и блаженным Феофилом[548]. Предположительно именно прп. Парфений в 1845 году тайно постриг ее в монашество с именем Агния.

Благотворительностью Анны Алексеевны не только воздвигнут из развалин Юрьевский монастырь, но обогащены и благоукрашены «все наши Лавры, все монастыри русские и Святой Афонской Горы, кафедральные соборы, множество других церквей, и все Попечительства о бедных духовного звания одарены ее вкладами». Ее же тщанием восстановлен в благолепии патриарший храм в Царьграде, обе патриаршие церкви в Александрии и Дамаске. И Иерусалиму, и Афону известна ее нескудная милостыня. За свою жизнь графиня Орлова пожертвовала Церкви несколько десятков миллионов рублей. По смерти она завещала многотысячные суммы для трехсот сорока монастырей, сорока восьми

---

[547] Имеются в виду – свт. Филарет Киевский (Амфитеатров; 1779–1857) и прп. Парфений Киево-Печерский (Краснопевцев; 1790–1855).

[548] **Феофил Киево-Печерский** (Горенковский; 1788–1853), блаженный. Иеросхимонах, юродивый, прозорливец. В миру Фома Андреевич Горенковский, родился в г. Махнове Киевской губ. в семье священника. Пострижен в монашество (1821), рукоположен во диакона (1822) и во иеромонаха (1827), пострижен в схиму (1824). Память 28.09/10.10.

кафедральных соборов, для каждой епархии в России и для вдов и сирот духовных лиц.

Явив собою живой пример древнехристианского благочестия, праведница отошла ко Господу в Юрьевской обители, где и погребена в склепе нижнего храма, рядом с гробницей архимандрита Фотия[549].

Россия стоит молитвой

Высочайший пример подвига в миру явил в свое время купец второй гильдии Василий Муравьев[550], хорошо известный на европейском рынке коммерсант, один из пяти

---

[549] *Серафим (Роуз), иеромон.* Тайная монахиня Агния // Русскій паломникъ. Platina, 2003. № 27. С. 5–19.

[550] **Серафим Вырицкий** (Муравьев; 1866–1949), преподобный. Василий Николаевич Муравьев родом из деревни Вахромеево Ярославской губ., бо́льшую часть жизни посвятил подвигу в миру, приуготовляя себя к монашеству. На протяжении 20 лет оставался в послушании у своего духовного руководителя прп. Варнавы (Меркулова; †1906). Василий женился (1890), открыл собственное торговое дело (1892) и стал петроградским купцом 2-й гильдии (1915). Имея незаурядные способности, он, однако, не стремился к богатству и почестям. Василий получил хорошее образование, окончив Высшие Коммерческие курсы (1897), имел глубокие познания и широкий кругозор. Русское купечество того времени было носителем национальных традиций и хранителем православной культуры, славилось благотворительностью. Это был созидательный слой общества, стоявший на прочном фундаменте веры и патриотизма. Муравьевы имели двоих детей. После кончины дочери супруги принесли обет целомудрия, вели строгую постническую жизнь, занимались широкой благотворительностью. На их попечении находился целый ряд храмов, они содержали несколько богаделен. Василий Николаевич был близким другом сщмч. Вениамина (Казанского) и свт. Феофана (Быстрова). В самый разгар гонений на Церковь Муравьевы оставили мир (1920): 54-летний Василий принял постриг в Александро-Невской Лавре, супруга – в Новодевичьем мон-ре Петрограда. После рукоположения в иеромонахи (1921) и перенесения всех тягот того времени будущий старец принимает постриг в схиму и становится духовником Лавры (1927). Уже тогда обнаруживаются в нем

крупнейших мехоторговцев Петербурга, принявший постриг в пятидесятичетырехлетнем возрасте. Ни семья, ни дети, ни обширная общественная и благотворительная деятельность не помешали ему вести в миру подвижническую жизнь, приуготовить себя к монашеству и сподобиться высочайших благодатных даров, после чего еще тридцать лет жизни были отданы старческому служению. В миру будущий старец, обладая солидными капиталами и пребывая в полном благополучии, держался строгих жизненных принципов: «Никогда не надо, – говорил он, – просить у Господа ничего земного. Ему лучше нашего ведомо то, что нам полезно». И другим он всегда советовал молиться так: «Предаю, Господи, себя, детей своих и всех родных и ближних в Твою святую волю»[551].

Василий Муравьев находился в близких дружеских отношениях с архимандритом Феофаном (Быстровым)[552]. Их

дары благодати. Когда к нему за советом обратился архиеп. Алексий (Симанский), о. Серафим предсказал ему патриаршество (за 18 лет до избрания) и назвал срок первосвятительского служения – 25 лет. Прозорливому взору открывались и будущие судьбы многострадальной Русской Церкви. Всех вопрошавших старец уверял в необходимости поминания митр. Сергия, убежденно повторяя: «Так надо!» Нарастала вторая волна гонений, болеющий старец был вывезен в пос. Вырица под Ленинградом (1930). По милости Божией о. Серафим ни разу не подвергся ни аресту, ни заключению. Начался 20-летний период старческого служения в миру: каждый день, год за годом к нему шли люди, в иные дни их было сотни. Мерой своего подвига – бдения, поста и молитвы – старец приближался к древним аскетам-отшельникам. Лишь об одном смиренно скорбел он – что не даровал ему Господь разделить мученическую кончину со многими его духовными чадами. Старец Серафим отошел в вечность в день празднования Воскрешения четверодневного Лазаря (21.03/3.04.1949).

[551] Великие русские старцы XX в. М., 2002. С. 68.

[552] **Феофан Полтавский, Новый Затворник** (Быстров; 1872–1940), архиепископ. Родился в семье священника С.-Петербургской губ. Окончил СПбДА (1896), принял постриг (1898) и рукоположен в священный сан. Ректор СПбДА, магистр богословия. Владел одиннадца-

сближению способствовало глубокое, основанное на учении святых отцов, убеждение будущего святителя в том, что «и в миру можно не только спасаться, но и быть истинным подвижником». Родство душ позволило отцу Феофану разглядеть в своем друге то, чего не дано было увидеть другим. «Не в тиши монастырского уединения, не в отдаленной пустыни, а в самой гуще мирской жизни с ее искушениями и соблазнами совершал Василий Муравьев свое восхождение к высотам христианского совершенства».

Особую ценность имеют слова такого человека об умной молитве. В ней вырицкий старец видел незаменимое средство стяжания благодати и спасения. Никакие условия жизни, считал он, не могут быть препятствием этому святому деланию: «В самые тяжелые, мрачные времена удобно будет спасаться тот, кто в меру сил своих станет подвизаться в молитве Иисусовой, восходя от частого призывания

тью языками. Хиротонисан во епископа (1909), состоял духовником Императрицы Александры Феодоровны Романовой (1906–1910). В качестве Председателя руководил работой Соборного «Подотдела об афонском движении, связанном с почитанием имени Божия» (1917–1918). Вл. Феофан давал показания (1917) членам Чрезвычайной комиссии Временного правительства, отстаивая доброе имя Государыни. Эвакуировался в Константинополь (1920) с частями Русской армии барона Врангеля, жил в Югославии, переехал (1926) в Болгарию по приглашению своего бывшего студента и викария еп. Серафима (Соболева). Вместе с вл. Серафимом выступал против «догмата об Искуплении» митр. Антония (Храповицкого). Вл. Феофан, будучи духовником и наставником митр. Вениамина (Федченкова), оказал на него большое влияние, что побуждало последнего до конца жизни глубоко чтить владыку. С 1931 г. вл. Феофан жил во Франции, сначала под Парижем и под Амбуазом, затем (1939) переехал в г. Лимэре. Здесь во владении М.В. Федченко находились три небольшие известковые пещеры, в одной из них устроили храм, в другой затворился владыка. Здесь же он и почил (19.02.1940), и был погребен. Прославлен как местночтимый святой Франции. Ревностный архипастырь и деятельный борец за чистоту православия, вл. Феофан совмещал научно-богословскую деятельность со строго аскетическим образом жизни. Богословские труды владыки до сих пор полностью не опубликованы.

имени Сына Божия к молитве непрестанной». В условиях открытых гонений, когда вся страна была превращена в концентрационный лагерь, старец многим советовал обращаться к умной Иисусовой молитве: «Непрестанная молитва покаяния есть лучшее средство единения духа человеческого с Духом Божиим, и она же есть меч духовный, истребляющий всякий грех». Умная молитва, учил он своих чад, это доброе средство для спасения души в тех тяжелейших обстоятельствах, когда государство объявило войну Самому Господу Богу.

Из жития прп. Серафима Вырицкого видно, насколько высоко способен возрасти в духе тот инок, который еще в мирском подвижничестве заложил крепкий фундамент для своей монашеской жизни. О старческом подвиге позволяют судить рассказы очевидцев, сохранились воспоминания родственников, дающие представление о том, как молился преподобный.

После начала войны, в 1941 году, когда старцу шел уже семьдесят шестой год, «болезнь очень сильно его ослабила и он практически не мог передвигаться без посторонней помощи. В саду, за домом, метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. Вот на этом-то камне и возносил ко Господу свои прошения отец Серафим. К месту моления его вели под руки, а иногда просто несли. На яблоньке укреплялась икона, а старец вставал своими больными коленями на камень и простирал руки к небу... Чего ему это стоило! Ведь он страдал хроническими заболеваниями ног, сердца, сосудов и легких. Видимо, Сам Господь помогал ему, но без слез на все это смотреть было невозможно. Неоднократно умоляли мы его оставить этот подвиг – ведь можно было молиться и в келье, но в этом случае он был беспощаден и к себе, и к нам. Молился отец Серафим столько, насколько

хватало сил, – иногда час, иногда два, а порою и несколько часов кряду. Отдавал себя всецело, без остатка – это был воистину вопль к Богу!.. Несмотря на холод и зной, ветер и дождь, настойчиво требовал старец помочь ему добраться до камня и, невзирая на тяжкие болезни, продолжал свой непостижимый подвиг. Так изо дня в день, в течение всех долгих изнурительных военных лет... Верим, что молитвами таких подвижников выстояла Россия и был спасен Петербург...»

Память родных сохранила дерзновенную мысль святого о молитвенном подвиге, хотя сказанное им можно отнести лишь к тем, чья решимость и вера близки по духу самому отцу Серафиму. Старец говорил: «Один молитвенник за страну может спасти все города и веси»[553].

* * *

Человеком удивительной судьбы был подвижник благочестия Н. Н. Иваненко[554]. В 1906 году с ним познакомился князь Н. Д. Жевахов, на которого встреча эта произвела неизгладимое впечатление. Иваненко стал наставником князя, и впоследствии Жевахов написал о нем книгу.

Николай Николаевич, сын очень богатых и знатных родителей, потомок Молдавского господаря Ивони, после окончания курса в Императорском Училище Правоведения был назначен товарищем прокурора Окружного Суда.

---

553 *Филимонов В.П.* Старец иеросхим. Серафим Вырицкий... СПб., 1999. С. 42, 43, 90, 123, 141.

554 **Иваненко Николай Николаевич** (ок. 1840–1912), русский родовитый дворянин, миллионер, земле- и заводовладелец. Окончил привилегированное юридическое уч-ще. В возрасте 40 лет все свое состояние пожертвовал Церкви и беднякам, в течение 20 лет нес подвиг странничества и нищеты. Последнее десятилетие своей жизни провел в Пафнутьево-Боровском мон-ре. Почитался при жизни как старец. Скончался в г. Ямполь (6.08.1912).

Выйдя вскоре в отставку, молодой юрист поселился в одном из своих многочисленных имений и занялся хозяйством. Рано лишившись родителей, Николай Николаевич был необычайно богат. Он владел миллионным имуществом, поместьями, фабриками и заводами. Хозяйство скоро наскучило ему, он уехал за границу, жил в Париже и Лондоне, где проводил время в кутежах. Так продолжалось до тех пор, пока один знаменательный случай, о котором Иваненко говорил как о результате молитв покойной матери, не перевернул всю его жизнь и не привел к Богу.

Возвращаясь однажды из театра, Иваненко нашел на одном из парижских бульваров валявшуюся в грязи раскрытую книгу. Это оказалось Евангелие на русском языке, он поднял и прочел: *Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною*[555].

«Николай Николаевич мгновенно как бы переродился... Он залился слезами, увидел здесь призыв Бога и добросовестно и немедленно отозвался на него, выполнив буквально повеление Божие... Ликвидировав свои дела за границей, разорвав все свои связи и знакомства, Николай Николаевич немедленно вернулся в Россию, где часть своих земель раздал бедным крестьянам, другую часть продал и вырученные деньги разослал по селам и деревням на постройку тридцати четырех храмов, а сам превратился в бездомного странника и стал проживать по монастырям, переходя из одного в другой... Ликвидировать миллионное имущество сразу было невозможно, и в течение нескольких последующих лет он получал еще огромные суммы денег, которые раздавал нищим». Обращение Николая Иваненко к Богу

[555] Мф. 19, 21.

последовало на сороковом году его жизни. Более двадцати лет затем вел он скитальческую жизнь странника, пока на шестьдесят третьем году от роду не поселился окончательно в Боровском монастыре прп. Пафнутия, где настоятельствовал тогда «богомудрый архимандрит Венедикт, ученик знаменитого старца Амвросия Оптинского».

Н. Д. Жевахов вспоминает: «Я имел счастье познакомиться с Николаем Николаевичем Иваненко в тот момент, когда он достиг уже вершин духовной мудрости, когда благодать Божия уже видимо почивала на нем и к его словам прислушивались и умудренные духовным опытом старцы, видевшие в нем "великаго раба Божия". Мое общение с ним продолжалось семь лет, вплоть до смерти его... Многие страницы из житий святых могли бы войти в биографию Иваненко как факты нашего времени. Он на личном опыте пережил все разнообразие длительной и упорной борьбы с диаволом и его кознями... Это был не только великий подвижник Церкви, но и законченный учитель и наставник, умудренный личным духовным опытом».

Оставаясь мирянином, Иваненко проживал, подвизаясь, в обители, но в конце концов, избегая человеческой славы, вынужден был покинуть Боровский монастырь, где его начинали почитать праведником. «Предвидя свою кончину, он уехал в Ямполь Черниговской губернии, в Кресто-Воздвиженское братство, основанное его другом Николаем Неплюевым, недавно перед тем скончавшимся, где прожил около трех месяцев и отошел к Богу, поручив похоронить себя на сельском кладбище, чтобы никто не мог найти его могилы»[556].

---

[556] *Жевахов Н.Д., князь.* Раб Божий Н.Н. Иваненко. 1924 // www.voskres.ru

* * *

Для души, устремленной к Богу, большой город мог оказаться суровой пустыней. В Москве, например, совершал свой вышеестественный подвиг бывший миллионер Павел Патрикеев[557]. Этот блаженный праведник в течение тридцати лет ночевал стоя в подворотнях у мусорных баков, не имея жилья, не имея средств к существованию. Он не пропускал ни одной храмовой службы – ни вечерней, ни утренней, жил в абсолютном нестяжании, принимая подаяние, которого хватало ровно на порцию хлеба, а сверх того уже не брал ни копейки[558].

Что же сказать о российских весях? Например, в середине ушедшего века более двадцати угодников Божиих одновременно подвизалось в одном только Шацком районе Рязанской епархии. «А жизнь скольких сокрыта от нас?.. Сколько подобных им людей жило, да и поныне живет повсеместно на нашей многострадальной и святой земле?»

В упомянутом Шацком уезде еще с дореволюционных времен «подвизалось множество праведников из людей простого звания. Особенность их подвига заключалась в том, что все они жили в миру, в деревнях и селах, в среде народа, претерпевая тяжелые скорби, лишения и встречая непонимание со стороны людей, им не доверявших. Значи-

---

[557] **Патрикеев Павел Сергеевич** (†1961), происходил из богатейшей московской купеческой семьи Сергея Павловича (†1914) и Анны Алексеевны (урожд. Осипова; †1937) Патрикеевых, имевших 3 дома в Москве и дворец в Химках. Его родители были известными церковными благотворителями и окормлялись у прп. Варнавы Гефсиманского. Семья была близка со сщмч. Серафимом (Звездинским) и еп. Арсением (Жадановским), в их доме бывал о. Иоанн Кронштадтский. Родная сестра Павла – схимон. Иоанна (Анна Патрикеева; 1904–1980), келейница сщмч. Серафима (Звездинского), сопровождавшая его в ссылке, подвизалась в миру, последние годы жила в затворе. Подвижницей в миру была и другая сестра Павла – инокиня Ольга (Патрикеева; †1983).

[558] Молю о тех, кого Ты дал мне. М., 1999.

тельную часть из них составляли странники, другие несли подвиг юродства ради Христа, некоторые переходили из дома в дом, не имея своего крова. Независимо от своего подвига, все они именовались в народе старцами, помогая людям и служа им, руководимые в этом служении благодатию Божией. Помогали они и друг другу, передавая духовный опыт из поколения в поколение. Эта живая преемственность сохранялась и до наших дней, являясь в Шацкой земле настоящей духовной традицией».

В тех краях была широко известна блаженная старица Анна Петрина[559], которую «в народе уважали и почитали. Со всей округи к ней шли за советом. И она, имея от Господа дар рассуждения и прозорливости, помогала обращавшимся к ней ближним». Эта удивительная подвижница и молитвенница, воспитанница выдающихся старцев, несла крест семейной жизни и вырастила четверых детей. Три ее дочери – девицы-исповедницы Анисия, Матрона и Агафия, пережившие аресты и многолетние каторжные работы, – стали не менее духоносными старицами, хотя «для большинства их подвиг не был заметен и известен. Сами сестры, скрывая себя, никогда о себе и о своей святости не свидетельствовали».

В том же районе подвизалась блаженная бабушка Вера. В молодости она вышла замуж за крестьянина и родила десятерых детей. «Удивительным было то, что, имея такую большую семью, Вера обладала дарованиями от Бога, свойственными подвижникам, проводящим жизнь уединенную и не связанную с семейными заботами... После рождения десятого ребенка Вера отказалась от супружеских отноше-

---

[559] **Петрина Анна** (1871–1956), воспитанница известных старцев, подвижница в миру, почитаемая в Шацком районе старица. Вырастила дочерей подвижниц, продолживших ее старческое служение: **Анисию** (1890–1982), **Матрону** (1902–1995) и **Агафию** (1910–1996).

ний со своим мужем. Получив от Господа благодать, она несла подвиги, смиряя себя, с тем чтобы эту благодать сохранить и приумножить. Эта женщина была удостоена явления Пресвятой Богородицы. Сострадая маленьким больным детям, она имела дар исцелять их болезни... Скрывая себя, она помогала людям своей молитвой, при этом каждый раз понуждала ближних хоть на малый подвиг, подчеркивая его необходимость. Была она прозорлива и рассудительна»[560].

В последние годы появляется немало публикаций, открывающих православному миру святые имена потаенных русских праведников. Но сколько еще остается сокрытых, известно одному только Богу. Можно представить, как много по России незримо сияло неведомых миру подвижников... Сегодня на их молитвенную помощь и заступничество уповает наша исстрадавшаяся Родина.

[560] Сестры. М., 2001. С. 8, 13, 33, 46.

ПОДВИГ В МИРУ

Схимонахиня Антония (Сухих)

Все, что только возможно, враг предпринял в XX веке, тщась разрушить устои монашеской жизни, стереть с лица русской земли и храмы, и кельи. Иноческое сословие обрекалось на потаенную жизнь. В таких условиях долгие годы подвизалась схимница Антония[561], разделяя участь тысяч исповедников, хранивших святыню веры среди гонений и лишений. Лишь на седьмом десятке лет довелось схимона-

---

[561] **Антония** (Сухих; р. 1929), схимонахиня, благочинная Св.-Троицкого мон-ря Курской епарх. В миру Лидия Сергеевна Сухих, родилась в Кировской области, приняла монашеский постриг (1950-е). В течение 18 лет (1958–1976) была келейницей и сподвижницей архиеп. Антония (Голынского-Михайловского; 1889–1976), проживала в поселке Буча Киевской обл., где после кончины владыки вела полузатворнический образ жизни. Пострижена в схиму (1973). По настоянию архим. Иннокентия (Просвирнина) схимон. Антония переехала в Россию, став, с благословения митр. Питирима, насельницей Иосифо-Волоцкого мон-ря (1991). Здесь под ее руководством образовалась женская монашеская община (около 30 сестер), в которой митр. Питирим совершил более 10 постригов – в иночество, монашество, схиму. После кончины митр. Питирима заботу о судьбе осиротевших сестер проявил митр. Курский и Рыльский Ювеналий (Тарасов), – общине был предоставлен Св.-Троицкий мон. в г. Курске, куда матушка Антония переехала (2004) вместе с основной частью сестер. Настоятельницей Курского мон-ря была назначена мон. Сусанна (Барыкина), экономом – мон. Ангелина (Абрамова), обе постриженицы митр. Питирима, воспитанницы матушки, одни из самых первых членов общины. Ныне они вместе с матушкой Антонией руководят восстановлением древней обители.

хине Антонии укрыться от мира в стенах древней Иосифо-Волоцкой обители. Здесь, по благословению наместника монастыря митрополита Питирима[562] и при содействии

---

[562] **Питирим** (Нечаев; 1926–2003), митрополит Волоколамский и Юрьевский, викарий Московской епархии. Один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви, видный общественный деятель, доктор богословия, профессор МДА, Пражского и Словацкого ун-тов, член Российской академии естественных наук, доктор Гиссенского ун-та (Германия), профессор кафедры ЮНЕСКО «Золотое наследие Руси», зав. кафедрой теологии Московского государственного ун-та путей сообщения, член правления многих фондов и общественных организаций. Владыка принадлежал к потомственному роду священнослужителей, более 300 лет служившему Церкви. Он был сыном прот. Владимира Нечаева, настоятеля Ильинского храма в городе Козлове (Мичуринск), а его деды и прадеды с XVII века были священниками в Тамбовской епархии, один из его прадедов – епископ Тамбовский и Шацкий Николай (Доброхотов), прадеды по материнской линии были священниками. По многу лет находясь в общении с представителями дореволюционного духовенства, владыка непосредственно от них воспринял русскую церковную традицию. Четверть века он пребывал в близком сотрудничестве и духовном общении с патриархом Алексием (Симанским), его наставниками были известный московский прот. Александр Воскресенский и представитель оптинского старчества присп. Севастиан Карагандинский. Владыка имел доверительные отношения с такими духоносными личностями, как митр. Иосиф (Чернов), 50 лет был в дружбе с митр. Антонием (Блумом), поддерживал общение с архиеп. Василием (Кривошеиным), с о. Николаем Гурьяновым, о. Иоанном (Крестьянкиным) и с другими менее известными церковной общественности, но великими духом представителями русского старчества. Владыка был знаком с архим. Софронием (Сахаровым) и сохранял контакты с его монастырем в Англии. Более 30 лет (1963–1994) владыка возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата. Служение архипастыря было необычайно многогранным: это и гуманитарные миротворческие миссии на международном поприще, и преподавательская деятельность, и работа ученого-богослова, просветителя и издателя. Вместе с тем, сокровенно владыка вел поистине подвижнический образ жизни. Бывали случаи, особенно в неформальной обстановке, когда владыка невольно приоткрывался и тогда обнаруживался необыкновенно высокий духовный уровень его личности. С конца 1980-х годов митр. Питирим, в дополнение к многочисленным своим обязанностям, становится наместником Иосифо-Волоцкого монастыря, это послушание он нес до конца своей жизни. Тщанием владыки были открыты (2003) мощи прп. Иосифа Волоцко-

архимандрита Иннокентия (Просвирнина)[563], вокруг матушки стали собираться сестры, ищущие молитвенной жизни и духовного руководства. Со временем при монас-

---

го, полтысячи лет покоившиеся под спудом. Всю свою жизнь владыка оставался неутомимым тружеником. Еще за несколько дней до кончины, находясь в реанимационной палате, он продолжал работу – устно редактировал конспекты своих лекций, готовясь продолжить их чтение. 11 октября 2003 г. в стенах госпиталя состоялась последняя личная встреча владыки с Патриархом Алексием II. За две недели до кончины владыка был келейно пострижен схиигум. Рафаилом (Шишковым) в схиму с именем сщмч. Питирима Великопермского. Митр. Питирим почил на 78 году жизни (4.11.2003) после тяжелейшей полугодовой болезни, отдав 60 лет служению Церкви, из них 40 – в архиерейском сане.

[563] **Иннокентий** (Просвирнин; 1940–1994), архимандрит, доцент МДА. Историк, археограф, богослов, человек энциклопедических знаний и большой культуры. Авторитетный знаток старославянской письменности и иконописи, он был одним из первых священнослужителей, начавших активно участвовать в научных проектах Академии наук и государственных хранилищ, привлекать специалистов государственных учреждений к научно-просветительской деятельности Московской Патриархии. В миру Анатолий Иванович Просвирнин, родился в Омске, окончил МДС и МДА, 3 года отслужил в армии. Рукоположен во иереи (1970), принял монашеский постриг (1977), возведен в сан игумена (1978) и архимандрита (1981). О. Иннокентий внес значительный вклад в организацию просветительской и издательской деятельности РПЦ. Ближайший по духу сподвижник митр. Питирима, он 30 лет плодотворно трудился в Издательском отделе Московского Патриархата. Вел активную многоплановую научную и общественную работу, преподавал в Московских Духовных школах, был членом Археологической комиссии АН СССР. Его трудами в богослужебные Минеи были включены службы Русским святым, 20 лет он готовил к изданию 10-томную Русскую Библию. Несколько лет возглавлял научный центр Иосифо-Волоцкого мон-ря. Здесь о. Иннокентий трудился в Музее Библии, одновременно занимаясь ремонтно-восстановительными работами. Здесь же он пострадал от бандитского нападения уголовников, что стало причиной его преждевременной кончины. О. Иннокентий имел общение с выдающимися подвижниками нашего времени: прп. Севастианом Карагандинским, митр. Зиновием (Мажугой), митр. Иосифом (Черновым) и др. В последний год жизни о. Иннокентий принял келейный постриг в схиму с именем Сергий. Скончался подвижник в день памяти апостолов Петра и Павла (12.07.1994) и погребен в Московском Новоспасском мон-ре.

тыре образовалась довольно крупная женская монашеская община, особенностью которой стала на редкость благодатная духовная атмосфера в среде сестер, воспринявших подвижнический дух своих незаурядных наставников.

В этой главе мы приводим несколько отрывков из наших бесед с матушкой Антонией. Простые и скупые слова монахини дают представление о том, каким путем шли подвижники нескольких поколений, обреченные нести свой подвиг среди богоборческого мира. Отдельные приводимые здесь высказывания и наставления матушки были собраны сестрами возглавляемой ею общины.

В подполье

Жизнь моя всегда была трудной, – рассказывает матушка Антония. – Тяжелое детство, война, голод. Жили сначала в Кировской области, потом отобрали у нас все имущество и погнали в Сибирь, в Томскую область. В нашей семье восемь человек детей было. Мы с мамой по ночам, с трех часов утра на корове за дровами ездили. По пояс в снегу лазали, рубили деревья, а потом на корове привозили в деревню. Так мама и нас, и всех бедных дровами снабжала. Вернемся мокрые, замерзшие, а надо в школу бежать.

Юность тоже нелегкая была. Стала у нас жить тетя – матушка Евфросиния, в будущем – схимонахиня. Она девятнадцать лет провела в монастыре, инокиней была. Потом шесть лет в тюрьме сидела. Освободившись, к нам приехала. Она никакую работу не делала – только молилась. Мама к тому времени совсем больная стала, и вся работа на мне. Вернусь из поликлиники, где я регистратором работала, надо и прибрать, и постирать, и продуктов принести, и сго-

товить, и огород... Пока все переделаю, только прилягу, а тут в двенадцать часов ночи матушка Евфросиния будит меня на полунощницу. Вычитаем полунощницу, прилягу на два часа, а в три часа ночи матушка будит меня на утреню. Сама-то она днем поспит, а мне сразу после утрени на работу надо уходить. Так что я очень заморенная была. Одна мечта – только бы выспаться.

Целое поколение монахов прожило в подполье, в миру, в лагерях, без церквей и монастырей. Нельзя даже представить себе, как им трудно было. Особенно тем, которые прошли лагеря и тюрьмы. Вокруг безбожие и внутри борьба – и лень, и уныние нападают. Некоторые мантийные не выдерживали, выходили замуж. А матушка Евфросиния в рясофоре, но такую верность Господу имела...

Помню, бабушка моя всегда говорила: «Хваля Бога – не погибнешь». То есть тот, кто непрестанно хвалу воздает, благодарит за все Господа, тот в спасительном смирении пребывает, а не в погибельном ропоте. Так, в войну из гнилых картофельных очисток напекут хлеб – горький, песок на зубах скрипит, никто есть не может. Одна бабушка ест да нахваливает: «Вкусный хлеб получился. Чем с голоду помирать, лучше такой хлеб есть. Хваля Бога – не погибнешь».

Двадцать один год мне был, уехала я в Киев. Год прожила без прописки, без работы – то в Киеве, в Лавре, то в Почаеве. Летом с одной странницей в сарае жили, на соломе спали. Обходили монастыри. Питались просфорами, что в церкви давали, так и жили – вода да просфоры. В Почаеве встречалась я с преподобным Кукшей[564]. В храме на службах отец Кукша обычно позади меня стоял. А я тогда выста-

---

[564] **Кукша Одесский** (Величко; 1875–1964), преподобный. Схиигумен Кукша – уроженец Малороссии, постриг принял на Афоне (1897). Во время афонской смуты был отправлен в Россию (1912), подвизался в Киево-Печерской Лавре. Арестован (1938) и отправлен в лагеря, за-

ивала все службы на коленях, на железных плитах, а службы-то по пять часов. У меня такое представление о молитве было, что молиться надо обязательно на коленях. Ревность была не по разуму. Однажды я решилась, подошла к отцу Кукше и прошу благословения идти в монастырь. А он не благословляет и говорит мне: «У тебя дома монастырь». Много позже эти слова прояснились. Тогда, конечно, я плохо понимала, кто передо мной. Я никем не руководилась, как-то Сам Господь меня вел, никакого старца у меня не было. В селе, где я росла, даже церкви не было... И вот слова отца Кукши можно назвать пророчеством, в дальнейшем наша жизнь с владыкой Антонием и стала домашним монастырем.

В 50-е годы я уже в келейном постриге была. Оба пострига, в рясофор и в мантию, приняла в Киеве от старцев иеромонахов, которые были близки с Иоанном Кронштадтским, за что их и посадили. В мантию меня постригал отец Иоанн (Шмерев), когда вернулся из лагеря. Тогда келейные постриги были приняты.

Потом Господь свел с владыкой Антонием[565]. И жизнь еще тяжелее стала: начались поездки. По два-три месяца мы с ним ездили в разные концы страны, где у него духовные чада были. И ездили довольно часто, в любое время года, в любую погоду. А как ездили? Огромные сумки приходилось на себе носить – с облачением, с книгами богослужебными и утварью, да и с продуктами. Только приедем на место, усталые, не евши, а владыка – сразу на молитву.

тем в ссылку (1943). Вернувшись в Лавру (1948), стяжал известность своими духовными дарованиями. Переведен в Почаевскую Лавру (1953), затем в мон. Черновицкой епарх. (1957) и, наконец, в Одесский Успенский мон. (1960), где старец и обрел место своего упокоения. Канонизирован (1994) Украинским Экзархатом РПЦ.

[565] **Антоний** (Голынский-Михайловский; 1889–1976), архиепископ. См. о нем с. 14.

Вечерня, утреня, часы. Лишь под утро чайку попьем. Ночами молимся, а днем шью облачения для монашеских постригов.

Однажды поехали мы в Армавир к одной матушке. Время осеннее, холодное, одеты мы были очень легко, он в жакеточке, я в легкой кофточке. А поезд станцию проехал и только через два часа после Армавира остановился. Вышли мы, ветер страшный, так и стояли на ветру. Пришел обратный поезд, народу много, – люди по головам залезали, с детьми, с чемоданами. Не смотрели, старик или кто. Едва в поезд его протащила. И вот два часа он простоял, никто не уступил ему места. Приехали в Армавир в три часа ночи, с трудом добрались до дома, а забор такой, что никто нас не слышит. Стоим на холоде. Там молодая матушка жила, – пришла с работы, дом не топила, сразу уснула. Владыка помог мне через забор перебраться. Еле через ставни достучалась.

В дом вошли, владыка промерзший – но сразу на молитву. До рассвета молились, и оба заболели. Чуть вздремнули – уже снова поднимает на молитву. Встать нет сил. А он говорит: «Вот палка, буду бить, если не встанешь на молитву». Я в слезы, думаю: «Мама бы пожалела, а он не жалеет». Посадили меня, закутали, и я «отстояла» всю службу. А потом он несет и мандарины, и апельсины, и чай... «Для чего я тебе это устроил? – сказал владыка. – Чтобы ты в любом состоянии поднимала себя на молитву». Вот и сейчас, когда заболею, говорю себе: «Владыка с палкой идет».

Так нас и воспитывал. Как-то, помню, служил владыка в Донецке. Народу собралось много. Стоять долго с моими больными ногами трудно. Переминаюсь с ноги на ногу. А он со своими ногами, которые все в ранах, не пошевельнется. Вдруг оборачивается, говорит в мою сторону: «Антония, возьми себя в руки, нечего танцевать».

Бывало, приедем с ним из какой-нибудь дальней поездки мокрые, усталые, замерзшие, ничего не сготовлено, не натоплено, а он, только дверь откроет, – бегом на правило. Не даст даже сесть передохнуть... Владыка говорил: «Люблю, чтоб всё бегом, быстро. Монашество – это ангелы. Они должны летать». После поездок возвращались домой измученные, а тут новая работа скопилась, – мама моя больная была, ничего не могла делать. Принимаюсь за хозяйство. А к владыке народ едет, по пятьдесят человек приезжало.

В хрущевские времена храмы вновь стали закрывать. Исповедаться, причаститься иногда негде было, не хватало ни церквей, ни священников. Пастырского слова не слышно было. Власти преследовали верующих, которые собирались для службы по домам, и жили мы под страхом ареста. Люди, приезжавшие к нам, старались быть осторожными, приходили и уходили ночью. Они исповедуются, а я на кухне. Сначала надо все закупить, принести, приготовить, потом гости уедут – мне белье стирать. Для службы я все сама готовила, просфоры тоже сама пекла. Заболеешь, все одно – спуску нет. У меня температура сорок, лежу, головы поднять не могу, а владыка: «Вставай на молитву». Очень строгий был. Это я вас жалею, а владыка всегда был очень строг. Начнет длинную проповедь говорить, а присесть нельзя. Так я уж с ноги на ногу переминаюсь. А он строго скажет: «Ты что, Антония, танцуешь? Потерпеть не можешь?»

Все восемнадцать лет, что я была с владыкой, я работала – вышивала, в больнице работала, одно время была в семье у профессора домработницей. Наготовлю им, настираю, они меня отпустят на несколько дней – и мы едем с владыкой к кому-нибудь из его чад. Так и жили домашним монастырем, как предрек отец Кукша. Трудно совмещать мирскую жизнь с монашеством... И все время люди, люди. Столько людей приезжало, что иногда подумаешь: куда бы

убежать, чтобы никого-никого не видеть. И вот Господь так устроил, что после смерти владыки я десять лет в полузатворе провела.

Довелось мне пройти путь строгого послушания. Вот и вас я учу: когда вам говорят что-нибудь сделать, а вы чувствуете дух противления, хотя бы чуть-чуть, значит, вы еще «больны». Никакого сопротивления не должно быть. Сказали вам, что сделать, – и вы сразу, как ангелы, полетели. Сказали – не задумываясь беги исполнять.

Вспоминаю такой случай. Жили мы в поселке Буча под Киевом, однажды пришла я с работы уставшая, измученная, а владыка говорит: «Антония, поезжай скорее в Киев, посиди там на вокзале». Мне и в голову не пришло спросить, зачем на ночь глядя в Киев ехать, зачем на вокзале сидеть. Пошла, беру билет на поезд, приезжаю в Киев. Сижу на вокзале. И вдруг ко мне подбегает знакомая матушка, монахиня старенькая: «Я поехала к владыке, а адрес забыла; сижу тут с утра на вокзале и плачу: владыченька, владыченька, что же мне делать?» Приезжаем с ней домой, владыка смеется: «Ну, встретила? А то она с утра плачет: владыченька, владыченька, что же мне делать?»

В немощах пренемогать

Трудно совмещать мирскую жизнь с монашеством. Если монах не будет вычитывать каждый день монашеское правило, то есть весь суточный богослужебный круг плюс келейное правило, то не устоит – не выдержит монашеской жизни... И я выполняла это правило. Не менее пяти часов в день на это уходило. Сейчас-то проще – службы в церкви каждый день идут. Наступает такое время, что если не вы-

полнять молитвенного правила, то никто не устоит, какого бы он сана духовного ни был.

Нам-то в наших условиях благодатную сердечную молитву обрести трудно. Нам необходимо все время как бы за ризу Господню держаться – не упускать Его имя. Забыли, отвлеклись – сразу же опять схватиться, опять читать молитву. Понуждение нужно постоянное. И так постепенно приучимся, начнем уже страшиться: только бы не потерять молитву, только бы снова не отойти от Господа.

Смыслом жизни человеческой является непрерывная работа над собой. Кто бы тебя ни обижал, кто бы что ни говорил тебе, ты считай: «Господь попустил, значит, так оно и надо». Тебя оскорбили, унизили, – а ты все это принимай с радостью, с терпением, как из руки Божией. Когда начнете в себе это воспитывать, то легко будет. И уныния не будет. Настанет радость.

Злоба вселяется в человека под действием демонской силы, и нам надо стараться жить так, чтобы бесу не было доступа внутрь нас. А достигается это только смирением. Напали на вас словами, обвинениями – вы смиряйтесь. Вырабатывать надо в себе это чувство. Так постепенно отшлифуется внутренний человек. Нам земная жизнь дана, чтобы этой жизнью ту жизнь заработать. А что нужно для спасения? Смирение. Оно все побеждает. Перед ним враг бессилен.

Когда святые этого достигали, для них не важно было, хвалят ли их, ругают ли. А мы такие плотские, такие самолюбивые. Если нам что-то сказали, как-то посмотрели не так, на другого больше внимания обратили, мы уж так задеваемся, так волнуемся. Конечно, всех людей любить мы пока не можем, особенно тех, которые на нас нападают, наносят нам оскорбления. Мы только терпеть можем, а любить – это ведь выше всего.

Наука из наук – победить самого себя, свою гордость. Ведь смирение может быть ложным. На вид как будто смирен. А когда тебя глубже заденут, ты не выдерживаешь. Или внешне молчишь, а внутри на кого-то обиду, гнев носишь. Это смирение ложное. Сам человек смирения не приобретет. Надо просить Господа. Сам человек ничего не может сделать. Вот Господь и попускает нам скорби и трудности, чтобы мы всегда просили Его помощи. И в болезни, и в искушении, и в несчастии.

Рассудительность во всем нужна. Например, в наше время поститься со всей строгостью сложно. Если мы возьмем на себя особый пост, то он будет раздражать врага. А зачем вызывать его на брань, когда ты не сможешь с ним бороться? Это могли делать подвижники. Сейчас век не усиленного внешнего поста, а век болезней и терпения. Пост не приближает человека к Богу и не удаляет. Пост не для Бога – для нас самих нужен. Но если возьмем на себя чрезмерный пост, то мы его просто не осилим. Наше делание – внутреннее. И пост нам нужен внутренний, чтобы поломать себя: стать кроткими, смиренными, терпеливыми. Если Господь попускает скорби, со смирением надо принять. Если Господом попущено, значит, принять как из Божьей руки и все терпеть. Настоящий пост – это когда человек терпеливо, без обиды несет все огорчения и нападения, считая, что он заслужил их. За что? За прошедшую жизнь, за молодость легкомысленную. За это мы должны очиститься здесь, чтобы там, на мытарствах, не было совсем худо.

При постриге монашеском дается обещание «в немощах пренемогать», вот так и надо превозмогать себя: все болит, а ты все равно иди на молитву. Встать не можешь, уже, кажется, умираешь, а все равно – пересиливай себя и вставай. А главное – внутренне себя превозмогать. Наша гордость – как зверь какой. Чуть его задели, он готов выскочить и всех

растерзать. А ты его назад заталкивай. Обидели тебя, злишься на кого-нибудь, хочется все ему высказать, а ты скажи сам себе: «Сиди там, не вылезай» – и вместо грубости, наоборот, говори с человеком ласково, приветливо. Побеждай себя, и постепенно привыкнешь. Так стяжается смирение. Это и есть бескровное мученичество. Святые мученики страшно страдали, но кратко. А тут бескровная мука, но не на год, не на два, а на всю жизнь.

А уж если попустит Господь сильные страдания или настоящие гонения придут, то нужно представить, что ты идешь на крест. Если придет такое время, то не устрашитесь, идите как на крест, смело, с открытой грудью, не сомневаясь, ни о чем не жалея, с радостью принимая его. Тогда сила Божия осенит и укрепит, и вы устоите. А если мысленно попятишься от креста, если в мыслях раздвоишься, поколеблешься, испугаешься за себя или за родных, то в это время демонская сила вмешается, благодать отойдет и уже не устоять в страданиях. Осознать надо, что пришел тот час, когда тебе нужно оправдать свою веру, свою верность Господу. Иди, как шли святые мученики. Господь укреплял их. Просите у Бога помощи. За детей, за родных не бойтесь – нашими страданиями мы им поможем, и Господь их помилует.

Страданиями новомучеников и исповедников времен революции и коммунистических гонений на десятки лет отодвинуты страдания других людей. Их жертва освободила нас на время от внешних страданий, они как бы взяли их на себя. Господь нас щадит за пролитую ими кровь. Христианам теперь даны лишь внутренние скорби. От этих скорбей, от всех наших болезней одно лекарство – бороть себя. Поборешь себя, поднимешься на молитву, и Господь даст тебе сил, даст крепость. А пожалеешь себя – враг еще больше насядет, совсем уложит, так что и не встанешь.

Если снова гонения

Если вновь суждены нам гонения и ссылки, то тогда для инока самое главное две вещи соблюсти. Первое – стараться все силы души направить на то, чтобы хранить чистоту телесную. Враг прежде всего старается ее отнять, чтоб лишить благодати Божией. Так, многие монахини вынесли тюрьму, а потом выпустили их на улицу – есть нечего, одеть нечего, жить негде. Это оказалось еще страшнее, в тюрьме хоть крыша над головой была. И этого уже некоторые не вынесли – повыходили замуж.

Но Господь не оставит монаха, который всего себя Богу посвятил. Должна быть крепкая вера – предавайте себя полностью Богу, а Господь не даст креста выше силы. Только храните телесную чистоту, тогда все будет – и душевная чистота, и помощь. Храните телесную чистоту до смерти.

Второе – это правило выполнять. Нет книг – по четкам. Нет четок – по суставам пальцев. Только молитесь. Удерживайте правило, и за работой всегда твердите молитву. Тогда Бог дает все трудности одолеть. На душе будет легко и радостно. Обязательно читать утренние молитвы, часы, полунощницу – для монаха это как воздух. Нет времени на утреню – так хоть шестопсалмие, хоть дневной канончик. Нет времени на кафизму – так хоть одну «славу». Если несколько человек живет вместе, то можно распределить весь суточный круг: все понемногу, а служба не будет оставлена, весь круг исполнен. Самое главное – не отступать. Разумно определить себе правило, хоть и более сокращенное, но исполнять его уже каждый день, несмотря ни на что.

Предаться Богу полностью, то есть на страдания пойти, на самом деле никто из нас еще не готов. Да и где нам страдать, где подставить другую щеку, когда мы малейшей оби-

ды не терпим. Где нам любить Бога, когда мы брата не любим, а всегда осуждаем, злимся, ревнуем. До преданности в волю Божию нам пока еще очень далеко. Нам хотя бы бороться с нечистотой души – злобой, завистью, обидами. Нам не страдать надо – не выдержим, а хотя бы заповедь исполнить: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем,* и тогда *обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Пока не научимся от Бога кротости и смирению, покоя в душе быть не может. А если нет покоя, то нет близости к Богу. Такая душа не готова страдать.

Какие вы ранимые: не так посмотрели на вас, не так сказали... Ведь стоит разозлиться, обидеться – и все! Враг захватывает душу и хозяйничает в ней. Надо быть выше этого. Сколько бы ни ругали, сколько ни нападали бы – пусть это не трогает. Нужно смиренномудрие. Оно победит.

Так что говорю вам: смиряйтесь и смиряйтесь. Куда нам безоружным с диаволом бороться, только смиряться. Как кошка играет с мышкой: то ударит ее, то коготок вонзит – и смотрит, что мышка будет делать, так и враг с нами. То болезни, то внутри все кипит. Начнешь бороться – враг совсем уложит. Поэтому надо только смиряться – потихонечку исправлять себя и молиться.

Всегда проверяйте свое сердце, нет ли там обиды или гнева. Хорошо, когда их нет в сердце. Сердце тогда как чистая, светлая комната, в которой светит солнышко. Если заметили в себе обиду, гнев, значит, подпустили врага совсем близко. Сразу молитесь, плачьте, просите Божьей помощи.

Вот кто-то обижается, например, что с ним не разговаривают, но это и хорошо, что не разговаривают. Чем меньше разговоров, тем монаху лучше. А если человек строит кому-то козни – сам несчастный остается. Даже если просто появилась неприязнь к кому-либо, а человек не борется

с этим – тоже себе вред причиняет. Вред в том, что начинает в душе незаметно накапливаться уныние, тяжесть. Когда есть к кому-то неприязнь, то это открытые двери для врага. Он в любое время приходит и хозяйничает в душе. Так что берегите себя, живите со всеми в мире. Как хорошо сказал апостол: «Любовь покрывает множество грехов».

Ну, а на болезни как же нам жаловаться? Как не стыдно! Все у нас есть, никто не гонит, послушания не тяжелые, ну чего еще надо? От нас требуется только немножечко потерпеть. Не бойтесь болезней. Тело много грешило. Теперь должно поболеть.

Не проси облегчения. Проси только терпения. Ведь мы потом еще жалеть будем, что мало пострадали. Терпи и виду не показывай. Будьте всегда бодрые, веселые, чтоб никто даже не догадывался о ваших страданиях. Тяжело на службе стоять? А владыка Антоний так говорил: поставь грязную банку под струю воды, и вода сама вымоет банку. Так и душа очищается слышанием молитв и слова Божия. Хоть и спишь, и вроде бы ничего не слышишь, а стой на молитве.

В Евангелии от Иоанна в конце XVI главы сказано: *Мужайтесь: Я победил мир.* Мужайтесь – значит все терпите, не унывайте, смиряйтесь, крепитесь. Какие мы счастливые – имеем Отцом и Помощником Царя всего мира.

Бывает, нападает скорбь сильная или не то чтобы скорбь, а такая тяжесть внутренняя, что некоторые этого не выносят, ропщут, некоторые даже умом расстраиваются. Такая тяжесть бесовская. Бывает, что Господом такое попускается. Как будто взвалили на тебя страшный груз. А ты мысленно неси его ко Христу, ко Господу, Который распят на Кресте. И припади ко Кресту со своей тяжестью. Твоя тяжесть по сравнению с Его мучениями ничего не значит. А враг Креста боится. И будет облегчение. Надо верить, любить Господа, и Он облегчит. Сверх силы Он ничего не

даст. Кажется иногда – как трудно, вечером едва до койки доберешься, а утром проснешься – и силы опять есть.

Чем отличаются древние монахи от последних? Первые монахи – это мученики. Они проливали кровь для утверждения христианства. Средние монахи – это затворники, святители, преподобные. У них подвиги. А у последних ничего, изнемогли и ослабли душой и телом, – два крыла поломанных. Осталось только *умудряться*. Как умудряться? А разве не мудрость – жить среди падшего мира, среди пьяниц, развратников и соблазнов, но умудриться и их не обидеть, и себя сохранить?

Самое страшное наказание людям – это когда Господь отвернется и не дает Своей помощи, не дает познавать Себя. Тогда получается звериное общество. И это мы уже вокруг себя видим[566].

---

[566] Беседы со схимон. Антонией (Сухих): фонограмма. 1999. (Архив автора). *Евфросиния (Лобанова), мон.* Рассказы матушки Антонии: рукопись. 1999.

Гдⷭ҇и і҆и҃се хрⷭ҇тѐ, сн҃е бж҃їй,

поми́лꙋй на́с

грѣ́шныхъ

Список сокращений

ап. – апостол
архидиак. – архидиакон
архиеп. – архиепископ
архим. – архимандрит
блж. – блаженный
блгв. – благоверный
БТ – журнал «Богословские труды»
в. – век
вв. – века
вл. – владыка
вып. – выпуск
г. – год, город
гл. – глава
греч. – греческий
губ. – губерния
д. – деревня
ДА – Духовная академия
диак. – диакон
ДС – Духовная семинария
ДУ – Духовное училище
еп. – епископ
епарх. – епархия
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
журн. – журнал
зав. – заведующий
игум. – игумен, игумения
иеродиак. – иеродиакон
иеромон. – иеромонах
иеросхим. – иеросхимонах
изд. – издание
изд-во – издательство
им. – имени
ин. – инок, инокиня
ин-т – институт
исп. – исповедник
ист. – исторический
канд. – кандидат
КазДА – Казанская Духовная академия
КазДС – Казанская Духовная семинария
КДА – Киевская Духовная академия
кн. – книга
Л. – Ленинград
лат. – латинский
ЛДА – Ленинградская Духовная академия
М. – Москва
МДА – Московская Духовная академия
МДС – Московская Духовная семинария
митр. – митрополит
митроп. – митрополия
мон. – монах, монахиня, монастырь
мц. – мученица
мч. – мученик
наст.изд. – настоящее издание
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
о. – отец, остров
обл. – область
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ок. – около
пер. – перевод
подвор. – подворье
пос. – поселок
прав. – праведный
прим. – примечание
присп. – преподобноисповедник
прмц. – преподобномученица
прмч. – преподобномученик
прот. – протоиерей, протопресвитер
протодиак. – протодиакон
проф. – профессор
прп.; прпп. – преподобный; преподобные
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский институт
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет
пуст. – пустынь
р. – родился
репр. изд. – репринтное воспроизведение издания
РПЦ – Русская (Российская) Православная Церковь
РХД – Русское Христианское Движение
с. – страница, село
сб.ст. – сборник статей
Св. – Священный, Святейший
св.; свв. – святой; святые
свт. – святитель
свящ. – священник
слав. – славянский
сл. – слово
см. – смотри
собр. соч. – собрание сочинений
сост. – составитель
соч. – сочинение
СП – Союз писателей
СПб., С.-Петербург – Санкт-Петербург
СПбДА – Санкт-Петербургская Духовная академия
СПбДС – Санкт-Петербургская Духовная семинария
ср. – сравни
степ. – степень
схиархим. – схиархимандрит
схиигум. – схиигумен, схиигумения
схимон. – схимонах, схимонахиня
сщисп. – священноисповедник
сщмч. – священномученик
т. – том
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
указ.соч. – указанное сочинение
ун-т – университет
УПЦ – Украинская Православная Церковь
урожд. – урожденная
уч-ще – училище
цит. по – цитируется по
ч. – часть
ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
яз. – язык

Именной указатель

Список лиц, краткие биографические сведения о которых приведены в сносках на указанных страницах

Аверкий (Таушев; 1906–1976), архиепископ **116**

Агапий Валаамский, Слепец (Молодяшин; 1838–1905), схимонах **371**

Александр Арзамасский, Новоспасский (Подгорченков; 1758–1845), схиархимандрит **217**

Алексий Московский (Мечев; 1859–1923), праведный **230**

Амфилохий Ростовский (1749–1824), иеромонах **374**

Анатолий Оптинский II, Младший (Потапов; 1855–1922), преподобный **225**

Андроник Глинский (Лукаш; 1889–1974), схиархимандрит **345**

Антоний (Блум; 1914–2003), митрополит **278**

Антоний (Голынский-Михайловский; 1889–1976), архиепископ **14**

Антонин (Капустин; 1817–1894), архимандрит **268**

Антония (Сухих; р. 1929), схимонахиня **387**

Анфим Святогорец (Зафиропулос; 1913–1996), архимандрит **120**

Аристоклий Московский, Афонский (Амвросиев; 1846–1918), иеросхимонах **343**

Арсений Афонский (†1846), иеросхимонах **270**

Арсений Каппадокийский, Фарасский (Анницалихос; 1840–1924), преподобный **319**

Афанасий Ковровский (Сахаров; 1887–1962), священноисповедник **334**

Афанасий Площанский (Захаров; †1825), схимонах **165**

Бреев Георгий, протоиерей **153**

Варлаам Калабрийский (1290–1348), монах **160**

Варсонофий Оптинский (Плиханков; 1845–1913), преподобный **170**

Василий Поляномерульский (ок.1692–1767), преподобный **171**

Гавриил С.-Петербургский (Петров-Шапошников; 1730–1801), митрополит **161**

Гавриилия (Папайяни; 1897–1992), схимонахиня **294**

Гедеон (Абрамов; 1914–1993), схиархимандрит **352**

Георгий Затворник, Задонский (Машурин; 1789–1836), в мон-ве Стратоник **222**

Герман Зосимовский (Гомзин; 1844–1923), преподобный **195**

Григорий Белгородский (Давыдов; 1911–1987), схиархимандрит **353**

Гурьянов Николай, Залитский (1910–2002), протоиерей **366**

Даниил Московский (1261–1303), преподобный **246**

Диадох Фотикийский, Блаженный (V), святитель **209**

Дионисий (р. 1910), схимонах **126**

Дорофей (XVI–XVII), иеромонах **142**

Ельчанинов Александр (1881–1934), священник **236**

Емилиан Симонопетрский, Метеорский (Вафидис; р. 1935), архимандрит (Эмилиан) **124**

Епифаний Афинский (Феодоропулос; 1930–1989), архимандрит **240**

Ефрем, игумен **125**

Ефрем Катунакский (Папаникитас; 1912–1998), иеросхимонах **292**

Ефрем Святогорец, Филофейский (Мораитис; р. 1928), архимандрит **123**

Жевахов Николай Давыдович (1874–1937), князь **225**

Журавский Иоанн Петрович (1867–1964), протоиерей **360**

Захария (Егорченков; 1850–1936), схиархимандрит, в мон-ве Зосима **344**

Иаков Эвбейский (Цаликис; 1920–1991), игумен **218**

Иваненко Николай Николаевич (ок. 1840–1912), старец **381**

Игнатий Кавказский (Брянчанинов; 1807–1867), святитель (в тексте: свт. Игнатий) **104**

Иероним Афонский (Соломенцов; 1806–1885), иеросхимонах **271**

Иероним Эгинский (Апостолидис; 1883–1966), иеросхимонах **311**

Иерофей (Влахос), митрополит **291**

Ильин Александр Иванович (1895–1971), протоиерей **362**

Иннокентий (Просвирнин; 1940–1994), архимандрит (в схиме Сергий) **389**

Иоанн Валаамский (Алексеев; 1873–1958), схиигумен **197**

Иоанн (Крестьянкин; 1910–2006), архимандрит **340**

Иоанн (Маслов; 1932–1991), схиархимандрит **173**

Иов Анзерский, Голгофский (в схиме Иисус; 1635–1720), преподобный **144**

Иосиф Ватопедский, Монах (р. 1921), схимонах **128**

Иосиф Волоцкий (Санин; 1439–1515), преподобный **304**

Иосиф Дионисиатский, монах **137**

Иосиф Исихаст, Пещерник, Спелеотис, Афонский (Коттис; 1898–1959), схимонах **316**

Иосиф (Чернов; 1893–1975), митрополит **337**

Исаакий (Виноградов; 1895–1981), архимандрит **349**

Каллиник Исихаст, Афонский (Фиасприс; 1853–1930), схимонах **163**

Каллист I Ксанфопул, Патриарх Константинопольский († 1364), святитель **256**

Константин, монах **118**

Косма (Смирнов; 1885–1968), схиархимандрит **361**

Кукша Одесский (Величко; 1875–1964), преподобный **391**

Леонид (Кавелин; 1822–1891), архимандрит **167**

Леонида (Фризель; XIX), монахиня **177**

Леонтий (Стасевич; 1884–1972), преподобноисповедник **347**

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), в мон-ве Климент **227**

Лука Крымский (Войно-Ясенецкий; 1877–1961), священноисповедник **328**

Макарий Оптинский (Иванов; 1788–1860), преподобный **166**

Мария (Вырубова; 1884–1964), монахиня **198**
Мария (Папаникитас; †1963), схимонахиня **325**
Мария (Протасьева; †1813), схимонахиня **104**
Мария (Тимофеева; 1901–1989), монахиня **229**
Маркелл, иеромонах **125**
Моисей (Боголюбов; 1915–1992), иеросхимонах, в мон-ве Филадельф **294**
Мотовилов Николай Александрович (1809–1879) **148**
Немытов Иван Михайлович (1788–1875), старец **369**
Нестор (Кумыш), иеромонах **199**
Никита Стифат (ок. 1005–1090), преподобный **177**
Никифор Монах, Уединенник, Исихаст, Исповедник (†ок. 1340), преподобный **96**
Никодим Карульский (†1984), схимонах **99**
Никодим (Санин; †1854), схимонах **287**
Никодим Святогорец (Калливурцис; 1749–1809), преподобный **111**
Николай Алма-Атинский (Могилевский; 1877–1955), священноисповедник **336**
Николай (Кавасила; 1320–1371 или 1391), святитель **184**
Николай Сербский (Велимирович; 1881–1956), святитель **235**
Никон Гжатский (Воробьев; 1894–1963), игумен **341**
Никон Оптинский (Беляев; 1888–1931), преподобноисповедник **234**
Ольга (Ложкина; 1871–1973), схимонахиня **345**
Онуфрий Курский (Гагалюк; 1889–1938), священномученик **355**
Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1736–1808) **374**
Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1784–1848), графиня, монахиня Агния **373**
Островский Флегонт (1823–1869), пустынник **223**
Павел (Груздев; 1910–1996), архимандрит **339**
Паисий Молдавский, Нямецкий (Величковский; 1722–1794), преподобный **102**
Паисий Святогорец (Эзнепидис; 1924–1994), схимонах **320**
Палама Кали (XIII) **189**
Палама Константин (†ок. 1303) **189**
Палеолог Ирина (урожд. Хумна; XIV) **259**
Панагоулакис Илия (1873–1917) **324**
Парфений Киево-Печерский (Краснопевцев; 1790–1855), преподобный **201**
Патрикеев Павел Сергеевич (†1961) **384**
Пахомий Серб (†1870), схимонах **293**
Первухин Семен Афанасьевич (1815–1892), полковник **371**
Пестов Николай Евграфович (1892–1982) **310**
Петр (Екатериновский; †1889), епископ **286**

Петрина Агафия Алексеевна (1910–1996), старица **385**
Петрина Анисия Алексеевна (1890–1982), старица **385**
Петрина Анна Дмитриевна (1871–1956), старица **385**
Петрина Матрона Алексеевна (1902–1995), старица **385**
Пимен Великий, Египетский († ок. 450), преподобный **262**
Питирим (Нечаев; 1926–2003), схимитрополит **388**
Пономарев Григорий Александрович (1914–1997), протоиерей **357**
Порфирий Афинский (Байрактарис; 1906–1991), иеромонах **218**
Свенцицикий Валентин (1882–1931), протоиерей **113**
Севастиан Карагандинский (Фомин; 1884–1966), преподобноисповедник **338**
Серафим Вырицкий (Муравьев; 1866–1949), преподобный **377**
Серафим Глинский (Романцов; 1885–1976), схиархимандрит **346**
Серафим (Тяпочкин; 1894–1982), архимандрит **355**
Серафим (Чичагов; 1856–1937), священномученик **295**
Симеон Благоговейный, Студийский (ок. 917–987), монах **257**
Симеон Новый Богослов (949–1021), преподобный (в тексте: прп. Симеон) **96**
Синклитикия Александрийская (IV), преподобная **236**
Софроний Эссекский (Сахаров; 1896–1993), схиархимандрит **247**
Сухоносов Петр Петрович (1931–1999), протоиерей **364**
Таисия Леушинская (Солопова; 1840–1915), игумения **213**
Трифон (Туркестанов; 1861–1934), митрополит **245**
Успенский Леонид Александрович (1902–1987) **303**
Фаддей Тверской (Успенский; 1872–1937), священномученик **212**
Феодор Санаксарский (Ушаков; 1718–1791), преподобный **242**
Феодосий Карульский (Харитонов; 1869–1937), иеросхимонах **100**
Феодосий Софрониевский (Маслов; 1720–1802), архимандрит **158**
Феодосий (Поморцев; 1854–1920), игумен **231**
Феолипт Филадельфийский († ок. 1322), митрополит **259**
Феофан Затворник, Вышенский (Говоров; 1815–1894), святитель (в тексте: свт. Феофан) **98**
Феофан Полтавский, Новый Затворник (Быстров; 1873–1940), архиепископ **378**
Феофил Киево-Печерский (Горенковский; 1788–1853), блаженный **376**
Филофей, патриарх Константинопольский (Коккин; †1379), святитель **188**
Фотий (Спасский; 1792–1838), архимандрит **243**
Харалампий Дионисиатский (Галанопулос; 1910–2001), архимандрит **134**
Харитон Валаамский (Дунаев; 1872–1947), схиигумен **194**
Харитон Грек (1802–1878), схимонах **220**
Шаргунов Александр, протоиерей **358**
Югов Максим Георгиевич (монах Кирилл; 1838–1906), старец **224**

Библиография

Аверкий [Таушев], архиеп. Великий пост и сущность христианства. Киев: Православный благовестник, 2004

Аверкий [Таушев], архиеп. Провозвестник кары Божией русскому народу: свт. Феофан Затворник, Вышенский. М.: Елеон, 1999

Антоний (Блум), митр. О встрече. СПб.: Сатисъ, 1994

Антоний (Блум), митр. Пути христианской жизни: Беседы. М.: Альпари, 1998

Антоний Святогорец, иеромон. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX в. М.: Афонское подвор., 1994 (репр. изд. Jordanville, 1988)

Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М.: ПСТБИ, 1995

Архим. Павел (Груздев). М.: Отчий дом, 2006

Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления прп. Синклитикии. Сергиев Посад: ТСЛ, 2000

Белгородский старец схиархим. Григорий (Давыдов): Жизнеописание / сост. свящ. Сергий Клюйко. Сергиев Посад: ТСЛ, 1997

Беседы св. прав. Иоанна Кронштадтского с игум. Таисией. М.: Паломник (репр. изд. 1909)

Беседы со схимон. Антонией (Сухих): фонограмма. 1999. (Архив автора)

Битва во Христе: беседы на Святой Горе Афон. Пермь: Панагия, 2005

Благодатный огонь: православный журн. М.: Москва, 2000–2006

Благословенная Оптина: Воспоминания паломников об обители и ее старцах. М.: Отчий дом, 1998

Блаженная старица схимон. Ольга (Ложкина). М.: Русскій Хронографъ, 1996

Богословские труды: сборник. М.: Издат. совет РПЦ, 1997. № 33

Боцис П. Старец Иероним, молчальник Эгинский. М.: Паломникъ, 2003

Бреев Георгий, прот. Пастырские беседы. О молитве: фонограмма. М.: Храм Рождества Богородицы в Крылатском, 2003. (Архив автора)

Бычков В. Православная эстетика в период позднего византийского исихазма // Вестник РХД. Париж, Нью-Йорк, М., 1992. № 164

Валаамский Патерик: в 2 т. М.: Валаамский мон.; Паломникъ, 2001–2003

Варсонофий Великий и Иоанн, прпп. Руководство к духовной жизни. М.: Правило веры, 1995 (репр. изд.)

Варфоломей, архим. Как возделать сад своей души: Христианская жизнь по учению святых отцов Православной Церкви. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 2002

Великая стража. Т. 1: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхим. Иеронима и схиархим. Макария / сост. иеромон. Иоаким (Сабельников). М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001

Великие русские старцы XX века. М.: Ковчег, 2002

Вениамин (Милов), еп. Пастырское богословие с аскетикой. М.: Подвор. ТСЛ, 2002

Владимиров Артемий, прот. Беседы о книге «Путь умного делания. О молитве Иисусовой и Божественной благодати»: фонограмма. Радио «Радонеж», 2001, февраль–апрель. (Архив автора)

Владимиров Артемий, прот. Любовь и вера. М.: Братство свт. Филарета; Харизма, 2001

Высота монашеского подвига в наше время. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 1995 (репр. изд. 1903)

Гавриилия, мон. Подвиг любви. Ивановская епарх., 2000

Георгий Затворник, Задонский. Творения. М.: Паломник; Правило веры, 1994 (репр. изд. 1894)

Герман Зосимовский (Гомзин), схиигум. Заветы о молитвенном делании. М.: Паломник, 1995 (по изд. Берлин, 1923)

Глинская мозаика: Воспоминания паломников о Глинской пустыни (1942–1961). М.: Православный паломник, 1997. (Библиотека «Паломника»)

Горение ко Христу: Духовный преемник прав. Иоанна Кронштадтского новгородский прот. Александр Ильин. М.: Ковчег, 2001

Григорий Палама, свт. Триады. М.: Канон, 1995

Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX столетия: в 7 кн. Тверь: Булат, 1992–2003

Добротолюбие: в 5 т. Сергиев Посад: ТСЛ, 1992 (репр. изд. 1900)

Добротолюбіе (на слав. яз.): в 2 т. М.: Сретенский мон., 2001 (репр. изд. 1902)

Дорогой любви: Жизнь и советы старца Иеронима Эгинского. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 2000

Древнерусские иноческие уставы. М.: Северный паломник, 2001. (Русский типик)

Евфросиния (Лобанова), мон. Рассказы матушки Антонии: рукопись. 1999. (Архив автора)

Ельчанинов Александр, свящ. Записи. М.: Советская Россия, 1992

Емилиан, архим. Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М.: Храм мц. Татианы, 2002

Емилиан, архим. Слова и наставления. Т. 1–2: Печать истинная. Жизнь в духе. М.: Храм мц. Татианы, 2006

Ефрем Святогорец, архим. Жемчужины подвижнической мудрости. Главы о молитве и послушании. Сергиев Посад: ТСЛ, 2001

Ефрем Святогорец, архим. Отеческие советы. Саратов: Изд-во Саратовской епарх., 2006

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания: в 2 кн. М.: Родник, 1993

Жевахов Н.Д., князь. Раб Божий Николай Николаевич Иваненко. Бари, 1924 // www.voskres.ru

Жизнеописание иеромон. Никона, последнего старца Оптиной пустыни. СПб.: Сатисъ, 1994

Жизнеописание Оптинского старца иеросхим. Макария / сост. архим. Агапит (Беловидов). М.: Отчий дом, 1997

Жизнеописание прп. Кукши (Величко) исповедника. М.: Народная библиотека, 1995

Жизнеописание старца иеросхим. Стефана (Игнатенко). М.: Новая книга, 1999

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв.: в 13 т. / сост. архим. Никодим. Оптина пуст., 1994 (репр. изд. 1906–1912)

Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго. Оптина пуст., 2001 (репр. изд. 1847)

Житие свт. Афанасия, еп. Ковровского, исповедника и песнописца. М.: Отчий дом, 2000

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века / сост. игум. Дамаскин (Орловский). Тверь: Булат, 2005. Январь

Журавский Иоанн, прот. Тайна Царствия Божия, или забытый путь истинного богопознания. СПб., 1996

Заветы жизни: Из жизни и учения архим. Епифания (Феодоропулоса). М.: Святая Гора, 2003

Записки Н.А. Мотовилова. М.: Отчий дом, 2005

Захария (Захару), архим. Христос как путь нашей жизни: Введение в богословие старца Софрония (Сахарова). Англия, Эссекс: Иоанно-Предтеченский мон.; М.: Лепта, 2002

Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения: в 5 т. М.: Сретенский мон., 1996–1998 (репр. изд. 1904)

Иерофей (Влахос), митр. Одна ночь в пустыне Святой Горы. Сергиев Посад: ТСЛ, 1997

Иларион, схимон. На горах Кавказа. СПб.: Воскресение, 1998

Иоанн (Алексеев), схиигум. Загляни в свое сердце: Жизнеописание, письма. СПб.: Северное сияние, 2002

Иоанн (Алексеев), схиигум. Письма духовным чадам // www.voskres.ru

Иоанн Кронштадтский, прав. Творения. Дневник. Т. 1. Кн. 1: Мысли при чтении Св. Писания. 1856–1858. М.: Отчий дом, 2001

Иоанн Кронштадтский, прав. Творения. Дневник. Т. 1. Кн. 2: Духовные опыты. Наблюдения. Советы. 1856–1858. М.: Отчий дом, 2002

Иоанн Кронштадтский, прав. Творения. Дневник. Т. 2: Богопознание и самопознание, или внутреннее священнонаучение от Святого Духа. 1859–1860. М.: Отчий дом, 2003

Иоанн Синайский, прп. Лествица. М.: Лествица, 1997 (репр. изд. 1908)

Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония: Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 1998

Иосиф Афонский, старец. Изложение монашеского опыта. Сергиев Посад: ТСЛ, 1998

Иосиф Ватопедскйи, старец. Аскеза – матерь освящения. М.: Храм Софии Премудрости Божией, 2005

Иосиф Ватопедский, старец. Афонские беседы: Ответы афонского старца на вопросы паломников. СПб., 2004

Иосиф Ватопедский, старец. Слова утешения: Беседы о духовной жизни и о монашестве. Богородице-Сергиева пуст., 2005

Иосиф [Ватопедский], Монах. Старец Иосиф Исихаст. Сергиев Посад: ТСЛ; Валаамский мон., 2000

Иосиф Волоцкий, прп. Послание иконописцу. М.: Изобразительное искусство, 1994

Иосиф Дионисиатис, мон. Наставник молитвы Иисусовой: Жизнеописание старца Харалампия Дионисиатского. М.: Новая Фиваида, 2005

Иосиф Дионисиатис, мон. Старец Арсений Пещерник, сподвижник Иосифа Исихаста. М.: Подвор. ТСЛ, 2002

Исаак, иеромон. Житие старца Паисия Святогорца. М.: Святая Гора, 2006

Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1998 (репр. изд. 1911)

Искушения наших дней. В защиту церковного единства. М.: Даниловский благовестник, 2003

К Свету: альманах. М., 2000. № 18

Каллист Константинопольский, свт. Житие прп. Григория Синаита. Сергиев Посад: ТСЛ, 2005

Карагандинский старец прп. Севастиан. М.: Православный паломник, 1998

Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996

Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Клин: Христианская жизнь, 2002

Константин, мон. Беседа о молитве: Как сохранить душевный мир и живую молитву в условиях современной суеты. Задонск: Рождество-Богородицкий мон., 2005. (Из бесед с кавказским пустынником)

Константин (Зайцев), архим. Чудо русской истории. М.: Форум, 2000

Крест – дверь райская: Кавказский новомученик прот. Петр Сухоносов, убиенный в Чечне. М.: Новая книга, 2000

Крусталакис Г. Старец Порфирий, духовный отец и наставник. М.: Сретенский мон., 2000

Леонид (Кавелин), архим. Житие Оптинского старца Макария. Оптина пуст., 1995 (репр. изд.)

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: СЭИ, 1991

Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я полюбил страдание: Автобиография. М.: Русский Хронографъ, 1995

Марущак Василий, протодиак. Святитель-хирург: Житие архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Даниловский благовестник, 1997

Маслов Н.В. Благодатный старец схиархим. Иоанн [Маслов]. М.: Самшит, 1997

Матушка Фамарь. М.: ПСТБИ, 1995

Мейендорф Иоанн, прот. Жизнь и труды свт. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997

Мейендорф Иоанн, прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Ин-т ДИ-ДИК; ПСТБИ, 2003. (Серия «Древо»)

Меркурий [Попов], мон. В горах Кавказа: Записки современного пустынножителя. М.: Православный паломник, 1996

Молитвенный дневник старца Феодосия. СПб.: Валаамский мон., 1997

Молю о тех, кого Ты дал мне: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери. М.: Даниловский благовестник, 1999

Монашеское делание. М.: Данилов мон., 1991

Московский батюшка: Воспоминания об отце Алексее Мечеве. М.: Данилов. мон., 1994

Надежда: Душеполезное чтение: [альманах]. Базель–М., 1993. № 16, 17

Нестор (Кумыш), иеромон. Записки о старце Николае, составленные его духовным чадом. СПб.: Сатисъ, 2003

Нестор (Кумыш), иеромон. Старец Николай Залитский. СПб.: Сатисъ, 2002

Никодим Карульский, схимон. Дневник опытов и мыслей от молитвы трудовой-художественной // www.hesychasm.ru

Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань. Сергиев Посад: ТСЛ, 1991 (репр. изд. 1912)

Николай (Кавасила), св. О жизни во Христе. М.: Сретенский мон., 2006

Николай Сербский, свт. Мысли о добре и зле. Сергиев Посад: ТСЛ, 2001

Никон (Беляев), иеромон. Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб.: Сатисъ, 1994

Никон (Воробьев), игум. Нам оставлено покаяние: Письма. М., 1997

Нил Сорский, прп. Предание о жительстве скитском. М.: Правило веры, 1997 (репр. изд. 1852)

Новиков Н.М. Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. М.: Отчий дом, 2004. (Серия «Путь умного делания»). Т. 1.

Об умной, или внутренней, молитве: Сочинение блаженного старца схимон. и архим. Паисия Величковского. М.: Пантелеимонов мон., 1902

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Сергиев Посад: ТСЛ, 1997

Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / сост. митр. Иоанн (Снычев). СПб.: Андреев и сыновья, 1994

Паисий (Величковский), старец. Крины сельные, или цветы прекрасные: О Иисусовой молитве, умом в сердце совершаемой. Киев: Задруга, 1997 (по изд. 1910)

Паисий Святогорец (Эзнепидис), схимон. Возвращение к Богу от земли на небо. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 1997

Паисий [Эзнепидис], старец. Отцы святогорцы и святогорские истории. Сергиев Посад: ТСЛ, 2001

Паисий Святогорец, старец. Письма. Сергиев Посад: ТСЛ, 2001

Паисий Святогорец, старец. Прп. Арсений Каппадокийский. Суроти, Фессалоники: Мон. св. Иоанна Богослова; Сергиев Посад: ТСЛ, 1997

Паисий Святогорец, старец. Слова. Т. 1: С болью и любовью о современном человеке. М.: Святая Гора, 2002

Паисий Святогорец, старец. Слова. Т. 2: Духовное пробуждение. М.: Святая Гора, 2001

Паисий Святогорец, старец. Слова. Т. 3: Духовная борьба. М.: Святая Гора, 2003

Паисий Святогорец, старец. Слова. Т. 4: Семейная жизнь. М.: Святая Гора, 2004

Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца прот. Алексея Мечева. М.: Паломник, 1997

Петербургский батюшка: Жизнь, служение, творчество прот. Владимира Шамонина. М.: Отчий дом, 1997

Петр (Екатериновский), еп. О монашестве. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 1998 (репр. изд. 1904)

Петр (Екатериновский), еп. Указание пути к спасению: Опыт аскетики. М.: Сретенский мон., 1994 (репр. изд. 1905)

Петр (Пиголь), игум. Духовные истоки победы на Куликовом поле: доклад. 2005 // www.prokimen.ru

Петр (Пиголь), игум. Принципиальные основы аскетической системы К. Леонтьева для устроения христианского общества: доклад. 2006 // www.prokimen.ru

Под сенью любви: архим. Исаакий (Виноградов). М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2000

Пономарева О. Во имя Твое. Курган: Звонница, 2003

Праведник наших дней: Белгородский старец архим. Серафим (Тяпочкин) / сост. прот. Николай Германский. Белгородская епарх., 2003

Православное образование: журн. М.: Отд. религиозн. образов. и катехизации РПЦ. 2005

Прп. Паисий (Величковский): Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М.: Пантелеимонов мон., 2004

Прпп. Нил Сорский и Иннокентий Комельский: Сочинения. СПб., 2005

Пустынникова Г.Н. Восстановление речевого и певческого голоса у служителей Церкви. М., 2005

Путь умного делания. О молитве Иисусовой и Божественной благодати / сост. Н.М. Новиков. Красногорск, 2000

Рафаил (Карелин), архим. Векторы духовности. М.: Лествица, 2004

Русскій паломникъ: журн. Валаамского общества Америки. Platina, Cal. USA, 1991–2004

Сборник о молитве Иисусовой / сост. игум. Харитон (Дунаев). М.: Валаамский мон., 1994 (по изд. 1936, 1938)

Свенцицкий Валентин, прот. Граждане неба: Путешествие к пустынникам Кавказских гор. СПб.: Сатисъ, 1994 (по изд. 1915)

Свенцицкий Валентин, прот. Диалоги. М.: ПСТБИ, 1995

Свенцицкий Валентин, свящ. Тайное поучение. О нашем спасении: О молитве Иисусовой. Пенджикент: рукопись. 1924. (Архив МДА)

Свет радости в мире печали: митр. Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. М.: Паломникъ, 2004

Свете тихий. Кн. 1: Жизнеописание и труды еп. Арсения (Жадановского). М.: Православный паломник, 1996

Свт. Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад: ТСЛ, 2003

Свт. Николай, митр. Алма-Атинский и Казахстанский. М.: Паломникъ, 2000

Серафим (Роуз), иеромон. // Источник. 2001. № 10 // www.sophrony.narod.ru

Серафим (Роуз), иеромон. Тайная монахиня Агния // Русскій паломникъ. Platina, Cal., USA, 2003. № 27

Серафим (Чичагов), митр. Да будет воля Твоя: в 2 кн. М.–СПб.: Паломник, 1993

Серафима (Зражевская), мон. Воспоминания: фонограмма. 1999. (Архив автора)

Сестры: очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафии. М.: Новоспасский мон., 2001

Симеон Новый Богослов, прп. Сто глав богословских и практических // www.pagez.ru

Симеон Новый Богослов, прп. Творения: в 3 т. Сергиев Посад: ТСЛ, 1993 (репр. изд. 1890)

Собр. писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхим. Макария: Письма к мирским особам. СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1993 (репр. изд. 1862)

Собр. писем Оптинского старца иеросхим. Амвросия. М.: Паломник, 1995 (репр. изд.)

Собр. писем свт. Игнатия / сост. игум. Марк (Лозинский). М.–СПб., 1995

Софроний (Сахаров), архим. Духовные беседы. Эссекс–М.: Иоанно-Предтеченский мон.; Паломникъ, 2003. Т. 1

Софроний [Сахаров], архим. О молитве: сб. ст. СПб.: Сатисъ, 1994

Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. Эссекс–М.: Иоанно-Предтеченский мон.; Паломникъ, 2003

Софроний (Сахаров), архим. Рождение в Царство Непоколебимое. Эссекс–М.: Иоанно-Предтеченский мон.; Паломникъ, 2001

Софроний [Сахаров], иеромон. Старец Силуан. Paris, France, 1952

Старец Ефрем Катунакский. М.: Русскій Хронографъ, 2002

Старец Захария: Житие. Подвиги и чудеса. М.: Православный паломник, 1998

Старец иеросхим. Аристоклий. М.: Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», 1998

Старец схиархим. Гедеон. М.: Отчий дом; Стефано-Махрищский мон., 1998

Степанов А. Черная сотня: Взгляд через столетие. СПб.: Царское дело, 2000

Тацис Дионисий, свящ. Поучения старцев. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 1997

Тортенстен Т.В. Наследник оптинских старцев: Воспоминания о прп. Севастиане Карагандинском. М.: Изд-во им. свт. Игнатия, 2001

Трезвенное созерцание. М.: Подвор. ТСЛ, 2002

Три встречи. М.: Православный паломник, 1997

Трифон (Туркестанов), митр. Проповеди и молитвы. М.: Новая книга, 1999

Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Зап.-Европ. Экзархат, Московский Патриархат, 1989

Фаддей (Успенский), архиеп. Тверской, сщмч. Творения. Кн. 1: Проповеди. Тверь: Булат, 2002

Феодор Санаксарский, прп. Наставления духовным чадам. Санаксарский мон., 2003

Феоклит Дионисиатский, мон. Прп. Никодим Святогорец: Житие и труды. М.: Феофания, 2005

Феофан Затворник, свт. Творения. Начертание христианского нравоучения: в 2 т. М.: Псково-Печерский мон.; Паломникъ, 1994 (репр. изд.)

Феофан Затворник, свт. Творения. Собр. писем: в 4 т. М.: Псково-Печерский мон.; Паломникъ, 1994 (репр. изд. 1898)

Феофан Затворник, свт. Творения. Собр. писем: Из неопубликованного. М.: Сретенский мон.; Правило веры, 2002

Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М.: Сестричество во имя прмц. Елизаветы; Правило веры, 1996

Филадельф [Боголюбов], иеромон. Заступница Усердная. М.: Русский духовный центр, 1992

Филимонов В.П. Старец иеросхим. Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.: Сатисъ, 1999

Филофей, свт. Житие свт. Григория Паламы. Сергиев Посад: ТСЛ, 2004

Флоровский Георгий. Восточные отцы IV века. М.: Паломник, 1992 (репр. изд. Париж, 1931)

Фотий (Спасский), архим. Письма. М.: Синтагма, 1998

Харалампий Бусьяс. Старец Анфим из скита св. Анны. Минск: Елисаветинский мон., 2005

Херувим (Карамбелас), архим. Современные старцы Горы Афон. М.: ПСТБИ, 1998

Христодул Агиорит, иеромон. Избранный сосуд. Ивановская епарх.: Новый город, 2000

Христодул Агиорит, иеромон. Старец Паисий. Ивановская епарх.: Новый город, 2000

Цветник священноинока Дорофея. Валаамский мон.; Китеж. 2005

Церковное Предание и святоотеческое наследие / сост. игум. Петр (Пиголь). М.: Отд. религиозн. образов. и катехизации РПЦ, 2004

Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви: 1917–1990: учебник для православных духовных семинарий. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1994

Чесноков Александр, свящ. Глинская пустынь и ее старцы. Сергиев Посад: ТСЛ, 1994

Эмилиан, архим. – см.: *Емилиан, архим.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОТЧИЙ ДОМ»

предлагает:

- широкий ассортимент православной литературы по издательским ценам;
- большой выбор церковной утвари.

Для оптовых покупателей — гибкая система скидок. Высылаем списки литературы, работаем по предварительному заказу, осуществляем доставку книг контейнерами и автотранспортом.

Телефоны издательства: 915-51-04; 915-57-02.
e-mail: otdom@yandex.ru

Телефон склада: 633-08-02; тел./факс: 633-00-71.
Адрес склада: г. Москва, 2-й Донской пр-д., 7/1.

Режим работы: с **10.00** до **18.00** часов без перерыва.

В субботние, воскресные дни и двунадесятые праздники склад не работает.

СЕРИЯ «ПУТЬ УМНОГО ДЕЛАНИЯ»

МОЛИТВА ИИСУСОВА

ПОДВИГ В МИРУ

Автор-составитель: Новиков Николай Михайлович

Рецензент: игумен Петр (Пиголь)

Редактор: Новикова Г. В.

Корректор: Новикова Г. В.

Макет и оформление: Новиков Н. М.

Подписано в печать 26.06.06. Формат 60x90$^{1/16}$
Бумага офс. Печать офс. Физ. п. л. 26
Тираж 10000 экз. Заказ № 4000

ООО Издательство «Отчий дом»
119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1
Тел. 915-51-04

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Всякою молитвою
и прошением молитесь
во всякое время духом

Еф. 6, 18

ОТЧИЙ ДОМ